ИСТОРИЯ ГОРОДСКОЙ ВЛАСТИ

I

А.И. Грамолин, Э.А. Коридоров

ЕКАТЕРИНБУРГ ~ СВЕРДЛОВСК ~ ЕКАТЕРИНБУРГ

ИСТОРИЯ ГОРОДСКОЙ ВЛАСТИ

(1745 ~ 1919)

Документально-публицистические очерки

Средне-Уральское книжное издательство. Новое время
Екатеринбург, 2003

Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург. История городской власти (1745 – 1919)

Документально-публицистические очерки

Автор проекта **Я.П. Силин**
Текст **А.И. Грамолин**
Э.А. Коридоров

Работа с архивными материалами **И.Г. Грехова**

Научные консультанты **Е.Ю. Апкаримова**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН
И.Ф. Плотников, доктор исторических наук, профессор УрГУ им. А.М. Горького, заслуженный деятель науки РФ

Научный редактор **Е.Г.Анимица**, заслуженный деятель науки РФ, профессор УрГЭУ, доктор географических наук

Редакторы **Г.И. Гломоздова**
Е.Н. Долгова

Дизайн, верстка **И.У. Зиганшин, А.В. Попов**

Корректор **М.Ф.Худякова**

Авторы книги благодарят за помощь в сборе материала директора Государственного архива Свердловской области В.И. Коновалова и его коллег, начальника Центра противопожарной пропаганды и общественных связей при УГПС МЧС России Свердловской области А.В. Сороколетовских и методиста центра Н.М. Севастьянову

Отдельная благодарность за компетентные советы заместителю директора по научной работе Свердловского областного краеведческого музея С.А. Корепановой, коллективу и директору Музея истории Екатеринбурга Г.П. Лобановой, научным сотрудникам Института истории и археологии УрО РАН и референту директора института Е.М. Ивановой.

Особая признательность директору Свердловской областной универсальной научной библиотеки имени В.Г. Белинского Н.Е. Цыпиной, заведующей отделом краеведения И.А. Гильфановой, главному библиографу этого отдела М.Г. Плаксиной, главному библиотекарю Центра региональной корпоративной каталогизации СОУНБ им. Белинского Ф.Р. Каримовой, заведующей отделом литературы на иностранных языках В. А. Терехович.

ООО «Средне-Уральское книжное издательство. Новое время»
Отпечатано в типографии «Уральский рабочий». 2003 г.

ISBN 5 – 93714 – 007 – 9
ББК Г76
63.3 (2Р 36)

оглавление

Предисловие

Городское самоуправление в России существует не одну сотню лет. Воспето поэтами, истрепано политиками, истощено чиновниками, проклято горожанами. А жизнь идет своим чередом и повседневно требует новых решений. Какие они должны быть сегодня? Одни настойчиво предлагают вернуться к истокам, другие, наоборот, — забыть старое и ухватиться за сверхмодный западный опыт. Крайности никогда не были благом для общества. Мировая история убедительно доказала, что инновации приживаются и приносят пользу только тогда, когда опираются на традиции.

Поэтому надо приветствовать инициативу авторов этой книги, которые нетрадиционным путем представили более чем двухсотлетнюю историю Екатеринбургской городской Думы. Она учит многому, ее уроки должны быть хорошо усвоены, тем более что они являются кладезем не только местного, но и российского опыта. Многие наши беды происходят именно оттого, что недооценивается свой собственный опыт, который нередко адаптируется другими народами применительно к своим условиям, а у нас чаще всего срабатывает типичный российский парадокс: «созданное вчера считалось дурным завтра и создавалось сегодня то, что было уничтожено вчера».

Екатеринбург — уникальный город. Он вырос на стыке европейской и азиатской цивилизаций, впитав в себя их многовековые традиции. Это редкостный горный город, где переплавились эпохи черных и цветных металлов, неоднократно спасавших Россию в годины суровых испытаний. Он знаменателен политическими символами исторической значимости — канувшей в Лету имперской России после гибели здесь ее последнего императора Николая II и новой демократической России, порожденной свердловчанином Ельциным. Не случайно Екатеринбург иногда называют третьей столицей России.

Обобщение опыта управления таким колоритным городом — задача сложная и почетная, но вместе с тем и трудная, тем более что по его истории написано немало интересных книг. Однако авторы данной публикации пошли своим оригинальным путем, соединив научный подход с литературным, что позволило сделать книгу не только полезной, но и интересной.

История города в их интерпретации выглядит одинаково деловой и эмоциональной, наполненной человеческими судьбами, их разными проявлениями и результатами деятельности. При этом в фокусе внимания авторов остается основной предмет их осмысления — направления, формы и методы работы городского самоуправления, их позитивы и негативы. Перед читателем встают яркие картины подготовки и приема Александра I, откликов на войны, революции, эпидемии и пожары. Обстоятельно рассмотрены мероприятия городской Думы по благоустройству города, организации образования и медицинского обслуживания, культурного досуга, помощи бедным, больным и сиротам, отношение к антисанитарии и пьянству, другим антиобщественным проявлениям. Примечательно, что авторы не теоретизируют, не ищут политических и идеологических подоплек событий, а выявляют, осмысляют и преподносят читателю реальный, конкретный хороший и плохой опыт местного самоуправления, борьбу мнений и идей на этом поприще.

Многие страницы книги, с поправкой на время, конечно, очень актуально звучат сегодня, подчеркивают преемственность поколений и проблем, учат подходу к их решению. Рекомендую ее читателю, особенно муниципальным работникам, которые найдут в ней много полезного и интересного для себя.

В.В. Алексеев,
академик РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН

От авторов

Рядом с громкой историей революций, смены вождей и политических режимов вершится негромкая повседневная история мощения дорог, строительства школ и больниц, призрения сирот и стариков. Схлынут дни потрясений, дни борьбы великанских идей, и вдруг выясняется: идеями сыт не будешь, в посулы не оденешься, а митинговыми свободами не замостишь городскую улицу.

Опыт показывает: если история режимов, вождей, глобальных войн и переворотов преподается и усваивается, в общем, успешно и систематически, то история местного самоуправления, история городов и городских сообществ испещрена белыми пятнами и не избалована вниманием исследователей.

Екатеринбург в этом смысле не исключение. Между тем он за короткий отрезок времени, в течение которого возникла и окрепла городская власть, из неблагоустроенного «горного гнезда» превратился в промышленно-культурный центр, обликом которого нередко восхищались и продолжают восхищаться приезжие. Уже в XIX веке екатеринбуржцы то и дело величали свой город — уездный город Пермской губернии! — столицей Урала и даже третьей столицей России. В середине позапрошлого века начались и разговоры о возможном образовании самостоятельной Екатеринбургской губернии. Главный начальник Уральских горных заводов В.А. Глинка 18 февраля 1852 года писал преосвященному Аркадию, предстоятелю Олонецкой архиерейской кафедры: **«Одно для меня очень приятное событие исполнилось — это передача в мое полное начальствование города Екатеринбурга, что для пользы города есть и будет весьма полезно... Кажется несомненно, что в будущем году образуется Екатеринбургская губерния. Она составится из уездов Пермской губернии, лежащих на восточном склоне Урала, с присоединением к ней уездов: Туринского, Курганского от Тобольской и Челябинского — от Оренбургской губерний. Главный начальник Уральских горных заводов будет начальником этой новой губернии, подобно как на Алтае»**. Впоследствии, до самого начала XX века, подобные слухи неоднократно распространялись в Екатеринбурге. Конечно, порой в этом самовозвеличивании проскальзывала и самоирония. Но ничуть не реже — и законная гордость за хорошеющий, стремительно развивающийся, идущий в ногу со временем Екатеринбург. Не случайно современник отмечал в журнале «Всемирный путешественник» в 1893 году: **«Пермь — губернский город, но совершенно мертвый. Екатеринбург — уездный, а во всем далеко обогнал его»**.

Можно смело утверждать, что вклад городского самоуправления в развитие Екатеринбурга был определяющим. Оно и само совершенствовалось, переживая взлеты и кризисы. Созданная в 1787 году, распущенная в 1918-м, возродившаяся на короткое время в 1919-м, затем на долгие десятилетия уступившая место Совету народных депутатов, который, в свою очередь, был распущен **«в целях укрепления народовластия»** в недавнем 1993 году, Екатеринбургская городская Дума не случайно вновь вызвана к жизни и действует сегодня от имени жителей города. Это единственный инструмент народовластия, сумевший доказать свою жизнеспособность в совершенно разные исторические эпохи. В современной

Российской Федерации, в условиях рыночного капитализма, для городского самоуправления вновь есть работа, которую не берут на себя всевозможные вертикали, этажи и надстройки власти.

Сегодня много спорят о том, в какие рамки поместить эту работу и этих работников. Взяты на вооружение зарубежный опыт, общепринятые и давно ратифицированные демократической Россией постулаты Европейской хартии о местном самоуправлении. Увы, в концепциях реформ местной власти почти не встретишь ссылок на исторические примеры и аналогии.

Самый общий анализ показывает, что местная представительная власть работала наиболее эффективно, когда, с принятием Городовых положений и других узаконений, были созданы условия:

– определенных цензов на представительство в органах городского самоуправления, связанных в том числе и со степенью и возможностью полезного участия потенциального депутата в жизни города;

– почти монолитного единства представительной и исполнительной ветвей местной власти, верховенства народных избранников над назначаемым ими чиновничеством;

– возможности полноценного участия городских сообществ в обсуждении стратегических проектов общенационального значения;

– заинтересованной самостоятельной работы с источниками пополнения городского бюджета и возможности долгосрочного бюджетного планирования;

– администрирования «сверху» преимущественно в деле надзора за соблюдением законодательства, но никак не в стратегии и тактике оперативной финансово-хозяйственной деятельности.

Каждый из этих пунктов может быть развернут и проиллюстрирован примерами из истории Екатеринбургской городской Думы. Но важна их совокупность. На страницах этой книги вы найдете много примечательных фактов, документов, свидетельств, и надеемся, что они покажутся таковыми не только специалистам. Многие документы публикуются и цитируются впервые. Впервые, насколько нам известно, предпринимается и попытка изложить, хотя бы в виде очерков, основные вехи драматичной истории екатеринбургского городского самоуправления. Не претендуя на академическую полноту и глубину исследования, мы тем не менее максимально стремились соблюдать историческую достоверность. Чтобы сохранить и подчеркнуть аромат времени, мы не вносили орфографических и пунктуационных изменений в цитаты, за исключением тех, что взяты нами не из первоисточников.

Авторов особенно вдохновлял тот факт, что история Екатеринбургской городской Думы не являет собою только груды архивных фолиантов. Дума работает и сегодня, ее история продолжается. Отрадно, что именно городское самоуправление выступило инициатором создания этой книги. Свою цель мы, ее авторы, видим в том, чтобы показать масштаб и хронологию потрясающей градообразующей работы, проделанной властями Екатеринбурга, познакомить сегодняшнего читателя с личностями, которые оставили яркий след в истории города.

Убеждены, что опыт становления Екатеринбурга и его самоуправления необычайно полезен современным политическим деятелям независимо от их географической «прописки». А широкому кругу читателей наш труд, надеемся, позволит лучше понять, как строился и развивался город, как удалось ему пронести через века выдающуюся способность к саморазвитию.

Андрей Грамолин
Эдуард Коридоров

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(1745 — 1870)

«ИМЕЛИ РАЗСУЖДЕНИЕ...»

Учреждение Екатеринбургского посада. — Татищев и Геннин: создавая завод, думали о городе. — Первые бургомистры и первые конфликты с горным начальством. — Статус города де-юре. — «Жалованная грамота городам» Екатерины II. — Первое заседание городской думы. — Местное самоуправление выбирает цели. — С чего начинался бюджет. — Горное положение 1806 года и «предложения» в думу Главного начальника Ивана Германа. — Между губернией и Горным ведомством. — Как создавался Ново-Тихвинский монастырь. — Война 1812 года и Екатеринбург. — Строим уездное училище. — Надо задуматься о благоустройстве. — Визит Александра I. — Генерал Глинка и местное самоуправление. — «Золотая лихорадка». Что принесла она Екатеринбургу. — Прощай, «горный город».

***«...Всероссийские самодержцы от самых древних лет с расширением пределов своих умножали и число городов, дая в них безопасное пристанище торгу и рукоделию...
Установлениям предков Наших Мы тщилися подражать, как то свидетельствуют города, в двадцатитрехлетнее царствование наше: снабдить их надлежащим управлением, освободить от принуждений и притеснений, преподать им различные полезные способы проживания...
Мы данные от Нас городам, их обществам и членам сих обществ выгоды и преимущества Жалованною грамотою узакониваем навеки и непоколебимо...»***

Екатерина II, 21 апреля 1785 года
«Жалованная грамота городам»

«Имели разсуждение...» — такой несколько высокопарной фразой в течение многих десятилетий начинали свои постановления гласные Екатеринбургской городской думы.

Не будем иронизировать над «высоким штилем» наших далеких предков, решавших, еженедельно собираясь, обычно поздно вечером, ближе к полуночи, самые важные проблемы молодого города, которому с первых дней его существования была уготована судьба стать центром уральской горнозаводской промышленности.

Действительно, надо было крепко поломать голову, чтобы и выгоды для горожан получить, и отношения с всесильным горным начальством не испортить, да еще губернскому угодить.

Таков уж злой рок городского самоуправления: обязанностей много, а возможностей для их реального исполнения — и законодательных, и финансовых — крайне мало...

Далеко не сразу образовался в Екатеринбурге представительный орган, взявший на себя управление городом. Когда родилось городское общественное управление? Вопрос спорный, неоднозначный. Мы предлагаем считать отправной точкой 29 ноября 1745 года — в этот день Правительствующий Сенат принял решение об учреждении Екатеринбургского посада. Само по себе решение, конечно, не означало, что в городе автоматически появился какой-либо институт общественной власти. Мало того, между посадом и городом — большая дистанция... И тем не менее с учреждением посада четко оформилось территориально-общественное образование, из населяющих его людей — поначалу стихийно — стали выдвигаться деятели, имевшие смелость взвалить на свои плечи груз ответственности за жизнь общества. Сам факт появления таких неформальных лидеров является знаменательным и даже, может быть, революционным. Ведь всего за несколько лет до этого, в июле 1733 года, один из основателей Екатеринбурга генерал де Геннин жаловался в письме графу Остерману, который при императрице Анне Иоанновне был фактически руководителем внутренней политики России, на полную ненадежность местных руководителей, назначенных на важные должности, а не выдвинувшихся самостоятельно. **«А которых управителей ныне здесь я имею, оные почти все плуты и пьяницы, и более оные за плутовства содержатся под караулом, также и о тех их плутовствах следуются дела, нежели настоящие заводские дела делаются, а как их переменить — я людей не имею»**, — писал Геннин. Сказано явно в сердцах, но, судя по всему, были тому серьезные причины.

Дату учреждения Екатеринбургского посада — 29 ноября 1745 года — впервые указал в своей интереснейшей книге «В раннем Екатеринбурге» исследователь истории Урала, удостоенный за свою работу премии имени П.П. Бажова, Николай Корепанов. В книге он особо подчеркивает: **«...Екатеринбургский завод получил статус города де-факто; ибо ни один завод на Урале не имел посадских людей** (т.е. купцов и ремесленников. — *Авт.*)**... В целом по России посады сложились только в двух горнозаводских поселениях — в Петровском заводе и Барнауле».**

Здесь, вероятно, уместно вспомнить о том, кто же такие были посадские на Урале. Ими становились, как правило, люди азартные, предприимчивые, обладающие

кипучей энергией, которых, словно магнитом, тянуло в новые, перспективные места. Среди переселенцев из ближних и дальних округов были уже поднаторевшие в торговых делах или владеющие каким-либо ремеслом бывшие служивые, крестьяне, староверы, коренное местное население… Всех их объединяло одно: они искали лучшего места под солнцем, потому что зарабатывали себе на хлеб вольным трудом. Они селились («записывались») в посад, который располагался вне стен завода, создавая вокруг своеобразное кольцо иной, во многом раскрепощенной жизни — жизни, малодоступной для казенных работных людей, чьи дела и поступки строго регламентировались, по сути, казарменными правилами.

Так формировалось особое сословие горожан, объединение интересов и рост численности которых способствовали превращению завода-крепости в полноценное городское сообщество.

Далее в своей книге Н.С. Корепанов пишет, что сперва **«негласно делами посада руководил уктусский житель Никита Петров, одинаково уважаемый и в купеческой среде, и в горнозаводской администрации, всегда считавшийся связующим звеном между ними… Ежегодно избирались посадские старосты, и по сведениям одного из них, Семена Парфентьева, в феврале 1748 года в Екатеринбургском посаде числились 204 человека, почти исключительно купцы… По их занятиям можно судить о наиболее прибыльных промыслах в Екатеринбурге: кожевенный, мыльный, мясной, солодовенный, пряничный, шапочный»**.

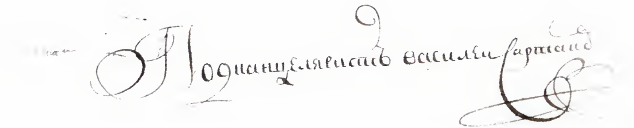
В конце января 1751 года состоялись выборы в Екатеринбургскую ратушу. Первым бургомистром Екатеринбурга был избран купец И.Д. Харчевников, по происхождению — соликамский посадский человек. Но в год тридцатилетия Екатеринбурга Харчевников умирает, и бургомистром избирают Ивана Дмитриевича Долгорукова, оборотистого торговца, сына солдата Олонецкого драгунского батальона, состоявшего личным ординарцем при генерале В.И. Геннине — одном из основателей города на Исети.

события и судьбы

…Но прежде были Петр Великий и Татищев

Об отцах-основателях Екатеринбурга написано немало книг и научных статей. Но, рассказывая об истории самоуправления «горного города» на Исети, мы тоже не можем обойтись без упоминания этих имен. И Татищев, и Геннин еще в двадцатых годах XVIII века понимали великое назначение города, который они заложили.

Выдающийся русский историк Василий Осипович Ключевский в одной из своих книг назвал Урал «открытием Петра Первого». Действительно, богатствами уральских недр великий реформатор России интересовался еще

с конца XVII века. И немудрено, потому что разработка металлов на Урале была известна с незапамятных времен, а в XVII веке в здешних краях действовало несколько небольших железоделательных заведений, созданных местными жителями. В 1697 году верхотурскому воеводе были даны указы о начале возведения уральских казенных заводов. Спустя несколько лет с легкой руки Петра тульские мастеровые Демидовы, потомственные ружейные кузнецы, безупречно выполнившие в свое время поручение государя (изготовили в кратчайшие сроки триста алебард — и куда лучше иноземных), тоже получили право на поиск в горах Каменного Пояса железных и медных руд и — соответственно — право на строительство собственных металлургических предприятий.

...В ночь на 30 декабря 1720 года обоз капитана Татищева добрался до казенного Уктусского завода. Здесь сперва решил Василий Никитич устроить свою резиденцию. Однако завод сильно разочаровал его. Погасшей стояла доменная печь. Из первых быстрых расспросов стало ясно, что даже летом речка Уктуска не дает заводской плотине, без которой немыслим и сам завод, нужной силы. И в новогоднюю ночь рождается у Татищева главный замысел его жизни, замысел, который сохранил его имя не только в истории Урала, но и в истории всего государства Российского. На совете, состоявшемся в первый день нового года, было решено: строить новый завод, а для этого важного и славного дела приискать в округе наиболее подходящее место. Спустя несколько недель комиссар Тимофей Бурцев — управитель Уктусского завода — доложил Татищеву: такое место найдено, в шести верстах от Уктуса на берегах реки Исети.

Целый месяц обдумывал Татищев свою идею, прежде чем сообщить о ней в Берг-коллегию.

Виделся ему не просто очередной завод, а главный город на Каменном Поясе, город, который должен связать воедино все рассыпанные по уральскому краю заводы, горная столица, и место для нее как раз наиболее удачное: в самой сердцевине рудных богатств. И большая дорога в Сибирь пойдет теперь не через Верхотурье, а именно здесь — через новый Исетский завод. А если еще перенести сюда из Ирбита богатейшую ярмарку, вторую по обороту после Нижегородской!

Отменный город встанет на берегах Исети!

По сути, это был даже не план строительства, а целая программа освоения богатейших земель.

Каждое свое предложение Татищев тщательно аргументирует, экономически обосновывает, скрупулезно подсчитывает, сколько и когда казна получит прибыли от осуществления того или иного мероприятия.

И не одними чугуном и медью должна быть известна, по мнению артиллерийского капитана, промышленность Урала. Татищев предлагает завести на Исети фабрики, где «мастера стальные... жестяные, часовые, стеклянных дел... государству немалую пользу принести могут...».

Спустя два века ученые, анализируя и оценивая деятельность Василия Никитича Татищева, напишут: «...Он первым среди русских экономистов обосновал экономическую целесообразность развития на Урале не только горнозаводской, но и других отраслей промышленности».

А пока ждет Татищев ответа из Берг-коллегии, и не терпится ему начать дело. По соседним слободам начинается найм работников на стройку, Татищев приказывает расчистить берега Исети от леса, готовить инструмент.

Но не суждено было сбыться в тот раз мечтам Василия Никитича: Берг-коллегия отклоняет предложение Татищева и приказывает сосредоточить внимание на строительстве «малых предприятий» — небольших меде- и железоплавильных заводов, которые и меньше затрат потребуют, и окупятся быстро. Причем развитию медных заводов было отдано предпочтение: государственная казна после многолетней войны со шведами действительно нуждалась в быстром пополнении своих запасов. А тут еще ссора с Демидовыми: верный прежде всего заботам о государственной собственности, Татищев выступил против их засилья в горном ведомстве, которым руководил. Тяжба закончилась нешуточным для Татищева обвинением во взяточничестве. В общем, в этот не самый лучший момент его жизни и появляется из столицы генерал Вильям Иванович Геннин, родом из Голландии, давно принявший российское подданство, личный друг царя Петра. Появляется с наказом разобраться в конфликте и с положением дел в горном ведомстве — тоже. К началу 20-х годов XVIII века за плечами генерала было создание первой в России базы горнорудной промышленности — Олонецких заводов, а также оружейного завода в Сестрорецке.

Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, о чем говорили холодными вьюжными вечерами в декабре 1722 года в Уктусе, в самой середке Уральских гор, два «птенца гнезда Петрова». Много написано о весьма непростых взаимоотношениях этих двух выдающихся людей. Поэтому обратимся к фактам.

А факты же говорят о том, что в конфликте с Демидовыми Геннин, пусть и не сразу, но взял сторону Василия Никитича, отмел все подозрения во взяточничестве, о чем откровенно и написал императору. А еще написал, что «...оного Татищева представляю без пристрастия, не из любви или какой интриги, или б чьей ради просьбы. Я и сам его рожи калмыцкой не люблю, но вижу его в деле весьма правом и к строению заводов смышленом, рассудительным и прилежным». И самое главное — Геннин полностью поддержал татищевскую идею: надо строить город-завод на Исети! 17 декабря 1722 года он пишет в Берг-коллегию, словно отдает приказ: «Весною буду строить железные заводы на Исети расстоянием от Уктусских заводов для фабрик — за 6 верст, а для домен — за 10 верст приписными слободами и вольными людьми, нанимая за деньги... А положения этих мест изрядные!»

Однако 24 ноября 1723 года — в день именин святой Екатерины, когда грохнула пушка во славу только что построенного завода и солдаты Тобольского полка, основные его строители, грянули «Ура!» — Василия Никитича

Татищева на торжествах не было. Он был отозван в Санкт-Петербург для выполнения новых поручений императора, до конца своих дней мечтавшего радикально изменить облик России...

Во второй раз вернулся в Екатеринбург Татищев спустя почти двенадцать лет в звании генерала, сменил ушедшего в отставку Геннина. За три его последних уральских года развернулось в городе немалое по тогдашним временам каменное строительство. Возвели двухэтажное здание Главного правления, усадьбу Главного командира и начали строить большой гостиный двор. Это был важный шаг к привлечению в Екатеринбург торгового люда, и, естественно, к изменению торгового пути из европейской России в Сибирь: путь этот отныне должен был проходить не через Верхотурье, как многие десятилетия до того, а именно через центр горнозаводского Урала. А значит, появлялись предпосылки для образования екатеринбургского посада, для появления собственно городского населения, купцов и ремесленников, способных дать жизнь именно городу, который уже к середине XVIII века держал контроль над всей бурно развивающейся горной промышленностью на востоке страны.

Так кто же были они, первые выборные главы Екатеринбургского посада? Какой след оставили после себя в истории города? С чего вообще начала свою деятельность Екатеринбургская ратуша — дальний прообраз общественной городской власти?

Полные ответы на все эти вопросы еще не даны, но многое за последние годы стало известно благодаря настойчивым поискам ученых в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО).

Например, только благодаря 24-му фонду ГАСО мы знаем теперь, как выглядел первый бургомистр Иван Данилович Харчевников: **«...ростом 2 аршина 6 вершков, волосом черн, лицом бел, широковат, глаза карие, собою плечист и толст»**. На следующий год ратуша под его руководством добилась права таможенных, канцелярских и питейных сборов, чем заложила основы посадского бюджета, а в 1753 году получила собственную печать. Его преемник, сын личного ординарца В.И.Геннина Иван Дмитриевич Долгоруков прослужил в этой должности почти семь лет. За эти годы ратуша еще более показала себя самостоятельной ветвью власти, усиливая свои права, укрепляя сословные привилегии посадских жителей. Так, в Екатеринбурге были серьезно ограничены крестьянские торги, без согласования с ратушей полиции было запрещено ставить на постой посадским людям проезжие военные команды и курьеров, проведено упорядочение сборов с записанных в посад раскольников. Напомним, что уральские горнозаводские места были в те годы своеобразным прибежищем старообрядчества, и раскольники составляли немалую часть населения края. Но самым, пожалуй, значительным достижением долгоруковского правления было получение ратушей права вызывать на ратушский суд вексельных должников из числа горнозаводской администрации, а также должников с частных заводов. И наконец, ратушей неоднократно предпринимались попытки добиться отмены нарядов посадским людям на казенные работы. Очевидным становилось,

что рождается противостояние между горным начальством, привыкшим считать себя единоличным правителем и вершителем здешних дел, и набирающим силу общественным самоуправлением.

В декабре 1760 года на чрезвычайном сходе мирских людей новым бургомистром был избран Иван Дмитриевич Дубровин. Звезда же Долгорукова как общественного деятеля закатилась с его собственной помощью: выяснилось, что собранные с посада подушные деньги купец потратил на свои торговые операции, если сказать попросту, их расхитил. А это по тем временам считалось грехом страшнее убийства. И совесть, скорее всего, замучила Долгорукова: снятый с должности, он вскоре умер от внезапной сердечной болезни…

Правление Дубровина отмечено освобождением таки посадских людей от обязательных нарядов на казенных заводах, но пришлось пойти на уступку горнозаводской администрации: разрешить торги и заниматься промыслами в Екатеринбурге всему — без исключения — непосадскому населению. Имя Дубровина заметно еще и тем, что он был избран депутатом от екатеринбургского купечества для участия в работе всероссийской Уложенной комиссии, созданной согласно манифесту Екатерины II от 14 декабря 1766 года для разработки свода общегосударственных судебных законов.

Внучка Петра Великого, увлеченная гуманистическими идеями французского Просвещения, собралась начать «либерализацию» России. Правда, одновременно укрепляя императорскую единоличную власть и крепостничество. Выборы по всей огромной империи — пусть строго по сословным принципам — состоялись. Дубровин привез в столицу наказ, составленный крепнущим екатеринбургским купечеством. Почти 400 жителей поставили под ним свои подписи. Купцы отстаивали свои монопольные права на ведение торговли и предпринимательскую деятельность, требовали ограничить их службы и повинности. Конечно, в наказе уральцев была своя особенность, связанная, прежде всего, с тем, что город изначально был административным центром горных заводов края. Поэтому в наказе содержалось немало жалоб на горное начальство, которое, по мнению купцов, третировало их орган самоуправления — ратушу, всячески тормозило развитие торгово-предпринимательской деятельности.

Комиссия по Уложению проговорила два года. Постепенно из императрицы выветривался «вольтерьянский дух». Комиссия была благополучно распущена, и все реформы гражданского и судебного устройства Екатерина разрабатывала с тех пор в узком кругу единомышленников.

А в народной жизни несбывшиеся ожидания обернулись Пугачевщиной, полыхавшей два года и потрясшей добрую треть территории огромной империи.

Видимо, тут надо вспомнить про другого екатеринбургского бургомистра — Карпа Михайловича Коробкова, который руководил ратушей 11 лет, а пугачевское восстание грянуло как раз в эти годы. Когда повстанцы в январе – феврале стали угрожать Екатеринбургу, Коробков принял самое деятельное участие в организации отряда добровольцев из посадских людей, вооруженных **«орудиями, у кого какое есть»**. С деловой же стороны он запомнился современникам тем, что всячески под-

держивал частную инициативу, способствовал развитию рудного промысла, заведению жителями посада разного рода мануфактур и мукомольных мельниц.

Подводя итоги тридцатилетнего существования екатеринбургской ратуши как формы общественного самоуправления граждан, прежде всего, надо сказать о действительно противоречивом характере воздействия власти горного ведомства на развитие Екатеринбурга. С одной стороны, Горное правление сделало все для того, чтобы Екатеринбургский доменный и медеплавильный завод стал крупнейшим и передовым в техническом отношении предприятием. Причем не только металлургическим, но и металлообрабатывающим. С другой — отрицало само существование посада, считая, что **«он, в самом деле, яко не город, но населенное жительство»**, дела в котором подлежат **«особливому рассмотрению,** а **не так, как в протчих городах».** Исследователи выявили немалое число архивных документов, подтверждающих вмешательство заводской администрации даже в торговые дела, касавшиеся, собственно, только купечества. Она, например, самовольно «включила в ведомство свое» местный гостиный двор, регламентируя его торговлю в ущерб купцам. Екатеринбургская ратуша жаловалась в разные высокие инстанции, но без всякого результата. Конечно, все это тормозило хозяйственный рост города, мешало притоку населения за счет торговых людей.

Рубежом в истории городской самостоятельности стал 1781 год.

В ноябре 1781 года начался быстрый процесс перехода Екатеринбурга (увы, через четверть века резко заторможенный) из-под крыла горного начальства в ведение общегородских учреждений, избираемых непосредственно горожанами.

Правда, полтора столетия Екатеринбургу довелось пребывать в ранге уездного города. Но в течение примерно полутора десятилетий он был еще и областным центром. В это время Екатеринбургская область (или, как еще ее официально именовали, провинция) входила в состав Пермского наместничества (впоследствии — губернии) и включала в себя уезды Екатеринбургский, Челябинский, Шадринский, Далматовский, Камышловский, Ирбитский, Алапаевский, Верхотурский. Взгляните на современную карту Урала и оцените размах территории, которой управляли из Екатеринбурга в конце XVIII века!

В соответствии с новым статусом в Екатеринбурге учреждается магистрат, а спустя два года город получает официальный герб: в верхней части щита изображен герб Перми, а в нижней, на зеленом поле — серебряная плавильная печь и рудниковая шахта как символ подземных богатств здешних мест…

комментарий ученого

Город или завод?

Главный проблемный вопрос всей темы раннего Екатеринбурга: можно ли считать его городом?

В исторической науке проблема русского города непрерывно обсуждается вот уже много десятилетий. Сложилось четыре точки зрения о том, что можно считать городом XVII — XIX веках.:

1) поселение, признанное за город современниками;

2) торгово-промышленное поселение;

3) военно-административный центр и одновременно торгово-промышленное поселение;

4) торгово-промышленное поселение с посадской общиной.

За исключением посадской общины эти определения приложимы к Екатеринбургу с момента основания. В официальной и неофициальной переписке Екатеринбург называли городом уже в 1723 году. Торгово-промысловое население здесь всегда преобладало над живущими исключительно сельскохозяйственным трудом (а меньшее сравнительно с купечеством количество ремесленников, занятых индивидуальными промыслами, компенсировалось вовлечением в заводские производства). В административном плане Екатеринбург приравнивался к центру провинции, а властные полномочия горнозаводской администрации не уступали администрации губернской. В военном плане Екатеринбург всегда располагал собственным гарнизоном, а с 1734 года и чисто городской структурой — полицией. Таможня, соляное комиссарство, да и контора питейных сборов также считались чисто городскими органами. Иначе говоря, все фактические черты города здесь просто не были подтверждены юридически.

Однако в России, подобно как в Англии и Австрии, юридический критерий определения города являлся и является ключевым (в Пруссии, Бельгии и Голландии признание поселения городом зависело от истории его возникновения, во Франции — от числа жителей). И строго говоря, любые позднейшие доказательства всегда будут перевешиваться простым юридическим актом.

Екатеринбургу довелось родиться и долгое время развиваться в период общего для России «упадка городов». Рост городского населения шел медленно, удельный вес купечества, особенно богатейшего, и вовсе снижался, а обычное в обществе более привилегированное положение горожан в те времена проявлялось намного слабее. В материальном плане сельская верхушка, даже в приписных деревнях жила не хуже мелких и средних екатеринбургских купцов…

Но организующее начало Екатеринбурга в тяготеющей к нему сельской округе ничем не уступало традиционным крупнейшим тогдашним уральским городам — Верхотурью, Кунгуру, Соли Камской и др. Концентрацией экономической, политической, судебной, военной, религиозной власти он абсолютно превосходил любой из них. Вообще, характерно снисходительное отношение заводских структур к традиционным городам. Так, например, Кушвинская заводская контора отзывалась о Верхотурье как о «полугороде». А принципиально новый уральский город Оренбург, стоявший особняком во всей иерархии российских

городов, сравнивался современниками с Екатеринбургом: «Город Екатеринбург, как и город Оренбург, особливые свои порядки имеет».

Классическое марксистское отличие города от деревни вкратце определяется отделением промышленности от земледелия. Модификация этого подхода подразумевает отделение капитала от земельной собственности. Но для Екатеринбурга более принципиальным является отличие от заводов, по каким-то причинам не ставшим городами.

Наиболее близкие Екатеринбургу по историческим судьбам Барнаульский и Петровский заводы (оба центры заводских краев, оба имели посадские общины) получили статус городов соответственно в 1771-м и 1777 году. Из уральских же заводов наряду с Екатеринбургом в 1781 году получили городской статус лишь Ягошихинский (ставший Пермью) и Алапаевский. Во всех трех случаях определяющим оказывался административный фактор: Пермь и Екатеринбург становились областными центрами, Алапаевск — уездным центром. Прочие крупные казенные и тем более частные заводы стали городами лишь в XX веке, в основном в советскую эпоху.

А вообще говоря, рассуждать тут особо не о чем. Екатеринбург всегда был одним из самых динамичных российских городов, даже в эпоху их «упадка».

Его основатели иного и не ожидали.

Николай Корепанов, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

21 апреля 1785 года Екатерина II издает очень важный в истории российского городского самоуправления обширный документ (в нем было около 200 статей) — «Жалованную грамоту городам», которая, безусловно, расширила структуру и права местной власти.

В этом документе впервые вводится понятие «городская дума» как наименование представительного органа, избираемого непосредственно жителями города.

Впрочем, давайте обратимся непосредственно к тексту «Жалованной грамоты», ее шестого раздела «О городской общей думе и городской шестигласной думе».

письма из прошлого

Из «Жалованной грамоты городам»

«...156. Городовым обывателям дозволяется составить общую городскую думу...

164. Общая городская дума избирает шестигласную думу из своих гласных.

165. Шестигласная городская дума составится из голоса настоящих городовых обывателей, из голоса гильдейских, из голоса цеховых, из голоса иногородних и иностранных гостей, из голоса имянитых граждан и из голоса посадских в председании городскаго главы; в случае же убыли во время срока общая городская дума наполняет место из того же голоса. (...)

167. Городской думе предлежат попечения: 1/ доставить жителям города нужное пособие к их прокормлению или содержанию, 2/ сохранять город от ссор и тяжб с окрестными городами или селениями, 3/ сохранять между жителями города мир, тишину и доброе согласие, 4/ возбранять все, что доброму порядку и благочинию противно, оставляя, однако ж относящееся к части полицейской местам и людям, для того установленным, 5/ посредством наблюдения доброй веры и всякимя позволенными способами поощрять привоз в город и продажу всего, что ко благу и выгодам жителей служить может, 6/ наблюдать за прочностию публичных городских зданий, стараться о построении всего потребнаго, о заведении площадей для стечения народа по торгу, пристаней, анбаров, магазейнов, и тому подобнаго, что может быть для города потребно, выгодно и полезно, 7/ стараться о приращении городских доходов на пользу города и для разпространения заведений по приказу общественного призрения, 8/ разрешать сомнения и недоумения по ремеслам и гильдиям, в силу сделанных о том положениях...

172. Городская дума, быв составлена из людей, занятых торгами, промыслами и ремеслами, обязана собираться по однажды всякий срок заседания, или когда нужда и польза городская потребует, и в другое время.

173. Для всегдашнего отправления дел, выше в статье 167 изъясненных, полагается, как выше сказано, городская шестигласная дума.

174. Городская шестигласная дума собирается всякою неделю однажды, разве, когда нужда или польза городская востребует, и кроме того.

175. Городская шестигласная дума собирается в том же месте, где и общей городской думе назначено, имеет ту же печать и те же должности исполняет; в случае же сомнения по важности или трудности дела предлагает оное в общей городской думе...»

«Жалованная грамота» предоставила **«градским обществам»** права юридического лица: теперь они могли спокойно, без всяких тому препятствий заводить собственность, распоряжаться доходами с имущества, собирать с городского населения различные сборы. Первичной основой местного самоуправления стало городское собрание, состоявшее из всех «городовых обывателей». А в качестве своего распорядительного органа собрание выбирало общую городскую думу, состоявшую из городского головы и гласных от всех шести групп населения.

Собираясь раз в три года, кроме экстренных случаев, городская дума для решения текущих вопросов избирала свой исполнительный орган — шестигласную думу, в которой каждая группа жителей имела по одному гласному. Городской голова и был председателем этого постоянно действующего учреждения.

«Жалованная грамота» строго регламентировала избирательные возможности горожан. Право выбирать и быть выбранным имели только те из **«городовых обывателей»**, кому исполнилось 25 лет и чей годовой доход был не менее 50 рублей ассигнациями.

Один из первых документов Екатеринбургской городской думы. Ноябрь 1787 года

Указ Екатерины II об образовании шестигласной думы в Екатеринбурге. Февраль 1788 года

Екатерининская реформа местного самоуправления продвигалась по территории страны весьма неспешно. В Екатеринбурге первое заседание общей городской думы состоялось лишь 12 ноября 1787 года.

Первым городским головой был избран в апреле 1788 года купец Меркурий Рязанов — яркий представитель знаменитого купеческого рода, много и славно потрудившегося на благо Урала и России. Он и возглавил всю повседневную думскую работу.

Здесь, видимо, уместно будет рассказать о купцах Рязановых более подробно. Корни их уходят в старообрядческую семью крестьянина Степана Кирилловича Рязанова, проживавшего в селе Шарташ вместе с матерью Ульяной Ивановной (по крайней мере, так утверждает перепись старообрядцев 1735 года). В конце XVIII века Рязановы стали крупнейшими в Екатеринбурге производителями животных жиров — сырья для свечного, мыловаренного, суконного, фармацевтического производств. Представители рязановского семейства играли видную роль в местном самоуправлении. С 1788-го по 1867 год пятеро из Рязановых избирались городскими головами в общей сложности восемь раз! В 30 – 40-х годах XIX века вместе с купцами Баландиными и И.С. Верходановым организовали ряд экспедиций в Сибирь в поисках золотых россыпей, результатом которых явилось открытие в Томской губернии богатейшего Кундустуюльского и других золотоносных месторождений. Потом Рязановы успешно разрабатывали месторождения золота на Северном и Южном Урале, в Оренбургской губернии. Удача сопутствовала им, потому что они были люди стойкие, трудностей не боящиеся, умеющие хорошо и толково работать. Одним словом, уральского характера люди…

«Из Пермского наместнического правления сделана через здешних мастеров при монетной для думы печать. Обозначенную печать хранить в особом столе…»

Из протокола заседания Екатеринбургской городской думы от 19 сентября 1788 года

Итак, дума приступила к выполнению своих обязанностей, достаточно скрупулезно прописанных в «Жалованной грамоте».

Начали с составления городской обывательской книги, куда в алфавитном порядке были внесены все жители города — представители городских сословий. И с утверждения правил думских заседаний (сегодня мы бы сказали — регламента): **«Высочайшим городским положением повелевается 173 статьею… во время надобности в день собрания должны в думу являться непременно…»** И с борьбы за нравственность, о чем говорит сохранившееся в ГАСО «Дело об отдаче в рекруты мещан и посадских за пьянство, дерзостные поступки и т.д.». Решение от 31 августа 1788 года гласит: «**…Приговорили отдать в рекруты екатеринбургских посадских** (далее перечисление лиц)**… так как они ведут распутство, вращаясь в пьянстве»**.

В «Журнале протоколов заседаний Екатеринбургской городской думы с 4 апреля 1788г. — 29 ноября 1788г.» есть примечательная запись, датированная 31 июля:

«Назначить учителя для обучения детей 1 класса в Екатеринбургское народное училище с жалованьем 50 рублей в год» (с той поры забота о народном образовании будет одним из приоритетов думской деятельности). Очень любопытен и другой документ, хранящийся в ГАСО, — «Ведомости учета поступлений и истраченных денежных сумм на общественные нужды. 1788 г. — 1790 г.». Посмотрите, как скрупулезно дума следила за расходованием средств! Вот некоторые сведения за 1788 год.

« Февраль. Куплено в екатеринбургский сиротский дом сукно на стол — 3 аршина по 3 рубля (всего на 9 рублей)...

9 октября. Дано приезжающим из Греции грекам в милость 7 рублей.

23 ноября. Куплен в городской магистрат стул — 20 рублей.

30 ноября. Выдать екатеринбургскому старосте на постоянные расходы 66 рублей под отчет...».

Кстати, приходные и расходные книги были заведены с самого начала работы думы, сразу же была введена должность кассира, регулярно стали проводиться ревизии.

А 3 апреля 1789 года городская дума заслушала жалобу военных на магистрат (так именовалось тогда главное судебное учреждение), который, невзирая на правительственный указ, обложил служивых в погонах налогами. Дума единодушно постановила: **«При том велеть, что офицеры, солдаты и матросы городскую подать не платят, кроме тех, кто из уездов привозят хлеб, мясо, рыбу и тому подобное».**

Сколько таких жалоб, связанных с нарушением действующего российского законодательства, предстоит рассматривать думе впредь! И бороться с всесилием Горного ведомства, и отстаивать свои права в спорах с губернским чиновничеством, которое контролировало и дела городской думы, и ее финансы.

1793 год — особая дата в развитии, как бы мы сейчас сказали, бюджетного процесса в Екатеринбурге. Именно с этого года доходы и расходы начинают расписывать заранее, они обсуждаются и утверждаются думой. Появляется документ, которым дума обязана руководствоваться в течение всего года.

Городской бюджет, по мнению многих исследователей уральской истории этого периода, был всегда скромный. Доходы составляли в 1807 году — 4840 рублей, в 1815 — 6916 рублей, а спустя еще шесть лет в 1821 — всего 7230 рублей. С доходами обстояло дело неважно прежде всего потому, что многие купцы и мещане всячески стремились занизить для себя налоговую планку.

Основными источниками пополнения городской казны оставались сборы с разных зданий, принадлежавших городу, с общественного имущества и налоги с промышленников. Значительная часть средств уходила на покрытие «обязательных расходов»: на содержание городского управления — городской думы, магистрата, полиции... Небольшие суммы расходовались на благоустройство, и совсем малые — на народное образование (в 1821 году на нужды просвещения было выделено всего 4 процента бюджетных средств).

Как видим, круг доходных статей местного самоуправления был очень узок и явно недостаточен для покрытия всех затрат. Бюджет составлялся с откровенным дефицитом. Покрыть его помогали богатые купцы и состоятельные мещане, вернее,

те из них, кто от щедрот своих вносил солидные суммы в городскую казну на **«всякия благие** дела». Благодаря подобным взносам, дума смогла, например, внести в расходную часть статью, в которой говорилось о денежной поддержке малоимущих граждан. Так возникло еще одно направление в думской деятельности — социальная помощь.

Хотя денег на благоустройство выделялось и немного, но делалось это стабильно, из года в год. Формировалась одна из важнейших расходных статей — и в наши дни тоже! — городского бюджета: на коммунальное хозяйство.

«Милостивый государь, Федор Иванович!
Господин Министр Финансов, по случаю пересмотра Горного Устава, пригласил всех, через публичные ведомости, сообщить письменно мысли свои как о затруднениях встречаемых ныне Горным Промыслом, так и об основаниях, которые могли бы дать ему более свободное и согласное с современными условиями развитие.
На вызов сей с Уральских заводов поступила одна только записка, а между тем постоянно и повсюду говорят о стеснительных постановлениях действующего Горного Устава...»

Из письма председателя комиссии по пересмотру Горного устава В.Е.Самарского-Быховца Главному начальнику Уральских горных заводов Ф.И.Фелькнеру, 1 июля 1861 года

Несмотря на противодействие горной администрации, а затем и на прямой ее запрет открывать в Екатеринбурге новые предприятия, не связанные с металлургией и металлообработкой, но требующие для своего производства древесного угля (вероятно, забота об экономии топливных ресурсов толкнула к этому шагу или, как считают некоторые исследователи, борьба с литьем медных икон старообрядцами), в городе возникают фабрики и заводы, занятые преимущественно переработкой сельскохозяйственного сырья и животноводческой продукции.

На рубеже XVIII — XIX веков в Екатеринбурге действовало 54 таких промышленных заведения. Большинство из них были салотопенные предприятия, принадлежащие купцам первой и второй гильдии. Эти заводы вырабатывали в год продукции на 600 тысяч рублей (для сравнения, все кожевенные заводы — всего на 30 тысяч), причем две ее трети производили заводы пяти купеческих семей: Рязановых, Казанцевых, Толстиковых, Коробковых, Гилевых. В начале XIX века, правда, количество салотопенных и кожевенных заведений уменьшилось, но возникли новые производства: свечное, клееваренное, писчебумажное и т.д. В городе к тому же бурно развивались мелкие товарные промыслы, обеспечивавшие население предметами, как говорится, первой необходимости — обувью, одеждой, посудой и т.п., а заводское хозяйство — тоже необходимыми материалами: веревками, рогожей, свечами, канатами... Особое распространение получили промыслы, связанные с обработкой

металлов (изготовление котлов, железной и медной посуды, ведер, замков, ножей, вилок, всяческого инструмента).

Все эти горожане — купцы, торговцы, ремесленники — и были тем самым электоратом (как мы сегодня говорим), интересы которого выражала и защищала Екатеринбургская дума.

«Горный начальник, по всем частям и во всех отношениях, есть хозяин заводов, которому поручаются заводы в полное управление и распоряжение по части хозяйственной, по части искусственной и ученой, по части гражданского благоустройства и по части судной».

Из проекта Горного положения, утвержденного в 1806 году

Действительно, роль городского самоуправления оказалась значительно приниженной после принятия этого документа, по которому Екатеринбург — единственный в России — получил статус «горного города». Это означало, что Екатеринбург отныне имеет особое управление, независимое от полномочий местной гражданской администрации. Город оказался под властью горного начальника, который получил право утверждать должностных лиц городского самоуправления, контролировал городской бюджет, к тому же в его распоряжении была теперь городская полиция.

Перед нами любопытный документ от 20 ноября 1807 года — «Предложение Екатеринбургской думе от начальника Екатеринбургских горных заводов».

«Господин Пермский Гражданский Губернатор, вследствие предписания к нему от Господина Министра Внутренних дел о доставлении сведений для соображения до внутренней промышленности в Государстве относящихся о выпарке и топлении в здешней губернии сала, меня просит, кому следует приказать, от содержателей в здешнем городе Екатеринбурге отобрать означенные в том сообщении сведения и по взятию таковых за подписанием содержателей доставить к нему, также и об осмотре заводов, в каком действительно состоянии они находятся...»

Судя по содержанию этого так называемого «Предложения», тогдашний начальник Горного правления Иван Герман в данном случае откровенно вмешивался в дела екатеринбургских предпринимателей, которые через городскую думу и так имели прямую возможность контакта с губернской властью.

Герман, которому первому выпало руководить по новому Горному положению, похоже, очень любил писать в думу «Предложения» по всякому поводу. Вот еще одно «послание», адресованное гласным в том же 1807 году.

«...Небезызвестно, что в здешнем городе и окрестных селениях к наступлению нынешней осени пригоннаго рогатого скота и овец было весьма знатное количество, из коих большая часть уже и приколота. Так как помянутая осень столь идет продолжительно, что ныне сверх всякаго чаяния на место мороза существует оттепель, отчего попортится может налично сохраняемое мясо. Дабы

Из манифеста
Его Императорского
Величества
«О переписи народа по
всему Государству».
Июль 1811 года

№ 347 отдано 13 июня 1811 года 12

№ 1258

Изъ Екатеринбургскаго Городоваго магистрата

Правящему должность градскаго главы Ела-Скому Соколову.

По указу Его императорскаго величе-ства, изъ пермскаго губернскаго правления отъ 8го полученномъ всемъ магистрате 11го числа сего июня за № 17104м последовавшимъ с напечатанными правительствующаго Сената по 1му департаменту при лавке высочайших Его императорскаго величества манифестъ о переписи народа по всему государству, и при немъ при формы для должнаго обнародования, причемъ велено градскому обществу подтвердить дабы оно решило списки при выборе списко податей представили въ учрежденную для принятия оныхъ здесь Коммиссию изъ уезднаго судьи и прикомандированному к нему вместо уезднаго стряпчаго заседателю нижняго земскаго суда; почему всемъ магистратомъ и определено как высочайшаго Его императорскаго величества манифеста въ § 3м повелено: сказки как лично подавать такъ и заочно присылать имеютъ от граждан и мещан всем вообще городские главы, старосты, а где оныхъ нетъ магистраты или ратуши,

копія

№ 1659 полученъ 1. декабря 1797 года 246 209

указъ его императорскаго величества
самодержца всероссійскаго изъ пермскаго губерн-
скаго правленія. екатеринбургскому городовому ма-
гистрату въ указъ правительствующаго сената
изъ 1-го департамента отъ 3-го минувшаго октября
подъ № 15618 объявлено, что въ именномъ его импе-
раторскаго величества высочайшемъ указѣ, данномъ
сенату сентября въ 23 день за собственноручнымъ его
величества подписаніемъ изображено, изъ указа на-
шего въ 21 день минувшаго августа сенату даннаго,
известно, какія причины побудили насъ приискъ
и разработываніе земляного угля поручить в особое
попеченіе и руководство действительного статскаго
советника львова къ лучшему въ семъ деле успеху
повелеваемъ предписать отъ сената всемъ управля-
ющимъ губерніями, что буде въ оныхъ находятся
какіе нибудь признаки земляного угля дабы ли-
бы о томъ знать помянутому Львову, дабы онъ
могъ принять нужныя меры къ осмотру техъ
местъ, и къ учиненію дальнейшихъ своихъ распоряже-
ній; впрочемъ естли прииски где либо найду-
тся надежными и ощутительна будетъ польза оныхъ
мы для вящшаго ободренія сего полезного дела
обещаемъ награжденіе тому кто первый где
либо откроетъ угольную карьеру, о чемъ обита-
телямъ в губерніяхъ повсеместно объявить, пра-
вительствующій сенатъ приказали во должное по сему
его императорскаго величества высочайше-
му повеленію исполненіе дать управляющимъ губе-
рніями и гражданскимъ губернаторамъ предписать
указами, с темъ, чтобъ они в вверенныхъ имъ губе-
рніяхъ немедленно объ вестили повсеместно оби-
тателямъ о всемилостивейшемъ его императо-
рскаго величества обещаніи награжденія то-

№ 33737

Обеспечение граждан теплом всегда было заботой городских властей. Декабрь 1797 года

сей употребляемой на пищу говядиной не можно было принести людям вреда и таковая продаваема не была (по употреблению таковаго порченого мяса по уверению врачей всегда причиняется заразительная болезнь) от меня предписано господину полицмейстеру Даникову накрепко за тем наблюдать ныне же да и впредь...

С медицинскими чиновниками делать свидетельство и если, паче чаяния, найдется у продающих сколько либо поврежденной и, следовательно, к употреблению в пищу опасной говядины, тотчас приказать оную истребить. Для минования сколько возможно всякаго убытка промышленникам по сей части пригласить оных, дабы они заблаговременно для безопасной прочности говядину полагали в соль...

О чем и сей градской думе рекомендую, чтоб со своей стороны относительно сего предмета учинить нужное распоряжение и содействие и о последующем мне немедля рапортовать».

Конечно, похвальна забота Главного горного начальника о здоровье горожан, но на то есть компетенция, прежде всего, самой думы, оговоренная еще в «Жалованной грамоте»: **«Городской думе предлежат попечения... всего, что ко благу...жителей служить может».**

В 1807 году со всей строгостью за выполнением городского бюджета стала следить Пермская казенная палата.

«Екатеринбургской градской думе.

Пермская казенная палата с записки счетной ея экспедиции изъясняет, что при сочинении отчета о городовых доходах за 1806 год по оной думе считалось их в остатке 2915 рублей 42 копейки, но напротив того по счету, из нее доставленному, показано меньше на 164 рубля 2,5 копейки. Почему она и потребовала от думы о сем изъяснении, которая донесла, что сумма 164 р. 2.5 коп. состоит не из числа городовых доходов, а принадлежит к числу собираемых на воинские издержки, в коих отчеты отдает она в особенную книгу, в которую и остаток вносится.

Палата находит отзыв сей недельным, потому что градская дума обязана держаться разосланной от губернскаго правления формы, в которой должно показать все приходы, включая тут и добровольные вклады, в том числе и на воинские издержки.

Почему градской думе предлагается: требуемые казенной палатой сведения в оную палату немедленно доставить и книгу с отчетом о сумме, на воинские издержки поступаемой, отослать».

Подобная двойная зависимость города от горных и гражданских чиновников, конечно, являлась причиной постоянных трений между городской думой, горной и гражданской администрациями.

В марте 1811 года на очередном заседании шестигласной думы рассматривался указ Его Императорского Величества о создании в Екатеринбурге женского монастыря. Это было большое событие в жизни города.

«...В Синод поступило Пермской епархии от жительствующих обществом близ города Екатеринбурга вдов и сирот прошение следующего содержания: что они, посвятив себя уединенной жизни и благочестивым подвигам, при помощи и усердии екатеринбургских и других местных жителей устроили при тамошней Успенской кладбищенской церкви... двуэтажный каменный дом с принадлежащими к нему службами, в котором руководствуются уставом общежительных пустынь, а прочее время употребляют на призрение за больными, привозимыми из города, снискивая себе на пропитание рукоделиями и другими трудами... Споспешествуя таковому богоугодному заведению некоторые из екатеринбургских купцов изъявили желание построить собственным коштом при вышеупомянутом сиротском доме особую каменную церковь во имя Святаго Благовернаго князя Александра Невскаго, почему и просили об утверждении сего заведения по образцу других общежительных монастырей с определением священника с причетниками...

...Устроенный показанным обществом дом учредить при той кладбищенской Успенской церкви общежительною пустыней на собственном обитающих в нем вдов и сирот содержании с именованием оной Александроновотихвинской, коей и состоять в ведении Епархиального архиерея на основании духовного регламента... Об оном с изъяснением сего сообщения в здешния палаты, горное правление и к Горному начальнику Екатеринбургских заводов сообщить...»

Не только настойчивость самих будущих монахинь и весомая денежная поддержка городского общества, прежде всего, конечно, купечества, сыграли свою роль в положительном решении на самом высоком уровне вопроса об открытии монастыря. Оказывается, во всей огромной Пермской губернии до сих пор не было **«... ни одного штатного и ни штатного женскаго монастыря... и принимать в монашество желающих, каковыя бывали и ныне есть, некуда»**.

Проходит больше года, и Екатеринбургская дума направляет в администрацию Пермской губернии копию «Свидетельства», в котором окончательно оговаривается финансовое положение Ново-Тихвинского монастыря.

«От Екатеринбургской градской думы.

...Учрежденной здесь в городе женской обители игуменья Таисия представила в общественныя городския доходы, во-первых, приношений из Санкт-Петербурга по почте от 30 июня 1808 года девятьсот шестьдесят четыре рубля, во-вторых, приношение свое тысячу тридцать шесть, а всего две тысячи рублей на таковом предложении: сим деньгам навсегда остаться в разных употреблениях... в пользу общества, а ей с сестрами иметь всегдашнее и неизменное получение из сей думы кажогодно на содержание священника и причетников по триста рублей...

Заключено: сказанным деньгам оставаться навсегда в общественной казне в разных употреблениях неотъемлемо, а взамену онаго из общественных своих сборов отпускать в реченную обитель на содержание священника и причетника по триста рублей в год...

Также городская дума имеет в оную обитель по требованиям игуменьи отпускать из общественного гражданского капитала в каждый год по триста рублей навсегда, в

непременном выполнении чего со стороны думы градское общество удовлетворяется и в том за подписанием присутствующих и с приложением сей думы печати сие свидетельство именованной игуменье дано августа 16 дня 1812 года».

Процитированный нами документ убедительно говорит о том, что монахиням была гарантирована постоянная финансовая поддержка со стороны местного самоуправления. Естественно, это не могло не сказаться на развитии Ново-Тихвинского монастыря, который стал самым крупным на Урале и получил звание 1-го класса. При монастыре открыли школу, странноприимный дом и богадельню, деньги обители приносили 18 мастерских, среди них — золотошвейная и иконописная. Несколько десятилетий существовал при монастыре детский приют.

Вообще забота о брошенных и бездомных детях всегда была присуща городскому обществу Екатеринбурга. Именно городская дума выступила инициатором открытия в городе воспитательного сиротского дома, организовала в самом начале 1812 года сбор средств на покупку и ремонт каменного здания для этих целей.

«...Сего числа представили разносчики, учрежденные от здешней градской думы при церквах, для вкладов от доброхотных дателей на содержание дома сирот ящики, по распечатании которых вынуто денег девятнадцать рублей пятьдесят копеек.

Приказали: оные деньги... принять и записать по настольному регистру и книге городовых доходов в приход и хранить с протчею суммою.

Градский голова, гласный Иван Потапов.

Гласные: от гильдий — Петр Федоров, от цехов — Герасим Седунков, от мещан — Павел Севрюгин.

1812 года, генваря 3, среда».

Так, по рублю, по полтиннику, и были собраны деньги на сиротский дом.

Отечественная война 1812 года, общественный патриотический порыв на какое-то время сблизили обе ветви власти: и горную, и городскую. Екатеринбургские заводы приняли самое деятельное участие в исполнении военных заказов. Только один Верх-Исетский завод досрочно отлил 323 тысячи артиллерийских снарядов. Чиновники Горного правления отправили изготовленные на собственные средства десять полевых пушек с лафетами, а жители города по инициативе думы собрали значительные денежные суммы на обмундирование и вооружение войск, а также в фонд поддержки семейств и лиц, пострадавших от военных действий.

Так родилась традиция помощи горожан армии и солдатским семьям, традиция, которая сохранилась и спустя столетия... Отметим, что Екатеринбургский пехотный полк, вступив в Отечественную войну 13 июля 1812 года, участвовал во многих кровопролитных баталиях, включая Бородинское сражение, «битву народов» под Лейпцигом, штурмовал Монмартр... Полковое знамя украсила надпись: **«За отличие в 1814 году против французов»**.

В 1819 — 1825 годах городская дума очень серьезно была озабочена новым зданием уездного училища, по тем временам самого крупного учебного заведения в Ека-

теринбурге. (Напомним, что на основании Школьного устава 1786 года, принятого Екатериной II, в городе было открыто малое народное училище, преобразованное в 1806 году в уездное.)

7 января 1819 года Екатеринбургская дума получает от Пермского губернатора уведомление о том, что Совет императорского Казанского университета, являясь куратором учебных заведений губернии, дал «добро» на расширение училища в Екатеринбурге, но при условии сохранения существующей сметы казенных расходов. Значит, надо было выискивать, как бы сейчас сказали, внебюджетные средства. И они, во многом благодаря усилиям думских гласных, нашлись.

Об этом говорит рапорт, отправленный в декабре того же года главой города в Пермь губернатору о решении екатеринбургского купца Терентия Рязанова пожертвовать в пользу училища свой дом. В нем написано: **«...Городская дума 7 числа резолюцию заключила: объявить оное** (поступок купца Рязанова — Авт.) **в общем градском собрании с тем, чтобы оно следуя благому примеру 1-й гильдии купца Терентия Рязанова, который предоставил в пользу казны отличный свой двухэтажный каменный с флигелем дом, приняло при том в уважение то, что Училище приносить будет не одну для частного согражданина пользу, но для всего градского общества; следственно долг наш есть собственное попечительство о воспитании своего юношества и о возвышении Города в цветущее его состояние, дабы показать тем вящий пример потомству своему...»**

Этот призыв был услышан.

Осенью 1825 года студенты училища, строительство которого все эти годы находилось под пристальным контролем городской думы, справили новоселье.

> ***«...Екатеринбургская управа рапортует мне, что общественные здесь в городе площади по сие время не очищены и навозные кучи не убраны. Вследствие чего Градской Думе рекомендую имеющиеся на торговых площадях навозные кучи кому следует приказать немедленно убрать и содержать площади в надлежащей чистоте».***
>
> *Из письма канцелярии Главного горного начальника от 26 апреля 1821 года, адресованного Екатеринбургской городской думе*

Но и куда более земными делами обязана была заниматься дума. Вот строки из отчета полицмейстера перед городской думой, внесенного в думский «Журнал протоколов» 1 июня 1822 года. В отчете говорится о том, что сделано для улучшения состояния екатеринбургских площадей, улиц и мостов. **«...Учинены ныне следующие устройства: 1) каменная канава... вместо пришедшего в ветхость деревянного моста; 2) по снятии с Мартыновского проспекта грязи, смешанной с навозом, выровнены выбоины новым шлаком; 3) от речки Окулинки излишняя земля перевезена во вновь устраиваемую улицу, именуемую Волчий порядок... Подтверждено, что исправление проспектов и других на ответственности думы**

Книга
Екатеринбургской Градской Думы –
начатия прихода и расхода осо-
бливых [illegible] 1: [illegible]
Купеческой [illegible]
1812 года. –
[illegible]

Один из многочисленных документов эпохи — «чинить свободный пропуск до города Екатеринбурга»

№ 414. Июня 22 с 1821. Доклад

122

Н. Ф.

Въ Екатеринбургскую Городскую Думу.

Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ
Июня 22го Дня
1821 Года
№ 559.
Отвѣтъ на № 370.

На Сообщение оной Городской Думы отъ 25го Апреля, съ № 370мъ съ учиненной справки, о всемъ семействе Квашниныхъ, Симъ даю Знать:

Первое Сынъ Дмитрия Квашнина Иванъ въ 1813мъ Году Судился: 1е по подозрению въ Зарезании Служителя Верхъисетского Завода Андрея Федотова, 2е За прелюбодейство съ Девкой Дунаевой, — 3е За ослушание Заводскому начальству и неявку въ Работы. 4е во взятии обманомъ у крепостной Г. Михайлова девки принадлежащаго девке же Дунаевой платья. За что по Решению Горного Правления 2го Департамента 2го Марта 1815го по первому делу какъ достаточно неизобличенной, а по прочимъ какъ подходящей подъ всемилостивейший Манифестъ 30го августа 1814 года, оставленъ безъ наказания, — 5е по таковому же решению 2го Департамента Горного Правления 24го Декабря 1815го За ослушание и неповиновение Заводскому Начальству наказанъ Батожьемъ 25тью Ударами. 6е въ 1820 Году по Решению помянутого же Горного Правления отъ 16го Июня последовавшаго, за побегъ съ Уткинскаго Завода, и отбывательства отъ Заводскихъ Работъ наказанъ палками 30. ударами.

Второе: таковой же Его Дмитрия Квашнина Сынъ Алексей: 1е За Утайку …

[illegible]

Рабочая переписка Екатеринбургской городской думы

лежащих мест исполнено в соответствии с Высочайшими Правилами без малейшаго от оных отступления. В следствие чего с 16 ноября 1820 года и до 1 мая сего 1822 года на устройство проспектов, мостов, канав, площадей и улиц города и на приготовление лесу для резервуаров из городской думы насчет города израсходовано 4.376 рублей и 82 копейки...»

Вообще, борьба за внешний вид города, за его чистоту и благоустройство, за соблюдение норм санитарной гигиены — отдельная страница в истории городского самоуправления. И к этой теме мы еще не раз вернемся на страницах книги.

А каким в те годы виделся Екатеринбург многочисленным гостям города, проезжавшим его по пути в Сибирь и Дальний Восток?

Французский географ, неутомимый исследователь неизведанных земель Эйрие оставил после себя многотомный труд «Живописное путешествие по Азии». В первом томе есть несколько страниц, посвященных Екатеринбургу, который ученый посетил в 1830 году.

Взгляд современника

Эйрие, французский путешественник:

«Наружность города очень красива...»

«...31 августа мы прибыли в этот город, лежащий среди обширных полей, на берегах Исети. Здесь нет ни одной значительной высоты, даже ни одной большой скалы, которая бы напоминала край гористый. Тем загадочнее минералогическое богатство Екатеринбурга, богатство изумительное, котораго следы видны везде...

В чистой и удобной гостинице встретились мы с горно-служащими северных заводов и с купцами тюменскими и тобольскими, которые возвращались с Нижегородской ярмонки, обменяв товар свой, или ехали из дома на другую ярмонку в Ирбит, отстоящий по прямой линии на 160 верст от Екатеринбурга...

Скромные деревянные домики екатеринбургских мастеровых отличаются большою опрятностью. Эти люди все почти вольные, и несмотря на избыток, строго соблюдают старинную простоту в одежде и в образе жизни. Между женскими лицами заметили мы много пригожих и правильных...

Наружность города очень красива и приятна, и несмотря на некоторые странности, напоминает богатые мануфактурные города европейского Запада. Великолепныя каменныя палаты многих здешних купцов не испортили бы иной европейской столицы, и внешняя красота жилищ соответствует их внутренности и образу жизни хозяев. Надобно заметить, что многие из них еще несвободнаго состояния и платят господам славный оброк; но, по-видимому, это им не в тягость.

Множество служащих по горной части и по другим отраслям управления составляют прочую населенность Екатеринбурга. Они разнятся от коренных жителей новизною мнений и обычаев, однако ж довольно сблизились с ними по долгому пребывании в этой стране. Многия семейства горно-служащих водворились на Урале за несколько поколений и большая часть из них немцы; но так как в последнее время мужчин с малолетства отправляли учиться в Петербург, в них изгладились почти все следы природнаго их быта.

Равнина около юго-восточных берегов озера и около реки Исети усеяна домами. На реке построен красивый мост в том месте, где она перепружена плотиною для приведения в ход заводских машин. На правом берегу Исети возвышается монетный двор, шлифовальныя фабрики, магазины для хранения руд... Все эти здания, очень хорошо выстроенныя, окружают квадратную рыночную площадь

На противоположном берегу, который немного выше, тянется длинный ряд деревянных домов, занимаемых рабочими, кое-где мелькают каменные, — это дома служащих. Но город несравненно обширнее на правом берегу, где простираются широкия улицы с каменными, многоярусными домами. Здесь примечателен еще большой гостиный двор и хлебные амбары. Богатый монастырь и несколько каменных церквей украшают эту часть города.

Улицы — все по шнурку, и хотя редко, где вымощены, однако ж с деревянными мостками по обеим сторонам; главнейшая идет параллельно с правым берегом реки, другия пересекают ее под прямым углом и оканчиваются береговыми крутизнами, которыя впрочем не более четырех сажен в вышину и во многих местах так отлоги, что дозволяют пользоваться необходимым доступом к воде.

На север-западной оконечности города видны остатки прежних укреплений...

Довольно редкий еловый лес обнимает город с этой стороны и расчищен только по дороге, идущей на север. В версте отсюда вверх по Исети она достигает каменистых берегов озера. В середине города находится сад, открытый для публики. Здесь угрюмое однообразие хвойнаго леса сменяется густым и роскошным листьем других дерев, аллеи обсажены высокою черемухой.

Вечером, перед отъездом из Екатеринбурга, мы успели побывать на бале, данном по случаю дня возшествия на престол. Залы собрания и все подробности соответствовали требованиям европейскаго вкуса. Мелькали, правда, старушки с платками на головах, но танцующия решительно были одеты по моде, и француз-танцмейстер, недавно поселившийся в городе, мог бы порадоваться от души успешности своих стараний».

«Царю, пристально следившему за успехами золотодобычи из россыпей в испанских и британских колониях, нужны были сведения достоверные. Интерес монарха вполне объясним: извлечение самородного металла несравненно

экономичнее, так как обходится без дорогостоящих шахт, рудотолчейных, очистительных и прочих устройств...»

А. Дмитриев. Дом на Тарасовской

В сентябре 1824 года Екатеринбург ждал с визитом императора Александра I. Надо ли говорить, с какой помпой собирались встретить царя!

Основные хлопоты легли на городскую думу. Надо было привести в порядок площади и улицы, починить мосты, обновить фасады зданий, поставить столбы с фонарями и т.п. А еще — обеспечить государя и его свиту отличным жильем и вкусной едой.

Накануне приезда высокой персоны дума заседала едва ли не каждый день. 18 сентября 1824 года после полуночи гласные под началом городского головы Луки Тарасова принимают решение о продуктах: **«...Для приготовления во время пребывания здесь Его Императорского Величества необходимо иметь из ценных припасов как то: гусей, уток, кур, цыплят и дичных разнаго сорта... Мещанин Гаврило Афанасьевич Макрапаев обязался содержать в готовности и на хорошем корму из птиц: кур, гусей, уток, цыплят и индеек... Относительно же до дичных разнаго рода есть распоряжение об отыскании тех людей, которые записаны стрелками, чтоб при первом требовании были оные в готовности... С изъяснением всего Господину Горному Начальнику отрапортовать...»**

Обратите внимание на последнюю строчку: «...Горному Начальнику отрапортовать». Такая уж была зависимость думы от Горного ведомства!

Визит императора в Екатеринбург состоялся с 25 по 28 сентября. Пребывание Александра I во всех смыслах было удачным.

Государь осмотрел город, побывал на гранильной фабрике, в горной лаборатории, на Монетном дворе, посетил Верх-Исетский металлургический завод и его госпиталь, Березовские золотые промыслы.

Об этих днях рассказал в своих воспоминаниях почетный лейб-хирург, доктор Д.К. Тарасов, входивший в число лиц, сопровождавших государя в его путешествии по России. Воспоминания эти были опубликованы 130 лет назад в журнале «Русская старина» (1872 год, март) и стали раритетом на долгие десятилетия.

Лишь в самом конце XX века, в 2000 году, благодаря энтузиазму и настойчивости екатеринбургских краеведов, вышел в свет сборник «Старый Екатеринбург. Город глазами очевидцев». На его страницах сегодняшний читатель сможет найти и записки почетного лейб-хирурга...

взгляд современника

Дмитрий Тарасов, почетный лейб-хирург:

«Его Величество пребыванием своим в Екатеринбурге остался весьма довольным».

«...25 сентября государь прибыл в Екатеринбург часов в 7 пополудни и остановился в приготовленном для него великолепном доме купца Расторгуева, впоследствии владение Харитонова.

26 сентября государю представились: главный начальник горных заводов со всеми чиновниками горного ведомства; городское начальство и почетное купечество, а также начальники и управляющие частными горными заводами. После представлений государь осматривал все заведения в городе и был всем вообще совершенно доволен; в особенности он обратил внимание на изделия гранильной фабрики. Тут директором фабрики поднесены были императору букет цветов, отработанный с изумительным мастерством из разноцветной яшмы, малахитовая шкатулка, несколько вещей дорогих из халцедона, аметиста и золотистого дендрита. Директор фабрики Коковин представил государю огромнейший кусок превосходной яшмы и испросил соизволение по представленному чертежу выточить из онаго большую вазу в ознаменование Высочайшего посещения гранильной фабрики. (Великолепная эта ваза была окончена отделкою спустя несколько годов после пребывания Александра I в Екатеринбурге, доставлена в Санкт-Петербург уже в царствование Николая I и поставлена в Эрмитаж Зимнего дворца. Огромность этой вазы, едва ли не единственной такой в свете, изумительна!)...

Баронет Виллие и я помещались в доме замечательного в Екатеринбурге бывшаго заводского правителя Григория Зотова, который более 20 лет управлял Верх-Исетскими заводами корнета гвардии Алексея Яковлева, и из разстроеннаго их положения довел до самаго блистательного, как по устройству и усовершенствованию всех частей завода, так особенно по выделке отличнаго и известнаго во всей Европе Яковлевского листового кровельного железа. При управлении Зотовым эти заводы приносили Яковлеву чистаго доходу в год до трех миллионов рублей ассигнациями. Этот же Зотов открыл на Урале золото, и первый устроил механизм вымывания онаго из песков...

26 сентября же, после обеда, император осматривал находящийся подле самаго Екатеринбурга Верх-Исетский корнета Яковлева завод, который красивостью своего устройства, местоположения и великолепными строениями как бы составлял лучший квартал Екатеринбурга, с которым он соединялся прекрасно устроенным бульваром. Государь осмотрел все подробности этого превосходнаго завода. Гранитная, отлично устроенная плотина на реке Исети, обширные каменные мастерские, превосходные машины для производства различных чугунных и железных изделий, и в особенности для выделки

кровельнаго листового железа, великолепный корпус для заводского училища, великолепный заводской госпиталь изящной архитектуры, снабженный всеми принадлежностями, даже с роскошью, на 150 больных, — превзошли всякое ожидание Его Величества и произвели справедливое удивление, потому более, что все осмотренные им на Урале казенные заводы по управлению и устройству были несравненно ниже Верх-Исетского завода. В то время этим заводом управлял воспитанник и ученик Григория Зотова — Китаев, ибо Зотов после 20-летнего управления заводами получил увольнение от своего господина Яковлева и жил в Екатеринбурге свободным гражданином...

При осмотре заводского госпиталя, который действительно был в превосходном положении, Его Величество отозвался: «Все здесь отлично устроено, и мне остается сожалеть, что я не могу содержать так больных моих солдат»...

Государь при осмотре Верх-Исетского завода, узнав, что он устроен и доведен до такой степени совершенства заводским бывшим мастером Григорием Зотовым, проживающим в Екатеринбурге, повелел барону Дибичу представить ему этого Зотова...

На другой день, 27 сентября, в 7 часов пополудни барон Дибич приказал Зотову явиться к себе и в то же время представил его императору. Зотов пробыл у государя полтора часа.

Сам Зотов об этом счастливом для него событии рассказывал мне в тот же вечер с большим воодушевлением и чувством безпредельной преданности и благоговения к особе Его Величества.

«Я не могу передать, — сказал мне Зотов, — сколь велика милость монарха ко мне, недостойному! По моей просьбе он простил и повелел возвратить на заводы Расторгуева 90 человек заводских людей, несправедливо сосланных в Сибирь будто бы за бунт, коего совсем не было. Я поручился за доброе поведение этих несчастных, которые, по возвращении, всю жизнь будут благословлять имя великого нашего монарха».

В заключение нашей беседы Зотов прибавил, что государь весьма о многом его разспрашивал насчет улучшения горной части на Урале и повелел изложить ему свое мнение и все предложения к усовершенствованию этой части прислать в Петербург к Его Величеству прямо в собственные руки. И даже разрешил писать и доносить таким образом обо всем, что он только для горной части найдет нужным и полезным.

Все, что мне Зотов разсказывал, было вполне справедливо... Григорий Зотов до такой степени обратил на себя монаршее внимание, что Его Величество писал о нем императрице, что в первый раз в жизни он встретил мужика с таким светлым умом и опытностию во всех отраслях горнаго искусства...

Его Величество пребыванием своим в Екатеринбурге остался весьма довольным.

Выезжая из онаго в обратный путь в Россию, 28 сентября в 6 часов пополудни государь остановился и горной лаборатории, где в присутствии Его Величества расплавили один пуд добытого на Урале зернистого золота, вы-

лили его в форму и в то же время произвели пробу, по коей золото оказалось высшаго качества и чистоты...»

История Екатеринбурга больше не знала официальных визитов царствующих особ, хотя Великие князья не раз бывали в уральской столице. В 1837 году в город приехал наследник престола, Великий князь Александр Николаевич, который нашел его **«богатым и прелестным»**.

Нам же остается добавить, что фамилия Зотовых особенно прославилась во время «золотой лихорадки», постигшей Екатеринбург спустя десять лет после визита Александра I. Один из Зотовых — Тит оказался чрезвычайно удачливым предпринимателем: за короткий срок, в течение всего десяти лет, на открытых им промыслах в енисейской тайге было добыто более 2300 пудов золота.

Крупные вложения екатеринбургских купцов в сибирскую золотодобывающую промышленность сыграли существенную роль в ее стремительном развитии. Благодаря их энергии и предприимчивости Сибирь превратилась в крупнейший золотопромышленный район, давая около трех четвертей всего добываемого в стране золота. А сама Россия в 40-х годах XIX века считалась первой в мире по добыче благородного металла.

«Золотой век» для Екатеринбурга начался в тридцатых годах, точно раскрылась страничка из «Тысячи и одной ночи».
Но исторические явления, как известно, не происходят зря, а имеют свою определенную логику...
На Урале всякая свободная деятельность... стеснена была со всех сторон чудовищными привилегиями частных заводчиков и регалией казны.
Отсюда естественное искание выхода и еще более естественно, что дорогу к нему проложили раскольники, как и случилось на самом деле. В этом историческая заслуга нашего Екатеринбурга: отсюда вылетели те орлы, которые прошли по Сибири золотым ураганом.
...Екатеринбург прогремел на целый свет, как Эльдорадо, и эта слава повита теперь легендарными сказаниями».

Д. Н. Мамин-Сибиряк. Из очерка «Город Екатеринбург»

Что же получил от сибирского золота город?

Некоторые исследователи считают, что «золотой век» Екатеринбурга отмечен лишь бурным строительством шикарных купеческих особняков да удалым разгулом стремительно разбогатевших купцов. Другие же историки этого периода подчеркивают, что в годы «золотой лихорадки» город сделал новый значительный шаг в социально-экономическом и культурном развитии, прочно закрепил за собой

роль крупного административного, промышленного, финансового, торгового и культурного центра Урала, статус его неофициальной столицы. И тому есть убедительные подтверждения.

Набирало силу фабрично-заводское производство, не связанное с металлургией и металлообработкой. Продукция таких предприятий шла главным образом на удовлетворение нужд городского населения и близлежащих заводов, рудников и промыслов, и только малая ее часть — свечи, кожа, бумага, сало — продавалась на Ирбитской и Нижегородской ярмарках.

Заметное место в экономике города стало занимать мелкое ремесленное товарное производство: сапожное, чеботарное, портняжное, поваренно-пекарское, серебряное и живописное. Изготовленные екатеринбургскими гранильщиками вещи из цветных камней отличались удивительным изяществом и красотой и пользовались огромным спросом.

Но ремеслами занимались также мастеровые екатеринбургских казенных предприятий. Профессиональные знания и навыки, приобретенные на Монетном дворе, механической и гранильной фабриках, очень им в этом помогали. Вот почему горожане-ремесленники постоянно жаловались в думу на незаконную конкуренцию со стороны мастеровых, которые к тому же не несли никаких городских повинностей. Дума как могла защищала интересы своих избирателей, но в условиях постоянного давления со стороны горной администрации делать это было нелегко.

Екатеринбург в годы «золотой лихорадки» укрепил свои позиции и как важнейший торговый центр региона. Хотя гужевой транспорт и традиционный сплав по реке Чусовой оставались главными средствами передвижения людей и товаров, «промышленный переворот» — одним из факторов которого было изобретение паровой машины — внес серьезные коррективы в структуру перевозки грузов. В 1817 году на Каме прогудел первый пароход, а спустя тридцать лет — в 1848 году по полноводной уральской реке началось постоянное пароходное сообщение. Таким образом, Урал оказался связан водным путем с Нижним Новгородом, Ярославлем, Рыбинском и далее по системе Мариинских каналов с Санкт-Петербургом. Из сухопутных дорог по-прежнему главную роль играл Большой Сибирский тракт, по которому масса грузов перемещалась из центра России в Сибирь, на Дальний Восток и — обратно.

Важным событием в хозяйственной жизни Екатеринбурга и его промышленных предприятий явилось открытие в 1847 году первого на Урале специализированного кредитно-финансового учреждения — екатеринбургской конторы Государственного коммерческого банка, ссудами которого стали пользоваться почти все уральские заводы. Так Екатеринбург превратился в финансовую столицу края.

Были свои достижения и в развитии науки, культуры, народного образования, здравоохранения.

В городе активно действовало Горное научное общество, по инициативе которого в 1834 году был открыт горный музей. В его основу легла коллекция минералогического кабинета Главного начальника горных заводов.

В том же году по проекту выдающегося уральского архитектора М.П. Малахова, чьи сооружения и по сей день украшают Екатеринбург, началось строительство магнитной и метеорологической обсерватории. С января 1836 года обсерватория ведет ежедневные магнитно-метеорологические наблюдения.

Совершенствовалась городская система народного образования. Основное место в ней занимало уездное училище, финансовой поддержке которого дума, несмотря на скудость бюджета, уделяла особое внимание. В 1836 году оно из трехклассного было преобразовано в четырехклассное. В училище преподавался широкий круг предметов, в том числе основы горного дела и минералогия, бухгалтерский учет и азы коммерции, французский и немецкий языки. Выпускники училища, как правило, были готовы к поступлению в Институт горных инженеров в Петербурге, который являлся кузницей кадров для горнозаводской промышленности страны.

И наконец, в 1838 году при екатеринбургском Ново-Тихвинском монастыре было открыто первое в городе женское училище.

Замечательным событием в культурной жизни города стало появление в Екатеринбурге в 1843 году профессиональной театральной труппы во главе с антрепренером П.А. Соколовым. В репертуаре театра были самые разные спектакли — от легких водевилей до гоголевских пьес. Интересно, что в основе труппы были крепостные актрисы, принадлежавшие матери И.С. Тургенева. Театр прижился в городе, екатеринбуржцы и думать не могли, что с полюбившимися артистами придется расстаться. Тогда по предложению городской думы в городе начался сбор средств, чтобы выкупить у матери писателя ее крепостных. Деньги — сумма немалая! — были собраны довольно быстро (постарались купцы и состоятельные чиновники), и актрисы получили долгожданную вольную. Купцы же, в основном Рязановы и Зотовы, дали деньги и на строительство для труппы П.А. Соколова театрального здания. Оно было выстроено в 1847 году в самом центре города на Главном проспекте со зрительным залом, вмещавшим до 800 человек. Здание это, к счастью, сохранилось: в нем сейчас один из лучших кинотеатров Екатеринбурга — «Колизей».

взгляд современника

Э. Сибиряков, корреспондент театрального обозрения «Репертуар и Пантеон»:

«Сообщу вам о нашей небывалой новости, о нашей радости, о наших удовольствиях...»

«...В Екатеринбурге от его основания (а основан он 120 лет) никогда не бывало театра. Жители его слыхали о театре и о сценическом искусстве от бывальцев в столицах приезжих из них, или читали драматические сочинения, а сцены никак не видали; ныне же, о чудо чудное!

Театральный дух сам залетел за Уральский хребет... Его пригрели здесь теплом русским, приласкали, приголубили русским радушием... Словом, в октябре к нам прибыла театральная труппа П.А. Соколова. Устроен временный театр, и начались представления с 5 ноября. Помещение, хотя недостаточное по числу желающих зрителей, но по возможности удобное и со всеми необходимыми принадлежностями. Содержатель театра г. Соколов, человек с благородной душой, с примерным бескорыстием и честностью, весь преданный искусству, живущий уже более 30 лет в театральном мире, и живущий только для театра, исполняющий все свои обязанности публике и к своей труппе добросовестно и с усердием, как хозяин театра, или более, как отец, любимый своею труппою, заслуживает всего внимания и уважения просвещенных и непросвещенных любителей театра.

По первому объявлению его публике, когда устраивалось еще театральное здание, все места, заменяющие ложи, ценою по 75 коп. сереб., и все кресла, кроме последних двух рядов, были уже абонированы, так что за неделю до первого представления в счет абонемента невозможно было купить места в остальных последних рядах. Такое явление в истории театров кажется очень удивительным, особенно в провинции. К чему отнести такую жажду желаний видеть представления? Не зная ни труппы, ни достоинства играемых г. Соколовым пьес, абонировать почти весь театр на всю зиму — удивительно!

Впрочем, надобно признаться, что когда шли театральные приготовления, многие из любителей, в том числе и я, нижеподписавшийся, думали себе, а иногда и говорили: «Что-то будет; едва ли выйдет что-то порядочное; должно быть какой-нибудь шарлатан заехал к нам морочить честной народ, и на счет легковерных и невзыскательных хочет пожить, или даже, если можно, и поднажиться». Такие думы западали, говорю, и в моей голове до самого первого представления 5 ноября. Наконец, настал и этот день и час представления. Отправляемся, колеблемые все еще сомнением и неверием. Наружность здания довольно благообразная, но это к г. Соколову не относится; строение старое. Входим. Входы защищены от холодного воздуха особенным устройством. Освещение прекрасное, устройство мест для кресел, для лож и для партера рассчитано с математической аккуратностью, красиво, удобно, уютно, как нельзя лучше. Прорез на сцену убран и отделан со вкусом. Сперва оркестр, хотя и немногочисленный (9 человек), но сформированный comme il faut для театра, поразил нас приятным образом своею гармониею. Театр наполнился зрителями в 10 минут. В назначенный по афише час поднимается занавес; начинается представление; изумление и глубокое молчание царствует в театре; действие продолжается; далее показалась в своей роли примадонна, пропела несколько куплетов, и мертвая тишина переходит в оглушительные рукоплескания, которые уже сопровождают обе пьесы до конца представления. Восторг зрителей был истинный, а торжество г. Соколова полное и заслуженное.

После такого блистательного дебюта и после нескольких следовавших представлений купеческое общество делает подписку и предполагает выстроить будущим летом непременно новый каменный театр со всеми принадлежностями, удобный, просторный, и эта подписка состоялась не на одних словах, а на самом деле; необходимая сумма денег для этого тотчас же была собрана. Господин Соколов со своей стороны дает обещание увеличить еще свою труппу, вызвав к себе лучших актеров и актрис.

К чему приписать такие блистательные успехи екатеринбургского театра и такой блистательный прием г. Соколову? Говорите же после этого: за Уралом (горами) в Сибири живут медведи, или хотя не медведи, но люди же, да только ходящие на четырех лапах, и выдумывайте другие небывалые диковинки...»

Стоит сказать и о том, что за время «золотой лихорадки» город значительно расширил свою территорию. Застройка Екатеринбурга велась по генеральным планам, утвержденным в 1829-м и 1845 году губернской властью, горным начальством и думой. При этом жестко соблюдалась установка, зафиксированная и в думском постановлении, что приведение генерального плана **«в исполнение должно быть постепенное, по мере обветшания зданий, следующих по оному к сломке, дабы не причинить жителям преждевременного расстройства...»**.

Эти годы, безусловно, изменили в лучшую сторону архитектурный облик Екатеринбурга. Каменные усадьбы богатых купцов, административные здания, выстроенные в благородном стиле русского классицизма, являются и поныне украшением городских улиц и проспектов. К середине XIX века по количеству каменных сооружений — как жилых, так и нежилых домов — город обогнал все крупные города губернии, в том числе и губернскую столицу — Пермь.

Однако будем откровенны: благоустройство ограничивалось только центральными магистралями. На окраинах, где жили, в основном, ремесленники и мастеровые, царили деревянные постройки, проезжая часть улиц и переулков не была замощена, тротуары ремонтировались редко, площади в базарные и праздничные дни превращались в моря грязи и нечистот, которые убирались медленно, как правило, после нескольких напоминаний городского головы или полицмейстера. Антисанитария, плохая вода способствовали распространению среди горожан инфекционных заболеваний, различных эпидемий. Горожанам надолго запомнилась холера, разыгравшаяся в 1848 году и унесшая сотни жизней...

Все эти проблемы полностью ложились на плечи городской думы, которая с каждым годом становилась все более и более зависимой от горнозаводского начальства, а оно не уставало требовать наведения во всех делах, касающихся городской жизни, порядка, но при этом стремилось вкладывать как можно меньше средств в городское хозяйство, по-прежнему считая его для себя обузой.

«Горный Начальник был полный хозяин своего округа... Можно сказать, что власть Горного Начальника ограничи-

валась только тем, что он был обязан исполнять казенные наряды по постоянным ценам, назначавшимся Министерством Финансов каждые 5 лет; все же обороты и всякая законная власть для выгоды, по вышеозначенным частям его управления, позволялись Горному Начальнику с тем, чтобы он не выходил из суммы, в его распоряжение определенной...»

Из «Исторической записки о составе горной администрации» от 14 июня 1861 года

Какое же место занимала в структуре управления «горным городом» дума?

Мы уже говорили о том, что общественное самоуправление с 1807 года после принятия проекта нового Горного положения оказалось в ситуации достаточно двусмысленной. Екатеринбург, повторим, единственный в стране получил статус «горного города» и перешел в прямое подчинение власти Горного начальника Екатеринбургских заводов. При этом сохранялась и зависимость гражданских учреждений от губернских органов управления.

Да, управление горными заводами на Урале носило откровенно военизированный характер еще со времен Татищева и Геннина. В период же царствования Николая I сугубо военная, казарменная организация жизни достигает своего апогея. 17 января 1834 года издается Императорский указ о создании военизированного Корпуса горных инженеров, на который было возложено все административное и техническое руководство горными заводами. Инженерам теперь присваивались офицерские звания, а мастеровые получили наименование **«рабочих чинов»** и были приравнены к рядовым военной службы. Это означало, что жить и работать они должны были строго по военным уставам, за проступки их судил военный суд.

Горное ведомство полностью превратилось в обособленную, абсолютно военизированную структуру. Екатеринбург, заполненный всевозможными чиновниками и войсками (в распоряжении горнозаводского начальства находилось три линейных батальона, инвалидные роты, лесная стража и горная полиция), был столицей этого «горного царства».

Главный горный начальник, наделенный огромными полномочиями, рядом с которыми власть губернатора и тем более местных гражданских чиновников совершенно терялась, имел право не только утверждать избранных горожанами лиц на должности в органах самоуправления, но и наиболее важные статьи городского бюджета, рассматривать просьбы города об его нуждах, осуществлять контроль и надзор за жизнью населения — городских обывателей. В свою очередь, губернские структуры пользовались правом ревизии деятельности думы, доходных и расходных статей бюджета, решали многие важные вопросы административного характера.

Описывая в своем знаменитом историческом очерке «Город Екатеринбург» 30 – 50-е годы XIX века, Д.Н. Мамин-Сибиряк так отозвался о том периоде в биографии города: **«Это было ужасное время беспримерной судебной волокиты, бесправия,**

шпицрутенов, плетей и всякого другого «пристрастия», какое немыслимо даже при большом осадном положении, точно Екатеринбург стоял на охваченной мятежом и междоусобной бранью территории».

> ***«Ожидания В.А. Глинки не сбылись. Была ли причиной тому Крымская война, потребовавшая чрезвычайных расходов со стороны государства, или другое что — мы не беремся решать. Но что мысль об учреждении особой губернии, с горным начальником во главе, исходила от этого последнего, кажется, нельзя сомневаться».***
>
> *Екатеринбургская неделя, 1893, № 46*

В 1837 году Главным начальником горных заводов хребта Уральского (так официально именовалась эта должность) был назначен генерал В.А. Глинка, во многих смыслах личность выдающаяся. В молодости сражался с наполеоновской Францией, масон, член декабристского «Союза благоденствия», потом с 1828 года — в свите императора, активный участник подавления польского восстания начала 30-х годов.

Мамин-Сибиряк дал ему такую характеристику: «**...Глинка оставил по себе все-таки хорошие воспоминания, как человек честный, что не мешало окружающим его воровать напропалую. Внушительная наружность, высокий рост и военная николаевская выправка придавали ему диктаторский вид. Это и был диктатор — прямой, грозный, справедливый до жестокости, вспыльчивый и милостивый...**»

Глинка значительно укрепил власть горнозаводской администрации, немало сделал полезного для развития добывающей и металлургической промышленности, способствуя внедрению и распространению разнообразных технических и технологических новшеств, усовершенствованию разработки рудников и приисков, основал механическую фабрику в Екатеринбурге, положив тем самым начало на Урале инструментальному производству. В истории он остался и как организатор горнозаводского образования, основатель Уральского горного училища. Глинка покровительствовал первому профессиональному екатеринбургскому театру, помогал видным общественным деятелям — врачу А.А. Миславскому, художнику А.И. Корзухину, историку и этнографу Н.К. Чупину, протянул дружескую руку декабристу Вильгельму Кюхельбекеру в трудные для него годы тобольской ссылки...

И при этом он был единоличным правителем в Екатеринбурге, считал, что превыше всего интересы его ведомства — ведомства горных заводов. Когда пермские губернские власти в лице самого губернатора и губернского прокурора в 1847 году выступили с предложением, чтобы губернатор, а не заводской начальник, утверждал избранных на общественные должности в Екатеринбурге, Глинка высказался категорически против. Он заявил, что «**...более может способствовать к полезному исправлению дел общественных здешнего города, чем гражданский губернатор, находящийся в отдалении...**». С другой стороны, Главный начальник добился восстановления в из-

бирательных правах мещан и заводских работников, которые их были лишены после беспорядков на выборах 1810 года. Таким образом, Глинка не допустил концентрации городского самоуправления в руках именитых и богатых купцов. Спустя два года он добился права единолично утверждать в должности весь состав городских органов управления. А в 1851 году вообще вся власть в городе перешла в руки Горного начальника, который теперь утверждал даже и городской бюджет, что всегда было прерогативой думы. Нетрудно представить, что при такой обстановке роль местного самоуправления была сведена в те годы практически к минимуму.

Шестигласная дума на своих заседаниях в основном заслушивала указы, распоряжения, предписания правительственных учреждений, губернского и горного начальства. Самостоятельности ее хватало лишь на выделение средств на так называемые «общественные нужды».

К слову сказать, несмотря на мощные финансовые потоки, которые прокручивались через город в годы «золотой лихорадки», городская казна не могла похвастаться денежным достатком. Бюджет, как и в начале века, складывался из платежей за эксплуатацию городской недвижимости и разных сборов: поземельного, с купеческих гильдий, питейных заведений, с актов и сделок, совершаемых на городской территории, и т.п. Большая часть расходов приходилась на содержание самого городского управления и полиции. Кстати, на полицию, подчинявшуюся, прежде всего, главному начальнику, само горное ведомство старалось тратиться минимально. А всякий новый полицмейстер считал своей обязанностью представить думе очередной проект увеличения расходов на содержание его службы. Правда, все эти инициативы думой сначала отклонялись, но потом, под давлением горной власти, принимались, пусть и в урезанном виде. Вот и получалось, что на больницы, учебные заведения, благоустройство городских площадей и улиц по-прежнему оставалась малая толика средств. И Пермский губернатор в своем традиционном годовом отчете на Высочайшее Имя в 1851 году даже вынужден был написать об екатеринбургских контрастах: **«...На самых лучших улицах... рядом с богатейшими палатами золотопромышленников стоят ветхие домики мастерового люда, боковые улицы и дальнейшие от центра города в весеннее и осеннее время совершенно неудобны для проезда по причине грязи и болотистой почвы»**.

А дума, стесненная в правах и финансах, искала по всей губернии дешевых подрядчиков, которые взялись бы за благоустройство города — резиденции горнозаводского начальства.

Только в одном номере газеты «Пермские губернские ведомости» от 8 марта 1857 года было опубликовано сразу три думских предложения.

«Екатеринбургская городская дума вызывает желающих к торгам, имеющим быть в присутствии ея 24 числа апреля сего года с переторжкою чрез три дня, на взятие подряда поправки канав и мостов на Хлебной площади...

Оная же дума вызывает желающих к торгам, имеющим быть... 26 апреля сего года... на взятие подряда постройки двух каменных подъездов к реке Исети, поправки гауптвахты при тюремном замке и караульного дома у Московской заставы...

Оная же дума вызывает желающих к торгам, имеющих быть… 2 числа мая сего года… на взятие подряда постройки каменного заплота около дома городского общества и исправление дороги по Главному проспекту и внутри кварталов…»

комментарий ученого

Бюджет города или казна горного правления?

Наиболее важной стороной деятельности общественного самоуправления в Екатеринбурге конца XVIII века являлись сбор налогов с горожан и расходование средств из городского бюджета, производимое под контролем Казенной палаты Губернского правления. В Екатеринбурге выборы впервые состоялись в 1787 году, но в думе заседали только купцы, мещане, ремесленники и выбранные от посада. В 1807 году Александр I одобрил предложенный министром финансов проект Горного положения, присвоивший Екатеринбургу статус «горного города». Это означало, что отныне Горный начальник Екатеринбургских заводов, наравне с местными обывателями, должен нести нелегкое бремя ответственности за состояние городского хозяйства и обеспечение правопорядка. Эта структура управления сохранялась, с небольшими изменениями, вплоть до 1863 года.

В созданной правительством системе организации власти в Екатеринбурге изначально заключалось два недостатка, которые весьма негативно сказались впоследствии. Местное самоуправление было сформировано исходя из принципа сословного представительства, в то время как большинство жителей Екатеринбурга были мастеровыми и непременными работниками казенных заводов, освобожденными от городского налога. Следовательно, интересы города отнюдь не были тождественными сумме интересов составляющих его податных сословий. Кроме того, возложив на Горное начальство управление Екатеринбургом, центральная власть не озаботилась указать, откуда взять для этого средства. Так сложился малоэффективный порядок власти, при котором гласные думы во главу угла ставили интересы избравших их людей, а чиновники — интересы своих ведомств. О реальных потребностях города и его жителей никто не думал.

В исторической литературе еще со времен Д. Н. Мамина-Сибиряка считалось, что «вся жизнь Екатеринбурга подчинена была горному правлению, а существовавшее городское управление носило зависимый, пассивный характер». Фундаментальное исследование М.А. Горловского «Горный город Екатеринбург» дополнило эту точку зрения богатым фактическим материалом. В кратком изложении концепция Горловского выглядит следующим образом: полномочия думы незначительны, гласные в большинстве случаев некомпетентны, все отрасли городского хозяйства крайне запущены, денег, вследствие множества недоимок, хронически не хватает, попытки В. А. Глинки в начале 1850-х годов изменить что-либо к лучшему не принесли ожидаемых результатов. В действительности же все было намного сложнее.

Власть, в самом общем ее выражении, есть ни что иное, как способность управлять людьми и ресурсами. Шестигласная дума распоряжалась денежным фондом городского бюд-

жета, и именно это позволяло ей существенно влиять на ситуацию в городе. Изучение особенностей финансовой и налоговой политики думы дает возможность понять степень ее самостоятельности и обнаружить подлинные интересы гласных. Но прежде необходимо сказать несколько слов о сложной политической борьбе внутри и вокруг Екатеринбурга, происходившей в первой половине XIX века.

В 1808 году в городе разразился острый внутриполитический конфликт, имевший далеко идущие последствия. Причиной его стал отказ городского головы Якова Толстикова разрешить избранным от купечества ревизорам убедиться в ***«верности показанных в приходе и расходе сумм, а потом употреблении принадлежащих обществу денег в разные расходы»****. В результате накануне выборов мещане поддерживали кандидатуру Толстикова, а купцы наотрез отказывались за него голосовать. Внешне это выглядело весьма некрасиво: купеческий кандидат Иван Казанцев,* ***«называя мещанское общество всех скотами и бунтовщиками, воспрещая им входить в общественный разговор, иных выталкивал из собрания своими руками и чинил тем в самом выборе совсем остановку»****. Несмотря на то, что при поддержке губернской и горной власти Толстиков сохранил за собой пост еще на один срок, Сенат в 1810 году принял решение* ***«производить выборы из одного купеческого общества, не допуская к оным мещан и цеховых не имеющих капитала и не записавшихся в гильдии»*** *— победил сильнейший. Фактически мещане и ремесленники не потеряли представительство в городской думе (купечество физически не могло занимать все выборные должности), просто то, что раньше им гарантировалось законодательством, сегодня было получено взамен уступок и полюбовного соглашения с ведущим городским сословием.*

Прошло тридцать семь лет, и никто не обращал внимания на не совсем нормальное положение вещей, пока пермский губернатор И. И. Огарев не объявил В. А. Глинке «бумажную войну» за Екатеринбург. Поводом обвинить в халатности горные власти стало то обстоятельство, что большинство имеющих право голоса горожан вот уже несколько десятилетий отстранены от выборов, а Горный начальник не обращает на это никакого внимания. Вопреки надеждам Огарева, центральная власть встала на сторону Глинки и поручила ему исполнять в отношении города те обязанности, которые раньше были возложены на губернатора, т. е. утверждать выборы городского головы и следить за правильностью использования городских финансов. Глинка отнюдь не был доволен доставшимся ему наследством: ***«... Город, в отношении благоустройства, находится в совершенном беспорядке. Доходы с трудом поддерживаются в таком состоянии, чтобы удовлетворить только необходимые потребности, а об изыскании средств к увеличению доходов нет никакого попечения».*** *Что же представлял собой бюджет Екатеринбурга?*

В начале XIX века законом строго дифференцировались доходные и расходные статьи бюджета на городовые и общественные. К первым относились деньги, полученные с питейных сборов, купеческих капиталов, аренды весов, поземельных сборов от разночинцев, иногородних купцов, аренды лавок Гостиного двора и т. п., тратить их можно было только на нужды города: благоустройство, охрану порядка, ремонт зданий, здравоохранение. Общественные сборы складывались из добровольных пожертвований обывателей и налогов на содержание выборных сословных учреждений (городская дума, магистрат, сиротский и словесный суды и т. п.). В первые три десятилетия доходные статьи давали в разные годы от 20 до 49 тысяч рублей.

Общий принцип при составлении сметы расходов: тратить меньше того, что есть в наличии, остаток записывать в приход будущего года. Возможность маневра для городского головы и думы заключалась в смешении и перетасовке городовых и общественных средств, наиболее яркий пример того — постройка каменного Гостиного двора. Крупномасштабное строительство требовало громадных затрат. Дума, проявив удивительную изворотливость, нашла средство решения проблемы: только что построенные каменные лавки отдавались для залогов знаменитому винному откупщику Злобину и верхотурскому купцу Попову, а полученные от них деньги направлялись на дальнейшее строительство. Когда же Злобин внезапно разорился, долги в зачет заложенного им имущества пришлось выплатить из городской казны. В 1834 году, во время гонений на местных купцов за старообрядчество, была проведена ревизия, и оказалось, что дума, с молчаливого согласия Казенной палаты, самовольно определяла, какие средства принадлежат городу, а какие купеческому обществу — на Гостиный двор и на долги Злобина пошли деньги, собранные совсем для других целей. Смелость думы объяснялась просто: гласные во главе с городским головой Яковом Толстиковым входили в число главных собственников и арендаторов каменных лавок.

Куда меньше энергии прилагали власти для решения вопросов, непосредственно с интересами торговли или промышленности не связанных. Самая больная тема — благоустройство. В 1824 году городская дума и Горный начальник Екатеринбургских заводов полгода вели препирательство о том, кто должен привести в порядок город к приезду Александра I. Дума готова была выделить деньги, но только половину необходимой суммы, как того требовал закон. Горное же начальство самоустранилось от работы по благоустройству, пытаясь грозными приказаниями возложить все расходы на городской бюджет. Улицы, конечно, прибрали, но конфликт довели до того, что его пришлось разбирать специальной комиссии из Петербурга…

Практически ничего не изменилось и по прошествии еще двадцати лет: ***«В городе нет мостовых, — жаловался В. А. Глинка, — торговые площади засорены, по некоторым улицам нельзя проехать, мосты одни неисправимы, другие ветхие...»***

В конце концов горные власти вынуждены были признать, что казенные рабочие «по ограниченному своему состоянию» налоги платить не могут, ***«повинность за них обязана выполнять казна, что по огромному числу жителей в городе потребует многотысячной суммы».*** *Не эгоизм купечества, а неспособность государства отвечать за взятые на себя финансовые обязательства являлась подлинной причиной неприглядного облика Екатеринбурга.*

Не менее острые дебаты велись и в отношении содержания полиции. В 1829 году горными властями совместно с городской думой были разработаны новые штаты для Управы благочиния, предполагавшие значительное увеличение финансирования. Город согласился выплатить свою часть денег, но министр финансов не нашел ***«ни возможности, ни надобности изменить положение для екатеринбургской полиции».*** *А* ***«в Екатеринбурге и окрестностях оного, с некоторого времени смертоубийства усилились до такой степени, что жители уже не смеют вечером выходить на улицу».*** *И снова виноватых искали среди деятелей городского самоуправления: не смогли собрать налоги, не смогли организовать милицию из городских обывателей и т.п.*

С 1852 года, как уже говорилось, Главный горный начальник Уральских заводов Глинка стал полным хозяином в Екатеринбурге и управлял городским бюджетом так, как будто

Доклад екатеринбургского полицмейстера о положении дел в городе. Июнь 1822 года

Документы о выборах городского головы Екатеринбурга, состоявшихся в 1811 году

это казна Горного правления. Жесткий контроль и мелочная опека городских финансов часто были некомпетентными и имели целью подчинить реальную экономику не всегда продуманным министерским циркулярам.

Между тем, вопреки мнению Горловского, Екатеринбург отнюдь не был банкротом. В 1862 году, накануне отмены статуса горного города, налогов было собрано на 33 400 рублей серебром, расходы не превышали доходов, а запасной капитал составлял 96 608 рублей, т. е. равнялся почти трем годовым бюджетам (он складывался из сэкономленных средств и выплат недоимок за прошлые годы, деньги отдавались в ссуды под проценты и приносили прибыль). О том, до какого абсурда могли дойти бюрократические правила императорской России, свидетельствует хотя бы такой исторический факт: чтобы потратить 3000 рублей из запасного капитала на строительство водосточной канавы, городской думе пришлось испрашивать разрешения у Главного горного начальника, тот, в свою очередь, переправил просьбу к министру финансов, и через год (!) министр финансов вместе с министром внутренних дел коллегиально ***«не нашли причин»*** *запретить рыть канаву. Легко понять, что работа городских властей была бы парализована, если бы все время неукоснительно соблюдались подобные процедуры. Запасной капитал использовался как своего рода амортизатор в момент крупных единовременных выплат из бюджета, и все попытки Главного горного начальника запретить думе распоряжаться им по своему усмотрению часто негласно игнорировались. В 1863 году уставшее от чрезмерной опеки купечество Екатеринбурга, воспользовавшись обсуждением проектов нового Городового положения, добилось переподчинения города куда более покладистой и не столь близко расположенной губернской власти.*

Наблюдения за расходованием средств из бюджета Екатеринбурга показывают, что, несмотря на жесткий контроль и бюрократическую опеку, постоянное желание государства переложить свои финансовые обязательства на частный капитал, местному купеческому и мещанскому обществу удавалось отстоять собственные корпоративные интересы, игнорируя распоряжения верховной власти. В проигрыше, в конечном итоге, оказывался сам город, инфраструктура и внешний облик которого близко не отвечали высокопарному званию «столицы Урала».

Артем Беркович, научный сотрудник
Музея истории Екатеринбурга

«...Положение об освобождении от обязательного труда есть то Слово Божие, которое даровало зрение слепцу. Прозревший горный промысел хочет теперь составить понятие о правилах своей жизни; но для этого ему необходимо прежде жить новою жизнью, преодолевать новые затруднения, вырабатывать свою энергию и выводить правила из опытности».

Горный журнал, 1861 год

В 1853 году началась Крымская война, которая спустя два года, несмотря на героизм матросов и солдат, завершилась падением Севастополя и поражением России. Англия и Франция одержали победу: в жилах европейской экономики уже пульсировала иная — молодая, энергичная кровь.

Стало очевидным, что существующий в стране социально-экономический строй изжил себя. Осознание этого в российском обществе совпало со смертью Николая I — монарха, чьи личность и образ мыслей были наиболее яркими воплощениями этого режима.

Так и Екатеринбург — «горное гнездо» — олицетворял собой жизнь при откровенно казарменных порядках, заведенных еще в год его рождения.

Долгожданная отмена 19 февраля 1861 года крепостного права явилась этапным моментом в судьбе Екатеринбурга: приписанные к частным горным заводам крестьяне стали свободными людьми. 8 марта того же года получили «вольную» работники, приписанные к заводам казенным.

Вскоре изменился и юридический статус города: правительство поддержало точку зрения торгово-промышленных кругов, и в 1863 году по решению сената Екатеринбург — на этот раз окончательно — перешел в гражданское ведомство.

Летом того же года по дороге на Дальний Восток в Екатеринбурге несколько дней провел блистательный выпускник Императорского пажеского корпуса, будущий крупный ученый и революционер, теоретик анархизма князь Петр Алексеевич Кропоткин. В своем дневнике, который он вел по пути на службу, Кропоткин написал весьма примечательные строки, на наш взгляд точно характеризующие в то время настроение граждан горной столицы:

«... Я заметил: Екатеринбург — город живущий и живучий. Он не заглохнет, ему смело можно предсказать хорошую будущность, особенно когда приведется в исполнение сибирская железная дорога, которая, конечно, не минует его. Самое лучшее доказательство значения Екатеринбурга то, что он хотя и не губернский город, а гораздо больше, красивее и богаче многих губернских: в нем жизнь видна на улицах — торговля идет хорошо, жители не жалуются на скуку, напротив, говорят, что живется весело; наконец, образовавшееся тут педагогическое общество свидетельствует, что деятельность в нем не одна промышленная и торговая...»

Но если казенные и частные горнозаводские предприятия все-таки трудно врастали в систему новых, стремительно нарождающихся экономических отношений, заводы и фабрики, на которых трудились вольнонаемные, быстро пошли в гору. К началу 70-х годов таких предприятий насчитывалось в городе около сорока. Они выпускали в год самой разнообразной продукции более чем на миллион рублей. Количество ремесленников в Екатеринбурге выросло за десять лет почти до полутора тысяч человек.

Вот как оценивала публицистика ситуацию, сложившуюся в Екатеринбурге на рубеже 60—70-х годов. Приведем только две цитаты.

«Высокие трубы многочисленных заводов и фабрик, расположенных как в самом городе, так и окраинам его, придают Екатеринбургу какой-то особый, так сказать, европейский характер...»

«...Старый уклад жизни рушился с треском, уступая дорогу чему-то неизвестному, но сильному и властному. Екатеринбург, подобно другим русским городам, вступал на путь торгово-капиталистического производства и обмена».

ГЛАВА ВТОРАЯ

(1870 — 1892)

ШКОЛА УПРАВЛЕНИЯ

Укрепившаяся городская власть и наследие «горного государства». — Новые налоги и старые недоимки. — «Школа должна идти впереди всего». — Городские врачи и берлинский профессор Кох. — Санитарно-благоустроительная сказка про белого бычка. — Война с уличной грязью. — «Поставляется в обязанность обывателям…» — Общественность рукоплещет законодателям. — Полиция: служит городу, подчиняется губернии. — Пожарная вольница. — Городское самоуправление и новорожденная «четвертая власть». — Думская «кухня» и избиратели. — Нищий нищему рознь. — Учебные пособия, чарка водки и столб с сюрпризами. — Заманчивые, но не всегда доступные блага цивилизации. — Свет в конце железнодорожного тоннеля. — Первый почетный гражданин Екатеринбурга.

«Приходилось поспевать зараз в десяти местах и тратить время на невидную черновую работу. Одно желание вылезти из грязи чего стоило... Мы видим, что удовлетворение обязательных статей городского хозяйства отнимало все средства, а тут еще другие неотложные требования: необходимо поднять народное образование, обеспечить дешевый кредит, создать благотворительные учреждения и т.д.».

И.И. Симанов, екатеринбургский городской голова, «Краткий очерк результатов деятельности городского самоуправления». 1889 год

Две реформы местного самоуправления, предпринятые российскими самодержцами в 1870-м и 1892 году, очертили сравнительно небольшое историческое поле. Однако екатеринбургской городской власти удалось даже за столь короткое время пройти путь, достойный уважения. Это были двадцать лет, в течение которых окончательно оформились главные традиции управления городом, формировался его облик, определялась его судьба на столетия вперед. Это были двадцать лет взросления: сперва городская дума лишь осознавала свои силы и возможности, затем училась их использовать и одновременно выстраивала отношения с окружающим миром — от екатеринбургского мещанства до имперских ведомств. Не всегда и не все удавалось думцам. Но именно за эти двадцать лет в Екатеринбурге определилось то, что отличает крупный провинциальный торговый, культурный, экономический, административный, железнодорожный центр. Обозначились и характерные черты, свойственные екатеринбургскому самоуправлению. Едва судьба города оказалась в его собственных руках, внимание думы было обращено на развитие народного образования, благотворительности, на попечение о неимущих и нуждающихся. Город «притянул» к себе крупные железнодорожные магистрали, устроил в 1887 году Сибирско-Уральскую научно-промышленную выставку, ставшую заметным событием в российской жизни: в ней участвовали 3839 экспонентов из 32 губерний России и шести иностранных государств, посетили же ее более 80 тысяч зрителей (что более чем вдвое превышало число тогдашних горожан). В Екатеринбурге были пронумерованы дома, прошла однодневная перепись населения…

Период между двумя реформами городского управления можно считать временем настоящего становления Екатеринбурга как города. Пришла пора нового обустройства жизни. Стремительно менялись и психология горожан, и сам дух города. Засилье шальных «приваловских миллионов» уступало место новым общественным отношениям и запросам.

Городовое положение, Высочайше утвержденное 16 июня 1870 года, произвело в Екатеринбурге, где оно было введено два года спустя, настоящий переворот. Если сказать коротко, случилось следующее: город, прежде, с момента своего основания, являвшийся «горным гнездом», безраздельной вотчиной Главного горного начальника, получил вдруг законное право самостоятельной хозяйственной и финансовой деятельности. При этом шестигласная городская дума, этот **«жалкий призрак власти»**, как с явным пренебрежением отзывался о ней Д.Н. Мамин-Сибиряк в своем известном очерке «Город Екатеринбург», тоже канула в прошлое.

К слову, почетный гражданин города Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк с 1888-го по 1891 год представлял третий разряд избирателей в Екатеринбургской городской думе. В начале 1890-х годов вокруг Мамина образовался кружок, куда входили многие городские «думцы». М.А. Казанцева-Иванова называет, например, И.Н. Климшина, Н.Ф. Магницкого, А.А. Фолькмана, а также Г.Г. Казанцева, **«богатого человека, очень просвещенного, имевшего свой домашний театр, где ставили пьесы в духе Художественного театра; у него была великолепная библиотека, где можно было найти самые редкие издания»** — в том числе Добролю-

бова, Чернышевского, Герцена, вольнолюбивые сочинения которых тогда трудно было достать.

Реформа местного самоуправления сильно расширила рамки представительства в высшем органе городской власти. Право голоса независимо от сословия получил каждый, кому исполнилось 25 лет, кто жил в городе не менее двух лет, состоял в русском подданстве, владел недвижимой собственностью, облагаемой налогом в пользу города, либо содержал торгово-промышленное заведение. Сами выборы проводились по трехразрядной схеме, позаимствованной в Европе. Избиратели подразделялись на три группы (разряда), каждая из которых давала равное число налоговых платежей и избирала в городскую думу одинаковое число гласных. Таким образом, состоятельные перворазрядные налогоплательщики, при их малочисленности, получали приоритет перед основной массой избирателей. Например, в начале 70-х годов в Петербурге разница в представительстве первого и третьего разрядов составляла 65 раз.

«Городская дума составляется, под председательством городского главы, из гласных, избираемых на 4 года», — гласила статья 54 Городового положения. Число гласных в разных городах колебалось от 30 до 72, в Москве их было 182, Петербурге — 250. Порядок действий и состав исполнительного органа — городской управы — устанавливался думой. Городской голова также избирался ею, но утверждался в должности губернатором или министром внутренних дел (в зависимости от ранга города).

Думы отвечали за ведение городского хозяйства, благоустройство, общественный порядок и спокойствие, развитие культуры, поддержку местного производства, торговли. Все это — самостоятельно, в пределах предоставленной городскому общественному управлению власти. Губернатор мог инициировать **«непосредственные исполнительные меры»**, возложив расходы на город, но на практике Екатеринбургская дума находила способы спустить нежелательные инициативы на тормозах. Решения думы вступали в силу только при условии, если губернатор **«не усмотрит в оных нарушения законов»**, но большинство вопросов, в том числе и бюджетных, разрешалось думой окончательно и не нуждалось ни в чьем утверждении.

Город был вправе спорить с губернатором. Обжаловать его действия можно было в губернское по городским делам присутствие, следующей апелляционной инстанцией был правительствующий Сенат. Екатеринбургская городская дума не раз пользовалась этими возможностями и доказывала свою правоту в Сенате. При всех издержках избирательной системы, при всей громоздкости административных взаимоотношений городская власть, благодаря реформе, вырастала в полноправную, юридически самостоятельную силу, значимую в имперских масштабах.

С принятием Городового положения Екатеринбург **«вошел в большую семью остальных русских городов»**, отмечал Д.Н. Мамин-Сибиряк. Однако молодым самоуправлениям, городскому и земскому, предстояло выдержать особый экзамен. Смена вех, как это обычно и бывает, происходила на фоне кризиса: в производстве и финансах царил упадок, безземельные казенные мастеровые, потеряв работу,

оседали в городе в тщетной надежде прокормиться. **«Нужно заметить,** — писал городской голова И.И. Симанов в 1889 году, — **что горнозаводские рабочие дают сравнительно громадный процент увечных больных и просто изработавшихся, притом рабочий период здесь продолжается сравнительно меньше,** а отсюда **масса престарелых, увечных, сирот и вообще нуждающихся в общественной помощи — все это сразу и легло на новое городское самоуправление и потребовало немедленного удовлетворения своих бесчисленных нужд».**

И известный уральский писатель, и городской голова отмечают одно роковое обстоятельство, затормозившее развитие Екатеринбурга, — здесь были запрещены «огнедействующие заведения», так что **«плавильная печь в гербе Екатеринбурга является точно насмешкой...»**. Запрет как раз и закрыл безработным и безземельным поселенцам дорогу к кустарным промыслам, «а в результате, — добавляет Симанов, — **мещанство должно было обратиться к таким заработкам, как старательский промысел и «лесоворная часть».**

Кроме того, Екатеринбург, благодаря своему географическому положению, на протяжении столетий оставался одним из главных бродяжнических сборных пунктов. Активное железнодорожное строительство, ознаменовавшее 70-е годы XIX века, не отменяло существования бродяжнического тракта, пролегавшего бассейнами Исети и Чусовой. Положение дел не могло измениться, по мнению Симанова, до тех пор, пока действовала система ссылки в Сибирь. Городская дума предпринимала меры, чтобы избавить Екатеринбург от ссыльных, но имперские власти были непреклонны. Так, 4 августа 1887 года дума ходатайствовала об исключении Екатеринбурга из числа тех городов, куда можно ссылать лиц, «опороченных по суду», — 2 декабря пришел отказ за подписью товарища министра внутренних дел.

В деятельности первых созывов обновленной Екатеринбургской городской думы мы действительно не увидим, как писал позже И.И. Симанов, **«сосредоточения действия, руководящих идей и цельности»**. Руководящие идеи подбрасывала жизнь, и за время, пока Екатеринбург прозябал под неблагосклонной к обывателю рукой горного начальства, их накопилось столько, что разгребать эти авгиевы конюшни и впрямь должен был настоящий Геракл. Браться нужно было за все сразу.

Упущений хватало, к ним можно отнести нерасторопность думы в управлении лесами, мощении улиц. Главным же упущением городской власти в 1870-х годах современник считает невнимательность к нуждам мещанского сословия. Оно включало в себя в 1872 году 6412 душ и было отягощено отсутствием общественного запасного капитала и недоимками за прошлые годы: 3380 рублей составляла земская задолженность и 1897 рублей — рекрутская. Запутавшись в долгах, мещанское общественное самоуправление постепенно ослабевало, и многие его проблемы автоматически легли на плечи городской власти, совершенно к тому не готовой. Между тем у Екатеринбургской думы была возможность помочь мещанам. Еще до того, как горные рабочие стали оставлять свои предприятия и перебираться в город в поисках лучшей доли, существовал собранный ими общественный капитал, который в конце концов достался сообществу горных инженеров, а мог бы послужить

подспорьем для развития в Екатеринбурге мелкого предпринимательства. Кроме того, городская дума, как уже указывалось, не предприняла должных усилий, чтобы реформировать горный устав — отменить запрет на огнедействующие заведения, мешающий кустарному промыслу. Все эти стесненные обстоятельства сделали из городских мещан хронических недоимщиков, у которых, по мнению тогдашнего городского головы И.И. Симанова, не было стимула прощаться со своими долгами, а тем более — принимать участие в городском обустройстве.

комментарий ученого

Городовое положение 1870 года и новая организация городской власти в Екатеринбурге

Реформа императора Александра II в области местного самоуправления, ставшая еще одним шагом на пути демократизации России, являлась органической частью целого комплекса преобразований. Городской реформе предшествовали не менее радикальные изменения в земском самоуправлении. Городовое положение 1870 года вводило качественно иной принцип всесословности в избирательную систему, устанавливало новые нормы, регулирующие состав органов городского общественного управления, провозглашало его самостоятельность, одновременно оставляя за правительственными властями право наблюдения и контроля.

Необходимость реформирования управленческой системы давно ощущалась на местах (в том числе и в уральских городах). Екатеринбургское купеческое и мещанское общество признало необходимым провести намеченное преобразование, заключив, что оно будет способствовать улучшению городского хозяйства, уничтожив ***«преграды к самостоятельному его развитию»****.*

Пермский губернатор поддержал ходатайство екатеринбуржцев, указав в обращении к министру внутренних дел на тот факт, что ***«город Екатеринбург, находясь в средоточии путей сообщения между городами Европейской и Азиатской России и между южными и северными городами и горными заводами Уральского хребта, имеет весьма обширную и разнообразную деятельность в торговой, фабричной и заводской промышленности»****. Он подчеркнул, что* ***«эта деятельность, при преобразовании городского хозяйственного управления на началах нового положения, может достигнуть еще большего развития на общую пользу как местных жителей, так и жителей других городов и местностей империи»****. По мнению губернатора, введение Городового положения в Екатеринбурге являлось* ***«своевременным и полезным»****.*

Разрешение министерства внутренних дел последовало 5 мая 1871 года, однако реально городское самоуправление Екатеринбурга по новому закону сформировалось и стало функционировать несколько позднее, в феврале 1872 года.

Все городские дела решались на заседаниях думы (в основном простым большинством голосов; при равенстве — голос председателя давал перевес). Заседания городской думы могли назначаться по усмотрению городского головы, по требованию губернатора или по желанию

не менее 20 процентов гласных, о котором сообщалось городскому голове. Решения думы признавались законными (за исключением некоторых случаев, когда обсуждались особо важные вопросы) при условии присутствия на заседании не менее одной трети гласных. Для решения некоторых вопросов (например, о приобретении в пользу города недвижимого имущества или об его отчуждении, о займах или об отстранении должностных лиц городского общественного управления от должности и о предании их суду) требовалось присутствие не менее половины всего числа гласных, и принятие решения происходило большинством не менее двух третей наличных голосов.

Для более полного представления о деятельности органов городского самоуправления необходимо ознакомиться с организацией бюджета Екатеринбурга.

Екатеринбургской городской думой (еще не реформированной по закону 1870 года) была составлена смета доходов и расходов на 1872 год, по которой предполагалось доходов — 41588 рублей и расходов — 50 096 рублей, т.е. бюджетный дефицит составлял 8507 рублей. Новое (реформированное на основании Городового положения 1870 года) городское управление пересмотрело бюджет на 1872 год; доходная его часть составила в итоге 60 794 рубля, расходная — такую же сумму. По словам современников, ***«в свое время смета эта возбудила немало толков и предсказаний о несбыточности исчисленных сборов и неизбежности недоборов».*** *Из отчета же за 1872 год видно, что годовой доход составил 80 606 рублей, а расход — 73 405 рублей, остаток на 1873 год равнялся 7200 рублям.*

Таким образом, в первый год после реформирования городского самоуправления доходы города (по сравнению с 1871 годом) увеличились на 22 623 рубля. В докладе городского головы Екатеринбурга по поводу бюджета на 1874 год и отчета за 1873 год говорилось: ***«Положительно можно утверждать, что в России находится малое число городов, финансовые средства которых, с введением нового Городового положения, оказались бы в столь благоприятном положении».*** *Рост доходов городской голова объяснял* ***«благоприятными экономическими условиями, правильными поступлениями, правильным счетоводством и отчетностью»****, появлением новых источников доходов (в частности, налога с заведений для продажи и выделки питий, оценочного сбора).*

Однако на городские нужды требовалось все больше расходов. Уже в 1876 году бюджет Екатеринбурга предусматривал дефицит в 16 766 рублей, который решено было покрыть за счет сумм, позаимствованных из запасного капитала. К запасному городскому капиталу относились особые городские суммы, расходуемые в чрезвычайных ситуациях. Этот капитал сформировался в течение предыдущих лет, он пополнялся в те годы, когда реальные доходы города превышали городские расходы, оставшийся капитал и причислялся в запасный.

К 1880 году дефицит составил 22510 рублей. В дальнейшем ситуация стала постепенно улучшаться. К 1 января 1881 года осталось 884 рубля 22 копейки, которые пошли в запасный капитал города, дума не имела дефицита, могла обойтись без долгов. В целом же, бюджет Екатеринбурга продолжал увеличиваться. Так, городские доходы постепенно росли, увеличившись к 1892 году, по сравнению с 1870 годом, в пять раз.

Городские доходы делились на «обыкновенные» и «чрезвычайные». Первые (например, в 1880 году на них приходилось 119089 рублей, то есть 83,3 процента общей суммы доходов) складывались из доходов от городского недвижимого имущества и оброчных статей,

оценочного сбора с недвижимого имущества, различных налогов, которыми облагались торговля и промыслы. Ко вторым (в 1880 году они составили 23 855 рублей, то есть 16,7 процента общей суммы) относились прибыль от городских банков, займы, пособия от казны и земства, поступления из недоимок прежних лет.

Сумма всех расходов Екатеринбурга в 1870 году составляла 47 046 рублей, в 1880 году она достигла 142 060 рублей, в 1891 году – 242 765 рублей. Городские расходы делились на обязательные и необязательные. Обязательными являлись содержание городского общественного управления, городских общественных зданий и памятников, учебных и благотворительных заведений, уплаты сумм по городским займам и обязательствам, выдача пенсий, затраты на воинский постой, отопление и освещение тюрьмы, содержание полиции и пожарной команды, расходы на благоустройство города.

Следует отметить, что в рассматриваемое время Екатеринбург стоял на втором месте в губернии после Перми (в отдельные годы и на первом) по количеству городских доходов и расходов, причем городские расходы росли пропорционально доходам.

Городская реформа 1870 года привела к прогрессивным изменениям в области городского самоуправления. В целом самоуправление Екатеринбурга работало более эффективно и плодотворно, чем дореформенная городская власть.

Елена Апкаримова,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН

«В 1876 г. на покрытие сметных издержек по недостатку доходов было израсходовано без возврата запаснаго капитала 23 617 рублей 80 к., затем с 1877 года переходил уже постоянно дефицит, составивший к 1880 году сумму 22 510 рублей».

Екатеринбургская неделя, 1880, № 48

Но и сама городская власть, едва начав самостоятельную работу, столкнулась с постоянной нехваткой средств. К 1875 году в бюджете Екатеринбурга расходы, увеличиваясь с каждым годом, начали превалировать над доходами, и дума принялась ломать голову, как исправить положение. Естественно, прежде всего зашла речь об использовании всех предусмотренных законом доходных источников, основным из которых считался оценочный сбор с недвижимых имуществ. Не раз на эту тему вспыхивали думские дискуссии; гласные не спешили задирать налоговую ставку слишком высоко. В 1877 году этот сбор был установлен в четверть процента с рубля, тогда как в Перми он составлял один процент. Примечательно, что, принимая это решение, думцы отдельно обсуждали налогообложение производств, находящихся в городском выгоне. **«Так как все заведения в городском выгоне существуют исключительно с промышленною целию, – для извлечения дохода,** – рекомендовала в 1877 году специально созданная думой комиссия «об изыскании источников

В этих сборниках, которые хранятся в фондах СОУНБ им. Белинского, запечатлены все страсти думских дебатов

ПРОТОКОЛЫ

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ

ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

ЗА II-ю ЧЕТВЕРТЬ

1883 года.

ЕКАТЕРИНБУРГЪ.
Типографія П. Я. Сапожникова.
1883.

Ремонт дорог — вечная российская проблема

32

ДОКЛАДЪ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ.

3-го Мая 1882 г.

Въ Екатеринбургскую Городскую Думу.

Городская Управа имѣетъ честь доложить Думѣ слѣдующее:

На главныя работы въ текущемъ году, по исправленію дорогъ въ городѣ, ассигновано по смѣтѣ 5,000 р., къ этой суммѣ добавленъ остатокъ противъ смѣты въ количествѣ 8,822 руб. 56 коп., всего 13,822 руб. 56 к., изъ нихъ отчислено по смѣтѣ: на исправленіе Фетиссовской улицы 6,071 руб. 59 коп., еще потребуется отчислить 952 рубля.

Остается распредѣлить 6,798 руб. 97 коп. въ счетъ каковыхъ заподряжено и предполагается заподрядить:

I. *На исправленіе Верхотурской улицы:*

60 куб. саж. щебня, по 8 руб. - -	480 р.	
10 куб. саж. песку -	50 —	
Постоянная поддержка въ теченіи 6 мѣсяцевъ съ розсыпкой матеріала - -	240 —	
		770 р.

II. *Главный проспектъ отъ дома Посицкаго до Московской заставы:*

30 куб. саж. щебня, по 11 руб. - -	330 —	
розсыпка его - -	40 —	
		370 р.

к увеличению городских доходов», **— то обложение их налогом на равне с городскими имуществами представляет явную несообразность, потому что городския имущества служат лишь для жилых помещений, большею частию не приносящих ни какого дохода, в виду сего было-бы справедливо обложить означенныя заведения налогом, в пользу города, особо от городских имуществ, — по доходности их»**. Дума согласилась с этим и установила налоговые ставки: к примеру, для салотопенных предприятий — по 1 копейке с пуда сала и по 1,5 копейки с пуда масла, для скотобоен — по 5 копеек за корову или быка и по 2 копейки за барана, для кожевенных заведений — по 3 копейке с выделанной кожи, для пивоваренного завода — по 1 копейке с ведра пива или меда… Всего же город намеревался собирать с подобных заведений до 7тысяч рублей в год.

К слову, меньше чем через два месяца гласные успели распорядиться большей частью суммы от этого сбора — суммы, фактически еще не поступившей в бюджет. 12 апреля 1877 года император повелел русским войскам вступить в пределы Турции, а Екатеринбургская городская дума, желая соучаствовать **«в деле заступничества за угнетаемых Турциею Славян на востоке»**, на заседании 6 мая ассигновала 5 тысяч рублей **«на усиление санитарных средств и другия военныя надобности действующей армии»**, дабы эти деньги были употреблены **«по возрению Ея Величества»**. Да кроме того, **«от наличных Гласных в этом заседании поступило пожертвований 2090 рублей»**… Это далеко не последний случай передачи городских средств на имперские военные нужды.

Содействовать бюджетному процветанию призван был и Городской общественный банк, который уже в 1875 году развил свои обороты до 3 миллионов 374 тысяч 721 рубля и принес почти 78 тысяч рублей прибыли. Но к началу 1890-х годов отношения между правлением банка и городской думой обострились. В состав ревизионных комиссий, которые изучали банковскую отчетность, гласные шли неохотно. Частью из-за того, что работа почти не давала отдачи: дума часто безрассудно доверялась правлению банка; частью из-за того, что **«члены комиссий имеют в перспективе, вместо жалованья и наград, сесть на одну скамью подсудимых с правлением банка... за недосмотр»**. Думские ревизоры, работавшие в 1890 году, вынуждены были напомнить коллегам: **«За действия Общественнаго Банка отвечает все городское общество, а Дума, как представительница этого общества, должна следить за действиями Банка... и в случае уклонения Правления Банка с пути предначертаннаго Думой направлять его на этот путь. Банк же должен быть послушным орудием Думы, как единственной своей хозяйки»**. Эта сентенция прозвучала потому, что, по мнению ревизионной комиссии, **«действуя самостоятельно, Правление Банка, как мы видели, ничего полезнаго не сделало... многолетний же пробел в статье доходов города от операций Банка подтверждает заключения Комиссии»**. Претензий к банку к тому времени накопилось очень много. Его бухгалтерия находилась **«в хаотическом состоянии»**. Он предпочитал выдавать ссуды не под залог, а под векселя, учет последних производился на громадные суммы в руки одного предъявителя (банкиры объясняли, что им **«легче**

следить за несколькими крупными фирмами, чем за многими мелкими»). К примеру, векселей купцов Суслова и Баландина, которых впоследствии постигло банкротство, было в городском банке на 175 тысяч рублей. Введение закона об ограничении кредитов и вкладов застало Городской общественный банк с общим капиталом в 130 тысяч рублей, и почти все — в опротестованных векселях. С большим трудом думе удалось предотвратить крах банка.

В 1883 году екатеринбургская управа в вечных поисках средств удосужилась заглянуть в «древние» налоговые росписи и проследила историю городских недоимок чуть ли не с момента основания Екатеринбурга. Обнаружилось, что по различным давным-давно введенным и частью уже отмененным сборам город недосчитался более 16 тысяч рублей. Стали размышлять, как их вернуть в бюджет. Вот, скажем, с 1859-го по 1868 год существовал восьмипроцентный сбор с промышленных заведений, располагавшихся в жилых домах. И кто же значится в недоимщиках? **«Штаблекарша Малинина, оставшаяся должной по двум модным магазинам 144 р. и 360 р. — магазинов ея даже старожилы не помнят...»**. Исчез и магазин Эйферта, задолжавший городу, его помещение занял окружной суд. И так далее... Из всей суммы недоимок нашли возможным взыскать лишь около 2 тысяч «зависших» рублей поземельного сбора с предприятий в городском выгоне. Остальные долги пришлось «списать». Кстати, короткая история о борьбе налогоплательщика с городской властью. Полковник Меньшенин, отчуждая в 1874 году свой дом, наотрез отказался платить **«поземельный сбор на обывательских в городе местах»**, считая его незаконным. Будучи, видимо, человеком гордым и не желая выглядеть неплатежеспособным, полковник, в ожидании судебного вердикта, внес в городскую управу в качестве залога именной билет Камско-Волжского банка на сумму в 200 рублей. И на суде, и в полиции его уговаривали предоставить этот билет в уплату за злосчастный налог. Меньшенин не соглашался. Судоговорение тянулось. Так тот билет и лежал в управе — даже после смерти его владельца...

Городское самоуправление пыталось вести собственную коммерческую деятельность. В середине 70-х годов Екатеринбургу принадлежало, например, пять кирпичных сараев, где можно было производить до 600 тысяч штук кирпича в год. Стоимость этих сараев составляла до 4 тысяч рублей, а располагались они, включая выработки глины, на 65 десятинах — за чертой города, по Челябинскому тракту. Однако в 1876 году выделку кирпича пришлось прекратить за невыгодностью. Сараи решено было сдать в аренду, причем **«отдельно каждый в разныя руки»**, да еще арендаторов обязали **«ежегодно отпускать в распоряжение Управы 100/т. хорошо выделаннаго кирпича, на городския надобности и на отпуски бедным жителям»**. Между прочим, еще в 1873 году город выписал из-за границы кирпичеделательную машину, потратив на это 1133 рубля 56 копеек, и почти через 15 лет, поскольку машина оставалась **«за ненадобностью без употребления»**, дума разрешила управе продать ее. Начальную цену положили всего в 120 рублей — именно столько предложил за чудо техники некий мещанин Л.Я. Бурцев...

Городу приходилось и прощаться с некоторыми доходными источниками. Еще в 1853 году Горному начальнику екатеринбургских заводов, **«чтобы водворить по городскому хозяйству правильный и вполне сообразный с законами порядок»**, было предписано ввести сбор с заезжих купцов, мещан и крестьян — по 1 проценту с суммы проданных товаров. Соответствующее разрешение от министерства финансов последовало в 1857 году, но Городовым положением, введенным в Екатеринбурге в 1872 году, этот сбор не был предусмотрен. Хотя и продолжал взиматься: так, в 1874 году он принес городу 1241 рубль 45 копеек, в 1876-м — 1058 рублей. Торговые обороты заезжего купечества были весьма значительны: например, в 1873 году они доходили до 2 миллионов рублей. 23 ноября 1873 года дума ходатайствовала перед начальником губернии о повышении суммы сбора, но ответа не получила. Лишь 16 марта 1877 года у городской думы руки дошли отменить сбор с заезжих торгующих **«как взимаемый без всяких оснований»**. Но 24 октября 1884 года гласный К.И. Рощинский вновь поднимает этот вопрос, причем имея в виду не только обложение купечества. **«У нас есть транспортныя конторы**, — заявил Рощинский, **— которыя ограничиваются лишь взятием билета в 5 руб.,** а **между тем привозящия им кладь ямщики портят дорогу и пользуются в городе приютом, тогда как городские жители сравнительно с уездными, пользуются поддержкою от земства менее, несмотря на то, что мы с одних городских домов платим земству налогу более 18000 руб. и потому нельзя ли обложить ямщиков въезжающих в город известным налогом, как это делается в Тюмени и других городах; сюда например с одной Ушковской фабрики проходит до 1000 лошадей, а к Каменским до 10/т.»**. Вслед за этим Н.А. Ренкуль предложил договориться еще и с железными дорогами о плате за провоз грузов через Екатеринбург. Средние годовые показатели движения грузов по станции Екатеринбург Уральской горнозаводской железной дороги были за период с 1879-го по 1884 год таковы: привозится — 3 миллиона 40 тысяч пудов, отправляется — 7 миллионов 140 тысяч пудов. Даже если бы город брал по одной десятой части копейки с пуда, то это выразилось бы в сумме 10 тысяч рублей в год. Что касается обложения ямщиков, городская управа от него отказалась по невозможности установить приемлемый порядок сборов…

Попыток ввести новые и новые налоги было предостаточно, и не всегда дума проявляла последовательность. Так, 29 сентября 1877 года она ввела пятикопеечный налог с воза за камень и щебень, добываемые в городском выгоне, а 15 июня 1881 года отменила его **«в виду того, чтобы не обременять им жителей»**. Благая цель не была достигнута: после отмены налога цена на камень ничуть не упала, тем более, что добыча его на казенных дачах облагалась государственным налогом по-прежнему. На заседании 31 августа 1883 года член городской управы Желтовский докладывал между тем, что предприимчивые люди неплохо зарабатывают, беспошлинно и бесконтрольно добывая плитный и бутовый камень на двух городских каменоломнях и отказываясь при этом доставлять его на общественные работы... Возвращаться к налогу «на камень» дума не стала, ограничившись запрещением на его добычу в одной из каменоломен — на шестой версте Сибирского тракта.

...Как бы то ни было, отцы Екатеринбурга с самого начала самостоятельной деятельности городской власти понимали, что пополнение и развитие бюджета зависит не от успеха коммерческих операций, в которых местное самоуправление заведомо проигрывает любому грамотному частному предпринимателю. Многие попытки города создать муниципальные доходные предприятия терпели неудачу. Главным условием бюджетной стабильности оставалось здоровое, гармоничное развитие городской экономики. А как раз она-то страдала от ветхозаветных узаконений, отменить или изменить которые было не в компетенции Екатеринбургской думы. Поэтому понятие бюджетного дефицита было хорошо знакомо думцам даже в самые благополучные времена.

«После резкой и разумной речи гласнаго Казанцева и некоторых возражений (довольно робких) со стороны немногих, в числе коих был чуть ли не г. Телегин (юный), — дума громадным большинством голосов порешила к прежней, отпускаемой ею на содержание женской гимназии, сумме прибавить еще 3000 рублей; затем раздать подписные листы новым гласным и просить всех лиц, принявших на себя сбор пожертвований на постройку здания для гимназии, поспешить этим сбором. Будем надеяться, что в виду дорогой для всех нас цели, предназначаемой капиталу, который должна доставить подписка, — в ознаменование 25-летняго царствования Государя, — городским гласным удастся собрать к 1-му Января 1881 года капитал, достаточный для окончательнаго сооружения и устройства здания женской гимназии, в котором последняя так нуждается».

Екатеринбургская неделя, 1880, № 46

Огромную поддержку городская власть оказывала вновь открывающимся и развивающимся образовательным учреждениям — школам, женской гимназии, реальному училищу. К 1877 году, за пять лет, бюджет Екатеринбурга из общей суммы расходов в 89 тысяч рублей выделял на образовательные нужды около 12700 рублей, или 14 процентов своего дохода. Вновь процитируем Симанова: **«Этим сказалось направление новаго городского самоуправления, в котором откликнулась Петровская старина — школа должна идти впереди всего».**

Старейшее училище Екатеринбурга — Алексеевское реальное — открылось в 1873 году, и дума сразу определила отпускать на его содержание четвертую часть ежегодной прибыли Общественного банка. Кроме того, в ассигнованиях участвовали земства — губернское, Екатеринбургское и Камышловское уездные. Весной 1876 года гласные городской думы решили увеличить финансирование реального училища и отпустили ему вообще всю прибыль Общественного банка.

ПРОТОКОЛЪ № 1

Засѣданія Екатеринбургской Городской Думы

8 января 1887 года.

Собраніе открыто заступающимъ мѣсто городскаго головы А. А. Глухихъ въ присутствіи 36 гласныхъ.

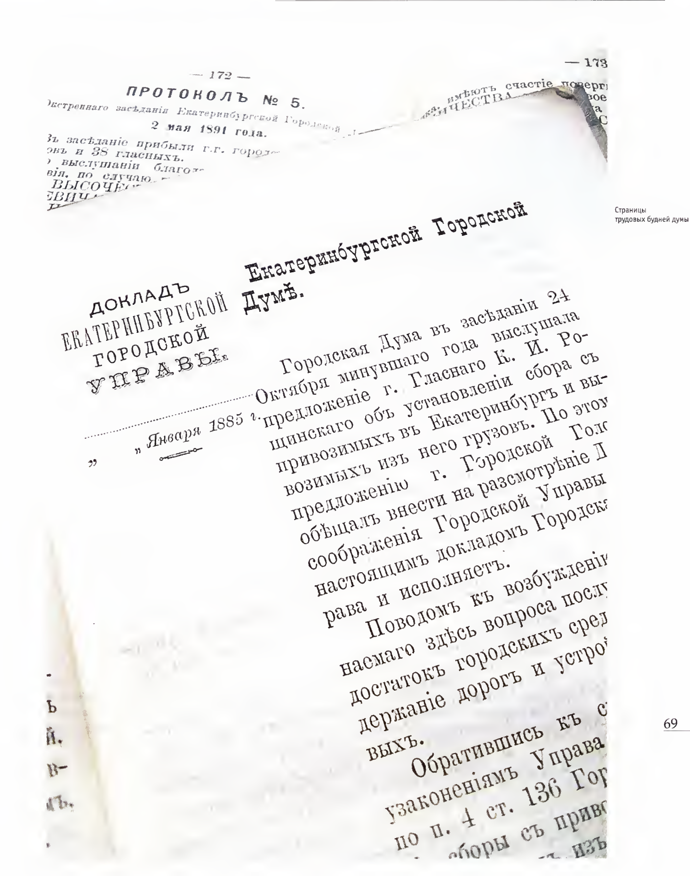
По утвержденій редакціи протокола Думы за 17 декабря 1886 г., было приступлено къ разсмотрѣнію внесенныхъ въ программу вопросовъ въ такомъ порякѣ:

1.

Городская Управа доложила собранію. что къ предстоящей Сибирско-Уральской научно-промышленной выставкѣ въ г. Екатеринбургѣ ожидается посѣщеніе города Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ или другою Особою Императорскаго Дома; что къ такой высокой чести. удостоеваемой городъ Екатеринбургъ Всемилостивѣйшею волею Государя Императора, теперь уже наступаетъ время приготовиться; а потому Управа просила полномочія Думы на изготовленіе блюда для поднесенія при посѣщеніи г. Екатеринбурга Высокимъ гостемъ хлѣба-соли и о выборѣ комиссіи для подготовки самаго пріема.

По возбужденному въ собраніи вопросу о томъ, какіе предстоятъ труды для той комиссіи, которая предлагается Городскою Управою къ избранію, заступающій мѣсто городскаго головы высказалъ, что Управа сначала предполагаетъ озаботиться изготовленіемъ блюда, такъ какъ для этого потребуетя не мало времени, а за тѣмъ составленіемъ соображеній о имѣющихъ потребоваться для встрѣчи Высокихъ гостей расходахъ и наконецъ самыми приготовленіями къ этой встрѣчѣ.

Г. Г. Казанцевъ находилъ, что такъ какъ труды

— 172 —

ПРОТОКОЛЪ № 5.

...экстреннаго засѣданія Екатеринбургской Городской ...

2 мая 1891 года.

Въ засѣданіе прибыли г.г. город...
...овъ и 38 гласныхъ.
...выслушаніи благо...
...вія, по случаю...
ВЫСОЧЕ...
...ЕВИЧ...

— 173

...имѣютъ счастіе поверг...
...ЧЕСТВА...

ДОКЛАДЪ
ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ
ГОРОДСКОЙ
УПРАВЫ.

„ „ Января 1885 г.

Екатеринбургской Городской
Думѣ.

Городская Дума въ засѣданіи 24
Октября минувшаго года выслушала
предложеніе г. Гласнаго К. И. Ро-
щинскаго объ установленіи сбора съ
привозимыхъ въ Екатеринбургъ и вы-
возимыхъ изъ него грузовъ. По этому
предложенію г. Городской Голо...
обѣщалъ внести на разсмотрѣніе Д...
соображенія Городской Управы...
настоящимъ докладомъ Городска...
рава и исполняетъ.

Поводомъ къ возбужденію...
насмаго здѣсь вопроса послу...
достатокъ городскихъ сред...
держаніе дорогъ и устро...
выхъ.

Обратившись къ с...
узаконеніямъ Управа...
по п. 4 ст. 136 Гор...
...сборы съ приво...
...изъ

Страницы трудовых будней думы

Вот что представляло из себя Алексеевское реальное училище в начале 1890-х годов. Помещалось оно в собственном двухэтажном доме на углу Главного проспекта и Студеной улицы, мастерская и лаборатория — в отдельных помещениях. Состояло из шести основных классов, двух параллельных (при втором и третьем классе — по многочисленности учеников) и дополнительного — с механико-техническим отделением. В 1889 году все 13 учеников этого класса получили свидетельства с правом поступления в одно из высших специальных учебных заведений.

Фундаментальная библиотека училища хранила 2986 томов книг, ученическая библиотека — 1133 тома. Существовал и отдельный склад учебников и руководств для бедных учеников, в нем содержалось 468 единиц хранения. В физическом кабинете состоял 281 прибор, между прочим, в 1889 году училище приобрело пару телефонов с микрофоном. Кабинет естественных наук располагал 171 пособием по зоологии, 680 — по минералогии, 24 — по ботанике. В лабораторном отделе числилось 558 приборов и реактивов. Прибавьте ко всему этому 420 пособий по рисованию, 191 — по черчению, 141 — по истории и географии, 12 — по механике, 43 инструмента и модели, изготовленных самими учениками... Кстати, ученики самостоятельно изготавливали для себя парты и кафедры. Куплен был училищем и «гимнастический город», состоящий из 13 приспособлений.

В реальном училище учреждены были две специальные стипендии имени императора Александра II и действительного статского советника Федора Логиновича Миллера, представлявшие собою проценты с пожертвованных капиталов. Только в 1889 году трем ученикам — Козлову, Елисееву и Шулаеву — было выдано в качестве стипендий 682 рубля 96 копеек. К слову, уроженцы Пермской губернии должны были платить за «право учения» по 40 рублей в год, приезжие — по 50 рублей. Всего же учеников числилось 270, из них от платы были освобождены 44 человека. Между прочим, среди учащихся оказалось в 1890 году 10 лютеран, 6 иудеев, 19 раскольников, 7 католиков. Больше всего обучалось отпрысков мещан, купцов второй гильдии и ремесленников — 125 человек. Детей дворян и чиновников было 92, духовного звания — 5, почетных граждан и купцов первой гильдии — 28, крестьян — 29. А кроме того, один ребенок из казаков и четверо иностранцев. Подавляющее большинство — жители Екатеринбурга, далее по убывающей — Екатеринбургского уезда, Верхотурья, Троицкого уезда… Был даже один ученик из Петербурга. Преподавателей и сотрудников работало в училище 22.

При училище существовало общество вспомоществования недостаточным ученикам, куда входили 21 почетный член и 83 действительных. И оно «вспомоществовало», причем в солидных размерах: его основной капитал составлял около 2500 рублей, а оборотный — около 1500...

Школьное дело с введением Городового положения, по сути, впервые почувствовало какую-то поддержку со стороны местной власти. До этого учебные заведения Екатеринбурга, признавался городской голова И.И. Симанов, **«ни кем из гласных посещаемы небыли»**. Дети городской бедноты получали в городских школах бес-

Засѣданія Екатеринбургской Городской Думы
7-го Іюня 1883 года.

...сѣданіе открыто Городскимъ Головой В. ...
...въ присутствіи 12 гласныхъ, на основані...
...наго повѣленія 25 Ноября 1880 года, взамѣн...
...щагося собранія въ 30 ч. Мая сего года.
...прочтеніи протокола засѣданія думы 23 Мая
...по утвержденіи таковаго, собраніе приступило
...нію слѣдующихъ вопросовъ.

1.

Министръ ...

платное образование, поэтому неудивительно, что они были переполнены. Дума не упускала возможности расширить их сеть. Например, 30 апреля 1884 года к трем существовавшим за счет города средним начальным народным училищам добавилось еще одно – так думцы решили отметить совершеннолетие цесаревича Николая Александровича. В годовые расходы на содержание этих четырех училищ входили: **«жалованья 4 учителям с квартирными по 400 р. каждому, 4 законоучителям 160 рублей, на первоначальное обзаведение для училищ единовременно 160 р. и на уроки пения 300 рублей»**.

Летом 1884 года Симанов предпринял беспрецедентную акцию: **«как лицо удостоенное чести стоять во главе городскаго Управления, хозяина содержимых им школ»** совершил инспекторский объезд учебных заведений и даже **«счел своим долгом... предлагать учащимся вопросы по преподаваемым им наукам, дабы иметь понятие об успешности хода преподавания и усердия преподавателей, не вдаваясь в критическую оценку способов и порядка преподавания»**.

Итоги этой инспекции позволяют нам воочию увидеть, как было организовано дело в городских народных училищах Екатеринбурга почти полтора века назад и о чем радела городская власть.

«Старшее отделение 4-го народнаго училища (учительница Екатерина Константиновна Матвеева) помещается в большой, просторной, чистой светлой комнате, в д[оме] г. Глухих, содержится с примерною опрятностью. Учительница относится к детям гуманно, ласково, что можно заметить из того, что дети отвечают смело и удовлетворительно, держат себя прилично, послушны учительнице не из страха наказания или опасения навлечь неудовольствие ея, а из любви к ней. Скромность, чистота и опрятность учительницы благотворно отражаются и на детях, они любя свою преподавательницу, следуют ея примеру...» Не хуже показало себя и среднее отделение 2-го народного училища (Разгуляевская улица, дом Человечкова), где преподавала Марья Александровна Малахова. **«Дисциплина доведена до совершенства, но для детей нисколько не стеснительна. Учительница получила специальное педагогическое образование, предана делу, прилежно следит за наукой и относится к детям с любовью»**.

А вот примеры противоположного рода. **«Младшее отделение 3 училища (учительница Надежда Семеновна Капустина) находится в Тихвинской улице д. Шуткина. Помещение плохое, сырое и тесное, учеников мало, и те почти ничего не знают, читают плохо, пишут и того хуже. Учительница сама, видимо, обладает не обширными познаниями, что бросается в глаза с перваго раза»**. В среднем отделении 4 училища (учительница Александра Николаевна Бельдштейн), которое помещалось в доме Колосова на Основинской улице, по словам Симанова, **«ученье начинается весьма поздно, я например, был в училище в половине десятаго часа и учительницы, живущей в нижнем этаже дома, в школе еще не было, она явилась уже потом, совсем по домашнему, в таком виде, какой называется неглиже. Между девочками и учительницей никакой связи, видимо нет, так как послед-**

няя держит себя слишком важно и обращается с ученицами не совсем мягко. При входе во двор посетителей встречают громким лаем три довольно больших свирепых собаки, что наводит страх, особенно, я думаю, на детей».

Всего же в 17 отделениях семи школ Екатеринбурга обучалось тогда 583 ребенка, и состояние большинства заведений, по мнению городского головы, **«нужно признать вполне удовлетворительным»**. Сумма на их содержание возрастала с каждым годом. Через шесть лет в городе прибавилось еще одно училище, а отряд екатеринбургских школьников вырос до 822 человек.

Очевидно, подобные инспекции после случались нечасто, ибо уже в январе следующего 1885 года в стенах думы разыгрался небольшой скандал. Один из гласных заявил, что городская власть **«не получает никакого достаточно точнаго и подробнаго отчета о ходе народнаго образования»**. Возмущение нарастало, гласных не устраивали отчеты управы и Училищного совета, в которых **«были одне таблицы»: «Мы, отпуская деньги, положительно находимся в неведении каким образом эти деньги расходуются, как наши школы обставлены учебными пособиями, кто такие учителя в наших школах, где они сами получили подготовку к их настоящей деятельности, каковы плоды их ежегодной деятельности и т.п.»**. Выход был найден в том, чтобы **«теперь же избрать из среды гласных попечителей в городския начальныя школы»**: таким образом, информация должна была поступать из первых рук. Институт думского попечительства прижился в Екатеринбурге и, надо полагать, действительно избавил городское общество от непродуманных расходов. И не только.

К примеру, перед началом 1889/90 учебного года имперские министерства народного просвещения, внутренних дел и военное совместным соглашением ввели преподавание «военной гимнастики» в начальных народных школах — изысканием средств на это должны были заняться земства и города. Екатеринбургская городская дума, оповещенная о нововведении губернатором, не спешила взять под козырек, а поручила досконально разобраться в этом деле попечителям городских школ.

Дискуссии о введении гимнастики продолжались вплоть до 30 октября 1891 года — в этот день дума поручила управе официально уведомить начальника губернии, что введение преподавания военной гимнастики в екатеринбургских начальных училищах невозможно **«по тесноте настоящих помещений их». «При гимнастических упражнениях возбуждаются вдыхание и выдыхание,** — рассуждал один из записных думских ораторов А.Н. Казанцев, — **усиливаются выделения кожи, а от этого происходит большая чем при обыкновенных школьных занятиях порча воздуха и без того не удовлетворяющаго требованиям гигиены»**. Примечательно, что думцы-врачи не были настроены так категорично. А.Э. Ландезен считал, что гимнастику можно заменить играми во дворе, его оппоненты указывали, что детей выводить во двор опасно, **«особенно при неудовлетворительной у большинства из них одежде»**.

Городская дума охотно откликалась на просьбы поддержать и частные учебные заведения, если они того стоили. Так, в ноябре 1889 года жена Д.Н. Мамина-Сиби-

ОТЧЕТЪ

Екатеринбургской Городской Управы, въ приходѣ и расходѣ капиталовъ, имѣющихъ спеціальное назначеніе и суммъ, городу не принадлежащихъ.

За 1888 годъ.

ряка Мария Якимовна Алексеева открыла в Екатеринбурге школу грамотности, рукоделия и хозяйства. Здесь изучались Закон Божий, русский язык, арифметика, рукоделие, домашнее кулинарное искусство и вообще домоводство. Всего было 47 учениц, из которых лишь 7 должны были вносить плату. 15 учениц жили при школе, а платили за это опять-таки лишь две. Уже через пять месяцев существования школы городская дума посчитала необходимым выделить ей как **«безусловно полезному учреждению»** субсидию в 300 рублей. К слову, М.А. Казанцева-Иванова вспоминала, как в 1917 году **«стала разыскивать Марию Якимовну и нашла ее в подвале ее школы совершенно больной и одинокой»**.

Наш краткий и далеко не полный очерк участия городской власти в развитии народного образования Екатеринбурга был бы неполон без упоминания имени Александра Ивановича Севастьянова. **«Если суждено когда-нибудь появиться летописи Екатеринбурга, то деятельность уважаемаго Александра Ивановича несомненно составит видную страницу в истории наших начальных школ»**, — такими словами гласные городской думы почтили память Севастьянова по его кончине весной 1890 года. Жизненный путь и свершения этого человека — гласного городской думы и многолетнего члена городского Училищного совета, попечителя народного образования, стоявшего горой за его доступность бедноте, за бесплатное образование в женских школах — ждут своего исследователя. Этот подвижник педагогики ушел из жизни, не оставив никаких сбережений, и Екатеринбург должен был выделить 160 рублей на его похороны…

> ***«Прочитан доклад Городской Управы о выдаче единовременного вознаграждения состоящей на службе по городскому управлению оспопрививательнице Е.Я. Упоровой, за усиленные ея труды по прививанию оспы во время существования в городе, в конце прошлого 1890 и начале текущаго года, оспенной эпидемии».***
>
> *Из протокола заседания Екатеринбургской городской думы от 8 июля 1891 года*

Екатеринбургская городская власть постоянно соревновалась с земством в деле организации и содержания лечебниц. Притом, что почти все медицинские заведения Екатеринбурга черпали средства из обоих источников и, казалось бы, не было смысла делить пациентов на городских и земских, такие вопросы регулярно смущали умы гласных городской думы. Противоречие это, связанное, с одной стороны, с демографическим развитием Екатеринбурга, а с другой, с явной неспособностью городской власти полностью взять на себя все медицинское обеспечение, просуществовало, то обостряясь, то затухая, вплоть до смутной поры, когда одно за другим были упразднены и земство, и городское самоуправление. Не секрет, что, несколько видоизменившись, оно, это противоречие, доставляет много неприятностей и сегодня…

В 70—80-е годы XIX века дума финансировала городскую (открыта 12 декабря 1876 года) и Рязановскую больницы, оплачивала услуги городского врача, акушерки и оспопрививателей. К слову, за десять лет работы городской больницы недоимок за лечение накопилось 3557 рублей 75 с четвертью копеек, большинство долгов — безнадежные, которые пришлось списать. В 1875—76 годах город содержал еще четырех участковых врачей для бедноты. К их услугам прибегало до 5000 человек в год, бесплатный отпуск медикаментов обошелся екатеринбургскому самоуправлению в круглую сумму — около 2500 рублей. Интересно, что долгое время критерии оказания бесплатной медицинской помощи оставались чрезвычайно размытыми. В начале 80-х годов в уездном земском собрании, например, **«шла речь о большем расходе медикаментов у врача Русских сравнительно с другими врачами и последний высказал, что в отношении бесплатнаго отпуска таковых для бедных, небыло установлено земством ни каких рамок»**. Добавим, что и городом — тоже.

20 октября 1882 года уездное земство предложило городской думе взять на себя содержание городского врача для бедных, ассигнуя со своей стороны на это 3 тысячи рублей. В «юрисдикцию» этого врача кроме Екатеринбурга должны были попасть Шарташская, Березовская, Нижне-Исетская, Арамильская, Мраморская, Горнощитская, Пышминская, Мостовская волости и Верх-Исетская часть.

Долгий спор между городом и земством длился по поводу лечения больных сифилисом. Сначала все они, и городские, и уездные, лечились за счет Екатеринбурга. В 1883 году городская власть потребовала от земства платы за лечение его «подданных», ответ получила отрицательный. А Пермское губернское по городским делам присутствие оспорило постановление думы о взимании платы с состоятельных сифилитиков. Управа в 1885 году в поисках справедливости дошла до Сената, который «поправил» губернскую власть. С земством же в конце концов состоялся компромисс: город согласился брать половинную плату. Однако в 1886 году выяснилось, что земства унаследовали капиталы упраздненных приказов общественного призрения, в чьих больницах больные сифилисом лечились бесплатно, а потому должны были принять-таки на свой счет эти лечебные расходы. Но екатеринбургское уездное земство уперлось — и ни в какую. Городская дума, **«не решаясь изменить существующее положение дела в ущерб нуждающимся в лечении, ибо отказывать последним от приема в больницу невозможно уже по одному только чувству человеколюбия»**, вновь предложила упрямому земству компромисс — чуть набавить плату за лечение уездных сифилитиков...

Городская общественная медицина только вставала на ноги, ее первейшими задачами были не только защита малообеспеченных больных, но и предупреждение эпидемий, память о которых никак не могла изгладиться. Накануне 1872 года, когда оформилось самостоятельное городское самоуправление, екатеринбуржцев поразило нашествие холеры. А через десяток лет, в 1881 году, в Верх-Исетском заводе объявился дифтерит. Борьба с ним, по сути, и стала первым серьезным испытанием для не окрепшей пока системы городского здравоохранения — еще через десять лет этот опыт понадобится для противостояния тифу...

Дума создала комиссию, собрав всех практикующих в Екатеринбурге врачей. 26 октября 1881 года гласные и врачи совместно разработали подробнейший план антиэпидемических мероприятий. Был создан своего рода штаб борьбы с дифтеритом. Для населения «распубликовали» информацию **«о признаках и свойствах болезни дифтерита, о ея прилипчивости и опасности для жизни»**. Город разделили на десять участков, пригласив на каждый из них врача, за вознаграждение. В каждом участке работало еще по восемь надзирателей, обязанных ежедневно обходить дома и наблюдать **«за появлением в них заболеваемости»**. Бедным пациентам лекарства выдавались за счет города. Сведения о ходе борьбы с эпидемией участковые врачи обязаны были ежедневно сообщать городской управе, а она вывешивала их **«для публики в доме Городскаго Общества»** и публиковала в «Екатеринбургской неделе». Санитарный надзор установили за продуктовыми предприятиями и магазинами, ремесленными заведениями. Дома, где находились больные дифтеритом, отмечались специальными флагами. Были введены ограничения на получение святого причастия, процедуру отпевания умерших. Разработали и способ дезинфекции помещений: **«По возможности закупорить плотно комнаты и жечь в них серу приблизительно 1 ф. на 4 куб. саж. Полы, кровати и все вещи, которыя были в соприкосновении с больным обмывать раствором хлористой извести»**. Одежду и постельное белье умерших постановлено было сжигать, причем **«неимущий класс имеет быть вознагражден за это от земства или города»**. Позже, убедившись в действенности принятых мер, дума открыла «больничку» на две кровати, наняв под нее дом чиновника Н.Ф. Кермика в Водочной улице. Медперсонал состоял из заведующего К.В. Сердобова, сестры милосердия А.Е. Феген и сиделки Аксиньи Осинцевой.

Результат не замедлил сказаться: дифтерит не перешагнул из Верх-Исетского завода в город. **«С 24 Октября по 10 Ноября заболевших дифтеритом в городе было 3 случая»**, из них один лишь с летальным исходом.

Летом 1881 года имперским министерством был утвержден устав екатеринбургского родильного дома **«с амбуляторным отделением и повивальною школою для бабок»**, открытого на средства земства и городского общества. 9 сентября того же года городская дума согласилась с предложением Пермского губернатора **«о полезности привлечений в повивальную школу лиц женскаго пола преимущественно из сельскаго состояния для образования сельских бабок»**.

В 1890 году до Екатеринбурга докатилась весть об опытах берлинского профессора Коха. Ими не могли не заинтересоваться старший врач городской больницы В.А. Падучев и городовой врач А.Э. Ландезен. С их подачи 26 ноября заговорила о медицинском открытии и городская дума. **«В настоящее время, как известно, в Берлин такой наплыв врачей и такой громадный спрос на лимфу, изобретенную Кохом, что она вышла вся и будет готова, как извещает сам профессор Кох, через 2 месяца»**, — записано в протоколе заседания. **«Не важно получить лимфу, которая скоро портится,** — рассуждали гласные, — **а главною целью должно**

быть ознакомление со способом приготовления ея». Дума просила **«гг. врачей В.А. Падучева и А.Э. Ландезен съездить в Берлин для всесторонняго ознакомления с открытым профессором Кохом способом лечения легких, приготовлением лимфы и вообще изучения этого дела для самостоятельнаго введения его здесь в практику»**. Расход на поездку, в размере двух-трех тысяч рублей, согласился принять на себя купец первой гильдии Михаил Федорович Рожнов — конечно же, заслуживший горячую благодарность городского общества.

Гласные XIX века были чрезвычайно чутки к общественной деятельности земляков-энтузиастов и находили возможность воздать им должное еще при их жизни. Так, 19 апреля 1893 года дума ходатайствовала о присвоении гинекологическому отделению Екатеринбургского родильного дома имени **«его основателя, доктора медицины и акушера Василия Михайловича Онуфриева»**. Заслуга Онуфриева была в том, что, как выразился один из гласных, за 14 лет он **«поставил это заведение на высокую степень совершенства, равняющуюся состоянию подобных учреждений в столичных и университетских городах»**.

Родильный дом, как и другие подобные заведения, не был собственно городским, его содержало и уездное земство. Но когда речь шла о признании медицинских заслуг, городская дума проявляла инициативу, отказываясь от счетов и амбиций. Мало того, в следующей главе мы увидим, как пристрастно и строго вели себя «думцы», когда в медицинской среде возникали трения, участниками которых оказывались те же Онуфриев или Ландезен.

Отдадим должное умению тогдашней думы отделять зерна от плевел, настоящие достижения екатеринбургских деятелей от сиюминутных конфликтов. И — умению сказать человеку «спасибо», когда он еще может это услышать.

«Вот уже третий день как на Царском мосту лежит неубранная падшая лошадь. Обращаем на это внимание тех лиц, которым о том ведать надлежит, так как падаль начала уже портиться».

Екатеринбургская неделя, 1880, № 40

Благоустроить город, поднатужившись, еще можно — куда сложнее поддерживать в нем чистоту и порядок. Да при вечной нехватке средств… Да под зорким присмотром всегда недовольной, а порою — весьма ехидной общественности… Да еще при том, что, собственно, следить за чистотой и порядком, требовать соблюдения санитарных правил никто особенно не рвется — известно, какая это неблагодарная работа. На протяжении многих и многих лет, начиная с 1872 года, в Екатеринбурге велся изнурительный спор, кто отвечает за ту самую «неубранную падшую лошадь», которая все лежала себе на мосту… То городская власть создавала и упраздняла специальные санитарные комиссии, то вдруг решала, что это — дело полиции и городского врача, которые, в свою очередь, рано или поздно вновь заводили

речь о создании комиссии. Согласованных действий удавалось добиться только тогда, когда Екатеринбург оказывался перед какой-либо реальной опасностью — как, например, в случаях эпидемий.

Думские обсуждения поначалу отличались сугубой стихийностью. Так, 9 февраля 1879 года Екатеринбургский уездный комитет общественного здравия, в присутствии известных в городе врачей Миславского, Туржанского и Фолькмана, докладывал думе **«об очистке города в санитарном отношении»**. Предложения комитета были изложены в семи пунктах, и о чем тут только не было сказано… И о загаженной канаве, пролегающей через главную площадь, и об освидетельствовании свалок, и об осмотре постоялых дворов, гостиниц, харчевен, лавок и бань, и о проверках мяса, рыбы и дичи, поступающих в продажу, и об удалении навоза с улиц. Разовые мероприятия худо-бедно распределили между управой, полицией и медиками. Для осуществления постоянных, как водится, создали санитарную комиссию. Работать ей довелось недолго — закрыли в том же году…

О том, как быть с нечистотами, в которых утопал Екатеринбург, гласные задумались всерьез 24 мая 1882 года. **«Управа высказала, что ввести вывозную систему нечистот, как это существует уже в некоторых больших городах, желательно было бы и в Екатеринбурге, но что устройство такой организации возможно только частной предприимчивостью»**. Решили вызвать предпринимателей к диалогу через публикации в местной газете и даже в одной из столичных, правда, потом все-таки ограничились местной прессой. В тот же день рекомендовали городским смотрителям Закожурникову и Дрездову понудить владельцев тех пустопорожних мест, что завалены навозом, «к огородке их и очистке», а буде кто откажется, того — в суд. Загаженные пустоши, принадлежащие городу, постановили просто запахать и засеять… Но к этой дурно пахнущей теме пришлось возвращаться вновь и вновь. Уже в следующем, 1883 году «Екатеринбургская неделя» (№12) пеняла городской власти на то, что **«лучший городской водоем, Малаховский ключ, находится в опасности быть засоренным и отравленным раствором навозной жижи»**.

Больным местом в городском хозяйстве было отсутствие общественных бань. В городе работали так называемые дворянские общие бани Кисарева — владелец их, по словам той же «Екатеринбургской недели» (1885, №42), **«при необязательности для банщиков суда их собственной совести, и не стесняемый конкуренцией, забыл всякую вежливость в отношении к своим клиентам и всякую умеренность в отношении к их карманам»**. Некто, назвавшийся Сосниным, так, например, рисует картину предбанника этих бань: **«Это какое-то сказочное, фантастическое подземелье где, на пространстве 6 квадратных саженей с покрытым липкой грязью, полом во мраке, едва позволяющем отличать черное от белаго, и тридцати градусной температуре, удушливой, пропитанной потом атмосферы, рабочему в обществе 30—40 товарищей приходится проделать невероятный фокус раздеванья...»**. Газета настаивала: **«Екатеринбургское городское самоуправление не должно бы оставлять удовлетворение такой потребности, какова потребность в**

бане, в распоряжении какого-нибудь К.; оно должно, так или иначе, создать ему конкуренцию». Увы, этого не случилось еще очень долго…

Частная инициатива в деле городского благоустройства была не таким уж и редким явлением. **«Марта 28 дня 1883 года»** в Екатеринбургскую городскую думу обратился садовник Федор Иванов Дитрих, предложивший отдать ему, **«для сделания на ней общественнаго сада»**, одну из площадей, **«а именно площадь за Лютеранской церковью, на которой помещались соляные амбары»**. Работы садовник не боялся: **«На этом месте я обязуюсь устроить сад, при чем должно быть мне разрешено устроить буфет, жилыя помещения для садовника и рабочих, кегли, качели, гимнастику и другия игры, которыя разрешены законом для народных гуляний, а также устроить огород, построить оранжереи и парники нужныя для продажи и разведения растений и овощей»**. Плату за вход в этот сад Дитрих обещал брать только **«в то время, когда будет в саду играть музыка, будут иллюминация и представления»**. Поскольку он к тому времени уже устроил сквер напротив почтовой конторы и вырастил в Верх-Исетском заводе несколько тысяч кустов растений, дума пошла навстречу, потребовав лишь, чтобы платные гулянья были не чаще трех раз в неделю. Так было положено начало знаменитому Нуровскому скверу, основателем которого с полным правом следует считать трудолюбивого и предприимчивого садовника Дитриха.

«Городская Дума в постоянном попечении своем об улучшении дорог в городе и удобнаго сообщения, уже достаточно высказала энергии и употребила значительный капитал на вымощение улиц и предположено сделать не один опыт прочнаго и целесообразнаго мощения в видах пользы для городскаго хозяйства...»

Из доклада городского головы М.А. Нурова, представленного Екатеринбургской думе 10 февраля 1877 года

До середины 1870-х в Екатеринбурге действовала «натуральная повинность» — горожане были обязаны сами заботиться об удобстве улиц. Собственно, эта практика и привела к известному печальному результату, запечатленному в отзывах многочисленных гостей города… Доктор Финш, сопровождая ученого А. Брэма, оценил Екатеринбург в 1876 году как **«один из лучших сибирских городов, виденных нами; ряды красивых домов, базар и прекрасные церкви имеют почти величественный вид. К сожалению, улицы его находятся в ужасном состоянии… Это были не просто испорченные мостовые, но все улицы и площади были покрыты сплошной массой грязи. Эта масса походила на асфальт, который, казалось, должен отвердеть с минуты на минуту… но не твердел, и извозчики развозили своих пассажиров, забрасывая их грязью, в которую колеса уходили по ступицу. Несмотря на то, что под руками имеются отличные ломки гранита, горожане**

привезли лишь несколько тротуарных плит и камней для исправления улицы, но не принимались за дело, как бы не надеясь достигнуть желанной цели».

Замена натуральной повинности налогом привела к тому, что, как записано в протоколе заседания городской думы за 16 марта 1877 года, **«все жители города отнеслись с полным равнодушием к лежавшим прежде на них обязанностям... и вполне возложили упование, что на взимаемые пять тысяч в городе все улицы будут исправляемы и в этом основании является не отразимая логика, что если житель платит на этот предмет сбор, то нет оснований ему и производить расходы на исправление...»**.

Запланированные расходы на благоустройство улиц на деле приходилось урезать вдвое и более — **«и если таким способом исправлять сообщения в городе, тогда весьма не мудрено, что когда дойдет очередь до улиц чрез три-четыре года, то первоначальные исправления в других улицах будут несомненно разрушаться»**. Самую минимальную сумму для шоссирования улиц, устилки плитами или укладки бутовым камнем городская управа определяла не менее чем в 9 тысяч рублей.

К чести думцев, они очень дотошно вникали в тонкости нового для них дела — уличного обустройства — всякий раз, когда речь об этом заходила на заседаниях городской думы. 27 апреля 1876 года обсуждалась годовая смета расходов, и гласный Я.В. Корляков трижды требовал предусмотреть шоссирование, вместо Вознесенской улицы, Волчьего порядка, **«по которому движения гораздо более и где сосредоточена большая часть постоялых дворов, приносящих доход городу»**. К слову, смета, утвержденная без учета требований Корлякова, «потянула» примерно на 10 тысяч рублей, причем половина расходов приходилась на устройство одной версты шоссе и «ремонтировку» старого шоссе. Остаток же был поделен между исправлением сплавного моста, очисткой площадей, освещением города... Это было весной, а в октябре того года доктор Финш записал свои неоднозначные впечатления от Екатеринбурга.

Дума изобретала все новые способы мощения, гласные становились экспертами в сфере строительных материалов и технологий... 10 февраля 1877 года городской голова предложил, в виде опыта, замостить каменными плитами пространство от угла старого, вдоль по улице, по линии нового мытного двора: **«Не говоря в ненастное время, но даже в сухое, по неровности местности и всякаго отсутствия профиля дороги, скорее представляется котловина, которая, в ненастное время образуется массою грязи, покрывающей местность в пол-аршина толщины»**. Шоссе не могло выдержать интенсивности движения по этому участку дороги, а потому дума включилась в размышления, каким способом его мостить: устлать плитами **«в притеску под зубило»** или же **«не в притеску под болотку»**. В расчет брались и названные подрядчиками — обывателями Березовского завода — цены, и размеры плит — **«толщиною не менее 3 вершков и не менее в квадрате аршина каждая плита»**, и необходимое количество песка... Гласный Третьяков предлагал **«почву на означенной местности... предварительно сделать твердою»**. Ему возражал гласный Бояршинов, полагавший, что на эту почву **«в прежние годы много употреблено камня и хряща»**. Городской голова указывал на **«мощение плит против домов купцов Симанова и Телегина которое су-**

ществует прочно уже много лет, даже без всякого ремонта». Дума позволила управе замостить злополучную котловину…

О способах и даже о результатах «шоссирования» тоже шли споры. Первоначально для устройства шоссе использовался «гранитно-сиенитовый» камень, затем управа переориентировалась на камень «змеевиковый». **«Материал этот очень слаб,** — сетовал один из гласных в мае 1877 года. — **А что на шоссирование делается непроизводительная затрата, то может служить в этом доказательством Покровский проспект от дома Печурина в верх к тюремному замку; местность эта шоссирована недавно, но до того уже избита, что не видно и следов шоссирования».**

Попытки вникнуть в тонкости дорожного строительства длились годами… 24 августа 1881 года следующий состав думы вновь возвращается к вопросу, чем мостить улицы — мелким гранитным или мягким змеевиковым щебнем. Выбирают третий вариант: **«Будущее мощение улиц должно быть делано бутовым камнем толщиною от 4 до 6 верш. и размером поверхность не менее 6 верш. каждая сторона, без всякой его притески с равнением полотна и подсыпкою песку».** В немалой степени гласных пришпорило обращение Пермского губернатора, который 11 августа указал на плохое состояние Верхотурской улицы — по ней горожане ездили к железнодорожному вокзалу, и в день порой проходило до 3000 повозок. Но и после губернаторского окрика гласные поспешали медленно, тем более что управа в данном конкретном случае нашла оправдание: подвел внезапно исчезнувший подрядчик. 9 сентября перед думцами выступил инженер путей сообщения Н.А. фон Ренкуль, предложивший свои услуги для **«составления проэкта рациональнаго мощения улиц города Екатеринбурга».** Новый энтузиаст выдвигает новую «методу»: он **«считает необходимым мостить плитным камнем на ребро, чтобы гладкия поверхности камней прилегали друг к другу и небыли обращены вверх и вниз»,** причем **«мостовая собирается из поперечных рядов»,** а основанием должен служить слой **«так называемаго тощаго бетона (2 части щебня, одна часть песку и одна восьмая часть извести)».** Ренкуль принес с собой и образцы пород, отметив, что **«лучший плитной камень для мостовых был бы из породы диоритовой, который должен находиться в окружности Екатеринбурга… а песок должен быть употребляем озерный, для чего указал песок Шарташский».** Кстати, 12 октября благодарная дума отдает Ренкулю и компании в аренду участок земли по речке Мельковке — под устройство механического завода, причем на заседании прозвучало, что земли это — золотоносные… А 12 апреля следующего, 1882 года гласный А.Н. Казанцев назвал дорожную деятельность городской власти бесплодной: **«За два года перед этим еще можно было ездить, а теперь нельзя».** Попало городской управе и за уличную грязь — вечный бич Екатеринбурга: **«Нечистот в городе и неубираемого в течении зимы навоза на улицах города и площадях его так много, что подобнаго безобразия город Екатеринбург никогда еще не видел».** Дума потребовала от управы очистить город, **«под личным наблюдением и настоянием полицейских чиновников».**

А дорожная тема становилась все более скандальной. 31 мая 1882 года управа вновь получает от думы сильный нагоняй. Выяснилось, что сооружение мостовой Фетисовской улицы по методу Ренкуля терпит крах. Думская комиссия доложила, что **«камень поставлен под названием «дресва» и до того слаб, что если его неосторожно кладут, то делаются трещины». «Если Голова заявляет, что он за все отвечает, то сегодня он жив, а завтра нет,** — в сердцах воскликнул гласный А.Н. Казанцев. — **Мы строим дороги не на год»**. Гласные наперебой принялись уличать городского голову и чиновников управы в халатном исполнении обязанностей:

«Н.Н. Медведев. Под камень кладется земля, а не песок и по этому дорога осела вершка на два.

А.Н. Казанцев. Не потому дорога осела, что песку нет, а потому, что не было катка и полотно не укатывалось, а вместо песку клался навоз.

С.И. Грачев. Если ломовых пройдет до 100 лошадей, то дорога обратится в колеи. У рабочих, производивших исправление, кроме каел и лопат ничего не было.

П.А. Бояршинов. Ведь эта насмешка будет известна не только здесь, но и в других местах. Вот скажут какия в Екатеринбурге строят дороги... Этот камень в грязь не обратится, как во время Нурова? Однажды везли с дороги грязь, а мужичек при виде этого сказал обращаясь к своим товарищам: «Ребята! ведь это не грязь везут, а денежные обрезки. За них город деньги платил, когда ставил на дорогу, а теперь за уборку деньги платит».

Решение состоялось сенсационное: проштрафившегося городского голову В.В. Кривцова отстранили от наблюдения за дорожными работами, надеясь найти специального надсмотрщика. Взыскали с головы и деньги в возмещение понесенных городом убытков. Впредь постановили, заключая подряды на дорожное строительство, прикладывать к договорам образцы камня: **«Именно камень разбивается на две части, одна отдается для образца подрядчику, а другая остается припечатанною в Управе»**. Дума не изобретала велосипед: так строило свои деловые отношения с подрядчиками земство...

4 мая 1883 года свои соображения думе докладывала избранная ею комиссия по исправлению дорог и дорожных сооружений, куда вошли член управы М. Желтовский и гласные С. Закожурников, И. Ермолаев и В. Дорнбуш. **«По осмотре оказалось,** — сообщала комиссия, — **что улицы в городе вообще, за исключением только мощеных, имеют неровную поверхность, в большинстве нет водосточных канав и вообще в городе общая неисправность. Привести разом все в порядок немыслимо, а при настоящих средствах города невозможно привести в порядок нынешним летом даже те части, которыя требуют безотлагательной поправки»**. Список последних составлял около двух десятков пунктов, а объем средств, которые город мог вложить в исправление улиц, ограничивался суммой в 12 тысяч рублей — столько стоили прошлогодние работы на одной только Фетисовской улице...

27 февраля 1884 года речь в думе идет... опять о способах мощения улиц! Секретарь бесстрастно фиксирует: **«Г.Г. Казанцев... передал собранию о разговоре**

своем с одним из Петербургских профессоров, который осматривал лежащий близ Екатеринбурга на Сибирском тракте камень и удивлялся, отчего город не мостит им улиц, так как в Италии встречаются залежи подобнаго камня, из котораго делаются мостовыя представляющияся идеальными, потому что они неимеют щелей, и неровности встречаются в них редко; при чем упомянул, что Царский мост в Екатеринбурге совершенно проваливается». Вновь в обсуждение включился уже известный нам Н.А. Ренкуль, объяснивший все свойства как итальянских, так и местных мостовых… И опять думой утвержден новый способ мощения, предложенный инженером путей сообщения — решено было вернуться к гранитно-сиенитовому камню, управе поручили приобрести дробилку для каменоломен на Сибирском тракте.

Все эти думские «долгоиграющие» обсуждения, мягко говоря, не вызывали в обществе симпатии. Равно как и попытки исправить одни только главные улицы, все время оставляя на потом улицы окраинные. **«Дума не должна забывать, что жители окраин давно уже несут городские налоги, из которых покрываются расходы на исправление улиц, —** негодовала «Екатеринбургская неделя» (1883, №12). **— Большинству этих бедняков ни тепло, ни холодно от того, что более модныя улицы исправляются, что по ним ездить удобно. Бедняки не ездят, а ходят пешком, а до сих пор они безропотно несли налоги для доставления удобства более состоятельным горожанам».**

Но однажды Екатеринбургская городская дума все-таки рискнула и пошла на глобальные затраты ради того, за что подвергалась постоянной критике, — ради исправления дорог. Выбор предстояло сделать и простой, и сложный: или мириться с кошмарным состоянием улиц, или любой ценой найти достаточно состоятельный источник финансирования.

Цифра в 70 тысяч рублей, необходимых для основных работ по замощению екатеринбургских улиц, впервые прозвучала в докладе управы от 22 февраля 1884 года. Да и то этих денег хватило бы лишь на то, чтобы **«привести дороги не в надлежащее даже, а по крайней мере в удобопроезжее состояние»**. В список из 37 позиций не вошли, однако же, ни **«приведение в надлежащий вид городских бульваров, ныне совершенно запущенных»**, ни **«ремонт стараго гостиннаго двора, где в некоторых местах арки угрожают падением»**, ни многие другие насущные нужды Екатеринбурга. В сметах 1885 года все эти нужды «тянули» уже на 140 тысяч рублей. Дальше откладывать было невозможно. Революционное решение было принято именно в 1885-м, при городском голове И.И. Симанове. **«Решено было позаимствовать эти деньги, —** пишет он, **— из капитала С.А. Петрова, завещанного на устройство в Екатеринбурге сиротско-воспитательного дома, с погашением в течении 10 лет. Это была тяжелая жертва со стороны города, но она являлась необходимой: нужно же было привести город в приличный вид... Здесь мы опять встречаемся с погашением дефицитов стараго горнаго режима; мостовыя на десять лет вперед подтачивали городской бюджет»**. Но на этот раз результаты были налицо: к открытию представительной Урало-Сибирской выставки в 1887

году по крайней мере все основные екатеринбургские улицы приобрели тот самый приличный вид, о котором мечтал городской голова… А в «Отчете о действиях Екатеринбургской городской управы за 1890 год и состоянии подведомственных городскому управлению частей» наконец-то читаем: **«Состояние проездных путей в г. Екатеринбурге нужно признать удовлетворительным»**. В том году были капитально отремонтированы даже мосты, до которых у городской власти обычно руки не доходили, а Царский мост на Александровском проспекте стал каменным.

письма из прошлого

«Поставляется в обязанность обывателям…»

14 апреля 1877 года Екатеринбургская городская дума утвердила сразу несколько обязательных постановлений, в которых впервые были установлены основные правила для обывателей. Вот выдержки из этого любопытного документа.

«ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ ГОРОДА

Пункт А. Ст. 1) Запрещается вывозить и выносить на улицу и площади из дворов сор, землю, мусор и всякаго рода нечистоты; вменяется в обязанность содержать улицы в чистоте и накопившийся сор сметать и убирать; в начале весны, по мере таяния снега, навоз с улиц сгребать и вывозить за город на указанные места…

Ст. 2) Для соблюдения чистоты на улицах и площадях воспрещается выпускать бродить по оным скот, как мелкий так и крупный…

Ст. 5) У магазинов, лавок, постоялых дворов не ставить в кучи лошадей с возами и ни под каким предлогом не загораживать проезда по улицам и не стеснять оный, а размещать лошадей с возами по линии тротуар по две в ряд…

Пункт Г. Поставляется в обязанность обывателям города во дворах иметь помойныя с крышками ямы размером не менее двух аршин в квадрате и в полтора аршина глубины и сваливаемыя нечистоты как в сих ямах, так и из отхожих мест (ретирад), по мере накопления, очищать и вывозить нечистоты в ночное время за город на указанныя места; вообще дворы содержать в чистоте и опрятности…

ПО ЧАСТИ СТРОИТЕЛЬНОЙ

Поставляется в обязанность жителям города иметь против принадлежащих им мест по улицам тротуары… Подле тротуар иметь канавы, выложенныя плитным камнем, щебнем или кирпичами; регулировать канавы правильно, чтобы сток воды имел свое течение… Самое устройство канав производить по указанию Городской Управы…

Устройство дорогъ и вообще дорожныхъ сооруженій города есть самый насущный вопросъ настоящаго времени, это такъ сказать, самое больное мѣсто здѣшняго городскаго хозяйства. Нужно сознаться, что эта часть находится теперь въ такомъ положеніи, что для того чтобъ привести дороги, не въ надлежащее даже, а по крайней мѣрѣ въ удобопроѣзжее со-

...по Покровскому проспекту, отъ дома ... дома отца Іоанна Знаменскаго и отъ этого послѣдняго по Соборной улицѣ, до Покровскаго проспекта.

5) Въ Разгуляевской улицѣ прокопать канавы, ...шировать полотно и сдѣлать два мостика.

6) Въ Златоустовской улицѣ поправить обочины ... колеи.

7) Кварталъ отъ Златоустовской улицы къ Мальховскому ключу.

8) Въ Никольской улицѣ засыпать щебнемъ ... и удлиннить мостикъ.

9) Въ Солдатской улицѣ усыпать логъ у деревяннаго моста близъ Сѣнной площади.

10) Въ Водочной улицѣ противъ Крестовоздвиженской церкви.

ПО ЧАСТИ САНИТАРНОЙ

Ст. 1) Воспрещается спускать из помойных ям и ретирад нечистоты в пруд, реку Исеть и во все притоки...

Ст. 3) Поставляется в обязанность жителям города о заболевающем скоте немедленно давать знать ветеринару и следовать его наставлению по принятию мер против чумы и прочих болезней скота. Околевший скот вывозить на указанныя кладбища на сей предмет отведенныя и отнюдь не вывозить кому куда вздумается.

ПО ЧАСТИ ПОЖАРНОЙ

В предупреждение пожаров воспрещается курить трубки и папиросы в рядах гостиннаго двора и в лавках помещающихся в деревянных корпусах; также не курить на деревянных мостах, лежащих чрез реку Исеть и чрез речки в городе.

В ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ

Ст. 1) Поставляется в обязанность обывателей домов иметь в каждой улице ночных сторожей, которые должны находиться на своих местах с 1 Октября по 1 Апреля — с 7 часов вечера до 6 часов утра и с 1 Апреля по 1 Октября — с 9 часов вечера до 5 часов утра...

Ст. 2) В предупреждение укушения людей собаками воспрещается таковых выпускать на улицу без намордников; те же собаки, которыя окажутся бродячими по улицам без соблюдения сего правила, должны быть уничтожаемы.

Примечание: Намордники иметь по указанному от Городской Управы образцу».

Никаких особых кар для нарушителей установленного порядка предусмотрено не было. А потому через пять (!) лет, в 1884 году, только что избранный городским головой И.И. Симанов вынужден был обратиться к горожанам со страниц газеты «Екатеринбургская неделя» (№9) с пространным напоминанием о давнишних постановлениях городской власти:

«...Все меры, проэктированныя думой имеют целию удобства и пользы не меньшинства жителей, а большинства. Так, забота о чистоте улиц и дворов имеет в виду ограждение горожан, как от повальных болезней, так и вообще от болезней, происходящих вследствие того, что людям приходится дышать испорченным воздухом... Если город не считает несправедливостию привлекать обывателей к расходам на исправление улиц, то понятно, никто не может отрицать справедливости требования, предъявляемаго думой гг. домовладельцам относительно исправнаго содержания тротуаров...»

Городской голова, считая, что у власти недостаточно сил, чтобы добиваться неуклонного соблюдения правил жизни в Екатеринбурге, просил содействия у жителей города — **«в такой мере, что составление протоколов о неисполнении обязательных постановлений явится редким исключением»**.

Увы, подобные демократические заигрывания ни тогда, ни позже успеха не имели. И городскую власть критиковали именно за то, в чем она просила помощи у горожан.

> ***«В случае, если какая бы то ни было скотина, по каким бы то не было причинам, из стада, от времени принятия скота пастухами у дворов, до сдачи хозяевам, пропадет, или скроется, а также если... испортится, потеряет молоко, окалечится, заболеет, издохнет, — содержатель пастьбы ответствует в том пред владельцем за стоимость скотины и за все убытки от такого изъяна происшедшие... Содержатель пастьбы о каждой павшей скотине, принадлежащей к стаду, тотчас заявляет Городской Управе, владельцу скотины и ветеринарному врачу».***
>
> *Из Правил о пастьбе скота жителей города Екатеринбурга, утвержденных городской думой 19 апреля 1882 года*

Нам сегодня подчас трудновато понять и оценить значение законотворческой работы Екатеринбургской городской думы. Слишком далеки те жизненные обстоятельства, слишком изменились время и власть. Ну, к примеру, что нам говорит название постановления — **«Об удалении женской прислуги из пивных лавок»**? Между тем современники относили его к числу самых замечательных дел четвертого созыва городской думы. А ларчик открывается просто: таким образом думцы боролись с неконтролируемой проституцией. **«В настоящее время в подобных пивных продается плохое пиво и сдабривается развратом,** — полагали гласные весной 1885 года, — **а когда женщин в них не будет, то посетители потребуют хорошаго пива»**. А чтобы ничего не мешало зоркому полицейскому взгляду, **«на окнах таких заведений не должно быть ни цветов, ни занавесок»**, кроме того, **«в комнатах, прилегающих к пивным лавкам и имеющих с ними сообщение, жить никому, кроме сидельца и его семейства, не дозволяется»**.

Вот и правила о пастьбе скота кажутся нам сегодня чем-то несущественным, если не смешным, а в свое время они были чрезвычайно важны и востребованы, равно как и думское постановление **«о мерах к предупреждению и прекращению скотских падежей»**.

Но, пожалуй, самыми шумными и революционными, вызвавшими могучий резонанс, оказались решения думы, призванные упорядочить городскую торговлю.

В 1880 году в городскую думу пришло письмо, подписанное 126 екатеринбургскими приказчиками. Они ратовали за воспрещение торговли в воскресные и праздничные дни: приказчики — тоже люди, и им надо отдыхать, молиться, бывать в

ПРАВИЛА

...стьбѣ скота жителей города Екатеринбурга, утвержден-ныя Екатеринбургскою Городскою Думою въ 19 число Апрѣля 1882 года.

§ 1-й.

Лицо, желающее взять въ содержаніе пастьбу городскаго скота, получаетъ отъ хозяевъ скота удостовѣреніе о своемъ выборѣ, а также и отъ Полиціи о своей благонадежности, которые и представляетъ въ Городскую Управу. Управа, разсмотрѣвъ подобные доку-... известное Упра-

семье. Что немаловажно, в пользу приказчиков трактовалось и Высочайшее повеление от 19 марта 1874 года, наделявшее городские думы правом регламентации торговли именно в выходные и праздники. К приказчикам присоединились гласный думы В.В. Всеволодов и екатеринбургский полицмейстер. **«Представителям городскаго общества остается теперь показать,** — в каком-то опережающем время бунтарском тоне писала «Екатеринбургская неделя» (1880, №37), — **на чьей стороне стоят они: на стороне ли той небольшой, сравнительно, кучки капиталистов, которые хлопочут только об охранении и соблюдении личных интересов, в ущерб интересам большинства, стремятся, во что бы то ни стало, к увеличению, всеми возможными средствами, личнаго своего благосостояния, — или же на стороне того большинства, которое слишком часто приносится в жертву этими капиталистами, попирающими его личныя права и выгоды?»**

«Что это грех какой на нас, на торговцев!» — таким возгласом городского головы В.В. Кривцова открылись прения по этому животрепещущему вопросу. Оно и понятно — среди думцев немало было купцов. Мнения гласных разделились…

Ограничение торговли состоялось лишь в 1885 году. Это вызвало в обществе фурор. 7 апреля на главной площади Екатеринбурга состоялся по этому случаю молебен, заказанный купцами и приказчиками и собравший несколько тысяч горожан, во главе с преосвященнейшим владыкой Екатеринбургским. **«Хотя и говорят наши Титы Титычи, что день свободы будет употребляться на пьянство и бесполезное препровождение времени, но они судят по себе,** — писал в «Екатеринбургской неделе» (1885, №14) приказчик А. Ш-н. — **Если бы все стали злоупотреблять свободой и не видели от нее никакой пользы, то наверное бы сам Господь не заповедал нам своей 4-й заповеди».** По окончании молебствия у Кафедрального собора преосвященный Нафанаил — к слову, лишь накануне ставший первым епископом Екатеринбургским и Ирбитским, возглавив самостоятельную архиерейскую кафедру, — благословил приказчиков иконой Воскресения Христова. На иконе была надпись: **«Сим святым образом благословляю Екатеринбургских приказчиков в день возношения их благодарственных молитв к Господу, о благодеявшем им городском главе — Симанове в день освобождения их от торговых занятий в дни праздников Господних. Нафанаил Епископ Екатеринбургский».**

168 приказчиков подписали пространный благодарственный адрес городскому голове. В нем, в частности, говорилось: **«При вступлении в управление хозяйством Екатеринбурга Вы, Илья Иванович, вспомнили тружеников, не знавших до сих пор что такое отдых, что такое день воскресный, дающий свободу и покой всякому занимающемуся трудом!».**

29 апреля 1885 года приказчики Мошкин и Камнацкий (Камнадский), по единогласному дозволению гласных, поставили в думском зале икону **«от уполномочившаго их общества в ознаменование постановления Городскаго Общественнаго Управления об ограничении торговли в праздничные дни».**

В 1892 году, накануне большой реформы местного самоуправления, городская управа рассмотрела проект «Положения о размещении в г. Екатеринбурге фабрик,

заводов и других промышленных заведений». Он был разработан с учетом норм, определенных комиссией при имперском Совете торговли и мануфактуры. Эти нормы делили промышленные заведения на несколько разрядов. Заведения первого разряда могли свободно размещаться в городской черте, второго — везде, кроме центра города, третьего — на малозаселенных окраинах, четвертого — только в незаселенных местностях. Особое внимание Екатеринбургской городской управы было обращено на пожарную и экологическую безопасность: так, строго регламентировалось размещение предприятий, которые могли загрязнить своими выбросами реку Исеть. При этом вредные производства, созданные до опубликования нового Положения, не закрывались — их было лишь запрещено расширять.

«...В Думе несколько раз возбуждался по инициативе Полицийместера вопрос о прибавке полицейским жалованья и каждый раз в собраниях высказывались соображения — требуют денег, а полицейских невидно. Оказывается же, что большее число нижних чинов находится на постах кучеров и лакеев у полицийместера и других чинов...»

Из протокола собрания Екатеринбургской городской думы от 20 декабря 1882 года

Отношения екатеринбургского городского самоуправления с местной полицией были противоречивыми. Конечно, большую роль играла личность городского полицмейстера и его готовность участвовать в решении общих проблем. Вот как, например, отозвалась «Екатеринбургская неделя» на смену городского полицмейстера в 1883 году: **«Смена полицийместера Н.В. Азарова, совершившаяся для горожан нежданно-негаданно, поразила многих, и так как г. Азаров умел ладить с нашим екатеринбургским, совершенно своеобразным обществом, то большинство встретило эту смену с сожалением... Добавьте к тому его уживчивость, общительность и незлобивость — и вы составите себе верное понятие о причине сожаления общества»**.

Зерно противоречий крылось в том, что, будучи обязанной помогать городу и пользуясь его ресурсами (как, впрочем, и земскими), полиция тем не менее имела губернское подчинение. И губернатор не упускал случая упрекнуть Екатеринбургскую городскую думу в небрежном отношении к полицейским нуждам.

К примеру, в 1882 году начальник губернии **«словесно высказал»** городскому голове В.В. Кривцову целый ворох претензий. Он был недоволен денежным содержанием полицейских стражников — по 9 рублей в месяц — и их малым количеством. По сути, городской власти был поставлен ультиматум: или она увеличивает штаты полиции, или **«Его Превосходительство вынужденным будет их распустить и донести о том г. Министру Внутренних дел»**.

Вообще-то, начальник губернии имел основания возмущаться. В Перми, городе хоть и губернском, но насчитывавшем меньшее количество жителей, дума расходова-

ла на полицейские нужды почти на 5700 рублей в год больше, чем екатеринбургская власть. И если в Екатеринбурге рядовых полицейских стражников насчитывалось тогда 36, то в Перми — 70, и получали они не по 9, а по 15 рублей в месяц…

Отдадим должное нашим думцам: и в упомянутом случае, и обычно они шли навстречу материальным запросам екатеринбургской полиции. Опять-таки, не отставая в этом смысле от земства. В 1877 году уездное земское собрание, уважив просьбу Екатеринбургской думы, отпустило в пособие городскому полицейскому управлению 1500 рублей, но почему-то не указало, каким образом следует использовать эти деньги. Думцы припомнили, что в земском собрании многие сетовали о недоимках с хозяев промышленных предприятий: заводчики жили в Екатеринбурге, а их предприятия числились уездными. Земским пособием распорядились так: решили выдавать екатеринбургскому полицмейстеру по 125 рублей в месяц с тем, чтобы его подчиненные взамен принялись взыскивать долги, как земские, так и городские. А если дело не пойдет, рассудили гласные, выдачу денег прекратим… Некоторые суммы, предназначенные для полиции, городской полицмейстер даже, как говорится, и в руках не держал. 20 декабря 1876 года он направил городскому голове отношение с просьбой **«отпускаемую от города в пособие сумму частным Приставам по 400 руб. и их помощникам по 150 руб. в год, выдавать в распоряжение его, г. Полициймейстера, дабы он, усмотрев у кого-либо из них упущения и беспорядки по делупроизводству, имел возможность сам лично на их счет распорядиться…»**. Решение думы по этому поводу, принятое 14 января 1877 года, можно назвать блистательным: **«Собрание, большинством 22 голосов против 14, имея в виду, что отпускаемое от города пособие Полицейским чиновникам, назначено не лицам, а должностям, и что от Начальника полиции зависит заменить неисправных чиновников другими, постановило: отпуск означеннаго пособия производить по прежнему порядку»**.

Не часто, но случались очень острые конфликты между полицией и городской властью. Об одном из них, показательном и в наши дни, мы расскажем подробнее.

Городская дума, выпуская обязательные для всех екатеринбуржцев постановления, всякий раз должна была спрашивать себя: кто, собственно, призван блюсти порядок в городе? Общий порядок, безусловно, обеспечивали полицейские силы. А кому надлежит надзирать за претворением в жизнь инициатив местного самоуправления? До поры подобные вопросы никак не влияли на отношения думы с полицией. Но Екатеринбург утопал в грязи, пресса «накручивала» общественное мнение, требуя от власти решительных действий: постановления-то приняты, но почему же никто не карает нарушителей?! А кому карать, восклицали представители городской власти, ежели всех чиновников в управе — четыре «штыка». Ввиду того, что думские инициативы **«остаются мертвою буквой»**, 29 ноября 1878 года санитарно-правоохранительно-патрульную миссию, прислушавшись к городскому голове М.А. Нурову, возложили на околоточных надзирателей. Восемь временных полицейских должностей были тогда созданы за счет городских средств.

Удовлетворившись результатами, дума пожелала ввести четверых околоточных в постоянный штат городской полиции, на что министр внутренних дел дал согласие 14 августа 1879 года. Это удовольствие должно было стоить городу 960 рублей ежегодно. Да еще город помимо участия в финансировании полицейского штата выделял 2160 рублей в год на содержание 12 конных объездных, которые тоже находились в полном распоряжении екатеринбургского полицмейстера. Всего же, к примеру, в 1882 году «полицейские» расходы в смете Екатеринбурга составляли 15 286 рублей 79 копеек.

Однако с момента поступления в штат деятельность околоточных перестала устраивать городскую управу, равно как и позиция полицейского начальства. 22 июня 1881 года управа вынуждена была официально потребовать, **«чтобы служебная деятельность околодочных надзирателей была направлена для наблюдения за порядком и чистотою в городе»**. В ответ екатеринбургский полицмейстер, **«заявляя свою готовность и желание исполнять все требования Городской Управы и служить Городскому Обществу, между тем в отзыве своем по этому делу от исполнения упомянутаго заявления Управы уклоняется по тем основаниям, что учреждение в городе Екатеринбурге четырех должностей околодочных надзирателей последовало со стороны Правительства не с исключительными целями для наблюдения за исполнением жителями обязательных постановлений Думы, издаваемых по благоустройству города, а вообще для усиления состава Городской Полиции...»**. Что делать — дума указала полицмейстеру, «готовому служить», что требования городского управления имеют законную силу.

Вместо отчетов о том, как околоточные надзирают за исполнением обязательных постановлений, дума получала документы довольно странные. Так, 10 мая 1882 года городская управа читала заявление, подписанное членом Екатеринбургского городового управления Воробьевым. Оно настолько красноречиво, что приведем его полностью.

«Вследствие требования Городской Управы, от 22 минувшаго Марта за № 1154, о доставлении сведения о деятельности околодочных надзирателей, имею честь сообщить, что на основании Постановления Екатеринбургской Городской Думы каждый околодочный надзиратель должен неупустительно и каждодневно находиться в своем околодке и наблюдать за общественной тишиной и спокойствием, за чистотой на улицах, производить в случае заявлений, розыски похитителей и похищеннаго и вообще быть всегда готовым к прекращению в своем околодке всякаго рода беспорядков. Между тем, по распоряжению Гг. Полициймейстера и городовых Приставов на околодочных надзирателей возлагается: исполнение поступающих в части бумаг, взыскания различнаго рода, объявление решений судебных мест, вручение повесток Окружных Судов, Мировых Судей и других учреждений помимо исполнения непосредственных своих обязанностей, занимаются лишь отпиской бумаг поручаемых приставами, розыском лиц, взысканием денег и другими; околодки же свои оставляют без всякаго присмотра, чем вызываются беспорядки на улицах, совершаются кражи

на дворах, в домах, и происходит то, что иногородныя лица проживают в Екатеринбурге без письменных видов».

Делались попытки обойтись своими силами. 24 мая 1882 года двое гласных — С.Я. Закожурников и А.Я. Дрездов — были избраны смотрителями за обязательным исполнением решений городской власти. Оплату им положили по 50 рублей в месяц каждому. Конечно, это был скорее акт отчаяния… Но городская управа пошла на принцип: она поставила перед полицмейстером вопрос об упразднении должностей околоточных надзирателей, **«в виду недостаточности городских доходов на покрытие всех нужд города»**, правда, с оговоркой: **«Если непризнается нужным оставить их для надобностей Полиции»**.

Дума, однако, была настроена не так радикально. Постановили **«принести г. Пермскому Губернатору жалобу на отвлечение Екатеринбургским Полицийместером околодочных надзирателей от тех прямых их обязанностей, для которых они учреждены»**.

Да и что еще могла предпринять городская дума! Государственная система не предусматривала возможности создания каких-либо муниципальных сил правопорядка. Они появятся много позже, в 1917 году, но и с ними городская власть обретет много головной боли. Воистину, куда ни кинь, всюду клин! Пройдет еще больше времени, и в конце XX века екатеринбургская представительная власть вновь озаботится созданием санитарной милиции. И вновь наткнется на то же самое, что мешало ее далекой предшественнице — на функциональную и ведомственную отрешенность стражей порядка от собственно муниципальных нужд…

> ***«В виду сильных пожаров, истребивших Оренбург, Уральск и значительную часть Ирбита, озабочиваясь охранением Екатеринбурга и его жителей, обращаюсь к Вам — прося принять зависящия от Городскаго Управления меры для предупреждения бедствия подобнаго бывшим в названных городах. Всякий расход, который город произведет к усилению средств охраны имущества и безопасности жителей, будет расходом производительным; вполне рассчитываю на Ваше и Городскаго Общественнаго Управления содействие».***
>
> *Телеграмма министра внутренних дел городскому голове Екатеринбурга, 1879 год*

Пожары в Екатеринбурге были делом обыденным, к тушению и предупреждению их городская власть постоянно пыталась подключить общественность.

Д.Е. Хлопин, четырежды избиравшийся в городскую думу, еще в 1873 году предлагал создать общество взаимного страхования, подобное тем, что успешно прижились в Перми или Ирбите. Опыт работы уже существовавших страховых обществ наглядно свидетельствовал об их экономической устойчивости: их чистая совокупная прибыль составляла в масштабах всей империи до 15 миллионов рублей. Современники указывали, что размер ущерба от пожаров не превышал в тогдашнем Екатеринбурге 6 тысяч рублей в год, и, таким образом, взаимное страхование горожан могло прекрасно выполнить все свои задачи. Но привилось оно не сразу.

Не сразу удалось найти формы сотрудничества пожарных-профессионалов с добровольными помощниками. 8 октября 1878 года городская дума постановила пригласить, за особую плату, добровольцев, которые бы подвозили воду на пожары. Екатеринбургский полицмейстер, в чьем ведении находилась пожарная команда, через полгода сообщил городским властям, что добровольцы — все, как один, — **«не смотря на данныя подписки, не высылали на пожары лошадей с бочками, отзываясь, что лошади во время пожаров были заняты»**.

Однако вред, который может причинить неосторожное обращение с огнем, общественность сознавала хорошо. Так, 24 апреля 1884 года купец Бурдаков протестовал в городской думе против близости к его строениям корпуса деревянных лавок. Причем неудобства Бурдаков испытывал не только в пожарном, но и в гигиеническом отношении, ибо **«корпус тот образовавши узкий разрыв от его служб, служит местом для отправления торговцами и прохожими своих естественных надобностей...»**.

Но это так, к слову. К пожарным городская власть относилась более чем серьезно. В то время пожарная команда состояла из 50 человек во главе с брандмейстером, дежурили они в две смены. Трое служителей несли караул на Вознесенской колокольне. Для обслуживания же пожарного обоза нужны были 72 человека: он состоял из **«12 машин и 29 бочек и двух экипажей для багров, кошом и лестниц»**, сюда же относились 60 лошадей.

Городская дума постоянно и довольно оперативно откликалась на предложения расширить и поддержать пожарную команду. В 1872 году с огнем в городе боролись **«брантмейстер 1, 4 унтер-офицера и 46 рядовых, лошадей же состояло 45»**. На заседании 6 мая 1879 года гласные разрешили добавить **«в пожарную команду 20 человек служителей и в пожарный обоз 27 лошадей»** и утвердили обязательные постановления «по части пожарной». Горожанам вменялось в обязанность оборудовать противопожарные уголки, регулярно чистить дымовые трубы. Запрещалось **«курить табак в конюшнях, сеновалах, чердаках», а также «ходить с зажженною лучиною или свечею без фонаря на чердаки, в конюшни, в сараи, в сенники, в кладовыя, в погреба и другия домашния строения»**. Хотели было запретить горожанам загромождение дворов, в особенности — горючими материалами, но вовремя спохватились, что в Екатеринбурге нет дровяных дворов и, стало быть, обыватели

вынуждены запасаться дровами впрок, на год вперед... Наконец, постановили еще **«не ставить самоваров для согревания воды вне комнат и не выносить из комнат для охлаждения горячих углей и золы из печей»**.

На следующем заседании, 11 мая, дума вновь разбирается в городском пожарном хозяйстве. Управе поручено устроить накопители воды и водоподъемные насосы. Выяснилось еще, что **«имеющаяся при пожарном дворе паровая машина могла бы приносить существенную пользу на пожарах, но она остается без употребления»**, невзирая на старания механика Дорстера. Гласный В.В. Кривцов вызвался на свои средства починить и содержать эту паровую машину, заслужив благодарность собравшихся...

Именно в 1879 году организовалось, по инициативе и под покровительством городской думы, Екатеринбургское Вольное пожарное общество, существовавшее на пожертвования горожан и сумевшее пережить саму городскую думу. **«На берегу пруда, около Генеральских дач, по инициативе общества устраивались народные гулянья с грандиозным фейерверком,** — писал краевед С.А. Захаров. — **Они приносили обществу некоторый доход»**. К 1890 году общество состояло из 397 страхователей с ценностью застрахованных имуществ в 1 миллион 103 тысячи 750 рублей, запасный капитал общества составлял около 30 тысяч рублей. В одном из официальных документов того времени отдается дань уважения вольным огнеборцам: **«Пожарная команда в 52 человека и пожарная дружина из 176 членов вольнаго пожарнаго общества, при тех огнегасительных средствах, которыя имеются и тех усердии и энергии, с которыми они исполняют свои обязанности, представляют солидную силу для борьбы с огнем, который при том, благодаря местным условиям, весьма скоро уступает принятым против него мерам. Кроме личной помощи в несчастных случаях пожарное общество помогает и материально городскому обществу, приобретая огнегасительные инструменты на свои средства... Благотворная деятельность его всегда по достоинству оценивается Думою и населением, к сожалению, немогущими чем-либо реально выразить свою признательность уважаемым участникам почтеннаго общества»**.

М. В. Д.
ЕКАТЕРИНБУРГСКАГО
ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА.

9 „Декабря" 1879 *года.*

№ 3801

г. Екатеринбургъ.

отъ 3 ...
знамен...
ных ...
линии ...

«<u>Оштрафованный член городской управы</u>. Недавно полиция 1-й части накрыла на базаре несколько торговок с гнилыми яблоками, отобрала товар, составила протокол и препроводила его по принадлежности к мировому судье. Протокол был уже отправлен, как в управлении 1-й части является член екатеринб. городской управы П.Н. Фролов, упрекает пристава за такое строгое отношение к полицейским обязанностям, заявляет, что привлеченныя к ответственности бабы торгуют от него, Фролова, и что гнилыя яблоки принадлежат ему. Мировой судья, рассмотрев дело заочно, приговорил члена управы Фролова к 6-ти руб. штрафа, и яблоки подверглись уничтожению...»

Екатеринбургская неделя, 1880, № 37

Первая городская газета начала выходить в 1878 году, и екатеринбургские власти получили возможность испытать на себе мощь печатного слова. По сути, общественность города впервые доподлинно узнала, что и как происходит в зале думских заседаний, и могла теперь вступать в диалог с городским самоуправлением. Так все и происходило. На страницах «Екатеринбургской недели» то и дело появлялись весьма пристрастные отчеты о деятельности городской власти, нередко вспыхивала полемика. Пожалуй, только теперь дума перестала быть клубом избранных, и на сцену вышло новое влиятельное действующее лицо — общественное мнение. Жителям города позволено было заглянуть в кулуары городской власти, наблюдать за механизмом ее работы. Весь Екатеринбург узнавал теперь, к примеру, что гласный А.Н. Казанцев говорил **«громко, отрывисто и хлестко, густым басом и простыми русскими фразами»**, а гласный П.А. Бояршинов — **«гладко, ровно, приятным мягким тенором, изысканными оборотами речи, своей ораторской манерой он напоминал столь известнаго читателям петербургских газет гласнаго тамошней думы, тайнаго советника Домонтовича»**. У городского головы В.В. Кривцова, по мнению газеты, голос бывал тихим и робким…

Сдано въ архивъ,

В 1880 году должны были состояться, впервые — при участии «четвертой власти», выборы очередного состава Екатеринбургской городской думы, и «Неделя» осуществила некоторую ревизию ее «занятий». Любопытно и нам заглянуть на кухню городской власти. Да и в дальнейшем без периодических ссылок на эту газету нам не обойтись.

За три года, начиная с 1876-го, дума собиралась 70 раз, что, как считает журналист, вполне удовлетворительно. Но что происходило на этих заседаниях? На каждом из них в среднем принималось около пяти постановлений, причем **«поводом к обсуждению известнаго вопроса не всегда служили доклады управы или комиссий, а часто всякая случайная бумага или словесное заявление г. городского головы»**. Кроме того, **«значительное число протоколов оканчивается заметкой, принявшей стереотипный вид, — «решение остальных вопросов по позднему времени отложено», или, «засим, как наличные члены не составляли законнаго числа, решение остальных вопросов отложено до следующего заседания»**. Действительно, очень многие вопросы или никак не могли попасть в «порядок дня», или же наоборот, из года в год бесплодно поднимались на заседаниях думы.

Явка на них была крайне невысокой и все снижалась. В 1876 году среднее число гласных, посещавших думу, составило 36 человек — ровно половину от всего их количества. В 1877-м — уже 30 человек. В 1878 году — 28 человек.

Среди «активистов» можно было видеть одни и те же лица — одни и те же фамилии мелькают в журналах заседаний Екатеринбургской городской думы. В «Неделе» (1879, № 22—23) высказано сожаление, что эти журналы **«мало распространены, между тем как большая огласка рассуждений наших думцев представляется крайне полезной в воспитании как самаго общества, так и его избранников. Поэтому, как нам кажется, не мешало бы печатать эти журналы в большем числе экземпляров, с продажей**

ДѢЛО

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ.

их жалающим, а то ныне они составляют чуть ли не библиографическую редкость и кроме гласных, вряд ли кем-нибудь прочитываются».

…Городская управа целиком и полностью контролировалась думой, та избирала чиновников управы и городского голову, она же назначала им денежное содержание — и естественно, могла спрашивать со своих избранников за все их грехи. Мирное сосуществование порой не исключало взаимных претензий. Дума, как правило, бывала недовольна тем, что управа не должным образом исполняет постановления, та, в свою очередь, иногда пеняла думе на невыполнимость поставленных задач. Но в той системе местной власти совершенно исключены были какие-то более масштабные и безысходные конфликты.

Приведем только один пример. 25 ноября 1880 года гласный А.Н. Казанцев сделал заявление о том, **«что дела в думе залеживаются долго»** и привел в пример ходатайство, не рассмотренное с 1878 года. Секретарь управы Н.И. Тимофеев подал в ответ записку, напомнив в ней, что вообще-то, согласно Городовому положению, **«дума обязательно должна быть в течении года собираема всего два раза, а именно для рассмотрения росписей городским доходам и расходам и отчетов городской управы»**. Аргументы Тимофеева сводились к пословице «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива»: **«Гласные, будучи утомлены долговременностию заседания и нередко тяжелыми прениями, один за другим выходят, собрание рушится, вопросы не решаются, в городской управе в деле застой, и многия требования здешняго общества остаются весьма на долгое время неудовлетворенными»**. Автор записки приводил в пример земство, где **«нет единовременного сбора гласных, но однако земския управы не затрудняются ни в чем относительно своего управления, не смотря на то, что круг действий их хозяйственной части далеко обширнее городскаго»**. В заключение Н.И. Тимофеев предложил дать управе инструкцию **«на предмет ея управления»**.

Предложение было удовлетворено, а гласного А.Н. Казанцева, обличавшего управу, самого раскритиковала городская газета. **«Разве г. Казанцев не участвовал в избрании теперешняго городскаго представителя и нынешняго состава городской управы?** — спрашивала «Екатеринбургская неделя» (1880, №48). — **Не следовало бы ему с таким ожесточением нападать теперь на того, чьи способности и убеждения были давно всем известны».**

«Екатеринбургская неделя», надо признать, все-таки редко позволяла себе зубодробительные высказывания в адрес городской власти. Но бывало… **«По вопросу весьма несущественному и незамысловатому начинаются обильныя словоизвержения местных ораторов, страдающих неясностью изложения, а также отсутствием системы и малейшаго признака таланта. Разжевывая вопрос со всех сторон, путаясь в лабиринте собственных мыслей, возвращаясь поминутно к только что сказанному, — господа цицероны местнаго изделия кончают обыкновенно свои длинныя и фразистыя речи стереотипным предложением: «избрать комиссию для всесторонняго обсуждения вопроса»**. А далее газета (1881, №5) задается вопросом: **«Что же делать, когда большинство тех, которые почтены**

М. В. Д.

ЕКАТЕРИНБУРГСКАГО ПОЛИЦІЙМЕЙСТЕРА.

Апреля 29 дня 1880 г.

№ 1057

г. Екатеринбургъ.

общественным доверием… чересчур преданы личным выгодам, самолюбивым расчетам и собственному самообольщению? Поневоле приходится «повторять зады»…

Огромные помехи в думской работе появлялись из-за недостаточной исследованности того или иного рассматриваемого вопроса. Лишь в 1878 году прижилась практика представления на суд гласных развернутых письменных докладов городской управы, снабженных выводами и проектами решений. Но гораздо раньше и крепче утвердилась бюрократическая традиция создания, по разным поводам, специальных думских комиссий, порой — заведомо неработоспособных. 23 марта 1876 года была избрана комиссия по оценке городских зданий, в которую вошли 107 человек. А в другую комиссию, занимавшуюся составлением новых правил аренды городских торговых помещений, были включены 43 человека, с примечанием: **«В случае неполнаго собрания комиссии предоставить заниматься делами ея шести членам»**. Однако в 1879 году этот горе-кворум упал до трех человек: вшестером собраться тоже не удавалось… Еще один курьез: в 1872 году, когда в Екатеринбурге впервые «родилась» самостоятельная городская власть, гласные составили комиссию для ревизии старых думских отчетов, а в 1876 году обнаружилось, что работа так и не сделана, причем комиссия ни разу не могла собраться в полном составе… К 1881 году в городской думе ни шатко ни валко работали комиссии: о городских сооружениях, о дорогах, об извозчиках, о собаках, о составлении инструкции для управы, об обложении и аренде торговых помещений, о рассмотрении действий предыдущей комиссии…

«Наш орган городоваго самоуправления не выработал первоначальных порядков, необходимых для желаемаго всестороннего и надлежащаго обсуждения серьезных вопросов по городскому хозяйству», — делает нелицеприятный вывод «Екатеринбургская неделя». А дело шло, напомним, к выборам уже третьего состава городской думы.

…Вот еще одно следствие специфической деятельности «четвертой власти»: под ее контролем проходит избирательный процесс, то самое волеизъявление граждан, которое много позже будет объявлено одной из определяющих черт демократии. Если обратиться к делам современным, отметим, что не случайно СМИ объявили драконовскими и нарушающими права человека потуги избирательных комиссий запретить свободное комментирование хода выборов — эти потуги возобновляются и в XXI веке. А в веке XIX, едва возникнув, «Екатеринбургская неделя» (1879, №18) публикует критические заметки накануне выборов в думу на очередное четырехлетие. Необходимость этих заметок газета объясняет — снова параллель с нашим временем! — тем, что **«в обществе нашем сознание гражданских обязанностей не особенно чутко и наши избиратели не совсем ясно понимают те права и обязанности, которыя закон предоставляет»**. Давая старт новому муниципальному периоду, городская управа составила список избирателей, размножила его в количестве 500 экземпляров, о чем оповестила горожан объявлениями. Часть тиража была разослана вместе с объявлениями по домам екатеринбуржцев. Это и вызвало

недоумение редакции, ведь общее число избирателей составляло 2718 человек, из них привилегированных, относящихся к первым двум разрядам — 307 человек, но никак не 500… **«Все избиратели равноправны перед законом,** — указывала «Неделя», — **и стало быть должны пользоваться равным вниманием со стороны городских властей, а то представляется преимущество одному из пяти избирателей, Бог ведает на каком основании и по каким разумным соображениям»**. В самом списке тоже обнаружилось множество неточностей, которые, по мнению газеты, **«не могут считаться маловажными»**. Неудивительно, что результаты выборов в Екатеринбургскую городскую думу, состоявшихся в начале 1880 года, были обжалованы в губернском по городским и земским делам присутствии.

> ***«Чтоб думы все по городам***
> ***Лишь в думах дни не проводили***
> ***И, как в Ирбити, головам***
> ***Пять тысяч зря бы не дарили…»***
>
> *«На Новый год», Екатеринбургская неделя, 1880, № 1*

Выборы встряхнули екатеринбургскую общественность, и в традиционных новогодних пожеланиях прессы в начале 1880 года сквозит изрядная толика страстей политических. Земским и думским избирателям газета желала **«помнить, как важна ваша избирательская роль»**, а также **«что вы нравственно обязаны смотреть за деятельностию ваших избранников на тех местах, куда вы их поставили»**. Мещанскому, мастеровому и крестьянскому люду, **«этой платежной силе земства и городов»**, адресовано пожелание: **«Чтобы, с обновленным будущим, интересы их не приносились в жертву личным выгодам и интригам лиц, стоящих у кормила общественнаго самоуправления; не эксплоатировались бы на выгоду людей богатых и влиятельных»**. Наконец, самих народных избранников напутствовали тем, чтобы они **«старались оправдать общее доверие, а не личныя надежды»** и помнили, что **«выборная должность не синекура, не место отдохновения и одного почета, а отправления ея — не дебют диллетанта»**. **«Знайте, что рутинный, какой-нибудь порядок во вверенном вам деле подержится и сам собой, в силу инерции,** — заключала «Екатеринбургская неделя», — **но не в этом может заключаться ваша заслуга, не к тому должна стремиться ваша деятельность. Осмысленное обсуждение всякой меры, поиски за жизненной правдой и стремление к движению вперед — вот ваши задачи»**.

Между тем формирование нового состава городской власти сильно затянулось: городской голова был избран только 20 марта 1880 года. Им стал Василий Васильевич Кривцов, выдвиженец, как тогда считали, старо-купеческой партии. Ему выпало руководить Екатеринбургом уже во второй раз: до этого он стоял во главе последней шестигласной городской думы.

В.В. Кривцов сразу же попал под жестокий шквал претензий общественного мнения. Времена изменились, и, согласно Городовому положению, на городском голове

теперь должно было **«лежать, преимущественно, бремя ответственности перед общественным мнением за успешную деятельность общественнаго управления; ему усвоено право постояннаго, живаго контроля, немедленно останавливающаго или предупреждающаго замеченныя уклонения от порядка по разным частям управления; он должен поэтому знать, кому с наибольшою пользою может быть поручено то или другое дело, должен иметь обеспечение и уверенность, что указания его не будут оставаться напрасными»**.

Вряд ли приятно было Кривцову узнавать из единственной городской газеты о том, что он зачитывал документы **«почти что по складам, с невообразимым переиначиванием фамилий и собственных имен»** и крайне неумело формулировал выводы из прений. На заседании 6 июня 1880 года дума спорила о том, можно ли разрешить вырубку леса, принадлежащего городу. Приведем фрагмент репортажа из все той же «Екатеринбургской недели» (1880, № 24).

«Чем дальше, тем горячее становился спор; спорящие обступили председателя, который не унимался и все твердил свое: — есть лес, да и только, «нарубить можно!» Большинство гласных, с громким смехом разошлась по домам, упиваясь председательскими способностями своего городскаго головы. В зале оставалось человек шесть-семь.

— Давайте об заклад биться, что можно 2 т. саж. нарубить! — провозгласил наконец г. Кривцов, обращаясь к г. Тиме.

Но г. Тиме биться об заклад не согласился; тогда городской голова, видя опустевшую залу, преспокойно снял с себя цепь, положил ее в карман и вышел из заседания, не объявив его закрытым.

— Хоть бы швейцару Волкову приказал позвонить, — трунили и смеялись некоторые из оставшихся гласных над подобным промахом своего председателя».

К чести В.В. Кривцова, он не побоялся вступить в прямой диалог с газетой. Он решил объясниться по большому счету, не вдаваясь в личные обиды. **«Настоящий состав думы получил в наследие от прежней думы долгу 22,5 т. руб., который решено покрыть долгосрочным (10-летним) займом. Теперь посмотрим, какия останутся средства на благоустройство города. Доход, по смете 1880 года, составляет сумму 125 747 руб. Из них должно произвести обязательных расходов — 116 424 руб.: в том числе на содержание полиции и пожарнаго двора 31 662 руб., на народное образование 18 804 руб. и на дела благотворительности (содерж. городской больницы и на пособия разным учреждениям) 16 378 руб. Затем остается, по статье непредвиденных расходов, 9323 руб., из коих только около 5 т. руб. может быть отчислено на нужды по исправлению улиц. С будущаго же года приведется вносить в смету еще сумму на погашение займа и проценты на занятый капитал»**. Городской голова указывает, что на уличные работы за семь предыдущих лет дума потратила 64 тысячи рублей, однако воз и ныне там: отдачи нет. Отметает он и нарекания в связи с антисанитарией, царящей в Екатеринбурге. Четверо чиновников городской управы бессильны контролировать исполнение думских постановлений. Это дело полиции, которая не подчинена городским властям, но получает от них денежное довольствие.

«Екатеринбургская неделя» (1880, № 29) не преминула выступить с пространной отповедью, вновь напоминая Кривцову, что блаженные времена келейности и безответственности канули в Лету: **«Теперь и для екатеринбуржцев, всякаго состояния и всякой местности, настало время новых порядков и реформ по городскому хозяйству, и не на бумаге только, не для одного виду, а на самом деле, в действительности, причем каждый обыватель, как бы он беден и незначущ ни был, имеет право голоса и возможность печатно предъявлять свои требования, если голос его, обращенный по всем ступеням городскаго самоуправления, остается гласом вопиющего в пустыне».** Кривцову ставится в пример его предшественник, М.А. Нуров, который **«неоднократно посещал окрайны города, справлялся о нуждах их обитателей и являлся постоянно защитником этих нужд».** Далее газета пускается в подробный бюджетный анализ, указывая возможные пути извлечения дополнительных доходов и не упуская возможности намекнуть на пристрастность некоторых гласных думы, пекущихся о собственном кошельке: **«Нельзя же в самом деле говорить, что все источники городскаго дохода иссякли, когда такия солидныя производства промыслов, как Баландинския, Ошурковския, Злоказовския, Рожновския и друг., обложены в пользу города в 68 р. 25 коп. в год, а Симановския, Кривцовския, Телегинския — 18 р. 75 к. и 17 р. 25 коп… Неужели эти господа не в силах больше платить?..»** Опровергнутыми оказались и доводы о достаточности сил городской полиции.

Можно ли сказать, что время давно рассудило этот спор? В нем затронуты «вечные» темы, которые и поныне создают напряжение между двумя общественными полюсами — избирателями и властью. Организация городского самоуправления, степень его могущества и ответственности, способы решения постоянно возобновляющихся общегородских проблем — все это в каждую новую эпоху волнует людей. Только вот качество дискуссии, качество аргументов бывает разным…

Уважая мнение общественности, городская дума не допускала откровенно оскорбительных выпадов в свой адрес. К примеру, 17 августа 1889 года предметом ее рассмотрения стало «объявление» некоего О.К. Клевакина, написанное, как отмечено в протоколе, в неприличном тоне и с неуместными выражениями. Клевакин был одним из инициаторов возведения памятника Александру II — Освободителю на Кафедральной площади, он собирал на это пожертвования и составил проект монумента. Вообще, история возведения памятника **«от имени бывших мастеровых монетнаго двора и жителей города»** достаточно длинна — место под него было отведено думой еще 11 мая 1887 года… Время шло, пожертвования копились, трудились архитекторы и прожектеры… Господин инициатор обиделся, когда дума остановилась на другом проекте и, избрав **«тон укоризны и угроз»**, сетовал в своей бумаге на **«допущенную будто бы Думою… медленность в осуществлении мысли Клевакина».** Гласные обратились к обсуждению судьбы памятника, а относительно жалобщика В.И. Дмитриев обронил лишь: **«Мне кажется, нам следует ответить г. Клевакину, что по малограмотности и невежеству его, обращение к Думе, изложенное в его заявлении, ему на первый раз прощается, но на будущее время подобная выходка не должна иметь места».**

Другому правдоискателю повезло меньше. 28 марта 1890 года чиновник И.М. Бялецкий пожаловался думе на действия управы, попытавшейся взыскать налоговую недоимку, причем в заявлении Бялецкого **«Думою было усмотрено несколько неуместных фраз и выражений»**. 22 мая неугомонный чиновник вновь атаковал гласных документом по тому же делу и вновь **«позволил себе относиться к Думе не с должным уважением»**. В итоге управе было поручено препроводить заявления Бялецкого прокурору окружного суда, дабы возбудить соответствующие обвинения…

Но вернемся к дискуссии между Кривцовым и «Екатеринбургской неделей». И газета, и городской голова сделали тогда, на заре обновленного местного самоуправления, свое дело. Они доказали саму возможность и необходимость диалога общества с властью, приучили власть реагировать на сигналы общественности. Отныне важнейшие думские дела — утверждение и исполнение городского бюджета — осуществлялись в полном сознании того, что даже малейшее упущение не ускользнет от ока горожан. Газетные публикации не раз становились предметами рассмотрения в Екатеринбургской городской думе. Так, 19 апреля 1893 года гласный А.Н.Казанцев довел до сведения собравшихся, что **«в газете «Волжский вестник» помещена статья о том, что будто бы из расположенных по берегам здешняго городского пруда дворов проведены подземныя канавы для стока нечистот в городской пруд. Такия канавы будто бы существуют у д. Петрова и соседних с ним»**. Дума живо откликнулась на это сообщение и спустя некоторое время убедилась, что оно не соответствует действительности… Много шума возбуждали публикации в газете «Уральская жизнь», и они тоже горячо обсуждались городской думой.

В честь же Василия Васильевича Кривцова был в свое время поименован один из основных екатеринбургских мостов через Исеть. Могила В.В. Кривцова сохранилась по сей день на одном из старых екатеринбургских кладбищ. А газета «Екатеринбургская неделя» в конце 1880-х сама стала жертвой злого остроумия: Д.Н. Мамин-Сибиряк, не сумев купить газету и стать ее редактором, пустил **«по городу меткую остроту, что он не желает работать в газете, где задают тон «мучные мешки» и «бараньи кишки»**, писала Н.В. Остроумова-Сигова. Действительно, издатель газеты был в родстве с городским головой, мукомолом И.И. Симановым, а редактировал ее П.Н. Галин, торговавший бараньими кишками… **«В ней нельзя поместить ни одной строки, чтобы не задеть «симановскую родню», которая захватила и городские, и земские дела,** — жаловался Мамин в письме В.И. Гольцеву 5 февраля 1890 года. — **Мы хлопочем лет шесть о второй газете, и Симанов нам не дает ходу, через губернскую администрацию конечно»**.

«…Сделалось известным, что существующая уже здесь с Декабря 1881 года дешевая столовая открытая действительным Статским Советником Миллер дает печальные результаты по отсутствию желающих ее посещать не только за дешевое вознаграждение, но и бесплатно».

Из протокола заседания Екатеринбургской городской думы от 4 июня 1884 года

На словах любая власть признает за собой долг защищать сирых, немощных, стариков — и всегда же существует соблазн переложить этот долг на плечи частных благотворителей. В последней трети XIX века Екатеринбургской городской думе тоже пришлось делать выбор: либо целиком положиться на милосердие местных толстосумов, благо и в самой думе заседали люди далеко не бедные, либо, не ожидая помощи извне, взять бедноту под опеку городского общества. В одном из своих документов дума выразилась без экивоков: **«Обязанность заботиться о неимущих членах есть, по существу, обязанность не частная,** а **общественная»**.

Помощь благотворителей, конечно, принималась городом с благодарностью. Когда открывалась общественная больница, городской голова заявил, что готов одну кровать в ней содержать на свои средства. Почин подхватили многие другие. Однако позже выяснилось, что плата за лечение больных по таксе, утвержденной министерством внутренних дел для больниц Пермской губернии (67 копеек в день), оказалась обременительной для жертвователей, их благой порыв грозил сойти на нет. 14 января 1877 года городская дума постановила взимать с лиц, желающих содержать больничные кровати за свой счет, всего по 25 копеек в день.

В 1881 году возникла обширная переписка между думой, Пермским губернатором и министерством внутренних дел. Поводом к ней послужило желание екатеринбургского купца С.А. Соколова учредить именную стипендию в Алексеевском реальном училище. Купец внес 6 тысяч рублей на вечный вклад в городской общественный банк, и проценты с этого капитала как раз и должны были составлять стипендиальный фонд. Однако высшие инстанции заупрямились и выставили непременное требование — обратить капитал в **«Государственныя или гарантированныя Правительством процентныя бумаги»**. Требование это было невыполнимо — деньги Соколова уже нельзя было изъять из банка, запрещал устав. Купец, несколько приунывший от многомесячной волокиты, отказался повторять ходатайство. Тогда и дума решила обойтись без благословения из Петербурга и без лишних споров постановила **«капитал этот именовать капиталом С.А. Соколова в пособие бедным сиротам граждан города Екатеринбурга на воспитание в местных учебных заведениях, проценты же с него выдавать на этот предмет по распоряжению Городской Думы»**...

письма из прошлого

Учебные пособия, чарка водки и столб с сюрпризами

Важные даты и события общероссийского значения обычно знаменовались в Екатеринбурге всплеском общественной и частной благотворительности. Приведем выдержку из протокола заседания городской думы от 11 апреля 1883 года — им

ПРОТОКОЛЪ № 24-й.

ЗАСѢДАНІЕ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

12-го Октября 1881 года.

Засѣданіе открыто Городскимъ Головой В. В. Кр... ...ымъ, въ присутствіи 27 гласныхъ.

Прочитана программа дѣлъ, назначенныхъ для ... ...жденія Собранія на это число и протоколъ пре... ...ствовавшаго засѣданія.

... протокола вновь прибыли пять ...

была утверждена программа празднества «дня священного коронования Их Императорских Величеств». Вот что эта программа в себя включала:

«1) в день празднования в Екатеринбурге этого события, пожертвовать на улучшение обеда:

в Тюремном замке — 100 р.

в Александровской богадельне — 50 р.

в Детском убежище — 50 р.

в Доме общежития учеников духовнаго училища — 50 р.

и Нуровском приюте — 35 р.

2) Состоящим в здешней местной и этапной командах нижним чинам, а также новобранцам, на улучшение обеда по десяти копеек на человека и по чарке водки.

3) В распоряжение Совета здешняго городскаго училища на плату за обучение и учебныя пособия за детей беднаго состояния 100 рублей.

4) В виду трехдневнаго празднования признано необходимым для иллюминования городских зданий заготовить хозяйственным способом до 10000 штук плошек, с тем чтобы из них 1000 шт. было дано бесплатно в распоряжение местнаго Воинскаго начальника для освещения казарм.

5) Устроить большой транспарант по внесенному в Думу рисунку Дитриха с расходом на это 110 р., избрав местом для постановки его северную сторону стараго гостиннаго двора в воротах последняго.

Ассигновать на флаги и зелень 100 руб. и на устройство фейерверка 150 руб., при чем местом для сожжения его намечена средина пруда с особо устроеннаго плота.

Также назначить: а) на леса для плошек, постановку их и непридвидимые расходы 155 руб.; б) на музыкантов и песенников 50 руб.; в) бесплатныя представления «Петрушки» в течении 3-х дней 30 руб. и г) столб с сюрпризами 40 руб.

Затем по предложениям членов коммисии Н.И. Тимофеева и В.И. Дмитриева, собрание постановило дать нижеозначенным училищам в пособие на уплату за право обучения учеников и учениц самаго беднаго состояния, имеющих отличное поведение и хорошие успехи в науках, по 150 руб. в каждое, а именно: Реальному Алексеевскому училищу и гимназиям мужской и женской.

На оказание денежной помощи действительно нуждающимся лицам, собрание постановило отпустить в распоряжение Комитета местнаго благотворительнаго общества 100 руб. и наконец по заявлению гласнаго А.Г. Фолькман, собрание ассигновало 100 руб. на расход для приобретения и бесплатной раздачи ученикам народных школ города, Нуровскаго приюта, городскаго училища и детскаго убежища, изданнаго в С.-Петербурге сказания о жизни и деяниях предков нашего Царя, с краткою историею царствования ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, портретами ныне царствующих ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ и речью к русскому народу на день священнаго коронования, стоимость каждаго экземпляра каковаго определена в 10 коп.».

В 1884 году штаб-ротмистр Шабельский, откомандированный министерством внутренних дел, предложил городской думе озаботиться судьбой переселенцев, едущих через Екатеринбург, и выстроить для них отдельное здание.

Удел мигрантов и тогда был незавидным. Все, на что они могли рассчитывать — брезентовые палатки, которые выдавались по указанию железнодорожного начальства. Однако в мнениях гласных не было единства относительно помощи переселенцам. Гласный Дмитриев полагал, что это **«люди свободные и их нельзя держать в отведенном здании»**. Многие отмечали, что **«помощь переселенцам должна быть от правительства, а не от города, который не имеет возможности заботиться о всех едущих чрез него»**. Большие надежды возлагались на строящуюся железнодорожную ветку на Тюмень, с возведением которой **«переселенцы уж конечно небудут останавливаться в Екатеринбурге»**. Выдача денежных пособий тоже была признана нецелесообразной, ибо это лишь привлечет в город страждущих со всей страны. Звучали тем не менее и альтернативные предложения: так, гласный Ландезен предлагал все-таки отвести мигрантам помещение в здании на Сенной площади.

Городская власть решила не торопиться с окончательным решением и обратилась за советом к председателю Благотворительного общества К.А. Баландиной и комитету общества Красного Креста. Обе организации вызвались помогать переселенцам, среди которых **«бывают масса больных от изнурения и скудной пищи в пути; некоторые из них, особенно дети, также нуждаются в одежных вещах, ибо не редко встречалось видеть таковых полунагими, лишенными таким образом возможности к дальнейшему путиследованию»**.

Город передал общественным организациям средства для помощи переселенцам и договорился с Рязановской больницей о помещении туда больных: в городской больнице свободных мест часто не оказывалось…

В том же 1884 году городская власть начала любопытный эксперимент, целью которого являлось очистить Екатеринбург от нищих. 20 августа управа представила подробный доклад о положении дел: **«Попрошайничество в Екатеринбурге, благодаря различным обстоятельствам, развилось до крайних пределов. Ходят по миру не только калеки и дряхлые старики, ходят люди способные к работе, но что всего печальнее, просят милостыню и дети таких родителей, которые могут их пропитывать. Словом нищенство грозит перейти в общедоступное ремесло всех лентяев»**.

Тогдашнее законодательство предписывало городским и сельским обществам следить, чтобы **«бедные и неимущие люди их ведомств по миру не бродили и нищенским образом милостыни не просили и наблюдать, что бы те из них, кои окажутся здоровыми и в состоянии работать, были употребляемы в разныя работы, престарелые же и дряхлые отдаваемы на содержание родственникам»** или в богадельни. Ключевая роль в «сортировке» бродяг отводилась полиции, которая могла тех из них, что побираются **«по лени и привычке к праздности или в виде ремесла»**, заключать в тюрьму на срок до двух месяцев и высылать по месту жительства.

Екатеринбургская городская управа, рассчитывая серьезно взяться за борьбу с попрошайничеством, договорилась о совместных действиях с уездной земской уп-

равой, полицмейстером, уездным исправником, мещанским старостой, духовенством. Оставалось решить, как быть с местными, собственно екатеринбургскими нищими. При управе был образован комитет по разбору и призрению нищих под председательством городского головы, горожан просили **«не подавать милостыни при домах, а вносить на содержание нищих пожертвования в учреждение ими заведующее»**. Епископ Екатеринбургский и Ирбитский Нафанаил предписал **«священникам разъяснять прихожанам в храмах всю важность разумной помощи нуждающимся и весь вред неразборчивого раздавания денег лицам, занимающимся нищенством как ремеслом»**.

Инициативы городской власти встретили неоднозначный отклик. Сотрудник газеты «Уральская жизнь» А.В. Комаров в 1885 году опубликовал в санкт-петербургском журнале «Колосья» очерк, в котором приводит характерный диалог:

«– А вы к городскому голове обратитесь: он у нас чудеса творит, так, может статься, и для вас сотворит нечто.

– Какие чудеса?

– Разные… Вот, например, нищих в городе вздумал привести в порядок. Любопытная история!..

– Да вы канитель-то не тяните, а выкладывайте прямо, что у вас есть.

– Неужели вы не слыхали? Весь город говорит об этом. Он, видите ли, такую истину надумал, взял да и запретил нищим самим ходить по миру, а повелел им выбрать из своей среды особых уполномоченных, которых снабдил кружками и благословил их собирать денежное подаяние на всю нищую братию. А в конце месяца все, собранное в кружки, делится между членами нищенского сословия самим головой, по его личному усмотрению.»

Понятно, что в обывательских пересудах правда перемешана с вымыслом. Между тем работа дала блестящий результат: попрошаек в городе практически не стало. Сошлемся на статью историка Т. Мосуновой («Вечерний Екатеринбург», 1997, 28 ноября) «Нищий нищему — рознь», где подведены итоги этого давнего эксперимента. **«Стариков поместили в богадельню, за их содержание платил Комитет, а для детей открыли приют,** — писала Т. Мосунова. — **Была еще одна категория населения, которая также вела полунищенское существование, — это люди, в поисках хоть какого-то заработка пришедшие из деревень, а потому не могущие позволить себе платить за ночлег. Для них был устроен ночлежный дом… Как показывают данные отчета за первый год существования, на нужды Комитета поступили пожертвования: от городского общества — 7133 рубля 33 копейки, уездного земства — 400 рублей, частных лиц — 5221 рубль 77 копеек. Кружечный сбор составил 5647 рублей 96 копеек… всего — 27779 рублей 24 копейки»**. Без сомнения, главным успехом городской власти следует считать то, что жители Екатеринбурга убедились: она в принципе способна победить социальное зло.

Что представляли из себя городские богоугодные заведения? Екатеринбургская богадельня была открыта в 1869 году и названа Александровской **«в память избавления в Бозе почившаго Государя Императора Александра II от угрожавшей**

ПРОТОКОЛЪ № 25-й

...одолженіе засѣданія Екатеринбургской городской д...

12-го Октября 1881 года.

Засѣданіе открыто подъ предсѣдательствомъ Го...
...го Головы В. В. Кривцова, въ присутствіи 27 ...
...ъ.

Городской Голова, въ виду появленія, въ сосѣд...
городомъ, Верхъисетскомъ заводѣ заразительной ...

опасности 4 апреля 1866 года». В богадельне, содержавшейся на проценты с основного капитала, пожертвованного горожанами при ее открытии, призревались престарелые и увечные обоего пола. За 20 лет существования ее число призреваемых выросло с 30 до 210 человек. В 1886 году лишь 10 обитателей богоугодного заведения прибыли из уезда, платило за них уездное земство. Размещалась богадельня в собственном каменном доме, уступленном городским обществом. На частные пожертвования в ней была устроена библиотека, 1 января 1887 года в ней состояло 88 книг **«духовнонравственного содержания»**.

Примечательно, что богадельня не приносила городу убытков. Вот цифры за 1886 год. Основной капитал — 35302 рубля 6 копеек. Пожертвований поступило 9339 рублей 63 копейки. Израсходовано — 8851 рубль 62 с половиной копейки. Припасов и имущества пожертвовано на 9922 рубля и полкопейки. Расходы же по этой статье составили лишь 7254 рубля 43 с половиной копейки. Такая вот вдохновляющая бухгалтерия…

Увы, не везде дела обстояли столь радужно. К началу 1890-х годов в Екатеринбурге работало три детских приюта. Они, как выразился гласный городской думы В.И. Дмитриев, **«представляют слишком малую, как капля в море, величину для того, что бы уберечь подростающее поколение от тех краж, грабежей, убийств, за которые закон карает развратившихся бесприютных подростков»**. 15 октября 1890 года прокурор Екатеринбургского окружного суда обратил внимание городской думы на **«массу малолетних и несовершеннолетних преступников»** и предложил устроить для них исправительный приют, который бы обслуживал весь Екатеринбургский судебный округ. Думцы отнеслись к этой идее в высшей степени сочувственно — впрочем, как и члены уездного земского собрания. **«В самом деле, —** воскликнул гласный А.Н. Казанцев на заседании 31 октября 1890 года, **— как нам не позаботиться о той меньшей братии, которая, благодаря своей жизненной обстановке, в детстве и юном возрасте совершает преступления с неполным пониманием и разумом. Если мы не примем ни каких мер к исправлению нравственности таких членов общества, то они, идя путем преступлений, будут потом совершать их сознательно и с убеждением»**. Однако в существующие приюты таких воспитанников помещать было нельзя, **«потому что там воспитываются дети неопороченные, а предоставлять их самим себе значит допускать окончательную порчу их»**. Гласный В.В. Мостовенко добавил, что тюремное наказание для малолетних недопустимо, ибо **«тюрьма — университет мошенников»**.

Специально учрежденная комиссия разработала смету и устав приюта, однако тут энтузиастов ждало разочарование: большинство из пяти уездных земств отказалось участвовать в проекте. Одному же городскому бюджету было не под силу справляться с новой нагрузкой. И тем не менее думцы оставили вопрос открытым, оповестив земство о своей готовности внести лепту в содержание исправительного приюта для несовершеннолетних. Во всей России тогда существовало всего около 20 подобных заведений…

За десять лет до начала XX века Екатеринбург оказался перед лицом гораздо более страшной, чем криминальная, угрозы: в губернии настали неурожайные годы. Цены на хлеб взлетели. Чтобы остановить их и поддержать сельское хозяйство, пер-

вым предприняло усилия земство, испросив громадные ссуды из общеимперского продовольственного капитала. **«У нас одна цель — помощь бедному населению, не останавливаясь перед убытками»**, — прозвучало на заседании Екатеринбургской городской думы 1 августа 1891 года; предлагалось, закупив хлеб на городские средства, продавать его с большим убытком бедноте. Впрочем, городской голова И.И. Симанов остудил пыл благотворителей. **«Среди толков о голоде и крайней нужде,** — сказал он, — **приходится нередко встречаться с фактами, не подтверждающими всеобщих опасений. Не далее как вчера Городской Управе потребовалась артель чернорабочих и один из членов Управы отправился для найма на их сборное место «старую толкучку». Но здесь совершенно свободные поденьщики не согласились на предложенную им поденную плату в 40 к., а высказали условия: работать с 6 часов утра до 6 вечера за плату в 50 коп. Таким образом Городской Управе, желавшей доставить заработок местным беднякам, чтобы поддержать их в голодное время, пришлось взять на работу арестантов по 25 коп. за поденьщину»**. К слову, на строительстве Миасско-Челябинского участка железной дороги поденная цена тогда упала до семи копеек.

Управа закупила до 50 тысяч пудов ржаной муки (пшеничную покупать дума посчитала роскошью) и в конце сентября 1891 года начала реализовывать ее неимущим по 1 рублю 48 копеек за пуд — на рынке же цены доходили до 1 рубля 85 копеек. Примечательно, что среди покупателей не более десятой части составляли екатеринбуржцы — в основном в очередях стояли уездные жители. Комитет по разбору и призрению нищих организовал при ночлежном доме ежедневные обеды, столовая для неимущих открылась и в бывшем доме Бобровой на Успенской улице. Каждый день даровой обед получали около 550 человек. Комитет настолько активно и успешно собирал пожертвования, что сформировал «обеденный» фонд, которого хватило бы на 8 месяцев. Между прочим, 14 октября 1891 года гласные городской думы высказали опасение, не привело бы все это к наплыву бедняков из пострадавших от неурожая местностей, но закрыть столовые не решились…

В конце этого тревожного года в городскую больницу стала поступать масса больных детей из частного приюта Головой, устроенного **«для семейств голодающих вследствие неурожая»**. Приют, размещавшийся в трех домах, был переполнен. Городская дума вынуждена была принимать меры. **«И в добром деле необходимо иметь в виду границы,** — заявил гласный А.Н. Казанцев, — **и лучше оказать дело милосердия меньшему числу людей, но с уверенностью, что это безусловно полезно»**. Дума поручила попечительному совету городской больницы нанять временное помещение для больных детей, а управе — осмотреть приют и выдворить тех, кого возможно, выдав им пособие, в места жительства, где они могли рассчитывать на помощь земства и Красного Креста… Больных обитателей отделили от здоровых — для последних были сняты помещения в домах Кузнецова на углу Крестовоздвиженской и Водочной улиц и Щепетильникова на Водочной.

В довершение всех бед, в середине ноября 1891 года, в Екатеринбурге объявился сыпной тиф, сразу принявший характер эпидемии. Не будем вдаваться в подробности

борьбы с повальной заболеваемостью. Приведем буквально несколько цифр, которые ярко характеризуют эффективность заботы городской власти о неимущих. За полтора месяца с начала эпидемии тифа в городскую больницу поступил 151 пациент из ночлежных домов и 23 — из своих квартир. За 20 следующих дней ситуация поменялась: из ночлежек привезли 43 пациента, из частных квартир — 55. Правда, заразившиеся обитатели частных квартир проживали большей частью вблизи ночлежек…

В общем, екатеринбургская городская власть придерживалась идеологии, как бы сейчас сказали, адресной социальной помощи. Помогать всем без разбору она отказывалась. Однако не в правилах екатеринбургских думцев было бросать на произвол судьбы тех несчастных, кто не подлежал городскому призрению. Даже в голодные годы, когда взаимоотношения города и земства поневоле обострились, совместная работа не прекращалась. А в деле социальной защиты она особенно важна, иначе человек, ожидающий помощи, окажется жертвой формалистики, вечных нестыковок между разными уровнями власти.

Способы защиты обездоленных, выработанные городской думой Екатеринбурга, нашли признание в российских столицах. 5 января 1892 года в думу было отправлено красноречивое письмо, которое мы приведем полностью: **«Состоящий под председательством Ея Императорского Высочества, Великой Княгини, Елизаветы Феодоровны, Московский комитет** (по сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая), **известясь об организованном вами порядке помощи пострадавшему от неурожая населению, постановил выдать вам прилагаемые у сего тысячу рублей, из денег, пожертвованных обществом любителей художеств для Пермской губернии».**

Деньги эти были переданы думой в Комитет по разбору и призрению нищих — на содержание бесплатных столовых.

> ***«Городская Дума выслушав два заявления Екатеринбургских купцов И.И. Ермолаева и В.Я. Атаманова о дозволении им устроить телефоны — первому от своего дома до спичечнаго заведения компаниона его Ворожцова и второму между собственными его домами, стоящими один на углу Успенской и Коробковской улиц и второй в проулке, соединяющем угол Успенской улицы со Студеною, постановило: уполномочить Городскую Управу на выдачу дозволений по устройству телефонов, предоставя ей наблюсти, чтобы при постановке столбов небыло нарушено благоустройства города».***
>
> *Из протокола заседания Екатеринбургской городской думы от 4 июля 1883 года*

Если до сих пор городская власть только училась управлять, осваивала азы, то в 80-е годы XIX века она держала экзамен по всем основным предметам. На это десятилетие приходится масса свершений, благодаря которым Екатеринбург приобретал

настоящую столичность. Единственное, что оказалось не под силу городской власти, — коренным образом повлиять на экономические основы екатеринбургской жизни. Ограничения, сковывающие мещан и обрекающие их на безработицу, а город — на потерю доходов, продолжали существовать. В этой ситуации темпы, которыми прирастал Екатеринбург, входили в противоречие с более чем скромными возможностями городского бюджета. Отчасти в этом сказались особенности тогдашней общей организации власти: дав определенную свободу местным самоуправлениям, центр оставил за собой лишь регулирующие полномочия, губернская же администрация сконцентрировалась на учете и контроле. Таким образом, вопросы стратегии городского развития как бы повисли в воздухе. Подразумевалось, что на сей счет должна была болеть голова именно у представителей городской власти. Но она, как мы видим, или тонула в текущих неотложных делах, или же — вполне сознавая свои главные задачи, тут и там сталкивалась с их практической неразрешимостью. Отсутствовала координирующая и направляющая сила. Кроме того, низовая власть могла рассчитывать исключительно на собственные ресурсы, границы которых были очень четко определены Городовым положением. Затратные перспективные проекты, между тем, требовали привлечения не только городских средств. Прекрасно это сознавая, екатеринбургские думцы даже и не замахивались на составление каких-то глобальных планов городского развития. Не существовало и постоянных продуманных программ сотрудничества с земством, хотя множество школ, больниц и богоугодных заведений финансировались из обоих источников.

И тем не менее городская власть очень чутко относилась к техническим новшествам, которые могли бы «цивилизовать» Екатеринбург. Безусловно, трудно переоценить роль, которую сыграл в этом городской голова И.И. Симанов: именно в те годы, когда он руководил городом, и начали осуществляться многие значимые проекты.

Серьезный разговор о телефонизации города состоялся в думе 20 августа 1884 года. До сих пор телефонная связь оставалось уделом состоятельных горожан, но пока не служила общей пользе. **«Сам по себе город довольно обширен,** — докладывал городской голова И.И. Симанов, — **но как уездный, мало устроен»**. Взаимодействие полиции и пожарных дворов, полиции и городской власти — все это порою требовало оперативности. Симанов **«находил устройство телефонов в Екатеринбурге в применении к Городскому хозяйству весьма полезным и просил разрешения Думы устроить телефонное сообщение, на время его служения в настоящей должности, за собственный счет, между Городскою Управою и Полицейскими частями»**. Пользуясь случаем, городской голова выхлопотал у думы и разрешение провести телефонную связь для личной надобности — между своим домом и недавно выстроенной Ивановской мельницей. Для устройства телефона Симанову было разрешено вырубить **«до 25 дерев из городскаго выгона»**.

12 сентября 1891 года начальник Пермского почтово-телеграфного округа сообщил екатеринбургскому самоуправлению об утверждении министром внутренних дел условий **«устройства и пользования телефонными проводами в г. Екатеринбурге»**, и дума немедленно поручила управе **«подписаться от имени городского**

ПРОТОКОЛЪ № 5.

Экстреннаго засѣданія Екатеринбургской Городской Думы,

2 мая 1891 года.

управления на соединение телефонными проводами Городской Управы, пожарных частей и городской больницы»...

Электричество тоже поначалу было предметом роскоши, и керосиновые уличные фонари в Екатеринбурге долго соседствовали с ярко освещенными окнами местной знати. На производстве тоже паровые машины были распространены в 80-е годы позапрошлого века гораздо больше, чем электрические.

17 апреля 1885 года И.А. Василевский, агент товарищества П.Н. Яблочкова и компании, владелец электротехнической мастерской, получил от городской власти разрешение на установку во дворе городского театра локомобиля **«для приведения в действие динамо-машины, потребной для освещения театра электрическим светом»**. Этот же Василевский предложил свои услуги для освещения электричеством и городских улиц, но получил отказ. По его проекту, электрификация города стоила 36 тысяч рублей, сюда входила стоимость четырех динамо-машин, 80 фонарей, их транспортировки и установки.

2 сентября 1885 года дума разрешила неугомонному Василевскому установить на берегу городского пруда столбы для электрических фонарей. В следующем году агент собрал у горожан заказы на установку около 500 электрических лампочек. Он еще дважды обращался в екатеринбургскую думу с проектами освещения городских улиц. Контракт, предложенный им, гарантировал **«не позднее чем через год со дня утверждения»** установку 70 малых (по 20 свечей) или 10 больших (по 1200 свечей) фонарей. 10 ноября 1886 года свои соображения и сметы на сей счет представили другие разработчики — приказчики московской фирмы «Доброва и Набгольц», они же — представители Нюрнбергской электротехнической компании «Шуккерт» И.Л. Меннет и К.К. Ганау. Дума не спешила принимать окончательное решение, пожелав **«снестись со столичными электротехническими компаниями «Сименс и Гальске», Нижегородским товариществом «Рябикова и К°» и т.п., не выскажут ли они Думе свои условия электрического освещения и затем уже обсудить — чьи кондиции окажутся более выгодными для города»**.

27 апреля 1887 года Екатеринбургское городское общественное управление заключило с управлением Екатеринбургско-Тюменской железной дороги договор на 12 лет, дававший городу право бесплатно пользоваться «водяною силою» из пруда главных железнодорожных мастерских. При этом **«сила тюрбины городского управления»** не должна была превышать 120 лошадиных сил. Так мыслилось начать возведение электрического завода, призванного дать городу свет и прочие блага.

Забегая несколько вперед, скажем, что 14 июня 1896 года в стенах городской думы впервые прозвучало слово «трамвай». Протокол скупо сообщает: **«Доложено заявление распорядителя товарищества электрического освещения «А. Елтышев и К°» А.Д. Елтышева, возбуждающаго вопрос о допущении в принципе устройства в Екатеринбурге электрического городского трамвая, для перевозки по городу пассажиров и грузов. Дума, единогласно, постановила: ответить г. Елтышеву, что устройство передвижения пассажиров и грузов по Екатеринбургу силою электричества — вообще желательно»**.

Городское самоуправление впервые всерьез задумалось о том, как привлечь существенные инвестиции в городское хозяйство — и предприняло ряд практических шагов, подробнее о которых мы расскажем в следующей главе. Электроснабжение Екатеринбурга стало для города первым примером концессионного сотрудничества городской власти с крупным капиталом. Примером, правда, далеко не однозначным…

В апреле 1884 года широкая екатеринбургская общественность была вовлечена в обсуждение насущного предложения — устроить в городе водопровод. 2 апреля инженер путей сообщения А.Э. Вейсблат представил городской думе на сей счет записку, которую едва не отмели сразу же по обычной причине несостоятельности городского бюджета. Ее опубликовала влиятельная городская газета «Екатеринбургская неделя» (1884, №16). Цель публикации очевидна: пресса подталкивала городскую власть к принятию «единственно верного» решения. **«Именно теперь, когда Екатеринбургское городское самоуправление еще свободно от всяких финансовых затруднений,** — можно было прочесть в газете, — **гораздо удобнее приняться за осуществление предлагаемого нами проекта, чем через несколько лет, когда упомянутые затруднения легко могут явиться помехой подобному полезному предприятию».**

Многие понимали: водоснабжение было не только необходимо городу — оно, в конечном итоге, вывело бы Екатеринбург на качественно новую ступень развития. Город раскинулся более чем на 12 квадратных верст, в нем, по прикидкам, жило около 35 тысяч человек. Борьба с пожарами, уличной пылью — все это крайне волновало горожан, и все это облегчалось с устройством водопровода. Между прочим, в то же самое время московские власти, не понаслышке знающие, какой ущерб может принести огонь, были готовы вложить десять миллионов рублей в строительство противопожарного водопровода. А в Екатеринбурге из четырех тысяч домов, по свидетельству современников, едва ли десятая часть были каменными, да и у них редко встречались крыши из несгораемого материала.

Екатеринбург испытывал большие трудности и с питьевой водой. Беднота черпала загрязненную исетскую водичку, однако и богачам приходилось туговато, особенно в засушливые годы, когда городские ключи пересыхали, или в распутицу, когда за ключевую воду приходилось платить втридорога.

Автор записки инженер Вейсблат заглядывал и дальше. «**Водопроводы, преследуя свои главные цели… могут служить в то же время промышленным заведениям для облегчения их действия, а более зажиточным людям, — для удовлетворения потребностей, хотя и не столь насущных, каковы: проведение воды в кухни, устройство домашних купален, ватерклозетов и проч.»**.

Проект, опубликованный в газете, представлял водную артерию длиной 26 верст, которая захватывала **«крайние пункты города»** и проходила по многим главным улицам, снабжая водой практически весь Екатеринбург. Воду, кстати, предполагалось брать из Малаховского ключа — источника, из которого пил весь город. Водоразборные будки, колонки, точки для водопоя скота, пожарные краны, аварийные приспособления — автор проекта не забыл ничего. И даже два фонтана, бьющие на высоту 8 саженей, должны были радовать взоры екатеринбуржцев…

Но для того, чтобы в городе появилась эта **«постройка вековая... имеющая служить и приносить пользу в течение многих лет»**, требовалось, по приложенной смете, 500 тысяч рублей. Если бы город оформил на такую сумму заем, то расплачиваться по нему пришлось бы в течение 33 лет. То есть к 1917 году Екатеринбург освободился бы от «водопроводных» долгов...

Интересно, что автор проекта, рассуждая о расходах на эксплуатацию водопровода, во-первых, предлагал дифференцировать тарифы для населения в зависимости от обеспеченности каждого потребителя, а во-вторых, рассчитывал направить на покрытие расходов часть средств от страховой премии недвижимых имуществ. Города, оборудованные водопроводом, в тогдашней России считались более безопасными в пожарном отношении...

30 апреля 1884 года городская дума отложила утверждение проекта о водопроводе. Сегодня трудно оценивать это решение. Возможно, гласные недооценили возможности, которые бы открыло привлечение частных средств. Непреложно было, однако, что сама по себе городская власть не в состоянии «поднять» такой объем инвестиций. Между прочим, «водопроводная» дискуссия вышла даже из губернских рамок: в мае 1884 года в нее включился российский журнал «Вестник промышленности», назвавший проект Вейсблата несбыточным. **«Проект этот принес только одну пользу, что заставил екатеринбуржцев начать думать об этом деле»,** — писал «Вестник».

Только спустя десяток лет после октябрьского переворота 1917 года в Екатеринбурге начнут прокладывать водопровод...

«Не эгоистическия соображения исключительных для Екатеринбурга выгод от проведения Сибирской железной дороги по южному направлению заставляют нас постоянно и при всяком удобном случае ходатайствовать пред правительством о скорейшем осуществлении постройки дороги; желание процветания дорогаго нам отечества, желание улучшения того экономического положения, в котором находится Россия в последнее время — вот те побуждения, которыя нами руководят».

Из докладной записки, поданной депутацией Екатеринбурга генерал-адъютанту Посьету, 1881 год

В 1878 году была открыта Уральская горнозаводская железная дорога. Современники быстро уяснили значение этого новшества, соединившего Екатеринбург с Пермью, Урал с Зауральем, горные заводы с водными путями европейской России. Трезво оценивались и минусы этого локального сообщения: оно слишком зависело от кратковременной навигации по Каме и Волге, и в эти сезоны железная дорога с трудом справлялась с наплывом грузов. Сухопутный Сибирский тракт, при всей его неустроенности, довольно успешно конкурировал с горнозаводской «железкой»: он

Годъ пятый. № 41.

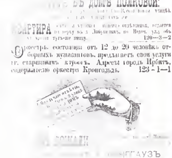
ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ НЕДѢЛЯ.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА. 50 №№ въ годъ. ПОДПИСКА И ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются: въ Екатеринбургѣ — въ конторѣ Театральной улицѣ, домъ Протасовой; ... въ Москвѣ — въ „Центральной конторѣ ... Петровка, домъ Солодовникова.

являлся кратчайшим между Обью и Камой, а железная дорога удлиняла путь из Тюмени в Пермь больше чем на сто верст.

Железнодорожный бум, ожививший деловую и инженерную мысль российских столиц, докатился и до Уральских гор. Это было время, когда основные магистрали прокладывались пока только на бумаге и легко могли менять свой маршрут. От их прихотливого бега зависела судьба городов и весей на столетия вперед. Екатеринбургская городская дума оказала городу услугу, за которую, пожалуй, следовало бы списать ей все грехи. Она оказалась настолько настойчива и последовательна в своих действиях, арсенал которых был чрезвычайно ограничен, что Екатеринбург уже к концу XIX века превратился в перспективный железнодорожный узел на пересечении важных магистралей. Не на словах, а на деле здесь соединились Европа и Азия, Великая Сибирь протянула руку, через просторы Поволжья, московско-петербургскому Западу России. Городская власть, педантично и неутомимо атакуя имперские канцелярии прошениями и ходатайствами, окончательно и бесповоротно предопределила, что уездный статус слишком тесен для Екатеринбурга.

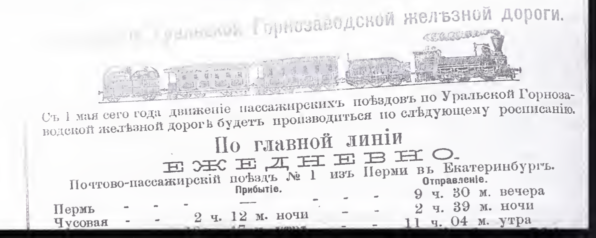
события и судьбы

Первый почетный гражданин Екатеринбурга

Евгений Васильевич Богданович столько сделал для Урала и уральцев, что его фигура достойна отдельных исследований и жизнеописаний. Мы вынуждены здесь ограничиться только тем, что связывает его имя с деятельностью екатеринбургского городского самоуправления. Пусть это будет всего лишь страничка, дополняющая тома биографов…

31 января 1877 года городская дума внимала заявлению, под которым стояли подписи 12 человек — каждый из них был величиной в екатеринбургском обществе. Потомственные почетные граждане Яков Расторгуев, Иван Рязанов, Алексей Казанцев, титулярный советник Александр Севастьянов, горный инженер В. Мостовенко, священник Николай Пономарев, П. Ошурков, Е. Суслов, В. Павлов, И. Романов, Н. Грачев и Я. Панфилов предложили увековечить заслуги Е.В. Богдановича — да таким образом, чтобы это действительно стало событием историческим. Приводим документ полностью — он того заслуживает.

«Проведение Южной железной дороги от Нижняго чрез Казань до Екатеринбурга, по проэкту Полковника Богдановича, встречено от Москвы до Иркутска с живейшим сочувствием. По утверждении этаго направления ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ сочувствие это выразилось относительно Евгения Васильевича в многочисленных к нему адресах, выражавших искреннюю признательность за многолетние труды его, посвященные этому важнейшему делу, а вящщим доказательством этих чувств служат собираемые суммы для образования в учебных заведениях стипендии имени

...Горнозаводской желѣзной дороги.

Съ 1 мая сего года движенiе пассажирскихъ поѣздовъ по Уральской Горнозаводской желѣзной дорогѣ будетъ производиться по слѣдующему росписанiю.

По главной линiи

ЕЖЕДНЕВНО.

Почтово-пассажирскiй поѣздъ № 1 изъ Перми въ Екатеринбургъ.

	Прибытiе.	Отправленiе.
Пермь	—	9 ч. 30 м. вечера
Чусовая	2 ч. 12 м. ночи	2 ч. 39 м. ночи
		11 ч. 04 м. утра

Евгения Васильевича. Городу Екатеринбургу, как центру, где соприкоснутся Южная и Северная железныя дороги и откуда пойдет дальнейшее их проведение в Сибирь и Среднюю Азию, конечно предстоит блестящая будущность в развитии промышленности горнозаводской и торговой и может быть все это осуществится в недалеком будущем, но это недалекое будущее в жизни Государства может измеряться не годом-двумя, но и десятком лет, тогда как жизнь человеческая с каждым годом слабеет и хиреет и часто великия идеи не осуществляются при жизни тех, кто их лелеял. Чтобы сохранить на всегда память о Евгении Васильевиче Богдановиче между обитателями города Екатеринбурга, они Гг. Гласные, в числе 12 человек, принимают смелость предложить Городской Думе: исходатайствовать у кого следует наименование Евгения Васильевича Богдановича почетным Гражданином города Екатеринбурга, чем доказать перед ним, что граждане города Екатеринбурга искренно и будут вечно признательны за блистательную идею, обратившуюся в осуществимое дело, на что им потрачено много материальнаго благосостояния, а главное — жизненных сил».

Конечно же, дума не могла не откликнуться на эту инициативу.

К 20 февраля 1896 года, дню пятидесятилетия своей служебной и общественной деятельности, Богданович подошел уже в звании генерал-майора. Накануне городская дума Екатеринбурга вновь собралась, чтобы обсудить, какого чествования заслужил Евгений Васильевич.

«Благотворительная деятельность его, — говорил городской голова И.С. Бурдаков, — **достаточно засвидетельствована не только г. Екатеринбургом, получившим при содействии Евгения Васильевича рельсовый путь до г. Тюмени и поднесшим ему звание своего почетнаго гражданина, но и другими городами России, гордящимися внесением этого почтеннаго имени в свои бархатныя книги».**

Гласный Г.Г. Казанцев еще раз подчеркнул заслуги юбиляра именно перед Екатеринбургом: **«Направление, которое отстаивал Евгений Васильевич, проектировано чрез Томск, Тюмень, Екатеринбург, Мензелинск, Казань и Нижний — представлявшее прямой путь из дальней Сибири к столичным городам, удостоено Высочайшаго утверждения, но в силу каких-то обстоятельств было изменено линиею от Екатеринбурга на Кушву и Пермь. Затем было проектировано новое направление пути чрез Урал на Ирбит, Кушву, Пермь, в обход Екатеринбурга, но не осуществилось. Генерал Богданович всегда защищал направление железно-дорожнаго пути чрез Екатеринбург, как торговый и горнозаводский центр».**

На том заседании звучали разные идеи относительно увековечения заслуг генерала. Некоторые предлагали открыть училище его имени — но это было предприятием сомнительным с финансовой точки зрения. Пришлось ограничиться лишь присвоением имени генерал-майора Е.В. Богдановича одному из городских начальных народных училищ, а именно — Мельковскому, прежде называвшемуся по имени речки, близ которой оно находилось…

по понедѣльникамъ, средамъ [illegible]

	Прибытіе.	Отправленіе.
Чусовская	—	4 ч. 15 м. [illegible]
Кизелъ	10 ч. 27 м. утра	10 ч. 47 м. [illegible]
Александровская	11 ч. 45 м. дня	11 ч. 55 м. [illegible]
Веретье	3 ч. „ пополудни	3 ч. 20 м. [illegible]
Березняки	3 ч. 30 м. пополудни	—

Товаро-пассажирскій поѣздъ № 6 изъ Березняковъ въ [illegible]

по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

	Прибытіе.	Отправленіе.
Березняки	—	[illegible]

Имя Евгения Васильевича Богдановича до сих пор значится на картах Свердловской области и России. Говорят, город Богданович — единственный из дореволюционных городов России, названный в честь царского чиновника и избежавший переименований в годы революционных бурь и советской власти.

«После долгих ожиданий местнаго населения окраин Западной Сибири, желания его относительно сооружения транзитной железной дороги наконец приводятся в исполнение Правительством. Начало этой транзитной дороги осуществляется устройством участка ея от Екатеринбурга до Тюмени сооружаемаго ныне непосредственно Министерством Путей Сообщения на средства казны...»

Так начиналось письмо в Екатеринбургскую городскую думу, за которым следовала поистине новая эра. Впереди были многие хлопоты и даже разочарования, впереди были интриги и конфликты с железнодорожным ведомством — молодой, сильной структурой, начавшей уже претендовать на худшие лавры уральских горных царьков восемнадцатого века. Но вот-вот протянется ниточка, по которой богатства Сибири, минуя узел-Екатеринбург, направятся к рельсовым путям европейской России. И это стоит треволнений. Тем более, что еще **«в 29 день августа 1880 года»** Государь Император Александр Николаевич лично дал Высочайшее повеление немедленно изыскать средства и начать работы на Екатеринбургско-Тюменском участке Сибирской транзитной дороги. А предшествовала этому — тоже бумага. Собравшееся на Нижегородской ярмарке 1880 года купечество вручило графу Игнатьеву адрес, в котором говорилось о громадном значении пути, что соединит бассейны Волги и Оби. Дело тормозилось еще с 20 декабря 1875 года, — тогда, заседая в Совете министров, глава министерства путей сообщения неожиданно оказался в меньшинстве, отстаивая вариант, неблагоприятный для Екатеринбурга. Мнение большинства было освящено волей императора, а вот поди ж ты, за десять лет господин министр, уйдя в оппозицию, не дал проложить ни версты полотна Сибирской железной дороги...

А что касается письма в городскую думу, то оно, датированное 14 июня 1883 года и подписанное главным агентом отдела по отчуждению имуществ Екатеринбургско-Тюменской железной дороги Н. Полторацким, несмотря на велеречивость слога и пространность аргументов, цель преследовало простую: добиться от городской власти согласия на отчуждение земель. Упоминались и еще кое-какие тонкости — сооружение станции, соединение Тюменской линии с горнозаводской. Место для станции инженеры-железнодорожники приглядели **«близ Сибирскаго тракта, около места отведеннаго ныне городом для учебной стрельбы военных команд»**. Они отдавали отчет в том, что строительство станции изменит вектор развития Екатеринбурга: **«Возможное и весьма естественное** с **проведением Сибирской дороги расширение города, которому станция Уральской дороги расположенная с одной стороны его, указывает как бы границу и предел в этом направлении, неминуемо направится в противоположную сторону именно по р. Исети... так что выбранное ныне место для станции, приходящееся против Покровскаго проспекта, займет почти центральное ко всей площади города положение»**. Администрация Тюменской железной дороги полу-

МАГАЗИНЪ
ЕНТШЪ
существующій тамъ 28 лѣтъ и
репутаціею.
лично или письменно въ Перми,
по Сибирской улицѣ, въ домѣ
113—5—1

ОБЪЯВЛЕНІЕ.
Приставъ Съѣзда Мировыхъ
округа Утяковъ, житель
во 2 части г. Екатеринбурга, по Набережной
въ своемъ домѣ, на основаніи 1030 ст. Уст.
симъ объявляетъ, что 15 Іюля 1883 года
часовъ утра, будетъ произведенъ второй
продажу движимаго имущества умершаго
Рейнвартъ, состоящаго изъ ношебнаго
маркшейдерскихъ и хирургическихъ инстр
разныхъ издѣлій желѣзныхъ и стальныхъ,
шкафовъ лавочныхъ и проч. вещей. Прода
происходить на мѣстѣ храненія имущества
тирѣ хранителя Размахнина, въ домѣ
по Разгуляевской улицѣ, во 2 части г.
бурга. Іюля 8-го дня 1883 года.
Судебной Приставъ Д. Ут

чила в свое распоряжение здания бывшего Монетного двора для устройства больших мастерских, и к вящей выгоде своей и городской она предложила думе **«проложить по Покровскому проспекту конно-железный путь, для соединения с путями станционными... днем для публики... в ночное же время для доставления больных вагонов, паравозом в мастерския»**.

Необходимо отметить одну важную особенность Тюменской железной дороги: это был один из первых опытов подобного строительства исключительно на казенные деньги, а потому поверстная стоимость его исчислялась скромно, в сравнении с мерками акционерных железных дорог. Путейцы вынуждены были экономить и не скрывали этого, внося свои проекты в Екатеринбургскую городскую думу. С другой стороны, над строительством незримо реял имперский флаг, и это имело большое значение в глазах думцев. По крайней мере, они были уверены, что отчуждают городские земли не в пользу неких господ акционеров, а в пользу родного правительства. Так и было записано в единогласном решении думы от 16 июня 1883 года: **«Уступить Правительству безмездно из принадлежащей городу земли как в черте городского плана, т.е. назначенной под кварталы, но неотведенной еще в частное владение под заселение, так равно и расположенной за чертой города в уезде выгонной, без различия ея качества, до 75 десятин»**. Заканчивалось все это маленькой оговоркой, послужившей поводом для последующего большого скандала: думцы отдали железной дороге землю — без леса. То есть лес-то рос, но рубить и использовать его было запрещено. А строительство «железки» на Покровском проспекте дума приветствовала.

25 июля дело продолжилось. Железная дорога, несколько обескураженная неувязкой с землеотводом, официально просит думу **«уступить правительству тот лес, который составляет 5-саженную с двух сторон бровку для предохранения пути от снежных заносов на всем протяжении выгона»**. Дума выносит вердикт: **«безмездно»** не уступать. А стоимость того леса, по расчетам, определилась в три тысячи рублей.

Разгорелась небольшая муниципально-железнодорожная война. Представители Тюменской железной дороги не то чтобы гнули свое — они практически перестали обращать внимание на требования городской власти. С конно-железным путем по Покровскому проспекту — центральной улице Екатеринбурга! — вообще вышел казус. Дума долго торговалась, очно и заочно, с начальником управления дороги Гете (Гетте): как бы и дорогу проложить, и поставить при этом несколько пожарных кранов, и соблюсти приличный вид улицы... Пока шла эта торговля, железнодорожники успели безо всяких условий и утверждения строительных планов разрыть проспект, проложить рельсы и пустить по ним составы! Такого унижения городская власть Екатеринбурга не переживала, наверное, с патриархальных времен, когда горные начальники не то что из городского головы — из губернатора пытались веревки вить.

17 ноября 1884 года город пожаловался Пермскому губернатору на произвол железнодорожников, попросив транслировать на имперские верха требование при-

остановить строительство Тюменской дороги. 28 февраля его превосходительство ответил отказом по всем пунктам: он перекрыл ходатайствам Екатеринбургской городской думы путь к министерству внутренних дел. Между тем городская власть накопила ворох «компромата». В думе лежало заявление священника Екатерининского собора Романа Новоспасского: батюшка настаивал на определении точного времени хода поездов и беспокоился об опасности пожаров. Покровский проспект, особенно ближе к выезду из города, был застроен деревянными строениями, а паровозы, проходя мимо, часто выбрасывали снопы искр, а то и горящие угли. Это не было новостью для железнодорожного начальства, оно распорядилось оснастить трубы машин сетками. Но список безобразий на этом не кончался. 17 апреля 1885 года гласные думы, собравшись, пополнили его сами.

«Строители заняли еще на Покровском проспекте полосу им не отчужденную, — взял слово А.Н. Казанцев, — **и завалили ее хламом, поделав из кусков земли какия-то траншеи препятствующия свободному движению экипажей. Самыя переезды чрез рельсы около Католической церкви и гостинницы Холкина, где самое бойкое для езды место, являются никуда не годными и устроены так, что лошади будут ломать ноги... Затем у монетнаго двора, для того чтобы переезжать через рельсы постлали какия-то дрыгающия дощечки...»**

«Есть такия лица живущия на Покровском проспекте, которые не могут забраться в свои дома, — присовокупил К.И. Рощинский, — **а также и такия, которыя опасаются, что сгорят ночью...»**

Стенаниями горю не поможешь — перед думой встал обычный русский вопрос: «Что делать?» **«Но раз жителей заставляют убирать нечистоты, нельзя и Управлению Тюменской дороги не позаботиться очисткой своего места,** — заметил гласный Г.Г. Казанцев. — **Если же мы будем жаловаться в Петербург, это будет очень долго — нельзя ли в этом случае действовать на основании общих правил?»**

«Разговоры с ними или просьбы будут гласом вопиющаго в пустыне...» — мрачно ответствовал городской голова.

В результате решили направить в Петербург две жалобы: в Сенат на губернатора и в министерство внутренних дел (минуя губернатора) на действия управления Тюменской железной дороги... Но как ни жалуйся, что сделано — то сделано.

Несмотря на подобные неприятные инциденты, городская дума не оставляла попыток «подтянуть» к городу все строящиеся железнодорожные ветки. 16 июня 1887 года думцы, по настоянию городского головы И.И. Симанова, намечают использовать визит в Екатеринбург Великого князя Михаила Николаевича с тем, чтобы просить его о соединении Самаро-Златоустовской дороги с Тюменской здесь, в Екатеринбурге. Незадолго до этого дума ходатайствовала о том же перед министром путей сообщения. **«В парадных комнатах депутация от города и земства удостоилась вручить Великому князю Михаилу Николаевичу адрес с ходатайством о**

величинѣ перваго.

Такова приблизительно картина будущаго, и съ волненіемъ приходится ожидать рѣшенія правительствомъ вопроса, поднятаго врачами.

А. Закожурниковъ.

Правительственныя сообщенія: отъ Пермскаго господина губернатора.

Въ № 40 „Екат. Недѣли“ помѣщена статья „Образецъ ускореннаго производства“, въ которой говорится, что прошенія мастеровыхъ о возвратѣ переплаченныхъ ими вмѣсто 300 по 800 руб. за освобожденія отъ рекрутской повинности изъ Екатеринбургскаго съѣзда переданы въ губернское присутствіе, въ коемъ

направлении самаро-уфимской железной дороги на Екатеринбург, — вспоминает А. Прозоровский. — **Приняв адрес, Его Высочество изволил высказать, что на ходатайство городского общества и справедливое решение представленного вопроса им будет обращено должное внимание».**

Даже неурожай и угроза голода использовались думой как повод напомнить Петербургу о городских интересах. Лето 1891 года выдалось неудачным, прошлое тоже было неурожайным, сильно «подскочили» цены на хлеб. Российское правительство поручило губернаторам собрать сведения о самых «голодных» территориях, а земствам — озаботиться помощью тем, кто может пострадать от бескормицы. Екатеринбургская городская власть решила тоже не стоять в стороне от общих забот. Свой долг она видела в новом ходатайстве на железнодорожную тему. Гласные предлагали довести Сибирскую железную дорогу до Екатеринбурга: в этом случае она **«захватывает те именно местности, жители которых наиболее пострадали от неурожая в минувшем году... десятки тысяч беднаго голоднаго люда имели бы при сооружении ея заработок для прокормления себя и семейств»**. Гласный В.И. Дмитриев добавил еще, что на железных дорогах России введены льготы на провоз хлебных грузов, но в числе губерний, наделенных этой льготой, Пермская не числится. Ходатайствовали и об этом…

Можно иронизировать над всем этим бумаготворчеством, но оно достигло цели: правительство признало необходимым соединить Екатеринбург со станцией Миасс Златоусто-Челябинской линии. 19 октября 1892 года не успокоившиеся на этом думцы составили петицию, адресованную всем первым лицам державы и призванную подтолкнуть финансирование нового железнодорожного строительства. Они настаивали на скорейшем соединении с Миассом, поскольку постройка транзитной Сибирской линии **«неизбежно затянется на многие годы»**. Городской голова лично отправился в Пермь «обрабатывать» начальника губернии.

Осенью 1894 года, сложного для городской власти в политическом отношении (о чем мы расскажем в следующей главе), начальник IV участка строящейся Екатеринбургско-Челябинской линии железной дороги инженер Попов приступил к расчистке полосы отчуждения. Наученная горьким опытом, Екатеринбургская дума загодя озаботилась судьбой леса, растущего в городском выгоне. 20 октября она постановила оставить лес, попадающий под вырубку, для городских надобностей. Городская управа была уполномочена нести необходимые расходы на контроль за вырубкой, разделку и вывоз леса. Инженера Попова просили ограничить до минимума полосу, на которой должен исчезнуть и без того редкий пригородный лес…

Рамки этой главы ограничены 1894 годом, но мы вновь вернемся к следующим страницам железнодорожной эпопеи. Самое начало 1902 года. По Екатеринбургу пронесся слух о спрямлении железнодорожных линий, соединяющих Сибирскую магистраль со строящимся путем Вятка — Петербург. **«Частно известно,** — заявляет 8 января гласный И.Ф. Круковский, — **что влиятельныя лица склонны больше к соединению Тюмень — Омск и это направление является уже почти предрешенным»**. На удачу, 12 января через Екатеринбург должен был проезжать министр

путей сообщения князь М.И. Хилков. **«Необходимо воспользоваться проездом господина Министра**, — выражает общее мнение И.И. Симанов, — **и ходатайствовать, чрез депутацию чтобы г. Екатеринбург, при соединении железных дорог, не был обойден»**. Дума подключила к этому и начальника Пермской железной дороги А.М. Повалишина.

А 9 сентября 1904 года думцы вовсю обсуждают, где разместить товарную станцию проектируемой железнодорожной линии Пермь — Екатеринбург — Курган. К тому времени город обслуживали две такие станции, через которые ежегодно проходило 23 миллиона пудов груза.

Наконец, 26 ноября того же 1904 года поднаторевшие гласные Екатеринбургской городской думы во всеоружии рассматривают такой знакомый вопрос — о землеотводе под строящуюся линию Пермь — Екатеринбург — Курган. Идеология думы нисколько не изменилась, зато тактику думцы отточили до блеска: весь городской лес, попадающий под вырубку, учтен и оценен. К тому времени Екатеринбург уже смело смотрит в будущее, взаимоотношения с железнодорожными конторами встали, что называется, «на поток», при городском самоуправлении давно работает исполнительная комиссия по местным железнодорожным вопросам. Кстати, один из членов этой комиссии, гласный Павел Васильевич Иванов, — личность без преувеличения легендарная — тогда же, в 1904-м, был уполномочен защищать и отстаивать в Петербурге интересы горожан.

...Если бы можно было почтить заслуги Екатеринбургской думы перед родным городом, то, наверное, самым уместным знаком благодарности стал бы памятник Ходатайству о Железной Дороге. Думцы совершили настоящий подвиг — прорубили для города окно в будущее.

[illegible]

КОСТИНА.

[illegible] почтеннѣйшей Екатерин- [illegible], что въ моей мастерской, [illegible] противъ театра, въ [illegible] буду принимать заказы муж- [illegible] обуви. Своею опытностью этого [illegible] въ теченіе 15-ти лѣтней службы [illegible] Л. А. Меклера, я въ короткое время [illegible] мастерской съ ноября 1882 года въ г. [illegible] извѣстность моей обувью и на- [illegible] не оставятъ своимъ благосклоннымъ [illegible] мастерскую. Я же постараюсь оправдать [illegible] публики. При мастерской имѣют- [illegible] обуви, выполненной изъ С. Петербур- [illegible] товаровъ.
[illegible] при заказѣ благоволятъ прилагать ста- [illegible] И. А. Костинъ. 276—1—1

[illegible]ръ товарищества Печенкина,
[illegible]ресенье, 6 ноября 1883 года,
съ 12 часовъ дня,
[illegible]КЦІОНЪ
ПРОСРОЧЕННЫХЪ ЗАЛОГОВЪ.

ПРОДАЮТСЯ [illegible]
ОТДАЮТСЯ напрокатъ: костюмы, маски и домино. Тамъ-же ПРОДАЮТСЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ. 263-3-2

ВЕДЕНІЕ ДѢЛЪ во всѣхъ присутственныхъ и судебныхъ мѣстахъ, постоянную агентуру или отдѣльныя порученія по дѣламъ торговымъ и друг. принимаетъ на себя, доставляетъ разнаго рода свѣдѣнія и справки. В. А. Турчаниновъ, С.-Петербургъ, Пушкинская ул., № 2. 82—½—11

Въ екатеринбургской крупчатной лавкѣ А. Ф. Поклевскаго-Козеллъ вновь получена крупчатная мука, вальцовая, высокаго достоинства, изъ Семипалатинской пшеницы. Цѣна одиннадцать рублей за мѣшокъ. 18—29—22

ПОСТОЯННЫЙ БАЗАРЪ
КАЗАНСКАГО АУКЦІОННАГО ЗАЛА,
(Петропавловская улица, противъ собора).
Въ продажѣ:
Всевозможные предметы домашняго хозяйства, музыкальные инструменты, ноты и книги, чемоданы, сундуки, саквояжи, альбомы, бювары, бумажники, портмоне, варшавская обувь, перчатки, галстуки, цвѣты, ленты. Большой выборъ золотыхъ и серебр. вещей, также карманныхъ часовъ. Шубы и одежда всякаго рода. Всевозможные экипажи, городскіе и дорожные. Пожарныя, земледѣльческія и другія машины. 30—29—21

ПРОДАЮТСЯ два деревянные дома по Новоникольской улицѣ, за сѣнной площадью. Дома эти бывшія Стерлякова. О цѣнѣ спросить Потапова. 260-2-2

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

(1892 – 1917)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ

Новое Городовое положение: местную власть – под губернскую опеку. – Думу разбил паралич. – Вечный призрак бюджетного дефицита и изобретение новых налогов. – «Фигурная езда воспрещается...» – «Нищенские» оклады больших чиновников. – Гримасы городской медицины: на пути к разбитому корыту. – Екатеринбургские сироты и «испанская инквизиция». – Два Кожевникова: единство противоположностей. – Как купец подвел банкира. – Технический прогресс: «пульт управления» недосягаем для городской власти. – Когда трамваи еще не ходили… – Уличные безобразия и всеобщее падение нравов. – 9 января 1905 года. Что это было? – Бикфордов шнур революции. – Манифест 17 октября и черносотенный погром в Екатеринбурге. – Дума и Совет рабочих депутатов: параллельные прямые. – П.А.Столыпин – почетный гражданин Екатеринбурга. – Открытие Горного института и первая мировая война. – Цены растут, а хлеба мало. – Жены солдат выходят на митинг. – Елки для встречи нового,1917 года, почему-то не раскупили…

«Русское самодержавие не может и не должно терпеть никакой неподчиненной ему или не от него исходящей власти в стране, никакого государства в государстве... Самое главное – устроить на твердых началах и поставить в правильное отношение к центральному правительству земство и местное управление».

М.Н. Катков, публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости»

Кризису, какой пережила городская власть в 1894 году, пожалуй, не найдется равного за всю ее дореволюционную историю.

Зрел этот кризис более двух лет. 11 июня 1892 года император Александр III утвердил новое Городовое положение, разработанное в контексте общеимперской идеологии «закручивания гаек». Незадолго до этого, в 1890 году, реформированию подверглось земство, поэтому с новым порядком на местах знакомы были не понаслышке.

Городовое положение 1892 года воплотило в себе взгляды деятелей, которых мы сегодня нарекли бы «государственниками». Стремление создать крепкую централизованную властную вертикаль, нижние, «хозяйственные» этажи которой должны быть едины с верхней «политической» надстройкой, в конечном счете отозвалось заметным сворачиванием общественной активности. Местное самоуправление, едва вставшее на ноги за двадцать лет своей самостоятельности, оказалось «привязано» к государственной колеснице; местные нужды и интересы были, согласно духу реформы, подчинены государственной целесообразности в том виде, как ее понимали губернские и министерские руководители. Один из «государственников» той поры, Н. И. Лазаревский, определял местное самоуправление как систему децентрализованного государственного управления. По его мнению, государственная власть — это совокупность полномочий и монарха, и коронной администрации, и парламента, и органов самоуправления.

Реформа Александра III изменила лицо и состав местной власти, сначала — земской, а затем и городской. «Московские Ведомости» объясняли замысел реформаторов так: **«Земство нужно только нашим конституционалистам, лелеющим мечту вырастить из этого чахлого растеньица большое и ветвистое дерево, а местное благоустройство только выиграет от изъятия его из цепких рук земских дельцов»**. Земские выборы вновь стали сословными; представительство в земских собраниях количественно сократилось — почти на треть. Первую скрипку стали играть дворяне: к примеру, в 1897 году корпус губернских гласных в России составляли: дворяне и чиновники — на 89,5 процента, разночинцы — на 8,7 процента, крестьяне — всего на 1,8 процента. Губернатор назначал не только председателя земской управы, но и всех ее членов, обжаловать решение губернатора земские собрания не имели права. Председатели и члены управ числились состоящими на государственной службе, и теперь на эти должности не могли попасть ни купцы, ни крестьяне. «Хозяин губернии» мог остановить исполнение постановлений земского собрания не только в случаях формальных нарушений закона, но и при малейшем подозрении, что земское постановление **«не соответствует общим государственным пользам и нуждам либо явно нарушает интересы местного населения»**. Вплоть до 1904 года земство, за исключением губернского, было лишено права о чем-либо ходатайствовать перед правительством…

Консервативные веяния не обошли и городскую власть. С принятием нового Городового положения сокращались число избирателей (повысился имущественный ценз, отменена разрядность на выборах), количество гласных, изменился и качественный состав дум. Если до реформы Александра III в Екатеринбургской городской

думе наибольшее число мест занимали купцы (31, 30 и 35 в разные четырехлетия), опережая чиновников, а гласных-дворян насчитывалось всего один-два, то на первых же выборах после реформы 1892 года картина изменилась: в думу вошли 20 купцов, 6 почетных граждан, 9 дворян и другие. В дальнейшем роль дворян в думе и управе усиливалась, расширялся ее сословный состав.

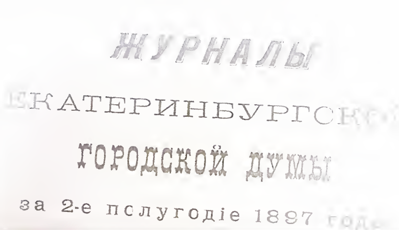
Городские головы и члены управы отныне состояли на государственной службе, получали право на чинопроизводство, ношение мундира и орденов. Дума, в отличие от губернской власти, теперь не могла отрешать их от должности и отдавать под суд. Городскую исполнительную власть в значительной мере «оторвали» от законодательной.

«Городское управление, — писал публицист А.Г. Михайловский в одной из своих работ, датированной 1908 годом, — **в совокупности превратилось в полуобщественное, полубюрократическое учреждение, лишённое самостоятельности, суженное в своей компетенции, поставленное под строгий административный надзор и являющееся представителем взглядов и интересов не всего городского населения, а лишь наиболее зажиточных горожан-собственников»**.

И современники реформы, и позднейшие исследователи по-разному оценивали ее значение. На этот счет до сих пор высказываются порой диаметрально противоположные мнения. Е.Ю. Апкаримова, подробно исследовав историографический аспект развития городского самоуправления в последней трети XIX века, указывает, что, оценивая итоги реформы Александра III, не следует впадать в крайности. Например, по мнению Е.Ю. Апкаримовой, **«позитивное значение имело упразднение трехразрядной избирательной системы»**, имело свои плюсы и усиление государственного контроля над городскими думами. Кроме того, ужесточившиеся нормы законодательства в реальной жизни весьма редко использовались для того, что оказать неоправданное давление «сверху» на местную власть.

…Не вдаваясь в частности, отметим все-таки, что между реформой Александра III и революционным кризисом — всего 25 лет, временной отрезок, крохотный по историческим меркам. Городское самоуправление потерпело крах вместе со всей системой российской власти, и этот непреложный факт — самая убедительная иллюстрация ее общего несовершенства. Очевидно, что после реформы 1892 года местная власть двигалась «под гору», к упадку, до тех самых пор, пока Временное правительство в революционные дни не задалось целью повернуть муниципальную жизнь в русло демократии.

«Любезный зять, Иван Фомич! Настоящей доверенностию уполномочиваю Вас явится вместо меня на предстоящее в сем 1894 году избирательное собрание Екатеринбургскаго Городскаго Общества, принять за меня участие в выборе гласных в Екатеринбургскую Городскую Думу и самому баллотироватся в гласные, затем в качестве гласнаго участвовать в производстве выборов в должности, указанные Городовым положением… Во всем, что Вы по сей

доверенности законно сделаете, я Вам верю, спорить и прекословить не буду... Доверенность принадлежит Ивану Фомичу Круковскому. Екатеринбургская Первой гильдии купчиха Дарья Ильина Андреева».

Из нотариально заверенной доверенности на участие в выборах гласных Екатеринбургской городской думы

Выборы в Екатеринбургскую городскую думу частенько заканчивались политическими скандалами и апелляциями. Так было в 1880-м, накануне предвыборного 1888 года... Не обходилось порой без недоразумений и избрание городского головы, членов управы. С течением времени дума набиралась опыта и начала относиться к подобным казусам спокойно. Но чтобы только что избранная дума застыла в многомесячном ступоре — такого не бывало...

...2 октября 1892 года екатеринбургские думцы приняли к сведению послание Пермского губернатора за номером 22, извещавшее о предначертанной Высочайшей рукою судьбе городской власти. В Екатеринбурге новое Городовое положение вводилось с 1893 года. Полномочия думы, избранной в 1888 году, были продлены.

Реформирование совпало по времени с противоборством, в которое вошли екатеринбургская городская власть и губернская администрация. Как водится, конфликт был в значительной степени приправлен взаимной неприязнью первых лиц города и губернии. Назначенный с началом реформ Пермский губернатор П.В. Погодин был недоволен самостоятельностью и независимостью Екатеринбургской думы и городского головы И.И. Симанова. Городовое положение 1892 года давало губернатору прекрасную возможность поставить строптивцев в те рамки, которые казались ему приемлемыми.

28 июня 1893 года он предложил екатеринбургскому городскому голове приступить к составлению списков избирателей, уведомив, что выборы должны происходить **«с приравнением города Екатеринбурга, в отношении имущественнаго ценза для избирателей, к городам губернским»**.

Ход подготовки к выборам городской голова благоразумно обсуждал с губернатором. 28 июля из Перми в Екатеринбург отправилась очередная порция ценных указаний. Губернатор советовал **«отпечатанные списки избирателей, кроме опубликования их... в периодических изданиях, раздать жителям города Екатеринбурга, предоставив, кроме того, всем желающим рассмотреть список избирателей являться и в Городскую Управу; независимо от сего о составлении списка поставить в известность жителей города Екатеринбурга особыми объявлениями от Городской Управы, расклеив последния на видных местах города»**. В этих объявлениях губернатор, не мелочась, велел «пропечатать» 16 статей Городового положения.

9 марта 1894 года состоялось избирательное собрание. Собралось 154 избирателя, которые предложили **«кандидатов в гласные посредством записок 107 человек, из**

них избрано в гласные 47 и 11 кандидатов к ним». Итоги выборов были на следующий же день обжалованы. На губернаторский стол легли жалобы частного поверенного В.К. Просина, **«Екатеринбургского купца Андриана Федорова Шурова и Коллежскаго Асессора Геннадия Семенова Ярутина»**, да еще свой авторитетный голос подал гласный екатеринбургской думы **«купеческий сын Александр Петров Кожевников»**. Массу нареканий вызвали действия городского головы, руководившего избирательным собранием. По мнению Кожевникова, например, список избирателей был составлен городским головой заранее **«и состоял почти из партии лиц его поддерживающих и к баллотировке они были поставлены им первыми». Записки, где указывались имена кандидатов, «уносились и другия приносились из отдельной комнаты... и что унесенныя записки не возвращались служит сему доказательством исчезновение записок, которыми я был предложен в кандидаты более чем пятью избирателями...»**.

Председательствовавший на собрании И.И. Симанов вынужден был давать письменные объяснения. Однако 11 апреля 1894 года губернское по земским и городским делам присутствие решило выборы, **«как неправильно произведенные»**, отменить. Рождение пореформенной думы смогло состояться лишь 2 мая. На это собрание явилось уже 173 избирателя.

Избранная под знаком реформ городская дума сразу же ощутила на себе размах губернаторских полномочий. Кризис власти выразился, собственно, в полнейшей думской апатии и общем нежелании выдвигаться на сколько-нибудь значительные должности. 28 мая 1894 года гласные избрали председательствующим думы почетного гражданина Алексея Никитича Казанцева, который отдал городской общественной работе к тому времени два с лишним десятка лет, а 22 июня Пермский губернатор не нашел возможным утвердить его в этой должности, без объяснения причин. 30 июня думцы приступили к выборам заместителя городского головы — он же исполнял обязанности председательствующего думы, — и надо же было тому же А.Н. Казанцеву набрать большинство голосов! Он, не прислушавшись к долгим уговорам, отказался от баллотировки **«по сложившимся в последнее время обстоятельствам»** — собравшиеся их очень хорошо понимали... Вслед за ним сняли свои кандидатуры еще шестеро гласных. Наконец настоятельным просьбам коллег внял В.И. Дмитриев, который и был избран. А в конце заседания городской голова И.И. Симанов заявил о том, что слагает с себя обязанности **«по своим домашним обстоятельствам»** — и о них тоже можно догадываться...

7 июля Пермский губернатор, отвергнув и кандидатуру В.И. Дмитриева, отписал в Екатеринбург: **«Я, в виду двухкратных выборов лиц, кои мною не утверждены, назначаю в звании Председательствующаго Екатеринбургской думы гласнаго Думы Титулярнаго Советника Фолькман»**. 25 июля избранник губернатора тактично покинул зал заседаний, а гласные принялись обсуждать, стоит ли обжаловать спущенное сверху решение. **«Екатеринбургское Городское Общественное Управление при первых же шагах своей деятельности на основаниях, установленных новым Городовым Положением, встречается с недоразумением»**, — так охарактеризовал ситуацию С.А. Бибиков. Тягаться с губернатором думцы не стали лишь

24 Июн 94г

М. В. Д.

ПЕРМСКАГО ГУБЕРНАТОРА
по
земскимъ и городскимъ дѣламъ
ПРИСУТСТВІЕ.

22 Іюня 1894 г.
№ 299.
Отдѣл. Городской
Г. Пермь.

Г-ну Екатеринбургскому Городскому Головѣ.

Не находя возможнымъ утвердить Потомственнаго Почетнаго Гражданина Алексѣя Никит. Казанцева, избраннаго Екатеринбургскою Городскою думою въ засѣданіи 28-го Мая сего года, въ званіи Предсѣдательствующаго Городской думы въ случаяхъ, перечисленныхъ въ 120 ст. Гор. Пол., я предлагаю Вамъ, Милостивый Государь, созвать думу для новыхъ выборовъ Предсѣдательствующаго въ ней по названной статьѣ Гор. Положенія

Губернаторъ [подпись]

Секретарь Присутств.

ЕКАТЕРИНБУРГСКІЙ

Городской Голова

имѣетъ честь покорнѣйше просить г.г. гласныхъ Думы собраться въ домъ Городского Общества 30-го іюня сего 1894 г. въ 7 часовъ вечера для выслушанія Высочайшей благодарности Государя Императора и Государя Наслѣдника Цесаревича на принесенныя Екатеринбургскою Городскою Думою поздравленія, по случаю помолвки Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича съ Ея Великогерцогскимъ Высочествомъ Принцессою Алисою Гессенскою, и затѣмъ для выбора замѣстителя Городского Головы, какъ предсѣдателя Думы, въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 120 Городового Положенія 11 іюня 1892 года, въ виду не утвержденія Г. Пермскимъ Губернаторомъ избраннаго на эту должность, въ засѣданіи Думы 28 мая сего года, потомственнаго почетнаго гражданина Алексѣя Никитича Казанцева.

Екатеринбургскій
Городской Голова *Ил. Симановъ.*

Образцы предвыборной деловой корреспонденции, с которой приходилось работать гласным думы и служащим городской управы. 1890-е годы

1516

27 Апр. 94 г.

М. В. Д.

ПЕРМСКАГО ГУБЕРНАТОРА.

ПО ГУБЕРНСКОМУ
ПО ЗЕМСКИМЪ И ГОРОДСКИМЪ ДѢЛАМЪ
ПРИСУТСТВІЮ.

„24“ апрѣля 1894 г.
№ 182.

Г. Пермь.

Отдѣл. Городской

Немедленно разослать приглашенія и распубликовать по городу. [illegible]

Г. Екатеринбургскому Городскому Головѣ.

На представленіе Ваше отъ 21 апрѣля 1894 г., за № 1561, увѣдомляю Васъ, Милостивый Государь, что созывъ новаго испытательнаго собранія на 2е мая сего года мною, на основаніи 23 ст. Город. Полож. 1892 го года, разрѣшается.

Губернаторъ [illegible]

Секретарь Присутствія З. [illegible]

потому, что **«Фолькман, хотя не избран Думою, но нами желанный, так как будучи совершенно разумным, энергичным, справедливым и почтенным человеком, вполне отвечает тем требованиям, которыя мы можем к нему предъявить, как к Председателю Думы»**.

Приложеніе къ отчету о доходахъ и расходахъ г. Екатеринбурга за 1894 годъ.

Затем, определив денежное содержание городскому голове, дума открыла следующий акт политической драмы — начались выборы «мэра». Намеченные кандидатами 14 человек единодушно отказались от высокой чести, единственный оставшийся кандидат Н.К. Покровский, увы, отсутствовал... Объявили перерыв, затем состоялась вторая попытка выборов. Вновь выдвигаются кандидатуры достойных, вновь следуют отказы от баллотировки. Промолчали лишь четверо кандидатов, и все по той же причине — их в тот момент не было в городе.

Губернатор разрешил предпринять третью попытку 5 сентября. К тому времени выяснилось, что все выдвинутые кандидаты «не выразили согласия» поработать городским головой — кроме П.П. Цервицкого, который **«путешествует в разных местах России, так что сношения с ним представляются невозможными»**.

Просили И.И. Симанова выручить забуксовавшую думу — он отказался. Наконец поддался настойчивым уговорам Гавриил Гавриилович Казанцев, которого с чувством облегчения и избрали городским головой Екатеринбурга.

Однако 20 октября перед думцами выступал совсем другой городской голова: неожиданно для всех Пермский губернатор в очередной раз отверг выбор представителей екатеринбургского общества и назначил городским головой **«домовладельца города Екатеринбурга Статскаго Советника Александра Александровича Черкасова»**, который был ко всему еще и потомственным дворянином, отставным горным инженером, удачливым золотоискателем, страстным любителем охоты и литератором. Губернаторский назначенец довольно быстро и удачно «вписался» в городскую элиту, обладавшую своеобразным и крутым нравом, и сумел бы много доброго сделать для города и его жителей, если б не ранняя и скоропостижная кончина. Принимая бразды правления, Черкасов сказал: **«Места этого я не только не искал и не домогался, и был немало удивлен, когда совершенно неожиданно получил столь лестное предложение от Начальника губернии. Конечно, я не могу не ценить ту честь и то высокое доверие, которыя выпали на мою долю со стороны Его Превосходительства, тем не менее я долго боролся с собой и не решался дать положительный ответ, пока не заручился теми сведениями, что некоторыя гласные, узнав от меня о сделанном мне предложении, вскоре выразили мне свое согласие и сочувствие, и сказав «иди», обещали свое содействие... Смею думать и надеяться, что и многие из вас не будут смотреть на меня неприязненно, как на человека не избраннаго, а назначеннаго...»**.

Вмешался губернатор и в формирование городской управы, не утвердив в должности ее члена гласного Г.К. Лемке. В конечном счете в управе пришлось работать И.С. Бурдакову, Н.В. Рязанову и И.Л. Фальковскому.

Вот так, надавав новому составу Екатеринбургской городской думы моральных пощечин, губернатор, чья власть окрепла с введением Городового положения 1892 года, убедительно и однозначно показал, кто в доме хозяин... С этих пор и на дол-

БАЛАНСЪ

счетовъ кассы Екатеринбургской Городской Управы.

За 1894 годъ.

гие годы управление Екатеринбургом будет во многих случаях осуществляться не «благодаря», а «вопреки»…

24 января 1895 года горожане прощались с А.А. Черкасовым в Вознесенской церкви, похоронен он был на разрушенном ныне кладбище Ново-Тихвинского женского монастыря: городской голова умер в одночасье от разрыва сердца. На следующий день постановлением городской управы обязанности екатеринбургского городского головы были возложены на И.С. Бурдакова.

> ***«Екатеринбургская городская дума, в заседании 16 декабря 1894 г., в составе председательствующаго Городского Головы и 38 гласных, утвердив сметы городских доходов и расходов на 1895 г., для приведения их в исполнение, сим единогласно, уполномочивает Екатеринбургскую Городскую Управу кредитоваться именем Екатеринбургскаго городского общества в банковых учреждениях и у частных лиц на сумму до ста тысяч рублей с отнесением срока платежа по займам на тысяча восемьсот девяносто пятый и шестой годы».***
>
> *Кредитив, выданный думой городской управе*

Реформа местного самоуправления не могла быть встречена ликованием в городах и весях потому, что она существенно сокращала бюджетные доходы. Новое Городовое положение лишило Екатеринбург права взимать сбор с торговых документов, торг или промысел по которым производился вне города — прощайте, 3000 рублей. Еще не менее 5000 рублей уходили из бюджета из-за введения казенной продажи питий. Между тем состояние городских финансов нельзя было назвать блестящим.

В течение 1893—1895 годов понемногу уменьшались и расходы, и доходы Екатеринбурга. Правда, сократилась и городская задолженность, но тоже ненамного; к 1 января 1895 года долг города выражался в сумме около 200 тысяч рублей. Зато уже через год долг вырос сразу почти на 22 тысячи рублей. Поэтому особенно тревожил «думцев» недобор доходов. Падала прибыль от операций Городского общественного банка, «в некотором упадке» пребывала торговля… Даже то, что люди стали меньше болеть, рикошетом било по екатеринбургскому бюджету: в 1894 году городская больница недобрала платы за содержание и лечение больных почти 3000 рублей.

Неудивительно, что дума сразу же принялась «изобретать» новые налоги. К 1896 году она ходатайствовала о сборах квартирном, с велосипедов и грузов, обсуждала возможность введения сбора с лошадей и экипажей… Это «изобретательство» продвигалось ни шатко ни валко, от года к году, городская налогооблагаемая база расширялась с большим трудом. К слову, о квартирном налоге — в отличие от Ека-

СВѢДѢНІЕ

о состояніи счетовъ по приходу и расходу суммъ Екатеринбургской Городской Управы за 189⁵/₆ годъ.

(на 1-е апрѣля 1896 года).

теринбурга, большинство российских городов высказалось против него. **«Раз такой налог будет введен, в делах городских будут принимать участие не только домовладельцы, а и наниматели квартир,** — пояснял гласный С.А. Бибиков 24 сентября 1897 года. — **Чтобы не привлекать к такому участию неоседлых жителей, и стремятся устранить квартирный налог, на самом деле справедливый, уравнивающий всех».**

Неоднозначно была воспринята думцами идея обложить налогом велосипедистов — это поветрие тогда тоже пронеслось по городским самоуправлениям России. Впервые она прозвучала в Екатеринбурге официально 18 октября 1896 года, вновь к этой теме городская дума вернулась 3 апреля 1897 года. **«Полагаю, что наши улицы устроены слишком плохо для того, чтобы город мог справедливо облагать езду по ним на велосипедах,** — заявил Г.Г. Казанцев. — **Кроме того велосипед не портит улиц и пользуется им не только богатый или вообще обладающий достатком, но и бедный».** Еще более категорично высказался С.Г. Нейман: **«Не облагать налогами велосипед, а скорее давать премию за употребление его следует. Кто ездит на велосипеде, тот не ездит на лошади, не грязнит и не портит мостовых, лучше пешехода».** В конце концов, правила езды на велосипедах и автомобилях были представлены Екатеринбургской городской думой на окончательное утверждение губернатору лишь 12 мая 1904 года.

письма из прошлого

Фигурная езда воспрещается...

«§ 2. Разрешение на велосипедную и автомобильную езду выдает Екатеринбургская Городская Управа лицу, выдержавшему испытание в уменьи ездить на машине. Испытание в уменьи ездить заключается в следующем: а) делать медленные и быстрые повороты; б) ехать тихим ходом, и в) проехать, на узком пространстве, а для езды на велосипедах и уменье быстро садиться и соскакивать с них.

§ 10. Быстрая езда вообще запрещается; ехать следует не быстрее обыкновенной лошадиной рыси и держась за руль; огибать углы или пересекать улицы следует, по возможности, тихим ходом.

§ 12. Всякаго рода фигурная езда, состязания, злоупотребление звонком, гудком и проч. воспрещается.

§ 13. При встрече с пешеходами рекомендуется объясняться словами или даже сойти с велосипеда, но не усиленными звонками требовать уступки дороги.

§ 14. В случае беспокойства лошадей, велосипедист обязан умерить ход или сойти с велосипеда и, по возможности, закрыть его собою.
§ 17. Едущий на велосипеде должен быть одет в общепринятый, но не в специально велосипедный костюм».

Из обязательного постановления Екатеринбургской городской думы о порядке езды на велосипедах и автомобилях

Своими доходами город по-прежнему во многом был обязан оценочному сбору с недвижимых имуществ. Одним из простых, но всегда действенных способов наполнения бюджета была переоценка городской недвижимости. Провели ее, например, и в 1904 году: из 855 осмотренных строений привлечены к обложению оказались лишь 481, остальные признаны малоценными. Оценка имуществ основывалась на их доходности, сведения о ней почерпывались либо в городском квартирном присутствии, либо в ходе личного осмотра членами городской управы. В 1899 году екатеринбургская дума приняла способ оценки имуществ, разделив их на каменные, полукаменные и деревянные. Две трети общего дохода от использования каменных строений **«оставлялись на уплату налогов, необходимые по содержанию имущества расходы и на ремонт, или амортизацию, а одна треть принималась как чистая доходность; эта последняя, капитализированная из 10%, и составляла оценку имущества»**. Для определения оценочной суммы полукаменных строений принималась четверть валовой доходности, деревянных строений — одна пятая. Кстати, оценка 1904 года дала сумму, которая превысила показатель предыдущего года на 110210 рублей.

Надо отметить, что город застраивался неравномерно, даже его центр зиял пустырями, а квартиры были дороги. П.П. Бажов пишет в воспоминаниях: **«Знал, что первый пустырь по Главному проспекту числился за гражданским инженером Козловым, Покровский проспект начинался пустырем Скавронских»**. Собеседник объяснил Бажову, что **«городские наши заправилы эти пустыри любят и другим потакают. За пустыри, видишь, налог берут копейками, а земля в нашем городе дорожает сотнями рублей в год. Ловкачи и греют руки... У городских-то заправил, у каждого свой земельный запасец есть, они и помалкивают, либо прикидываются, что не понимают того, что малому ребенку видно»**.

В структуре городских расходов (рассмотрим, к примеру, смету на 1895 год) пальма первенства принадлежала платам по займам и городским обязательствам (90 тысяч 745 рублей 80 копеек), далее шли содержание больниц, учебных и прочих «общеполезных» заведений и пособия государственному казначейству (71 тысяча 436 рублей 50 копеек), содержание городского управления (29 тысяч 416 рублей 82 копейки), участие в расходах на содержание полиции (24 тысячи 730 рублей 51 копейка)... Казна не спешила на помощь городу. Например, городская дума хлопотала о казенном пособии на отопление и освещение тюрьмы, но вместо необходимых 4 тысяч рублей в 1897 году получила лишь 400.

Город хоть и не бедствовал, но, что называется, едва сводил концы с концами. Покрытие бюджетного дефицита за счет займов и привлеченных средств прочно входило в практику. Не раз объявлялись займы у частных лиц, причем активными кредиторами оказывались и сами думцы. Так, 23 — 24 сентября 1898 года дума согласилась объявить городской облигационный заем в 400 тысяч рублей **«при назначении 4,5 процента интереса»**, причем на эти средства решено было **«учредить городской общественный кирпичеделательный завод»**. К тому времени, с проведением железных дорог, оживилось строительство домов, и строительные материалы неимоверно подорожали. Как заметил один из гласных, **«такия цены, возвышая ценность зданий, удорожают жизнь»**.

Но еще существовала уверенность в платежеспособности городского управления. Коронование Николая II и его супруги, совершившееся 14 мая 1896 года, Екатеринбургская городская дума даже ознаменовала **«сложением с бедных местнаго и иногородняго населения недоимок по книгам Управы»** на общую сумму 3054 рубля 23 копейки. Основная часть недоимок приходилась на недобросовестных или неимущих пациентов городской больницы, с которых взятки были гладки. Повезло, однако, и оштрафованным нарушителям правил торговли, некой крестьянке Рыжковой, задолжавшей за аренду места на торговой площади, бывшему околоточному надзирателю Курманалееву, который перерасходовал 15 рублей **«при сопровождении мисс Кэт-Мерсден, командированной для собирания сведений о прокаженных больных»**... Торжественную телеграмму на имя губернатора городская дума завершила восклицанием: **«Да ниспошлет Господь Бог здравие и благоденствие ИХ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВАМ на радость и счастье России!»**

Кто тогда знал, что именно в Екатеринбурге завершится земной путь царской семьи?..

Откликнулся Екатеринбург и на военные события на Дальнем Востоке. 29 января 1904 года, узнав об открытии военных действий, думцы совершили **«Господу Богу молебствие о ниспослании Российскому воинству успехов в начавшейся войне с Японией»**, затем исполнили **«русский народный гимн»** и составили телеграмму с выражением верноподданнических чувств. Прочитав ее, император **«повелеть соизволил»: «Искренно благодарить всех за теплыя чувства»**. 1 марта 1904 года дума собралась, чтобы присоединить Екатеринбург к числу многих русских городов, которые **«уже ассигновали свои посильныя средства на нужды настоящаго времени»**. После продолжительного обмена мнениями гласные приняли удивительное решение — пожертвовать на патриотические цели весь городской запасный капитал, выросший к тому времени до внушительной суммы в 13 тысяч рублей. Умерить пыл «думцев» не смог единственный засомневавшийся, городской голова И.К. Анфиногенов, полагавший, что война войной, но и городу нужны деньги на черный день...

«Городской Голова, представитель города, должен быть везде первым, а это несомненно вызывает большие расходы. Екатеринбург считается городом бойким, значение его

ЖУРНАЛЫ

ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ

ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

за 1902 годъ.

не малое, он посещается высокопоставленными лицами, в нем решаются вопросы не только коммерческаго, но и политическаго характера и Городскому Голове здесь нельзя запереться в своем доме и никуда не показываться...»

Из выступления председательствующего Екатеринбургской городской думы гласного А.И. Кожевникова, 1902 год

Между ветвями городской власти, представительной и исполнительной, думой и управой, существовали скорее силы взаимного тяготения, нежели отторжения. Дума не злоупотребляла своим правом устанавливать размеры денежного содержания членов управы, а те считали нужным выносить на обсуждение Екатеринбургской городской думы свои «внутренние» вопросы. Так, в мае 1897 года вниманию думцев была предложена схема распределения обязанностей между членами управы. Их, вместе с городским головой, было всего четверо, обязанностей же — хоть отбавляй... Согласно этой схеме, на члена управы Н.В. Рязанова было тогда возложено **«заведывание канцеляриею и бухгалтерию Управы вообще, кассою городского управления, ближайшее наблюдение за содержанием училищ, собиранием и разработкою статистических сведений»**. Его коллега С.И. Козицин отвечал за **«наблюдение за санитарно-врачебною частью города, содержанием лечебных заведений, по общественному призрению, строительной части, за содержанием городских зданий, за содержанием и эксплоатациею земель и предприятий промышленнаго характера, по городскому благоустройству, заведывание городскими общественными работами и сооружениями»**. Наконец, И.Ф. Евдокимову достались **«заведывание городскими торговыми площадями и скотобойнею и эксплоатация их, равно мест на пруду и реке Исети, распоряжение по квартирному довольствию войск, содержанию полиции, отоплению тюрьмы, участие в действиях по воинской повинности Присутствия, заведывание делопроизводством по отправлению воинской повинности, народному продовольствию и надзор за исправным состоянием и эксплоатациею театра, собирание и обработка сведений для справочных цен»**.

Между тем, по традиции, установившейся еще с 1870-х годов, за все эти труды выплачивалось более чем скромное вознаграждение. Городской голова получал 3000 в год; если он одновременно председательствовал в Сиротском суде, то еще 1000 рублей вдобавок. Члены управы довольствовались обычно «окладом жалованья» в 1200—1500 рублей.

Когда на одном из весенних заседаний 1902 года был вынесен «дежурный» вопрос о содержании членов управы, один из ораторов прямо назвал их оклады нищенскими. Они, по мнению А.И. Кожевникова, могли устроить лишь людей состоятельных, человек необеспеченный вряд ли пожелал бы занять должность городского головы... **«Лицу, занявшему эту должность, придется особенно трудиться, а свои дела игнорировать,** — соглашался М.И. Догадов. — **Но где взять денег: мы беднее самаго маленькаго чиновника-двадцатника»**. Он считал, что найдутся

люди, которые прельстятся креслом руководителя города ради карьеры. В итоге думцы определили на очередное четырехлетие городскому голове содержание в 5000 рублей в год, членам управы — по 1500 рублей. К слову, на том же заседании городским головой был избран И.К. Анфиногенов — единственный из кандидатов, предложенных **«посредством подачи г.г. гласными записок»**, кто согласился баллотироваться.

Карьерные возможности служащих городского самоуправления действительно увеличились: с 1892 года они числились на государственной службе. И тем не менее дума частенько сталкивалась с нехваткой желающих занять вакантные места «отцов города». Маленькая деталь: когда умер заступающий место городского головы А.А. Глухих, отдавший много лет и сил общественной работе, его сбережений не хватило даже на похороны. Да что там «не хватило» — сбережения отсутствовали…

Как ни странно, получая «нищенские» оклады, члены екатеринбургской городской управы, по крайней мере, с 1872 года, ни разу не были доказательно уличены во взяточничестве и крупных махинациях. А между тем в российских столицах подобные скандалы имели место.

«Больные приходят в больницу лечиться, не зная, кто будет платить за это лечение…»

Из выступления гласного В.А. Падучева на заседании Екатеринбургской городской думы
10 сентября 1898 года

Городская медицина издавна была той сферой, где эффективнее всего сотрудничали все общественные самоуправления. Случайно или нет, но с введением Городового положения 1892 года, которое ограничило общественные права, совместная работа на медицинском поприще расстроилась. Правда, скрытые противоречия между городом, земством и мещанством давали о себе знать и задолго до этого.

К 1894 году город содержал 145 больничных коек, участвовал в содержании родильного дома. Городская больница становилась все более дорогим удовольствием: так, в том же 1894 году она потребовала расходов в сумме 24 229 рублей 95 копеек, а доходы от лечения платных больных составили всего 12 317 рублей 7 копеек. Недоимки не погашались годами…

Они-то и послужили поводом для размежевания с земством и мещанством в деле народного здравия.

До 1896 года екатеринбургское мещанское общество за лечение **«бедных своих членов»** платило в городскую кассу по 400 рублей в год. Расходы на лечение, однако, были гораздо больше. Городская власть потребовала оплачивать лечение каждого пациента в отдельности, установив для мещан размер платы такой же, как и для земства — 65 копеек в сутки. В результате к 1 июля 1898 года мещанское общество успело задолжать городу почти 5000 рублей и ввязалось в судебные разбирательства, не желая признавать установленный тариф… 11 февраля 1898 года свой вердикт вы-

нес Правительствующий Сенат, вставший на сторону Екатеринбургской городской думы. Думцы, считая мещанское общество вполне состоятельным должником, сделали, однако, шаг навстречу, установив со следующего года для неимущих мещан половинный тариф за лечение в городской больнице.

10 сентября 1898 года на думском заседании подверглись ревизии и взаимоотношения с уездным земством. Экономический расчет показал, что реальная стоимость лечения в городской больнице составляет 85 копеек в сутки – и именно столько гласные постановили взимать с **«больных всех ведомств»**. Председатель уездной земской управы Н.А. Клепинин немедленно заявил, что цена слишком высока, и **«земство будет избегать лечения своих больных в городской больнице»**. Кстати, вспомнились старые разногласия относительно расходов на лечение сифилитиков: по соглашению между городской и земской управами, достигнутому в 1886 году, обе несли расходы в равных частях. Теперь думцы намерены были отменить эту практику, тем более что и Пермский губернатор полагал бесплатное лечение сифилитиков делом не обязательным для городской власти. **«Земство, получая сборы с города, в большем чем даже сам город размере, расходует их на нужды не городского, а уезднаго населения»**, – указывал гласный А.А. Фолькман. Его коллега С.Г. Нейман полагал, что уездное земство, **«заботясь о жителях уездных, к городским относится как к пасынкам»**. Проголосовали за то, чтобы с 1899 года земство сполна оплачивало лечение в городской больнице всех сифилитиков, кроме публичных женщин, за врачевание которых должны были платить их содержательницы, причем лишь в половинном размере…

Довольно часто случалось Екатеринбургской городской думе исполнять роль арбитра в конфликтах, которыми, увы, всегда изобиловала медицинская и околомедицинская жизнь… 23 декабря 1901 года произошло нечто, приковавшее к себе внимание самой широкой общественности. Ранним морозным утром обывательница Егорова почувствовала приближение родов и явилась в родильный дом. Акушерка А.Я. Киселева сообщила ей, что свободных коек нет, причем, видимо, в самых свободных выражениях, среди которых была фраза «словно их прорвало». Роженица упала на лестнице, но **«привратница Оберюхтина не помогла ей подняться и не подала одеться, чем не исполнила прямых своих обязанностей»**. Несчастная добрела до находившейся неподалеку аптеки Канненберга, сама поймала извозчика и разрешилась от бремени прямо в его экипаже. Об этом с возмущением сообщила публике газета «Уральская жизнь». Случай был тем более вопиющ, что подобное происходило и раньше: так, осенью 1900 года прислуга госпожи Цветиковой Марья Топорова тоже не смогла попасть в родильный дом даже после личного обращения своей хозяйки.

До 11 марта 1902 года длилось расследование этих историй. Собравшись на заседание, думцы допоздна вникали в их перипетии. Вина акушерки и привратницы особых сомнений не вызывала, и заключалась она прежде всего в бездушном, казенном отношении к пациенткам. Но как все же поступать медицинскому персоналу, если в лечебнице нет мест, чтобы помочь страждущим? **«Не так смотрят на страдающих люди преданные долгу своего служения человечеству**, – говорил И.И. Симанов. – **Акушерка Киселева, живущая при Родильном Доме, могла поместить роженицу в**

свою комнату...». С.А. Бибиков рассматривал происшествие под иным углом зрения: **«Кто в данном случае может быть обвиняем больше города и земства, не ассигнующих достаточных на содержание более обширнаго Родильнаго Дома средств!»** Не склонен был благодушествовать и заведующий родильным домом доктор В.М. Онуфриев: **«Бессердечность — понятие относительное. Переполнение Родильнаго Дома чрезвычайно опасно в отношении возможности ухудшения выздоровления рожениц и даже развития в доме заразных болезней»**. После дискуссий решено было «разработать вопрос» о расширении родильного дома.

Весной 1904 года грянул большой скандал: гласный думы А.П. Кожевников, член постоянной комиссии по ревизии городского хозяйства, вскрыл в екатеринбургском здравоохранении уйму недостатков. Объектом критики стали обслуживающий персонал и попечительный совет городской больницы. Кожевников не поленился подсчитать: **«За время 9 лет списано в погашение разнаго больничнаго белья до 9000 штук, считая каждый предмет по фунту — 225 пудов, что составит почти по 25 пудов на год, а на месяц по 2 пуда с лишним. Суждений Попечительнаго Совета, относящихся к пользе учреждения, было равным счетом три за эти вышеприведенные 9 лет»**. Открылись приписки, махинации с оприходованием средств, приобретением припасов — последние закупались по явно завышенным ценам. Кожевников засыпал руководителей больницы вопросами, свидетельствующими о его дотошности и принципиальности: **«Где деньги от проданных бочек из-под керосина, где посуда из-под зельтерской воды, которая, кстати сказать, поставляется в больницу по счетам по 7 руб. за 100 бутылок, тогда как везде продается по 4 руб.? где приходуются от 4-х больничных коров родившиеся телята?»**. **«В виду явных злоупотреблений и систематическаго хищения по хозяйству, продолжающагося не один год»**, ревизор требовал передать дело прокурору — иначе, по его мнению, ничего не изменится в больнице, **«так дорого стоющей городу и не дающей ничего обязательнаго населению кроме лиц в ней служащих, получающих оклады и двойныя награды в один и тот же год, бесплатныя квартиры с содержанием»**. Городская дума, однако же, 12 апреля 1904 года спокойно утвердила отчет попечительного совета больницы, рекомендовав лишь, **«в пределах возможности»**, исправить недочеты.

А вот губернатор не был настроен спустить все это на тормозах. Он и раньше живо откликался на жалобы А.П. Кожевникова. И на сей раз из Перми дважды — 8 и 13 мая 1904 года — в Екатеринбург приходили бумаги **«о приостановлении исполнением постановления Екатеринбургской Городской Думы за 12-ое апреля»**... Думское большинство решило до конца противостоять Пермскому губернатору и 14 июня вновь утвердило больничный отчет. Заседание вел, кстати, однофамилец А.П. Кожевникова гласный Андрей Иванович Кожевников, управляющий конторы Государственного банка — он имел огромный авторитет в думе, **«состоящей из коммерческаго мира»**. Оппозиционеру только и оставалось, что приложить к протоколу заседания свое особое мнение, в расчете на губернаторскую поддержку. **«Представители городских интересов не заинтересованы сохранением городского достояния»**, — сетовал А.П. Кожевников.

В злополучном для екатеринбургской медицины 1904 году новый конфликт разразился в родильном доме, и опять городской думе пришлось затеять долгое разбирательство. С самого начала года пациентки жаловались на плохой уход: работавшие в роддоме ученицы повивальной школы увольнялись одна за другой, за ними потянулись акушерки… Выяснилось, что всему виной было появление в родильном доме некоего доктора Мурзы, практиканта, полюбившегося директору В.М. Онуфриеву настолько, что последний начал выживать с должности своего штатного помощника. Попечительный совет пытался уладить недоразумения, но натолкнулся на яростное сопротивление директора. Пришлось всем заинтересованным лицам явиться в городскую думу, которая с жаром принялась распутывать клубок служебных противоречий. И сама «заразилась» ими: в ходе прений, не согласившись с городским головой, целая группа гласных демонстративно покинула зал, так что градоначальнику пришлось ознакомить их с сенатским указом 1897 года о том, **«что гласные городских дум не могут отказываться от участия в решении вопросов, обсуждавшихся в думе в их присутствии»**.

Ввязываясь в подобные мелкие распри, городская дума обрекала себя на постоянное повторение пройденного. Стратегические вопросы развития здравоохранения все больше уходили в тень, задумываться о них было некому или некогда. А нежелание большинства гласных выносить «медицинский» сор из избы, в свою очередь, делало многие противоречия хроническими. И все это в тот период, когда екатеринбургская медицина стала жертвой «развода» между городом, земством и мещанским обществом! Упущения городской власти скажутся очень скоро, через полтора десятка лет, когда она останется у разбитого корыта и утратит инициативу в управлении народным здравием.

взгляд современника

Екатеринбургские сироты и «испанская инквизиция»

Серьезное отношение к выступлениям прессы многие годы было своеобразной визитной карточкой Екатеринбургской городской думы. Часто после скандальных публикаций назначались самые детальные расследования. Но бывало и так, что дума опровергала утверждения газетчиков.

В газете «Уральская жизнь» (1904, №105) появилась сенсационная заметка о жестоком якобы обращении с детьми в Верх-Исетском воспитательном доме имени С.А. Петрова. Этот дом был гордостью городской власти, за годы своего существования он спас не одну сотню сирот. Ежегодные ревизии, проводимые городской думой, практически никогда не выявляли в его хозяйстве каких-то значительных нарушений. И вот – такое. Заметка пестрела выражениями, холодящими кровь: «мертвый дом», «инквизиция испанская», «варварское обращение», «жертвы жестокого воспитания», «башибузукские и татарские

воздействия»... Что касается собственно фактов, газета писала о заключении в карцер 4—5-летних воспитанниц и о случае с неким Зайцевым, который был якобы в наказание «завязан в мешок до ушей», от чего лишился чувств.

Городская дума специально выяснила, какие наказания применялись к воспитанникам сиротского дома. Из объяснений попечительного совета и показаний самих воспитанников следовало, что высшей мерой было «надевание рубашки, сшитой из мешочнаго холста, с широким воротом и проймами для рук, в виде женской рубашки, доходящей до колен; наказанный ставится в вестюбиле Дома; рубашка эта в приюте всеми называется «мешком». В течение года ее применяли не более пяти раз. «Подобныя же меры, — оправдывался попечительный совет, — применяются и в других учреждениях; так, одевание черных фартуков и перелинок, — иногда с вывешиванием аншлага с указанием на их проступки». Что касается карцера, в него попадали в воспитательном доме лишь дети старше 10 лет, и то на два-три часа. Между прочим, уставы мужских средних учебных заведений обязывали в то время иметь при каждом из них карцер, куда дети заключались довольно часто, некоторые — на несколько дней. По мнению совета, «при настоящем состоянии общества обойтись без всяких мер наказания нельзя, а потому следует стремиться лишь к тому, чтобы самыми ничтожными мерами достичь сильнаго нравственнаго влияния на детей».

Впрочем, дыма без огня не бывает. Выяснилось, что смотрительница Анисимова действительно посадила в карцер малолетнюю девочку — «Филатову Наталью 8 лет». Жертву жестокости тотчас же освободили, а смотрительницу уволили. Одетому в «мешок» Зайцеву в нарушение правил связали руки — «но свивальником, и рубцов на руках не было, дурно ему также не было».

Дума пеняла газете за неоправданно широкие обобщения и публикацию непроверенных сведений. Если газета не признает публично свою неправоту, городская власть уполномочивала попечительный совет воспитательного дома возбудить судебное преследование за клевету...

«Город задолжен. На улицах у нас бьют, грабят, полиции недостаточно и увеличить состав ея мы не имеем средств; между тем кто у нас получает пенсии? — богатые — например, антрепренер публичных домов, — я говорю о Журавлеве. Такое назначение пенсии ни в какие ворота не лезет».

Из выступления гласного А.П. Кожевникова на заседании Екатеринбургской городской думы
14 октября 1902 года

Два гласных Екатеринбургской городской думы, два однофамильца, два Кожевникова, банкир Андрей Иванович и купеческий сын Александр Петрович, были

людьми разными по духу и воззрениям. Судьба свела их вместе, словно желая показать, что в думе могут уживаться два начала — устойчивое, консервативное, стабильное и беспокойное, неуживчивое, взрывное.

Осенью 1897 года дума чествовала Андрея Ивановича Кожевникова: исполнялось 50 лет со дня открытия в Екатеринбурге конторы Государственного банка, которой он руководил к тому времени уже девять лет. Один за другим гласные брали слово, чтобы воздать хвалу своему коллеге. И.И. Симанов: **«Андрей Иванович... установил принцип «не публика для банка, а банк для публики», и что прежде делалось в банке 3 — 4 часа, теперь совершается в четверть часа... С приезда своего сюда, он состоит членом местнаго Благотворительнаго общества и, относясь к его цели с особенною любовью, собирает пожертвований на дело общее больше, чем кто-либо»**. Бывший городской голова напомнил и о хлопотах А.И. Кожевникова в Петербурге, позволивших соединить Сибирскую и Уральскую железные дороги именно в Екатеринбурге.

Нашлись, правда, и те, кто усомнился, можно ли увенчать званием почетного гражданина города человека, чьи труды на благо Екатеринбурга заняли всего десяток лет. **«Другое дело, если бы такая деятельность продолжалась лет 25»**, — заявил В.А. Вольский. **«Измерять заслуги невозможно**, — возражал ему С.А. Бибиков, — **но нам следует вознаграждать, по мере нашей возможности, каждаго порядочнаго честнаго человека»**. Дума проголосовала за почетное гражданство для банкира. 19 октября следующего, 1898 года Пермский губернатор уведомил думу **«о Всемилостивейшем Государя Императора соизволении»** на присвоение А.И. Кожевникову почетного звания.

события и судьбы

Как купец подвел банкира

Гласные Екатеринбургской городской думы помимо совместной общественной работы зачастую были связаны коммерческими интересами. Объединяли они и банкира Андрея Ивановича Кожевникова с бывшим городским головой купцом Ильей Ивановичем Симановым. Увы, в судьбах обоих это сотрудничество оставило горький след... Слово — научному сотруднику Музея истории Екатеринбурга Артему Берковичу, который по архивным документам воссоздал ход событий.

А.И. Кожевников почти 16 лет занимал должность управляющего Екатеринбургской конторы Государственного банка России и в целом справлялся со своими обязанностями успешно. Кроме того, Андрей Иванович в разные годы возглавлял попечительские советы дома трудолюбия, торговой школы, художественно-промышленной школы, был первым председателем правления Общественной публичной библиотеки им. В. Г. Белинского. В 1903 году

участвовал в разработке устава Екатеринбургской товарной биржи. Но его отъезд из Екатеринбурга, к сожалению, был омрачен скандалом.

11 октября 1904 года владелец паровой мельницы И.И. Симанов явился в контору банка и объявил о сложении с себя ответственности за сохранность зерна, являвшегося обеспечением ссуды на сумму в 420 тысяч рублей. Деньги по тем временам огромные, — Симанов, продав все свое недвижимое имущество, включая шикарный дом в центре города и мельницу, едва сумел выплатить половину долга. Для Кожевникова такой поворот событий означал полный провал по одному из самых важных направлений работы банка. Его отставка была предрешена.

В подавляющем большинстве клиентами Екатеринбургской конторы Государственного банка являлись уральские заводы. Из представителей купечества только одному человеку предоставлялись кредиты — Илье Ивановичу Симанову, на льготных условиях. Первую ссуду он взял в конце 1896 года и затем ежегодно переоформлял ее под вымышленными предлогами. Механизм аферы он сам объяснил на суде: «Почти все ссуды, получаемые за товар, мною только подписывались, а не погашались действительными и полными платежами; сначала ссуда отсрочивалась до предельного годового срока, а затем разрешалась мне якобы новая ссуда, в получении которой я только подписывался, так как стоимость новой ссуды регистрировалась в погашении прежней». Кожевников, разумеется, об этом знал: «Симанов всегда пользовался репутацией одного из честнейших и благонадежных торговцев, по отношению к нему, как к клиенту банка, не всегда соблюдались все требуемые законом формальности».

Илья Иванович свое банкротство объяснял случайным стечением обстоятельств: «К несчастию, мне пришлось заплатить 50000 руб. по векселям, выданным Управляющему Банкирской конторой н[аследни]ков Андреева Пономареву для покупки пшеницы: пшеницу он не купил, а векселя мои учел в Сибирском банке; в виду краха Андреевых мне пришлось самому уплатить по своим векселям, хотя выплаты по ним ни деньгами, ни товарами я не получил. По городу пошли слухи о том, что я потерпел большие убытки, и кредит мой пошатнулся». Но внимательное изучение положения дел на симановской паровой мельнице показало куда более сложную картину. В действительности предприятие не было прибыльным, имело очень слабый ресурс прочности и не выдержало испытаний. Симанов проявлял чудеса изворотливости, морочил голову банковским оценщикам и предлагал в качестве залога разным банкам одну и ту же пшеницу.

В ходе следствия и Симанов, и Кожевников вели себя совсем не как старые друзья. Возмущенный банкир требовал расправы с должником, а тот упущения управляющего сделал главным пунктом защиты: «Я никогда не имел целью растратить хоть одно зерно из заложенной пшеницы, а распоряжался ею согласно разрешению банка... ни для кого не было тайной, что я свобод-

но распоряжаюсь заложенным имуществом и притом в течение ряда лет». Справедливость этих слов оспорить было трудно.

Пока следователи и присяжные разбирались в степени виновности Ильи Ивановича, центральное руководство Государственного банка сменило управляющего Екатеринбургской конторой и его ближайших сотрудников. На суд никто из них не приехал.

После отставки Кожевников жил в своем имении под Могилевом, никаких официальных сношений с Екатеринбургом у него не было. В феврале 1911 года гласные городской думы, получив известие о смерти Андрея Ивановича, почтили его память вставанием.

О том, чем знаменит и интересен был тезка банкира, купеческий сын Александр Петрович Кожевников, читатель уже имеет представление. Этот человек не боялся отстаивать свою точку зрения, даже если она не совпадала с господствующей, и боролся за правду до конца, невзирая на лица. Андрея Ивановича Александр Петрович обвинял в официальных бумагах в манипулировании думским большинством, которое было объединено коммерческими интересами…

В 1902 году А.П. Кожевников стал инициатором очередного скандала в городской думе. На сей раз он восстал против того, что в наши дни называется «адресной социальной помощью».

Екатеринбургская городская дума издавна занималась раздачей пенсий и пособий нуждающимся. В протоколах заседаний то и дело мелькали соответствующие записи. Вот, к примеру, 14 января 1877 года гласные рассматривают прошение отставного рядового Шерстнева, который, заболев, просил о пособии «на содержание семейства его». Выяснив, что проситель, **«состоя служителем при городском пожарном дворе, был ушибен лошадью, от чего он и находится в болезни весьма продолжительное время»**, гласные назначили выдавать его семейству по три рубля в месяц, пока больной не встанет на ноги…

Подобных примеров — многие сотни. В один прекрасный день А.П. Кожевников взбунтовался против думской благотворительности.

Гром грянул в апреле 1902 года, когда в думу подал ходатайство о выдаче единовременного пособия секретарь городской управы Н.Т. Гуняев, собравшийся завершить свою 18-летнюю карьеру на чиновничьем поприще. Сама управа не возражала выдать секретарю 1000 рублей. Гласные думы тоже отдавали должное **«прекраснейшему незаменимому служаке»**, как назвал Гуняева гласный И.И. Симанов. И вот наш герой начинает дискуссию: **«Я должен сказать, что вообще, при назначении пенсий, Городская Дума прежняго состава разбрасывала деньги; назначала, например, пенсии г-же Лемке, г. Журавлеву и проч. людям вполне состоятельным… если гласные прежняго состава желают назначать пенсии таким лицам, то могут их выдавать из своих средств; точно также и по отношению к г. Гуняеву: он имеет дом, средства, получает приличное жалованье…»**

Буря возмущения проносится по залу. Гласные И.Ф. Круковский, С.Д. Ижболдин считают заявление А.П. Кожевникова совершенно неуместным и просят его

взять свои слова назад. С.А. Бибиков требует записать в журнал заседания его слова о том, что **«заявление г. Кожевникова, ни на чем не основанное и выраженное в такой резкой форме по адресу Думы, не только неуместно, но оно и неприлично, и непристойно»**.

На все резоны нарушитель спокойствия ответствует по-прежнему дерзко: **«А я, наоборот, прошу всех оппонирующих мне г.г. гласных взять назад их заявления. Ничего оскорбительнаго я не сказал»**.

«После этого слишком оскорбительно оставаться здесь вместе с г. Кожевниковым», — заявляет И.Ф. Круковский и настаивает на удалении того **«из заседания»**. К нему присоединяется большинство думы. На официальное предложение покинуть зал Кожевников без тени смущения объявил: **«Я не оставлю заседания. Удаляйте меня мерами полиции»**.

Гласные вскочили с мест и сами приготовились выйти вон, но председательствующий сумел успокоить их, лишив Кожевникова права голоса. Сразу вслед за этим дума назначила секретарю Гуняеву пожизненную пенсию в 600 рублей, да еще постановила выдать пособие в 60 рублей, на лечение кумысом, учительнице Нафанаиловского училища А.И. Игнатовой…

Александр Петрович, конечно же, на этом не остановился. Он предпринял самостоятельное расследование, результаты которого изложил в докладной записке, требуя пересмотра всех, без исключения, думских постановлений о выдаче пенсий и пособий. Он нашел, что эти расходы в принципе относятся, исходя из буквы закона, к разряду не обязательных для города, а следовательно, должны производиться в последнюю очередь. Прошелся Кожевников и по персоналиям: **«В частности, не скандально ли для представителей города то обстоятельство, что выдается пенсия некоему Журавлеву, который со своею женою владеют тремя домами, как собственники и четвертым, как залогодержатели, при чем в одном из принадлежащих им домов содержится дом терпимости… Дальше, кажется, идти некуда»**.

И вновь — буря негодования. **«Г. Кожевников не считает возможным Думе быть благодарною», —** утверждает гласный С.А. Бибиков. Его поддерживают И.Ф. Круковский, А.Я. Панфилов. Однако усилия бунтаря не пропали даром, и вот уже А.М. Злоказов предлагает избрать комиссию **«для исследования имущественного положения пенсионеров» —** но и на сей раз дума остается непреклонной. И как бы в насмешку тут же голосует за выдачу очередных пособий семьям бывших пожарных служителей Жакова и Накоскина.

Александр Петрович к следующему думскому заседанию готовит новое расследование — он собрал сведения об имущественном положении шести наиболее одиозных, с его точки зрения, пенсионеров. Ославленный им пенсионер Г.С. Журавлев в это же время подал в думу заявление о том, что Кожевников **«позволил жестоко оскорбить его в Думском заседании т.е. всенародно, назвавши г. Журавлева, человека почтенных лет, содержателем дома терпимости, не пощадив при этом обидном утверждении нравственнаго чувства не только самого Журавлева, но и его детей, обучающихся в местных средних учебных заведениях»**. Как всегда, плоды кожевниковских изысканий оказались насколько сенсационны, настолько и

неудобны для городской власти. Он выяснил, что **«оценка недвижимых имуществ, принадлежащих служащим в Городской Управе, произведена прямо в ничтожных размерах»**. К примеру, дом одной пенсионерки, оцененный им в 6000 рублей, управа обложила налогом исходя из стоимости в 10 раз меньшей.

И вот оппоненты, составлявшие до тех пор большинство, пошли на попятную. Н.Ф. Магницкий заговорил о том, **«удобно ли, прилично ли Думе нарушать свои обязательства перед пенсионерами»** и пересматривать прежние постановления. При этом он — за то, чтобы **«урегулировать вопрос о назначении пенсий на будущее время»**. С.А. Бибиков, прежде занимавший непримиримую позицию, теперь пытается действовать иначе: **«Но так как г. Кожевников много и усердно потрудился по возбужденному им вопросу и, видимо, действовал в пользу общих городских интересов, то я полагал бы выразить ему от лица Думы благодарность за его похвальную деятельность»**. От благодарности Кожевников немедленно отказался.

У него появились твердые сторонники. Выступил А.М. Злоказов: «**Как-то недавно я встречаю на улице господина, лет 42-х, хорошо одетаго, в перчатках, красиваго, здороваго и по-видимому ненуждающагося. Интересуясь узнать: кто это? мне отвечают: городской пенсионер Журавлев... Если в прошлое заседание мы долго обсуждали вопрос о назначении 2–3-х рублеваго месячнаго пособия пожарным и полицейским солдатам, получившим увечья при исполнении своих обязанностей, то странно — почему мы так щедры к людям, которые пользуются хорошим здоровьем и материальным довольством»**. Вскидывается С.А. Бибиков: **«Доводы г. Злоказова нисколько не убедительны: «красив, не стар, элегантно одет, по-видимому обеспечен и здоров, а потому не имеет права на пособие за свою долголетнюю службу»... Значит: если ты пенсионер, то ходи в лохмотьях и не имей веселаго вида...»** Вмешивается А.П. Кожевников — и, как всегда, не жалея самолюбия оппонентов: **«Я очень сожалею, что г. Бибиков является здесь уже не гласным Думы для защиты общественных интересов, а присяжным поверенным от пенсионеров»**. Все больше голосов раздается в поддержку его предложения о создании специальной «пенсионной» комиссии. **«По моему мнению, кроме нравственных обязательств Думы пред пенсионерами существует еще и обязательство пред избирателями,** — говорит П.В. Иванов. — **Я считаю, что наши обязательства должны распространяться лишь на тех лиц, которыя действительно нуждаются в неотложном с нашей стороны вспомоществовании»**.

Старые постановления оставили в покое, комиссию создали. Что же Кожевников? Он верен себе — пишет жалобу губернатору, настаивая на отмене пенсий для Журавлева и иже с ним... Думе, конечно, не впервой пропускать губернаторские указания мимо ушей, но у Кожевникова, судя по всему, была и дальняя цель: пусть люди знают, что их представитель в городской власти не зря ест свой хлеб. Сочиняя свои записки и «особые мнения», Александр Петрович всегда внимательно следил, чтобы эти документы были приобщены, как положено, к протоколам думских заседаний. Так они дошли и до нас, через столетие.

Редко встретишь у сильных мира сего настойчивость и бескомпромиссность, способные, кажется, протаранить стену. Не слишком часто встречается и «неудоб-

ный», «скандальный» тип народного избранника — правдоискателя, жертвующего «корпоративной этикой» ради высших, общественных интересов. Такие люди, как Александр Петрович, всегда помогают преодолеть рутину, по-новому взглянуть на хорошо известные вещи. Но даже их кипучей энергии обычно не под силу бороться с инертным большинством.

«Городской управой продолжен опыт освещения лампочками накаливания системы «Вольфрам», установленными в виде пробы на Тарасовской набережной. Портящиеся лампочки заменяются другими, причем время их бездействия отмечается в особой ведомости. Одновременно в управу стали поступать сведения из тех городов, где применяется иного рода уличное освещение — керосино- и спиртокалильное, причем, сколько можно судить из присланных уже данных о расходах на это освещение, стоимость годичного горения одного такого калильного фонаря со всеми расходами: на содержание механиков, рабочих, замену сеток и керосина, обходится в среднем по 10 руб. на фонарь силою в 700 свечей. По отзывам городских управлений, такое уличное освещение признается вполне удовлетворительным».

Уральский край, 1909, 9 апреля

Блага цивилизации, к которым первыми приобщались состоятельные екатеринбуржцы, не спешили вторгаться в повседневную жизнь города. Скажем, лишь в середине 1890-х годов, когда организовавшееся в Екатеринбурге товарищество электрического освещения вовсю обслуживало частных клиентов, местная власть наконец-то решилась **«распространить почти на все городския улицы электрический свет»**. Однако в 1896 году на екатеринбургских улицах работало лишь 38 фонарей с вольтовой дугой, к концу года их число еще уменьшилось **«в силу новых дороговизных условий»**. Городу выгоднее оказывалось ставить керосиновые фонари: в упомянутом году они дали почти 3000 рублей экономии городскому бюджету.

Екатеринбургская электростанция, расположившаяся на 2-й Береговой улице, дом 7, дала первый ток в 1895 году. 14 сентября 1896 года окончательно оформились юридические взаимоотношения между городом и владельцами станции (первоначально это было «Товарищество электрического освещения в Екатеринбурге А. Елтышев, инженер Н. Панфилов и К°», затем — Центральное электрическое общество в Москве, еще позже оно реорганизовалось и перенесло свой главный офис в Екатеринослав). Концессионеры приобрели право пользоваться станцией 24 года, в Екатеринбурге они должны были установить 30 бесплатных фонарей. Для городских властей вводились льготные энерготарифы, товарищество внесло в управу залог — пять тысяч рублей, из которого удерживались штрафы за сбои в электроснабжении.

Электростанция развивалась и модернизировалась, общая мощность ее генераторов к 1914 году достигла 1175 кВт. Но до самой революции электрическое освещение работало, если так можно выразиться, в экспериментальном режиме. Причиной тому были во многом постоянные трения между городской властью и дирекцией электрической станции, которая принадлежала частному. Взаимоотношения сильно обострились к началу XX века, когда управляющим станции стал Л.А. Кроль, впоследствии — гласный Екатеринбургской городской думы. Водворившись в директорском кабинете, Кроль повесил на двери табличку, запрещающую входить без доклада, и ограничил работу «горячего» телефона, по которому клиенты станции могли высказать претензии… Ранней осенью 1902 года по инициативе В.А. Падучева и Н.Ф. Магницкого в думе состоялось обсуждение «электрических» безобразий: у многих наболело.

А.И. Кожевников: **«Постановка дела электрическаго освещения в настоящее время настолько неудовлетворительна, что вызывает всеобщий ропот… а администрация электрической станции совершенно равнодушно относится ко всем дефектам в деле освещения»**.

В.А. Падучев: **«Установка проводов сделана столь небрежно, что спустя уже месяц по окончании работ, когда не было ни одной бури или вихря и еще не наступили морозы, провода эти соединяются и даже рвутся»**.

Е.Н. Ершов: **«В моем книжном магазине почему-то перестало действовать электричество; я обратился на станцию и ко мне прислали мастера; мастер нашел что электричество не горит потому, что мои лампочки не годятся; лампочки переменили, но когда пустили ток, то те все перелопались и чуть было не произошел в доме пожар; после этого лампочки меняли три раза и, наконец, кое-как, электричество стало гореть; вслед за тем станция прислала мне для подписи какой-то контракт, подписать который я, однако, отказался, находя, что заключение каких бы то ни было особых условий со станцией для абонентов не обязательно; тогда станция распорядилась отцепить проводы в моем магазине и теперь там я должен буду устроить керосиновое освещение»**.

А.П. Кожевников: **«Электричество у меня не действует, а между тем счета станция высылает аккуратно; я не платил по счетам, заявляя, что за несуществующее в действительности электрическое освещение платы не полагается, обращался даже за содействием к полиции, но все напрасно: в конце концов кончилось тем, что станция прекратила подачу электрической энергии для имеющагося в моей мастерской мотора»**.

Избранная на том заседании **«для заведывания делом электрического освещения»** думская комиссия не сумела одержать крупных побед… Пройдут годы, и екатеринбургская городская власть составит наконец проект создания муниципальной электрической станции и даже попытается предложить этот проект вниманию иностранных инвесторов — но случится это в 1919 году, за считанные недели до возвращения в Екатеринбург Красной Армии и Советской власти.

В 1903—1904 годах Екатеринбургская дума сделала, кстати, несколько попыток добиться передачи в городское ведение телефонной сети, принадлежавшей пра-

вительству: слишком высокой становилась плата за пользование телефоном. «Переделу собственности» воспротивилось Главное управление почт и телеграфов, не возымело действие и ходатайство перед министерством внутренних дел.

Городская дума, сколько ни старалась, никак не могла пробиться к «пульту управления» научно-техническим прогрессом. Государственная власть ставила «рогатки», а частные предприниматели диктовали свои условия. К самостоятельным же передовым хозяйственно-коммерческим начинаниям город был не готов — как материально, так, видимо, и морально. Не случайно ведь керосиновым уличным фонарям отдавалось предпочтение перед электрическими.

письма из прошлого

Когда трамваи еще не ходили...

12 июля 1899 года Екатеринбургская городская дума окончательно утвердила «кондиции договора концессии городского трамвая». Вот что было записано в этом обязательном постановлении:

«1) По сооружении в г. Екатеринбурге железнодорожных путей сообщения с электрическим двигателем, а равно, в исключительных договоренных случаях, с двигателем паровым или конным, скорость пассажирскаго и товарнаго движения по городским линиям должна быть не менее десяти и не более пятнадцати верст в час...

2) Подвижной состав для пассажирских поездов должен состоять не менее как из десяти вагонов...

6) Число поездов и время их отправления определяется соглашением предпринимателя с Городскою Управою, при условиях: чтобы отправление пассажирских вагонов по городским линиям производилось в летнее время (с 1 мая по 1 октября) с 7 часов утра до 11 часов вечера, не реже пятнадцати минут один после другого, в остальное время года (с 1 октября по 1 мая) — с 8 часов утра до 10 часов вечера, не реже двадцати минут...

8) Росписание направления и времени движения поездов на каждый отдельный период времени публикуется предпринимателем во всеобщее сведение, в одной из местных газет, по указанию Городской Управы, и чрез вывешивание в каждом вагонах и станционных павильонах...

27) Городская Дума составляет, в установленном порядке, ко времени открытия предпринимателем движения по линиям, обязательные постановления: 1) о воспрещении движения по рельсам с приспособленными колесами, 2) о том, чтобы экипажи сворачивали с рельсоваго пути при приближении поезда и 3) о воспрещении жителям города, на всей сети рельсоваго пути, сбрасывание сору, снега, песку и т.п.».

«Подобно тому, как одна из центральных городских улиц названа именем русского поэта А.С. Пушкина, другую близкую с нею и составляющую как бы продолжение этой улицы, называемую ныне Разгуляевскою, назвать улицею Гоголя».

Из протокола заседания Екатеринбургской городской думы, 1902 год

...ь моей памяти.

Вѣра Казанцева.

Отдѣла Управленія по
№ 3709 въ

Введенная одновременно с Городовым положением 1892 года казенная продажа спиртных напитков отозвалась практически повсеместно падением нравов. На патриархальных прежде городских улицах обычными стали картины разгульного пьянства, малочисленные силы полиции не могли противостоять дебошам и безобразиям, а дурной пример быстро разлагал общество, начиная с низших его слоев. У городской власти появилась новая головная боль, и гласным, людям образованным, понятно было, что одними лишь репрессивными мерами не обойтись. Требовалась большая просветительская и культурная работа.

Скажем, 50-летие со дня кончины Н.В. Гоголя городская власть ознаменовала не только переименованием улицы Разгуляевской в честь великого писателя. Для всех училищных библиотек были выписаны дешевые издания сочинений Гоголя, во всех начальных городских училищах размещены его портреты.

Екатеринбургская городская дума стремилась обеспечить доступность духовных богатств для всех сословий общества. Например, 10 мая 1897 года думская комиссия, специально сформированная для того, чтобы решить судьбу городского театра (перестраивать ли существующий или строить новый), записала в своем протоколе: **«Театр, однако, в том положении, в каком он находится, оставаться не может, потому что слишком мал и неудобен во всех отношениях для нашего города, сделавшегося узловым пунктом трех железных дорог и привлекающаго массу разных лиц, приезжающих по делам. В настоящем театре не может быть сформирована хорошая труппа, благодаря малому сбору, а увеличение цен только вредит театру, лишая его доступности всех классов общества»**. Рассматривалось тогда множество разных проектов, стоимость перестройки театра колебалась от 50 до 157 тысяч рублей. В 1902 году дума объявила открытый конкурс **«на составление проекта здания Екатеринбургскаго городского театра, вместимостью не менее как на 1200 зрителей»**, причем вся постройка не должна была превышать 125 тысяч рублей. Кроме зрительного зала и сцены новое здание, по условиям конкурса, должно было вмещать **«просторныя сени, удобныя светлыя и в достаточном количестве лестницы, необходимое число выходов, фойэ, мужския и дамския уборныя, помещение для верхняго платья, уборныя для артистов и хористов, гардеробныя и проч.»**. Приглашение участвовать в конкурсе были разосланы в Академию художеств, общество архитекторов, институт гражданских инженеров, училище живописи, ваяния и зодчества и в Киевское отделение Императорского технического общества, условия конкурса решено было опубликовать в ведущих изданиях страны — в журнале «Зодчий» и газетах «Новое время» и «Русские ведо-

ЖУРНАЛЪ

...редного засѣданія Екатеринбургской Городской Думы

24 апрѣля 1902 года.

№ 5.

Въ засѣданіе прибыли: г.г. Заступающій мѣсто Городского Головы А. К. Бѣловъ и вновь избранные, вступающіе въ исполненіе своихъ обязанностей, гласные Думы: А. Н. Кожевниковъ, А. Н. Щипановъ, А. А. Шварте, И. И. Симановъ, И. К.

мости». К тому времени на перестройку театра в Екатеринбурге было собрано 20 тысяч рублей пожертвований, из этого капитала на выдачу премий ассигновали 2500 рублей. Впоследствии оказалось, однако, что проекты столичных светил архитектуры слишком обременительны для городского бюджета. Пришлось опираться на собственные ресурсы и возможности.

Долгой оказалась и история создания в Екатеринбурге художественно-промышленной школы. Идея, сначала, на взгляд «отцов города», отдававшая прожектерством, воплотилась благодаря неожиданной заинтересованности имперского руководства. Если точнее, министерства финансов, во главе с Сергеем Юльевичем Витте. Участие Витте в открытии школы стало одним из поводов к тому, что гласные Екатеринбургской думы почтили его заслуги присвоением звания почетного горожанина.

А начиналось все так. 15 июля 1887 года академик П.А. Черкасов, который привез в Екатеринбург передвижную выставку Академии художеств, держал речь в общем собрании Уральского общества любителей естествознания. **«Местныя произведения чрезвычайно разнообразны и производятся из прекраснаго материала,** — сказал академик. — **Но беда в том, что они чрезвычайно грубы и без всякаго вкуса; в них не видно чувства изящнаго: они точно тело без души. Кустари трудятся без всякаго руководства и, изумляя терпением и порою мастерством в обработке отдельных частностей, в общем поражают рутиной и бездейностию. Каменныя ягодки и яшмовые листки очень хороши, но они старее наших дедов, к ним пригляделись и спрос на них давно понизился».** По мнению Черкасова, безвкусием страдали и главные заказчики кустарей — скупщики, да и **«сама гранильная фабрика отличается косностью и только повторяет старые образцы».** Академик предложил создать в Екатеринбурге, **«как в центре уральской промышленности и средоточии огромнаго кустарнаго производства»,** художественно-промышленный музей и школу прикладного рисования и лепления — и пообещал всяческую помощь со стороны Академии художеств, сославшись на опыт Риги, Вильны, Харькова, Киева, Одессы и Саратова.

Уже 2 августа городская управа доложила думе об инициативе П.А. Черкасова. Гласные выразили ему благодарность и обратились к министерству государственных имуществ с просьбой передать под школу одно из казенных зданий.

В 1888 году городской голова И.И. Симанов имел аудиенцию у покровителя Академии художеств, Великого князя Владимира Александровича. **«Его Высочество тогда изволил мне сказать, что Академия поможет городу снабжением открываемой школы коллекциями моделей, оригиналов и картин,** — вспоминал позже Симанов. — **Но помощью этой нам воспользоваться не пришлось, так как открытие школы не осуществилось».** Главным препятствием тому послужило категорическое требование «сверху»: школа должна располагаться в отдельном здании, а им-то Екатеринбург и не располагал.

Последовал долгий перерыв… В 1897 году другой городской голова, И.С. Бурдаков обратился к товарищу министра народного просвещения, посетившему Екатеринбург, с просьбой о помощи местным учебным заведениям и получил ответ,

что на открытие новых **«без крупнаго денежнаго участия города рассчитывать нельзя»**.

16 июля 1898 года городская Дума вновь вернулась к обсуждению вопроса о создании школы. К тому времени появился проект инспектора департамента торговли и мануфактур А.Н. Бенуа: екатеринбургская художественно-промышленная школа, согласно этому проекту, должна была состоять в ведении министерства финансов. При ней учреждались мастерские, музей и библиотека, а принимать в школу планировалось детей **«всякаго звания, обоего пола, не моложе 12 лет с первоначальными познаниями грамоты, Закона Божия и арифметики»**. Курс обучения был распределен на четыре класса. В первых двух предусматривалось преподавание рисования, черчения, лепки, краткой истории изящных искусств, наглядной перспективы и теории теней; в двух последних — академического рисования гипсовых сложных орнаментов, фигур, человеческого тела, сложной лепки и композиции. «Комплект учащихся» должен был состоять из 130 человек, выпускники получали диплом на звание художественного мастера.

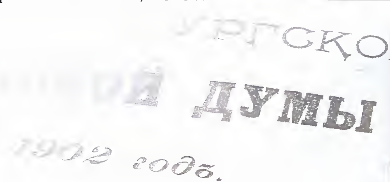
ЕКАТЕРИНБУРГЪ.
Типографія газеты УРАЛ
1903.

Управа подсчитала расходы на создание и содержание школы. Постройка зданий и оборудование школы «тянули» более чем на 30 тысяч рублей, ежегодное финансирование должно было составлять 6720 рублей, причем по две тысячи предлагалось вкладывать городу и земству, а остальную часть, как и расходы по созданию школы, согласилось взять на себя министерство финансов. Выступая в думе, городской голова Г.Г. Казанцев отметил, что существует похожий проект — министерство земледелия и государственных имуществ намерено открыть художественно-промышленную школу в Мраморском заводе, **«но в той школе будут обучаться кустари уездные»**.

Обсуждение неожиданно показало, что среди гласных есть и противники открытия школы. Гласный И.С. Бурдаков напомнил, что **«у нас близок к осуществлению жгучий вопрос о втором женском учебном заведении»**, а городской бюджет не вынесет такой нагрузки. Бурдаков видел большую необходимость в увеличении числа городских начальных училищ, нежели в открытии художественно-промышленной школы. Однако эта позиция не нашла поддержки большинства, и городское общество выразило министерству финансов согласие на бесплатный отвод места для школы и ежегодные ассигнования на ее содержание.

Школа была открыта 6 декабря 1902 года. В тот же день городской голова И.К. Анфиногенов послал министру финансов С.Ю. Витте телеграмму, в которой говорилось: **«Сегодня торжественно открыта Екатеринбургская художественно-промышленная школа, созданная просвещенным вниманием Вашего Высокопревосходительства к нуждам Уральской промышленности. Город Екатеринбург, как центр этой промышленности, на долю котораго выпала честь иметь это профессиональное учебное заведение, сугубо осчастливленный, приносит Вашему Высокопревосходительству глубокую благодарность за дарование этой школы, как рассадника художественнаго образования на пользу всего края»**.

«Прошу Вас принять мою искреннюю благодарность за любезную телеграмму по поводу открытия художественно-промышленной школы, — ответил

Витте екатеринбургскому городскому голове. — **Желаю новой школе успешной деятельности на пользу художественнаго образования».**

…Весьма неоднозначно складывались отношения городской власти с общественными организациями, пекущимися о народной нравственности. Так, на своем первом в 1904 году заседании дума отклонила ходатайство уездного комитета попечительства о народной трезвости, желавшего открыть на Уктусской улице дешевую чайную. Как заявил гласный П.В. Иванов, **«многочисленное собрание разных босяков, посещающих чайную, порождает большия неудобства для соседних обывателей и публики, которые обречены слышать от скопища этих пьяниц самую разнузданную брань и безобразный шум, видеть драки и другия неприличия».** 12 мая дума отказала комитету и в ассигновании средств на устройство в Харитоновском саду народных гуляний, поскольку, как сказано было в докладе городской управы, комитет **«не предполагает устраивать ни чтений, ни музыки, ни других разумных развлечений».**

Полиция не справлялась с разгулом пьянствующих и хулиганствующих. Городская власть давно пыталась своими силами навести порядок на улицах Екатеринбурга, но люди, принятые на учрежденные и оплаченные городом новые правоохранительные должности, вливались в штаты полиции и оказывались вовлечены в общую полицейскую рутину. 15 июня 1899 года городская дума официально просила Пермского губернатора устранить местное самоуправление от расходов на содержание полиции, в ответ губернатор предложил думе увеличить число стражей порядка… «Вечное противоречие» в очередной раз возбудило в думе жаркую дискуссию.

В.И. Дмитриев: **«Вынесенныя с введением винной монополии, из прежних кабаков и трактиров, пьянство, сквернословие и другие безобразия невозможно оставить без принятия мер против них. Полиции в настоящем составе недостаточно для этого… Акцизное ведомство, получающее громадныя прибыли от монополии, не принимает никаких мер к улучшению этого положения; между тем, для учреждения полицейских постов при винных лавках, потребуется половина всех нижних чинов».**

И.И. Симанов: **«Что терпят жители от того, что полиции нет там, где она необходимо нужна, вообразить трудно. Извозчики распущены до крайних границ безобразия, у винных лавок пьянство и связанные с ним бесчинства… Единственное место в городе для прогулок — от Кафедрального Собора до театра, по плотине, подверглось той же участи: здесь расхаживают компании с гармошками, махоркой и набором таких слов, что и привычное ухо не выносит».**

Губернатор не получил желаемого: дума нашла существующий штат полиции **«вполне достаточным»**, хотя и признала необходимость увеличения числа нижних чинов — но за счет казны, а содержание постов при винных лавках, по мнению гласных, **«всего справедливее отнести на средства Акцизнаго Ведомства».**

В конце 1902 года управа представила Екатеринбургской городской думе доклад о том, **«что в последнее время по окраинам города усилились ватаги дебоширс-**

твующей молодежи, которая, ради потехи и удальства, позволяет себе не только нарушать тишину на улицах в ночное время, но даже оскорблять прохожих, наносить им побои, выбивать в домах оконныя рамы, разбивать калитки и вообще производить всевозможныя безобразия». С гуляющими молодчиками не могли справиться ночные уличные караульные, по словам гласного С.Д. Ижболдина, никуда не годные, **«кроме отбивания часов и спанья в промежутках между этими отбиваниями»** — при появлении толпы буянов они **«сами прячутся куда ни попало».** Дума единогласно постановила назначить, в виде эксперимента, шесть конных стражников с жалованьем по 25 рублей каждому из городских средств. Городской голова И.К. Анфиногенов просил полицмейстера не отвлекать этих стражников от исполнения их прямых обязанностей…

Увы, через несколько лет в Екатеринбурге среди бела дня произойдет такой погром, что дурная слава о нем облетит всю империю и ляжет пятном на репутацию и местной власти, и стражей порядка, которых постоянно упрекали в забвении городских интересов.

> ***«...Утром 9 января, как только я встал, я увидел, что на улице по Каменноостровскому проспекту шла большая толпа рабочих с хоругвями, образами и флагами; между ними много женщин и детей, а, кроме того, много из любопытных. Не успел я подняться на балкон, как услышал выстрел, и мимо меня пролетело несколько пуль, а затем последовал систематический ряд выстрелов. Не прошло и десяти минут, как значительная толпа народа хлынула обратно по Каменноостровскому проспекту, причем многие несли раненых и убитых, взрослых и детей...***
> ***Это событие, конечно, послужило орудием для лиц, ведших смуту и революцию, для еще большего возмущения народа».***
>
> *С.Ю. Витте, граф, председатель Совета Министров России в 1905 – 1906 годах, почетный гражданин Екатеринбурга.*
> *Из «Воспоминаний»*

До сей поры ученые спорят о причинах и поводах расстрела мирной демонстрации петербургских рабочих, шедших с петицией к Зимнему дворцу 9 января 1905 года. Что это было? Грандиозная провокация, задача которой — вызвать в народе ненависть к самодержавию ради разрушения империи? Недомыслие разного уровня градоначальников, испугавшихся многотысячной толпы в центре Петербурга?

Убедительных ответов мы не знаем и сегодня.

Известен и не подлежит сомнению только один факт: Николай II в этот день (как и накануне) был со своей семьей в Царском Селе и никакого приказа о расстреле рабочего шествия не отдавал.

Уральские большевики энергично использовали и эту ситуацию, и глухое недовольство населения, вызванное поражением России в русско-японской войне, не только для развертывания левой социал-демократической пропаганды, но и для организации митингов и забастовок.

Дабы предотвратить революционные выступления 11 января министр внутренних дел направил губернаторам распоряжение о превентивном аресте известных охранному отделению социал-демократов. 23 января в Екатеринбурге были арестованы почти все члены Уральского комитета РСДРП (б).

Но бикфордов шнур революции горел все быстрее и быстрее…

Большевики Екатеринбурга призвали рабочих объявить 1 мая всеобщую забастовку. Ее начали приказчики, закрыв все лавки в городе и объявив Первомай днем борьбы за свои права. В 11 часов утра началась демонстрация. К приказчикам присоединились учащиеся, рабочие, служащие. На Кафедральной площади города состоялся многолюдный митинг, на котором преимущественно выступали большевистские ораторы. К вечеру приказчики выработали и предъявили экономические требования хозяевам магазинов. В случае невыполнения этих требований на 6 мая назначалась новая демонстрация. Естественно, что большевики агитировали за то, чтобы эта демонстрация прошла организованно и привлекла как можно больше участников. И действительно, 6 мая в Екатеринбурге произошла грандиозная 20-тысячная демонстрация, в которой самое активное участие приняли рабочие многих забастовавших заводов и фабрик. На Кафедральной площади более двух часов кряду выступали только социал-демократы, практически узурпировавшие трибуну. В конце дня к участникам митинга присоединились рабочие Верх-Исетского завода. С 7 по 30 мая этот завод бастовал, пока ряд экономических требований не был удовлетворен.

Полиция города, впервые столкнувшись 1 и 6 мая с таким мощным объединенным натиском рабочих, учащихся и демократически настроенных служащих, проявила полную растерянность и, по сути, бездействовала.

В Екатеринбург пришлось срочно перебрасывать войска.

Позицию же купечества и крупных предпринимателей, которые занимали кресла в городских думе и управе, четко сформулировал в те дни еженедельник «Уральское горное обозрение». В одной из его статей говорилось: **«…Удовлетворение ряда насущных нужд рабочего населения не только представляет собой нравственную обязанность местных владельцев, но и является прямо делом мудрого расчета, созидая прочную связь на почве взаимных выгод».**

Но о «мудром расчете» тогда уже мало кто думал. Революция продолжала развиваться по восходящей.

Стихийно на ряде предприятий Екатеринбурга стали возникать советы уполномоченных, в чью задачу, прежде всего, входила защита прав трудящихся.

Именно эти организации рабочих стали прообразами Советов, на долгие годы после октября 1917-го заменившие в стране всю систему местного самоуправления.

В октябре 1905 года в России разразилась всеобщая политическая стачка. В Екатеринбургском уезде в забастовках участвовало около 44 тысяч человек.

17 октября Николай II подписал Высочайший манифест, написанный С. Ю. Витте. В нем гражданам России были обещаны основы гражданских свобод, расширение избирательных прав и выборы в законосовещательный орган, до сих пор неведомый стране, — Государственную Думу, Положение о которой было издано двумя месяцами раньше, 6 августа.

Манифестом на правительство возлагалась задача **«... установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей»**.

Преобразование всего государственного строя на конституционных началах требовало серьезного реформирования земского и городского самоуправлений. Проектов таких реформ вплоть до 1914 года возникало несколько: и с позиции правительства, и по инициативе ряда ведущих политических партий. Все проекты сходились в одном: необходимо так устроить систему органов власти на местах, чтобы большинство населения России реально, а не на бумаге, принимало активное участие в самоуправлении.

Но извечная российская беда — бесконечная говорильня, забалтывание важнейших вопросов в череде утомительных заседаний — сыграла со всеми этими проектами злую шутку. Как только они были наконец практически готовы и попали на стол Государственного Совета — высшего исполнительного органа при царе, — летом 1914 года разразилась мировая война. И теперь на первый план вышли совсем другие — военные проблемы.

Однако вернемся к октябрьским дням 1905 года в Екатеринбурге.

Содержание манифеста стало известно в уральской столице 18 октября.

Вот как описывает этот день лояльно настроенная к властям газета «Екатеринбургские епархиальные ведомости».

«... День 18 октября для жителей города Екатеринбурга начался самым обычным порядком: учащиеся собрались в учебные заведения и начали занятия, служилые люди занимались делом в конторах и канцеляриях, рабочие стояли на своих местах. Ничто не предвещало никакого изменения в этом будничном настроении, как вдруг около полудня пронеслась по городу молнией весть о первостепенной важности Высочайшем манифесте — о том, что этим манифестом русскому народу дарованы права гражданской свободы и расширено право народного участия в законодательной работе. Вскоре появились бюллетени с текстом манифеста. Началось усиленное движение по улицам, везде были видны взволнованные, радостные лица. На площади у Кафедрального собора, по распоряжению городского головы, устроили помост для служения благодарственного молебствия. В исходе 4 часа дня в собор прибыло соборное духовенство, певчие, а на площади толпа народная с каждою минутою все росла и увеличи-

валась. Раздался благовест с соборной колокольни, привлекший новые массы народные, прибыли представители города, земства, суда, полиции. Духовенство в золотых облачениях с Крестным ходом вышло из собора. Протодьякон громогласно прочитал Высочайший манифест, который был приветствован криками «ура»...

По удалению Крестного хода в церковь на площади начались речи ораторов, приветствовавших русский народ с дарованною свободою, причем некоторые из говоривших народу лиц крайних партий позволили себе возглашать: «Долой царя! Долой монархию!» и этими возгласами произвели смущение в умах многих русских людей, большинство из которых не могло к тому же уяснить сразу смысл манифеста...».

На следующий день на той же Кафедральной площади многолюдный митинг созвали большевики. Он обернулся трагедией.

> ***«...Едва товарищ Андрей** (подпольная кличка Я.М. Свердлова. — Авт.) **поднялся на ящик, заменявший трибуну, из толпы раздались крики:«Сволочи! Бей жидов!», погромщики начали воинственно потрясать батогами и палками... Они рвались на трибуну, к Андрею. Однако пробиться было не так просто. Вокруг трибуны сгрудились дружинники, кое у кого из них были револьверы. Грянуло несколько выстрелов... Погромщики опешили, попятились назад...»***
>
> *Из воспоминаний К. Т. Новгородцевой,*
> *жены Я. М. Свердлова*

К сожалению, ни в фондах Государственного архива Свердловской области, ни в газетных фондах областной библиотеки имени В. Г. Белинского не сохранились многие документы, связанные с некоторыми событиями 1905 года в Екатеринбурге.

Вот почему известный уральский писатель, краевед Лев Михайлович Сонин, только работая в архивах и библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга, в архивных фондах Израиля, буквально по крупицам смог восстановить события того страшного для Екатеринбурга дня.

Что же произошло на Кафедральной площади?

Как установил Л. М. Сонин, после ухода с площади большевиков, чьи дружинники, кстати, первыми открыли стрельбу и спровоцировали столкновения, митинг не закончился. Однако основную массу митингующих теперь составляли вооруженные чем ни попадя черносотенцы. Они с азартом охотников ждали, когда подойдет демонстрация учащихся гимназий и ремесленных училищ.

Вот что было написано в официальном полицейском протоколе, направленном вечером того же дня на имя городского полицмейстера: **«По почину учеников Уральского горного училища... учащиеся реального училища, мужской гимназии... двинулись к зданию женской гимназии, где к ним примкнули ... ученицы**

последней. А затем толпа направилась к пансиону женской гимназии, и ученицы, бывшие в пансионе, присоединились к манифестантам. В это же время к ним примкнули ученики Художественной школы с красными знаменами, которыми они снабдили бывших в толпе других учащихся. Отсюда толпа... с пением «Марсельезы» и «Дубинушки» двинулась сначала в мужское духовное, затем в епархиальное женское, и, наконец, в псаломщическую школу и Консисторию.

От Консистории и псаломнической школы манифестанты, пополнившие свои ряды учащимися духовных заведений, направились по Уктусской улице на соборную площадь, где в это время простой народ, раздраженный речами ораторов-революционеров ... пришел в ярость и бросился избивать ораторов, студентов, евреев и всех, кто походил по виду на еврея...»

Многие гласные думы в те драматические часы были вместе с горожанами, как и городской голова И. К. Анфиногенов, который попытался было остановить шествие демонстрантов-школьников, опасаясь страшных последствий. Но не сумел...

Продолжим чтение полицейского протокола.

«Когда в толпу вмешалась часть манифестантов-учащихся, озверевшая толпа бросилась на них и многих избила, многих изранила, а один ученик Художественной школы был убит наповал. Другая часть учащихся-манифестантов направилась на площадь к Екатерининскому собору, но и там ее встретила грубая народная расправа, многие были избиты».

Добавим к протоколу: жертв черносотенного побоища оказалось двое. Вторым погибшим после Василия Иванова, ученика Художественно-промышленной школы, который нес красное знамя, стал репортер популярной в городе газеты «Уральская жизнь» Соловьев.

Известие о черносотенном погроме в Екатеринбурге даже на фоне ежедневных политических катаклизмов, которыми была потрясена тогда общественная жизнь страны, не затерялось в потоке новостей. Почти все крупнейшие газеты России опубликовали эту информацию и нередко — с комментариями, осуждающими бездействие властей и особенно полиции.

Вот что, к примеру, писала в номере от 23 октября 1905 года издававшаяся в Петербурге авторитетная газета либерального направления «Сын Отечества»: **«В Екатеринбурге город находится во власти хулиганов... Полиции не видно нигде. Она, может быть, как в Одессе, переодетая, предводительствует хулиганами»**.

А местные газеты, как выяснил Л. М. Сонин, были полны скорбными, недоуменными, негодующими статьями и письмами читателей. И буквально все публикации жестко называли людей, напавших на демонстрантов: хулиганы, черная сотня, пьяная орда, организованная шайка, мясники, палачи...

Екатеринбуржцам было от чего возмущаться: за всю историю города не было подобных событий. Уральцы всегда отличались веротерпимостью (вспомним судьбу тех же старообрядцев!), уважением к национальному достоинству, ведь соседями на протяжении столетий были и башкиры, и татары, и казахи... Никогда не был Урал и оплотом антисемитизма, к тому же в 1905 году в Екатеринбурге проживало едва ли более двухсот еврейских семей. И потому газеты были единодушны, утверждая, что

нападение на демонстрантов вовсе не является отражением истинного настроения подавляющего числа горожан, а оплачено оно и хорошо организовано провокаторами, которые, как это ни прискорбно, тесно связаны с полицией.

Жители Екатеринбурга очень сочувственно отнеслись к пострадавшим, старались, как могли, облегчить страдания раненых, приносили им в больницу (всего с тяжелыми травмами было госпитализировано тринадцать человек) сладости и фрукты…

Однако в городе нашлись и сторонники погрома. Одним из них оказался… епископ Екатеринбургский и Ирбитский Владимир, который ничтоже сумняшеся отслужил молебен на Кафедральной площади сразу же после разыгравшейся здесь кровавой драмы, заявив, что **«…многочисленная банда анархистов и социалистов, увлекши за собой тысячи юношей … возмутила ваше, православные христиане, религиозное чувство, и вы принялись усмирять неистовые дела и речи крамольников против святой Церкви, закона и Царя насильственными мерами…»**.

Эти же мысли он высказал в соборе и во время литургии 21 октября.

Спустя несколько часов после погрома, вечером 19 октября, собралась на экстренное заседание городская дума. Все выступавшие заявляли: избиение демонстрантов — отнюдь не стихийное действие, а старательно и умело организованная провокация. Дума, резко осудившая фактическое бездействие полиции, вынуждена была объявить сбор заявлений от граждан, желающих вступить в состав добровольной милиции для охраны в городе порядка.

31 октября дума приняла постановление: создать комиссию по расследованию случившегося и отправить председателю Совета Министров Российской империи Сергею Юльевичу Витте требование разобраться с фактом очевидного попустительства погромщикам со стороны органов правопорядка. Тогда же было решено оповестить Святейший Синод о недопустимых, с точки зрения городской думы Екатеринбурга, речах и поступках епископа Владимира.

Давайте прочтем это послание Синоду, которое достаточно ярко свидетельствует о гражданской позиции екатеринбургских гласных.

письма из прошлого

Опасные речи Владыки

«Екатеринбургская городская дума в заседании 31 октября постановила доложить Святейшему Синоду, что 21 октября епископ екатеринбургский Владимир во время литургии произнес речь, в которой бросил обвинение детям в революционных замыслах и называл их волчатами, обвинял полицию в том, что она защищала детей от побоев преданных царю русских людей, обвинял общество в том. Что оно предоставило площадь для трибуны людям, идущим против царя, и выражал удивление тому, что будут подлежать суду не дети, носившие красный флаг, а люди, их избивавшие.

Считая опасным в настоящее смутное время такие речи Владыки, возбуждающие одну часть населения против другой, дума постановила представить об этом Святейшему Синоду на его распоряжение...»

Из донесения городского головы Обер-прокурору Святейшего Синода о действиях Екатеринбургского епископа Владимира во время литургии в Кафедральном соборе 21 октября 1905 года

Как ответил Синод на письмо Екатеринбургской думы — неизвестно.

Известно другое. Благодаря последовательной позиции городского самоуправления, за нападение на участников митинга на Кафедральной площади 19 октября около 400 человек были привлечены к следствию. 24 самых активных хулигана предстали перед судом.

Следует лишь отметить, что похожие ситуации разыгрались в те октябрьские дни почти по всей России. Выступления интеллигенции, рабочих, студентов и учащихся черносотенцы громили в Твери и Томске, в Саратове и Казани, Владимире и Тифлисе...

Погибли сотни людей, десятки тысяч были ранены.

Парадокс истории: в ответ на царский манифест 17 октября, провозгласивший впервые в судьбе России гражданские права и свободы для всех и каждого, в государстве явственно возник призрак гражданской войны.

В середине ноября 1905 года в Екатеринбурге забастовали почтово-телеграфные служащие, все типографии, многие заводы и фабрики. В ходе этой стачки был создан первый в Екатеринбурге Совет рабочих депутатов, который возглавил социал-демократ С. А. Черепанов. В задачи Совета входила координация действий забастовщиков, организация им и их семьям всемерной помощи и т.д. В городе почти каждый день проходили массовые митинги, на которых выступали с громкими речами представители всевозможнейших партий, которые росли на волне демократических преобразований, как грибы после дождя. Только за десять последних ноябрьских дней 1905 года в Екатеринбурге заявили о себе монархический Всесословный народный союз, Союз русского народа, Партия правового порядка и, наконец, конституционно-демократическая партия — знаменитые кадеты.

Левые радикалы — большевики и эсеры — призывали горожан к вооруженному восстанию против самодержавия, но благоразумие екатеринбуржцев взяло верх. На авантюристические лозунги они не откликнулись.

комментарий ученого

Первый Екатеринбургский Совет

Давайте вспомним, что Советы рабочих, крестьянских депутатов были первыми в истории нашей страны массовыми выборными органами руководства борьбой трудящихся за экономическое, а затем и политическое освобождение.

На Урале они возникли стихийно, по инициативе трудящихся весной 1905 года. Отношение к ним в обществе было неоднозначным: от полной поддержки — до резкого осуждения самой идеи их создания и неприятия их деятельности.

Меньшевики и эсеры принижали задачи Советов, призывали считать их органами местного самоуправления, то есть ограничивали функции Советов решением только экономических и организационных проблем. Даже центральные органы большевиков до 1906 года видели в Советах рабочих депутатов **конкурента** *партии в руководстве рабочим движением и настаивали на вхождении их в состав РСДРП. В случае отказа Советов пойти на это предполагалось даже объявить их врагами пролетариата и вести с ними активную борьбу. Не оценил роль первых Советов и В.И. Ленин. Лишь впоследствии он пришел к пониманию сущности Советов как беспартийного (многопартийного), общедемократического органа всех трудящихся, возглавляющего, по сути, борьбу с самодержавием, что позволяло создать большевикам широкий «левый блок».*

Именно эту тактику деятельности партии в Советах утвердил IV (объединительный) съезд РСДРП.

Однако заметим, что до 90-х годов XX века в советской историографии преобладала тенденция к так называемому «обольшевичиванию» Советов и преувеличению их количества за счет включения в статистику других рабочих организаций, выполнявших функции чисто стачечных комитетов. Тем самым искажались и реальное развитие событий, и расстановка сил в Советах, степень их влияния на массы.

Екатеринбургский Совет рабочих депутатов был образован 17 ноября 1905 года в ходе начавшейся 14 ноября стачки рабочих крупнейших заводов Екатеринбурга (Ятеса, братьев Береновых, Коробейниковых, текстильной фабрики Макарова) и железнодорожников.

Поводом для забастовки послужило увольнение одного из рабочих-активистов завода Ятеса. Рабочие потребовали восстановить на работу своего товарища, а также выставили ряд других требований (повышение заработной платы, восьмичасовой рабочий день). Сначала в состав Совета вошло 11 депутатов, а в дальнейшем в нем работало около 40 человек.

Председателем Совета был избран большевик, один из руководителей городского комитета РСДРП, техник по профессии С. А. Черепанов (партийная кличка — «Лука»), товарищем председателя — тоже большевик, рабочий с завода Ятеса П. Кин. Исходя из этих фактов в исторической литературе преобладало мнение, что большевики полностью контролировали Совет. Хотя объективно это утверждать нельзя, ибо большевиками в Совете являлось 5 (максимум с сочувствующими — 10) депутатов из 40. В состав Совета входили также меньшевики, эсеры, представители от приказчиков и торговых служащих.

После образования Совета на рабочем митинге 16 ноября в старом городском театре (ныне — кинотеатр «Колизей») Яков Свердлов, выступая от имени городского комитета РСДРП, заявил: ***«Теперь у нас учрежден Совет депутатов от рабочих. Вы должны доверять Совету депутатов, который будет сообразовываться, следует ли дальше продолжать забастовку или нет...***

Слушайте во всем Совет депутатов и следуйте его указаниям»*.*

Более подробно задачи Совета были изложены в «Воззвании к рабочим», опубликованном в газете «Урал» 19 ноября:

«Сильное, но трудное для рабочих средство борьбы против угнетателей — стачка — только тогда приносит удачу рабочим, когда они организованы...

Организуйтесь, товарищи...

В единении наша сила. Составьте Совет рабочих депутатов и поручите ему руководить вашей борьбой за улучшение вашего положения. Избирайте от каждых 50 — 100 человек по одному депутату, и пусть они наметят план борьбы, ознакомят с ним всех рабочих Екатеринбурга, соберут необходимые средства, как для настоящих, так и будущих стачек, и приведут нас к 8-часовому рабочему дню. И тогда-то будет пробита первая брешь к светлому будущему — к социализму, к которому зовет и ведет нас РСДРП»*.*

Таким образом, изначальная постановка задач содержит призыв только к организованной экономической борьбе. О борьбе за власть в городе, стране, вооруженном восстании и пр. ничего не говорится.

Совет должен был действовать как стачком. Именно это и констатируется в сообщении о создании Екатеринбургского Совета рабочих депутатов в газете «Уральская жизнь» 19 ноября.

Однако на деле все складывалось иначе, ибо по мере развития ситуации стачком из сословного (интересы рабочих — прежде всего) органа превращался в орган общедемократической борьбы, представлявший интересы значительной (если не большей) части 80-тысячного населения Екатеринбурга.

В этом работа Совета расходилась с направленностью деятельности городской думы, которая главным образом занималась решением вопросов хозяйственной жизни города: развитием торговли, снабжением продовольствием, сбором налогов, защитой сословных прав, медицинским обеспечением, народным образованием, благоустройством.

Да, отчасти действия Совета и городской думы касались одних и тех же вопросов, но каких-либо прямых контактов за весьма короткий срок жизни первого Екатеринбургского Совета (отпущено ему историей было всего ничего — один месяц) не осуществлялось. Обе властные структуры существовали, как параллельные прямые, — не пересекаясь.

Между тем ситуация потребовала от Совета и политических партий заниматься политическим просвещением трудящихся через организацию митингов, собраний, вечеров, а также через создание кассы Совета для материальной помощи семьям бастующих рабочих. Наглые вылазки черносотенцев, полицейская слежка заставляли организовывать вооруженную охрану митингов и демонстраций. К декабрю 1905 года в рабочих боевых дружинах насчитывалось свыше 200 человек.

На первой странице газеты – как всегда – привычная реклама. Но на ее внутренних полосах уже разгорается предвыборная борьба

№ 32-й. ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ. Среда, 22 марта 1906 г.

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ГАЗЕТА.

Подписная цѣна: на 1 годъ 6 р., на полгода 3 р., на 5 мѣсяцевъ 2 р. 50 к., на 4 мѣсяца 2 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 2 мѣсяца 1 р., на 1 мѣсяцъ 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Симановская улица, домъ И. И. Симанова. Пріемные часы редакціи съ 5 до 7 ч. веч. Плата за объявленія на первой страницѣ 20 к. за строку петита, на послѣдней 10 коп.

Политическая, общественная и литературная газета.

Газета выходитъ въ Екатеринбургѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ и разсылается подписчикамъ пріостановленнаго „Уральскаго Края".

— ТЕЛЕФОНЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ № 275 — ТЕЛЕФОНЪ ТИПОГРАФІИ № 219 —

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА съ 1 марта до конца года 4 руб. 50 коп.

Контора редакціи „ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ" покорнѣйше проситъ лицъ, подписавшихся съ разсрочкой платежа, поспѣшить уплатой слѣдующаго взноса КЪ 1-му АПРѢЛЯ во избѣжаніи остановки въ высылкѣ газеты.

Екатеринбургъ, Покровскій проспектъ, д. Жукова у Каменнаго моста, СРЕДНЕ-АЗІАТСКІЙ МАГАЗИНЪ УМАРОВА въ Ташкента останов. на очень корот. врем.; специал. ШЕЛКОВЫЕ товары имѣет. громад. выб. муж. и дамск. НАКИДОКЪ и БУРОКЪ, дѣтск. черкесскіе костюмы, голов. плат. и шарфы. ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОСА.

Т-ва Ф. Реддавей и Ко въ Екатеринбургѣ. БРЕЗЕНТЫ спеціальной химической пропитки „РЕДДАВЕЙ" буровые и противопожарные.

Контора „Екатер. Газеты" доводитъ до свѣдѣнія, что она будетъ помѣщать по значительно уменьшенной таксѣ объявленія о предложеніи личнаго труда,—какъ-то: уроковъ, переписки, труда прислуги и т. п., а также объявленія книжныхъ магазиновъ.

ЖЕСТЬ бѣлая и черная АЛАПАЕВСКИХЪ ЗАВОДОВЪ Н-въ С. С. Яковлева. Съ требованіями просятъ обращаться: Екатеринбургъ, коммиссіонеру Н. М. Королькову, телефонъ № 313.

Контора типографіи товарищест. газеты „УРАЛЬСКІЙ КРАЙ" принимаетъ всевозможныя типографскія работы, производство конторскихъ книгъ, исполненіе визитныхъ карточекъ. При типографіи имѣется машинно-линовальное заведеніе и переплетная мастерская. Всѣ работы исполняются скоро и аккуратно.

Магазинъ Захо въ Екатеринбургѣ. Складъ РОЯЛЕЙ и ПІАНИНО фабрикъ ШРЕДЕРЪ и МЮЛЬБАХЪ.

Конкурсное управленіе по дѣламъ несостоятельнаго должника И. И. СИМАНОВА ОТКРЫТО и помѣщается въ г. Екатеринбургѣ по Тимофеевской набер. ул., д. № 14, ... ЗАСѢДАНІЯ ЕЖЕДНЕВНО ПО СРЕДАМЪ и СУББОТАМЪ ОТЪ 6—8 ч. вечера. Предсѣдатель Смиренскій. Кураторы И. И. Бѣлоруссовъ, Н. Н. Щепеновъ.

У Бр. АГАФУРОВЫХЪ громадный выборъ весеннихъ ПАЛЬТО И КОСТЮМОВЪ ДѢТСКИХЪ.

ВНОВЬ ОТКРЫТЫ меблированныя комнаты „СЛАВЯНСКІЙ БАЗАРЪ" Имѣется большой залъ, который можетъ быть отдаваемъ подъ свадьбы, обѣды и собранія. ОБѢДЫ изъ 3 блюдъ 60 коп. Вознесенскій, д. № 43, ... телеф. № 328.

Докторъ А. М. Спасскій возобновилъ пріемъ больныхъ и химико-бактеріологическихъ и микроскопическихъ изслѣдованій ежедневно съ 4 час. до 6½ час. вечера. Дубровинная ул., д. И. С. Соколова.

Докторъ В. К. Щодѣцовъ. переѣхалъ на Главный проспектъ домъ Икорскаго, рядомъ съ Государственнымъ банкомъ. Хирургія, акушерство, женскія болѣзни. Пріемъ больныхъ: отъ 9 до 12 час. ежедневно и отъ 3 до 5 час., кромѣ праздниковъ. Телефонъ 100.

Корова ... съ большимъ молокомъ, продается на Главномъ пр. д. № 1 ...

ЗУБО-ВРАЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ зубного врача И. Б. Гурвичъ. Леченіе, пломбированіе, вставленіе искусственныхъ зубовъ. Пріемъ отъ 9 ч. у. до 4 ч. веч. Главный пр. д. Имболлина.

МАГАЗИНЪ каменныхъ и золотыхъ вещей П. Е. Журова. Покровскій проспектъ, противъ Американской гостин. ИМѢЕТСЯ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ золотыхъ и каменныхъ вещей. Отдѣленіе на ст. Иркутскъ.

ТЕЛЕГРАММЫ Петербургск. Агентства.

21 марта.

ПЕТЕРБУРГЪ. Выборщиками въ Государственный Совѣтъ избраны отъ дворянъ Калужской губерніи—губернскій предводитель Булычевъ, бывшій предводитель Яновскій, Кіевскаго университета ректоръ Цитовичъ—союза 17 окт., и профессоръ Армашевскій.

Выборщиками въ Думу отъ землевладѣльцевъ избраны въ Орѣевѣ—священникъ, 2 земскихъ начальника, 6 дворянъ, 4 прогрессиста, одинъ кадетъ, остальные консерваторы. Въ Бѣльцахъ—предводитель управы, 3 дворянина, 3 крестьянина—всѣ консерваторы. Въ Черкасахъ 39 крестьянъ, 4 священника, 2 землевладѣльца. Въ Камышинѣ 8 крестьянъ—умѣренно прогрессивныхъ. Въ Саранскѣ—предводитель, земскій начальникъ и священникъ, всѣ независимые и прогрессисты. Въ Павлодарѣ—предводитель, членъ судебной палаты, предсѣдатель уѣздной управы, членъ губернской управы, бывшій вице губернаторъ, 2 дворянина, 3 землевладѣльца—нѣмца, одинъ крестьянинъ, въ томъ числѣ кадетовъ два, октябристовъ 5, крайнихъ правыхъ два. Въ Х... земскій начальникъ—внѣпартійный, два крестьянина. Въ Порховѣ—дворянинъ, непрактикующій врачъ, два крестьянина, изъ нихъ два кадета, два неопредѣленной окраски.

Въ Осташковскомъ уѣздѣ послѣ кассаціи первыхъ выборовъ партія кадетовъ опять побѣдила. Уѣздъ съ городомъ избралъ шестерыхъ выборщиковъ изъ лѣвыхъ партій. Въ Холмѣ избранъ—членъ суда. Въ Екатеринославѣ—восемьдесятъ, въ томъ числѣ 15 евреевъ, 4 умѣренные. На городскихъ выборахъ Московскаго уѣзда—борьба между к.-д. и объединенной организаціей союзовъ 17 октября и торгово-промышленнаго, подсчетъ будетъ произведенъ завтра.

СПИСОКЪ

господъ гласныхъ, прибывшихъ въ засѣданіе Екатеринбургской Городской Думы.

„10“ ноября 1906 года

1	[illegible]	14	[illegible]
2	[illegible]	15	[illegible]
3	[illegible]	16	[illegible]
4	[illegible]	17	[illegible]
5	[illegible]	18	[illegible]
6	[illegible]	19	[illegible]
7	[illegible]	20	[illegible]
8	[illegible]	21	[illegible]
9	[illegible]	22	[illegible]
10	[illegible]	23	[illegible]
11	[illegible]	24	[illegible]
12	[illegible]	25	[illegible]
13	[illegible]	26	[illegible]

К сожалению, полный список екатеринбургских «господ гласных», избранных в 1906 году, обнаружить не удалось

В Екатеринбурге большевики не имели решающего влияния на массы. Рабочие без серьезной политической подготовки не были организационно готовы к борьбе за власть. После отъезда на Таммерфосскую конференцию в Финляндию Якова Свердлова в городском комитете РСДРП произошел раскол **«на почве неудовлетворенности работой»**.

После поражения в декабре Московского вооруженного восстания большинство социал-демократов понимало, что всеобщая стачка как самостоятельная и главная форма борьбы изжила себя. Лидеры революционных партий и Советов рабочих депутатов, воспылав крайним радикализмом, говорили о неизбежном превращении стачки в вооруженное восстание, но на деле не были готовы к этому. Так, в Екатеринбурге был разработан план вооруженного восстания, но практически его не смогли осуществить.

Была в городе сделана попытка организовать новую всеобщую стачку. 8 декабря с такой инициативой выступили железнодорожные рабочие. Но только 15 декабря состоялся митинг рабочих крупных заводов (Ятеса, Коробейникова) и визовских металлургов с целью убедить полторы тысячи человек принять участие в декабрьской стачке, выразив тем самым солидарность с восставшей Красной Пресней и мотовилихинскими рабочими в Перми. Однако поднять на всеобщую стачку рабочих уже не удалось. План вооруженного восстания в Екатеринбурге попал в руки полиции.

21 — 22 декабря железнодорожники приступили к работе.

В канун нового, 1906 года, 28 декабря, Пермский губернатор объявил Пермь, Екатеринбург, крупные заводы и основные города губернии на положении чрезвычайной охраны.

Собрания, митинги, демонстрации запрещались.

По губернии прокатилась волна арестов, обысков, изымалось оружие и то, что сильнее бывает любого оружия, — революционная литература.

18 — 19 декабря Екатеринбургский Совет прекратил свое существование.

Георгий Дробышев, кандидат исторических наук,
доцент УрГУ им. А. М. Горького

«...Нужно избирать в Государственную Думу лиц, отстаивающих всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право.

Нужно выбирать лиц, которые ясно сознают и будут отстаивать широкие законодательные права Думы, ее право утверждать или отвергать роспись государственных доходов и расходов, ответственность перед Думой министров, широкие судебные реформы и полное разделение законодательной, исполнительной и судебной властей.

Нужно избирать людей, отстаивающих свободу совести, свободу и неприкосновенность личности, людей, которые стояли бы за всеобщее даровое обучение, за расширение программы низшей и за доступность для всех средней и высшей школы.

Нужно избирать лиц, стоящих за широкое наделение крес-

тьян землей, отстаивающих 8-ми часовой рабочий день, право рабочих союзов, собраний и стачек, обязательное страхование рабочих на случай увечья и старости за счет капиталистов и государства, охрану женского и детского труда — вообще широкое рабочее законодательство, за автономию Польши и за федеративный строй России...»

Из передовой статьи Екатеринбургской газеты, 1906, № 32

Да, наступивший 1906 год был, прежде всего, годом выборов в Государственную Думу.

В Екатеринбурге избиратели проголосовали подавляющим большинством за список конституционно-демократической партии. Но 1-я Государственная Дума очень скоро приказала долго жить. И вот почему.

27 апреля, открывая первое заседание Думы, Николай II приветствовал в лице депутатов «лучших людей России», но при этом подчеркнул, что **«необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права»**. Так вот о своей ответственности за произнесенные слова и выдвинутые лозунги депутаты думали меньше всего. С самого начала они взяли курс на конфронтацию с правительством. Вскоре стало ясно: ни о какой конструктивной совместной работе на благо России речь идти не может.

8 июля царь объявил о роспуске Государственной Думы. Были назначены новые выборы...

5 сентября 1906 года выборы состоялись и в городскую думу Екатеринбурга. Здесь тоже не обошлось без интриги.

В городе был создан «Кружок граждан Екатеринбурга, интересующихся городским хозяйством».

20 августа газета «Уральский край» опубликовала отчет с заседания этого «Кружка граждан».

«... Доклад комитета Кружка граждан — обвинительный акт по делу о злоупотреблениях екатеринбургского городского управления. Кредитоспособность настолько подорвана, что никто не решается ссудить городу даже 25 000 рублей. Хозяйство ведется разорительно и халатно. То, что можно прибыльно эксплуатировать — не эксплуатируется, например, Лесная дача и кирпичный завод. Недоимки аренды по оброчным статьям за последние два года увеличились на 16 000 рублей и достигли уже 65 000! Многие комиссии бездействуют. Например, исполнительной комиссии по постройке нового театра было ассигновано 30 000 рублей на заготовку строительного материала и поручено реализовать облигационный заем. И что же? Заем не реализован. Материал для постройки не заготовлен. Но и 30 000 рублей — нет как нет. Деятельность городского общественного банка приспособлена к интересам думских заправил, их близких или крупных коммерсантов. Непосредственное заведование управой городскими делами проникнуто канцелярщиной. Так, годовой отчет должен быть предо-

ставлен к маю следующего года, но до сих пор нет отчета не только за 1905 год, но и за 1904-й!»

Через четыре дня в той же газете городской голова Анфиногенов обратился к «Кружку граждан» с просьбой немедленно представить в управу копию доклада для изложения в печати соответствующих объяснений и возражений. В случае неисполнения просьбы, подчеркнул городской голова, управа будет утверждать, что доклад «Кружка граждан» составлен **«...с заведомым извращением фактов исключительно с агитационной целью»**. И буквально за трое суток до выборов в противовес «Кружку граждан», выдвинувшему своих кандидатов, создается в Екатеринбурге «Кружок избирателей», поддерживающий, в основном, старый состав гласных.

Итак, впервые в городе избиратели выбирали между двумя списками кандидатов. И в этом было веяние очевидных демократических перемен.

Накануне выборов «Уральский край», учитывая сложившуюся ситуацию, выступил с обращением к горожанам.

Этот текст, на наш взгляд, стоит привести полностью: пресса становилась активным участником избирательного процесса.

«Пусть граждане избиратели не смешивают у избирательной урны кандидатов «Кружков» с грядущей демократической прогрессивной силой, которой суждено обновить наше самоуправление. Избирайте «не более или менее честных» кандидатов в гласные, как предлагают некоторые, а, безусловно, честных и энергичных, ищите их в том и другом списках. Цените культурность кандидатов».

Мы не знаем, как отозвалось это искреннее газетное слово в умах и душах екатеринбуржцев, пришедших на избирательные участки 5 сентября.

В гласные были избраны кандидаты из того и другого списка.

Городским головой снова был избран И. К. Анфиногенов. Может быть, и потому, что его мужественное поведение во время черносотенного погрома в октябре 1905 года запомнилось горожанам.

А тем временем, несмотря на достаточно демократические выборы, в городе, да и в губернии, усиливались охранительные тенденции. Революционные события напугали многих чиновников, особенно — полицейское начальство. И вот полицмейстер запрещает в городском театре благотворительный спектакль «Ревизор»: как бы чего не вышло! Помощник пристава забирает у директоров екатеринбургских средних учебных заведений билеты для учащихся, подаренные антрепренером...

Спустя год в городе запрещаются лекции о потребительских кооперативах, которые собрался прочесть здесь известный общественный деятель, публицист В. А. Поссе. Подтекст этого запрета прежний: как бы не случилось демонстрации!

Впрочем, Владимир Александрович тем не менее написал весьма дружелюбные заметки об Екатеринбурге 1907 года, которые опубликовал в своей книге «По Европе и России», вышедшей в свет в 1909 году в Санкт-Петербурге.

взгляд современника

Владимир Поссе:

«Екатеринбург — город очень оригинальный»

...Уездный город и «столица Урала». «Дистанция огромного размера» с казенными учреждениями, отстоящими друг от друга на целые версты; широкие улицы с красивыми зданиями, электрическое освещение, телефоны, театры, увеселительные сады, но нет не только трамвая, но и самой примитивной конки, нет и водопровода, а вместе с тем и поливки улиц, так что в летние дни не только бедняки пешеходы, но и богачи, разъезжающие на своих рысаках, положительно купаются в пыли. Три большие прогрессивные газеты, несколько ученых обществ, библиотеки имени Белинского и Решетникова, и наряду с этим «всесословное пьянство»...

Главный центр горно-заводской промышленности с целым рядом «своих» фабрик и заводов, но — слабое развитие рабочего движения.

Множество «управлений» и «присутствий», советы съездов горнопромышленников, золотопромышленников и химиков, окружной суд, дворянская опека, резиденция Главного начальника уральских заводов, Главного лесничего уральских казенных лесов и, наконец, епархиального архиерея — одним словом, головокружительно много сановных лиц, а между тем «начальником города» является скромный полицмейстер, которого при всем желании к «сановникам» отнести нельзя. Но удивительнее всего, что этот полицмейстер в Екатеринбурге очень популярен.

Екатеринбургские обыватели отзываются о нем хорошо, особенно подчеркивая его «доступность» и «простоту». Один из членов городской управы характеризовал мне его как человека «отзывчивого» и «душевного». Относительно «отзывчивости» и «душевности» судить не берусь, но в «доступности» и «простоте» мог убедиться лично во время своего визита.

Визит мне пришлось сделать по поводу устройства в Екатеринбурге публичной лекции о кооперации. Меня пропустили в кабинет полицмейстера немедленно и без всякого доклада, не спросив, кто я и для чего мне нужно видеть полицмейстера.

Это по нынешним временам — вещь не совсем обыденная (я потом встречал полицмейстера, гуляющим по улицам Екатеринбурга совершенно «свободно»; это мне тоже показалось необыденным).

...Узнав мою фамилию и цель моего посещения, полицмейстер сделался необычно любезен и предупредителен. Он выражал свою радость, что ему «придется быть моим слушателем», и, пожелав, мне всякого успеха, поблагодарил, что я его «посетил».

— А мне все нужно посылать губернатору телеграмму с просьбой разрешить лекцию? — спросил я.

— Да, лучше пошлите... из вежливости.

Я послал телеграмму, но губернатор не оценил моей «вежливости».

На мою телеграмму последовал ответ: «Прочесть просимую лекцию в Екатеринбурге отказываю. Губернатор Болотов».

Такой же ответ получил и управляющий Тагильскими заводами, просивший разрешить мне прочесть лекцию в Нижнем Тагиле.

Так мне пришлось лишний раз убедиться, что в России надо во всем сомневаться и ничему не удивляться.

Дело было все в том, что всего несколько дней назад я прочел лекцию о потребительских обществах в той же Перми и господин Болотов, прослушав ее внимательно, совершенно просто, «по-человечески» заметил:

— Хорошо, если бы вы прочли лекцию в Екатеринбурге, там это еще важнее, чем в Перми...

И вот такой поворот событий...

Афиши с объявлениями о моей лекции были уже отпечатаны, но не ими запестрели стены Екатеринбурга, а огромными объявлениями... о новой «пикантной» оперетке «Хулиганы».

«Хулиганы», отпечатанные огромными буквами, смотрели со всех углов и, наверное, радовали взор Болотова, который как раз в этот день приехал в Екатеринбург.

«Хулиганы» имели шумный успех, а от «кооперации» Екатеринбург был спасен.

...В Екатеринбурге, по словам некоторых старожилов, крепкие напитки пустили крепкие корни в «общественную» жизнь. Пьют с любовью, со страстью и с остервенением. «Бутыль на столе радует сердце больше, чем кипящий самовар, ибо водка в сердце закипает». Приезжают в гости, напиваются, высыпаются и снова напиваются.

Но и здесь, в Екатеринбурге, вскоре начнется организованная борьба с пьянством. Я надеюсь, что в ней примет самое деятельное участие «Екатеринбургское общество потребителей рабочих и служащих в торгово-промышленных и фабрично-заводских предприятиях и кустарных мастерских».

Этому первому екатеринбургскому кооперативу надо пожелать успеха и процветания. Ему предстоит трудный путь, на зато это путь оздоровления екатеринбургской жизни...

Благоприятным условием для развития екатеринбургского кооператива было бы образование уральского союза потребительских обществ. Об этом союзе давно хлопочут уральские кооператоры. Проект устава выработан еще в 1901 году на съезде уральских потребительских обществ, но до сих пор не утвержден правительством. По проекту устава цель этого союза: «содействовать установлению и развитию постоянных сношений между потребительными обществами и организация совместной деятельности этих обществ, чтобы

дать им возможность наивыгоднейшим образом осуществить задачи, указанные в их уставах».

Утверждение устава встречает «затруднения», но рост потребительских обществ скоро устранит эти затруднения.

Уральские кооператоры надеются, что рядом с союзом кредитных товариществ организуются союзы потребительских обществ и производительных артелей и что все эти союзы будут поддерживать друг друга во имя развития самодеятельности, вместе с тем и благосостояния уральского населения.

Как видите, с трудом, но все же и русская жизнь организуется, а раз организуется, значит, движется вперед, к более светлому будущему...»

Что ж, жизнь после революционных событий 1905 года, действительно, стала постепенно налаживаться. На одном из своих последних заседаний в декабре 1906 года городская дума приняла два важных, как бы сейчас выразились, «социально направленных» постановления. Одно — об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых и ремесленных заведениях, складах и конторах.

Для контроля за выполнением этого постановления было создана из гласных специальная комиссия — торгово-ремесленная. И другое, прямо перекликающееся с точкой зрения Владимира Поссе — горячего сторонника трезвого и здорового образа жизни — «Об открытии трактирных заведений с горячей пищей, легкими виноградными винами, пивом, фруктовыми водами, с читальным залом, без водки и карточных игр».

В августе 1906 года царское правительство ввело ряд жестких мер по борьбе с терроризмом, которые оказались достаточно эффективными. Волна разбоя и грабежей, буквально захлестнувших Россию, резко пошла на убыль. Решительное противодействие террору принесло свои плоды: начался переход к определенной социальной и экономической стабильности, так необходимой для модернизации страны.

Все эти решительные меры связывают, прежде всего, с именем выдающегося реформатора, председателя Совета Министров России Петра Аркадьевича Столыпина.

Самым важным делом своей жизни Столыпин считал разумное и справедливое решение земельного вопроса. В стране, где большинство населения были крестьяне, это имело первостепенное значение.

Выступая на заседании Государственной Думы 5 декабря 1908 года, когда обсуждался земельный законопроект, премьер-министр сформулировал суть реформы.

«...Смысл закона, идея его для всех ясна. В тех местностях России, где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община, как принудительный союз, ставит преграду его самодеятельности, там необходимо дать крестьянину свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью: надо дать ему власть над землей, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя. Закон, вместе с тем, не ломает общины в тех местах, где хлебопашес-

тво имеет второстепенное значение, где существуют другие условия, которые делают общину лучшим способом использования земли...»

Иными словами, свободному труженику предполагалось дать свободу распоряжаться землей ради собственного благополучия и достатка, а значит, ради благополучия и собственного Отечества.

Завершая свою речь, Столыпин произнес знаменательные слова: **«...В мировой борьбе, в соревновании народов почетное место могут занять только те из них, которые достигнут полного напряжения своей материальной и нравственной мощи. Поэтому все силы и законодателя, и правительства должны быть обращены к тому, чтобы поднять производительные силы источника нашего благосостояния — земли. Применением к ней личного труда, личной собственности, приложением к ней всех, всех решительно народных сил, необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, так как земля — это залог нашей силы в будущем, земля — это Россия»**.

К сожалению, слова эти не были по-настоящему услышаны и поняты в российском обществе.

Прошло двадцать лет, и большевики насильно, огнем и мечом, вернули крестьянство в общинное рабство, назвав его «колхозно-совхозным строем». Трагичен итог существования этого «строя»: самая работящая часть крестьянства погибла в лагерях ГУЛАГа, страна, в начале XX века снабжавшая всю Европу разнообразными продуктами своего сельскохозяйственного производства, последние тридцать лет советской власти жила за счет американского и канадского хлеба...

Столыпин, начиная свою реформаторскую деятельность, не мог не задуматься о роли в осуществлении реформ местного самоуправления. Вот что он говорил в Государственной Думе: **«...Наши реформы, чтобы быть жизненными, должны черпать свою силу в русских национальных началах. Каковы они? В развитии земщины, в развитии, конечно, самоуправления, передачи ему части государственных обязанностей, государственного тягла и в создании на низах крепких людей земли, которые были бы связаны с государственной властью. Вот наш идеал местного самоуправления...»**

Столыпин однажды побывал в Екатеринбурге, который произвел на него весьма положительное впечатление, и впоследствии глава правительства пристально следил за положением дел в одном из важнейших по своему экономическому потенциалу регионов России, доброжелательно относился и к нуждам Екатеринбурга. Именно поэтому в начале ноября 1910 года городская дума единогласно избрала П.А. Столыпина почетным гражданином города.

15 февраля 1911 года, за несколько месяцев до трагической гибели Петра Аркадьевича, Николай II утвердил это решение екатеринбургских гласных.

«Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия» — эти слова, произнесенные однажды П. А. Столыпиным в ответ на оголтелую критику, звучавшую с депутатских скамей левых партий, лучше всего выражают позицию настоящего гражданина и политика, подлинного патриота своего Отечества.

Но России в XX веке был уготован трагический путь великих потрясений...

Экономический подъем дал о себе знать по всей стране в первые же годы столыпинского руководства правительством. В том числе и на Урале.

Количество заводов и фабрик в Екатеринбурге увеличилось к 1910 году до 27. Из них 17 занимались переработкой сельскохозяйственного сырья. Широкое развитие получили кустарные промыслы. Число кустарных предприятий выросло до 60. Стоимость всей продукции, произведенной только за 1908 год кустарями города и уезда, составила 2,8 миллиона рублей. Развитию промыслов содействовала Екатеринбургская земская касса мелкого кредита, учрежденная в 1908 году. Способствовала мелкому и среднему предпринимательству и сложившаяся в городе сеть сберегательных касс. Расширял свое влияние и крупный капитал: открылись отделения Русского для внешней торговли, Русско-Азиатского и Сибирского торгово-промышленного банков. Они действовали на всей территории Уральского края и сыграли важную роль в превращении Екатеринбурга в мощный экономический центр страны.

Выросло за эти годы и население города. Правда, не намного, всего на 2,1 тысячи человек, но даже и этот рост привел к перенаселенности и ухудшению условий жизни, дороговизне жилья, сдаваемого в наем. И совершенно неудовлетворительным было состояние городского коммунального хозяйства: по-прежнему отсутствовали водопровод и канализация, замощена была только треть улиц, электрических фонарей насчитывалось на весь почти восьмидесятитысячный город едва более сотни. Рабочие районы, ближайшие предместья с наступлением ночи погружались в кромешную темноту…

В 1910 году Екатеринбургская дума разработала план развития городского хозяйства, рассчитанный на 5—6 лет. К сожалению, реализовали его только частично: первая мировая война, разразившаяся летом 1914 года, опрокинула все планы…

В эти же годы были сделаны серьезные шаги в развитии народного образования.

К 1913 году в Екатеринбурге насчитывалось 28 низших и 9 средних учебных заведений, в которых обучалось почти 5,5 тысяч человек. В апреле 1910 года городская дума постановила **«возбудить ходатайство об открытии в г. Екатеринбурге высшего учебного заведения типа политехникума»**. А в декабре того же года значительным событием в жизни города стал полувековой юбилей первой на Урале женской гимназии. В поздравлениях членов попечительского совета, который многие годы возглавлял известный думский гласный А. Н. Казанцев, родителей, коллег из других учебных заведений и бывших воспитанниц звучали слова благодарности и высокая оценка деятельности всего преподавательского коллектива гимназии, ибо, как подчеркивали все выступающие, **«…служить воспитанию и образованию женщины — значит, создавать благосостояние семьи, общества и государства»**.

20 июня 1912 года министерство народного просвещения приняло решение об открытии в Екатеринбурге учительского института с городским училищем. Увы, благие намерения так и остались благими намерениями: не хватило ни сил, ни средств. Зато решение о создании Горного института (первого вуза такого профиля на востоке страны) было воплощено в жизнь.

И, несомненно, заметную роль в осуществлении этого проекта сыграла городская дума.

«Этот корабль видели в мечтах уральцы многих поколений. Его строил и снаряжал весь Урал, чтобы он способствовал развитию горной промышленности...»

Из приветствия Уральского общества любителей естествознания Горному институту в день его открытия 9 октября 1917 года

Как только стало известно о согласии министерства торговли и промышленности на организацию Горного института в Екатеринбурге, а это событие произошло 23 сентября 1913 года, городская дума озаботилась фигурой его ректора.

Судя по персоналиям, которые обсуждались в думе, екатеринбургские гласные хотели видеть на этом посту ученых-горняков с отчетливо выраженными демократическими убеждениями. Назывались имена В. А. Обручева, В. Е. Грум-Гржимайло и других видных специалистов. Но все они по ряду причин отказались от этого предложения. Тогда выбор министерства пал на Петра Петровича фон Веймарна, известного в научных и преподавательских кругах профессора Петроградского горного института и одновременно инспектора по студенческим делам. Министерство торговли и промышленности обратилось к нему с такой просьбой весной 1915 года, когда уже были выделены кредиты на постройку институтского здания, а в городской думе была создана специальная строительная комиссия. После некоторых раздумий петроградский профессор согласился и 1 ноября прибыл на Урал.

Спустя несколько лет П.П. Веймарн вспоминал: **«Городской голова Екатеринбурга А. Е. Обухов, приехавший ко мне в Петроград, убедил меня принять предложение, заверив, что моя работа на Урале встретит дружную поддержку... Заверения уважаемого Александра Евлампиевича оправдались, но он, как и я... не мог предвидеть тогда всех трудностей, которые создадут делу сооружения института затяжная война и последовавшая революция, осложненная гражданской распрей».**

В Екатеринбург, как пишет современный исследователь жизненного пути П.П. Веймарна профессор В. В. Филатов, первый ректор Горного института приехал не с пустыми руками. Петр Петрович привез оригинальнейший с архитектурной точки зрения проект учебного заведения. На Урале подобного здания еще не строили! — было единодушное мнение городской общественности, познакомившейся с проектом на очередном заседании думской комиссии по строительству.

А в газете «Зауральский край» профессор Веймарн так рассказал о проекте: **«...Фасад в строгом греческом стиле составлен оригинально, представляя собой вход в подземное царство, с поднимающимися одновременно ввысь ступенями парадной лестницы, ведущей во второй этаж, где помещается конференц-зал. На этой же лестнице три громадных входа, ведущих в нижний этаж, к аудиториям... Над центральным входом — статуя бога подземного царства Вулкана-Плутона. Это здание является главным...»**

17 июля 1916 года состоялась закладка фундамента Горного института. На ней присутствовали Пермский губернатор М. А. Лозина-Лозинский, начальник Уральских горных заводов П. И. Егоров, председатель губернской земской управы Е.Д. Ка-

лугин, гласные Екатеринбургской думы, городской голова А. Е. Обухов, куратор строительства инженер Н. Н. Ипатьев, в чьем доме ровно через два года завершится земной путь царской семьи…

П. П. Веймарн, выступив с небольшой речью, выразил всеобщее желание всех собравшихся **«…увидеть вновь созидаемую высшую горную школу Урала стоящей высоко и работающей плодотворно»**.

…Через год, 9 октября 1917-го, Горный институт был открыт.

Спустя 86 лет, 28 мая 2003 года, на конференции студенческого и преподавательского коллектива большинством голосов было принято решение о новом, сегодняшнем наименовании знаменитого горного вуза. Отныне его полное официальное название будет звучать так: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования — Уральский горный институт императора Николая II (академия).

История рано или поздно все ставит на свои места.

> ***«Провалы в первой мировой войне вновь унизили Россию. Высшая власть была пронизана коррупцией, распутинщиной. Самодержавие боялось всех, металось из стороны в сторону. …Все ждали бури и получили ее».***
>
> *Из книги академика А. Н. Яковлева «Горькая чаша», 1994 год*

Объявление Германией войны России 19 июля 1914 года вызвало сначала небывалый патриотический подъем. Вечером того же дня в Екатеринбурге стихийно состоялась массовая манифестация, в которой приняло участие более тысячи человек. Национальный флаг — триколор — заполнил центральные улицы и площади города. Над толпой звучали лозунги «Да здравствуют Россия и Сербия!», «Долой Германию!», «Долой Австрию!». Манифестации продолжались и на следующий день.

21 июля городская дума собирается на экстренное заседание. Естественно, принимается телеграмма на Высочайшее имя с выражением верноподданнических чувств и уверенности в победе над врагом. И тут же дума оперативно принимает ряд решений, связанных с новой обстановкой. Избран совет попечителей по организации помощи семьям солдат, призванных на войну, принято решение об ежемесячной выдаче семьям служащих управы, мобилизованных на фронт, установленных денежных окладов вплоть до окончания военных действий, одобряется готовность ряда крупных торговых фирм выплачивать семьям мобилизованных служащих полное жалованье кормильцев. Городской голова А. Е. Обухов сообщает, что в городскую управу начали поступать заявления о желании граждан сделать пожертвования в пользу семей рядовых запаса, уходящих на фронт.

В первые недели войны дума заседает несколько раз в неделю. Создаются новые думские комиссии. Врачебно-санитарная, которую возглавил известный екатеринбургский врач и общественный деятель, гласный А. М. Спасский, и испол-

Гласные Екатеринбургской городской думы в зале заседаний. 1912 год

нительно-наблюдательная. Ее задача — контролировать рост цен на товары первой необходимости. Председателем этой комиссии единогласно избирается гласный И. К. Анфиногенов, пользующийся среди екатеринбуржцев давним и заслуженным авторитетом.

9 сентября Екатеринбургская дума заявляет о присоединении к Всероссийскому Союзу городов, возникшему по инициативе Московской думы. На первый съезд этой общественной организации, созданной для содействия делу обороны, делегируется городской голова А. Е. Обухов. В Екатеринбурге избирают местный комитет Союза городов, который сосредоточил в своих руках деятельность лазаретов, солдатских столовых и чайных, яслей-приютов, а также сбор средств на нужды фронта, выплату солдаткам дополнительного (к казенному) пайка.

Нужно сказать, что екатеринбургский комитет Союза городов быстро стал центром объединения и сплочения сил местных деловых и предпринимательских кругов, интеллигенции, всех активных сторонников обороны Отечества. В этом качестве его деятельность выходила за рамки Екатеринбурга, охватывая не только уезд, но, практически, весь Средний Урал.

В номере газеты «Зауральский край» за 1 января 1915 года была опубликована традиционная обзорная статья, анализирующая работу думы и городской управы за минувший год. Автор попытался предельно объективно оценить действия местного самоуправления в непростое для страны время.

«Военные события и ускоренный темп жизни захватили и екатеринбургское самоуправление. За время войны собрания думы созывались особенно часто — от пяти до семи раз в месяц.

Городской попечительский комитет по обеспечению семей запасных своей работой доказал, что гласные думы могут работать и исполнять возложенную на них задачу — быстро и умело. Попечительством произведено обследование имущественного положения семей запасных, организованы благотворительная помощь особо нуждающимся и сбор пожертвований на удовлетворение этой нужды.

Заботы государственной важности — призрение семей призванных на войну солдат и помощь раненым были удовлетворены городским управлением по мере сил и возможностей.

В первом случае городская дума существенную помощь оказала организации дела раздачи пособий. Но пустота кассы и все растущая задолженность города не дали возможности широко развернуть помощь раненым.

Все же городская дума не остановилась на полумерах и, решив произвести заем 45 000 рублей на неотложные надобности, вызванные событиями военного времени, учредила этапный лазарет на 50 кроватей, вступила во Всероссийский Союз городов и т.д.

Следует отметить, что начавшееся после объявления войны вздувание цен заставило самоуправление соседних городов издать обязательные для исполнения постановления, умеряющие аппетиты торговцев-спекулянтов, принима-

лись там и другие меры к прекращению нападения на обывательский карман. У нас лишь после долгих колебаний и разговоров выпущена была «такса на мясо и печеный хлеб». Такса оказалась запоздалой — цены на продукты к тому времени снизились, и мясо, например, продавалось ниже таксы...

...Острота переживаний первых дней прошла и к концу года явилась возможность вновь посвящать много времени вопросам местной жизни.

Вновь приступили к работе водопроводная и электрическая комиссии. Собирается для очередной работы и комиссия по благоустройству. В конце года частично завершила свои намеченные дела комиссия по постройке гостиного двора.

Новые заботы — новые песни».

Новые песни оказались полны драматизма.

Поражения русской армии весной и летом 15-го года, нарастание кризисных явлений в экономике города, несмотря на все усилия городских властей, рождали негативные настроения в обществе.

С чем был связан быстро развивающийся кризис городской экономики?

Прежде всего, с обстоятельствами военного времени. Железнодорожный транспорт мобилизуется для нужд фронта, значит, резко сокращаются внутренние перевозки, что неизбежно приводит к сокращению снабжения города топливом и сырьем. Отсюда — сокращение производства. В Екатеринбурге начинает расти безработица. К тому же во второй половине 1915 года до Урала докатилась волна беженцев из прифронтовой полосы: они тоже нуждались в рабочих местах. В начале 1916 года в Екатеринбурге впервые за его историю открывается биржа труда. За первые пять месяцев на бирже регистрируются около пяти тысяч человек. Согласитесь, что для города с населением в 80 тысяч — это немалая цифра.

Другой фактор кризиса: продовольственные трудности. Перебои со снабжением и дороговизна основных продуктов питания — первопричина недовольства.

Договориться с торговцами, в первую очередь с мучниками, чтобы они продавали определенное количество муки населению по льготным ценам, как предлагал городской голова А. Е. Обухов, не очень-то удалось. И понятно почему: мельницы простаивали без зерна, которое меж тем погибало в зауральских и сибирских закромах. Железная дорога по приказу военного ведомства, прежде всего, пропускала на фронт солдатские эшелоны. Вывоз частными лицами зерна со станций Томской и Омской железных дорог был запрещен, кроме того количества хлеба, которое было закуплено для нужд армии. Значит, в города везли зерно на подводах, преодолевая немалые километры пути. Отсюда и цена на муку, которую при всем своем желании не могли регулировать никакие комиссии и комитеты, энергично создаваемые губернскими властями и местным самоуправлением. Рост дороговизны и дефицита товаров остановить не удалось...

В сентябре 1916 года в Екатеринбурге произошло массовое выступление женщин-солдаток против местных властей с требованием снижения цен и своевременной выдачи пособий. Они собрались у здания городской управы, угрожали ее разгромить. Среди рабочих радикально настроенные элементы настойчиво пропа-

гандировали идею погромов лавок и магазинов, чтобы таким способом противостоять дороговизне.

Все эти явления имели под собой серьезную почву.

Цены на основные продукты питания выросли на Урале к лету 1916 года в три раза, заработная плата не успевала за ними.

Между тем в газете «Зауральский край» почти полгода публиковалась реклама: **«В лавке Марии Ивановны Корольковой, что против Агафуровых, продается всегда осетрина свежая — 30 копеек за фунт, икра осетровая — рубль за фунт».**

А за хлебом в городе уже выстраивались очереди…

В рапорте екатеринбургского полицмейстера Пермскому губернатору от 19 ноября 1916 года сообщалось: **«...Приходится слышать, что настроение населения, в особенности среди рабочих, из-за дороговизны сгущается и надо ожидать неприятных результатов».**

Надо отдать должное Екатеринбургской городской думе. Пытаясь в условиях военного времени по мере своих сил и возможностей — при хроническом финансовом дефиците — держать социально-экономическую ситуацию в городе под контролем, она не забывала о духовной стороне жизни горожан, развитии культуры, образования. Мы уже рассказали о том, как дума в годы войны способствовала организации в Екатеринбурге Горного института, первого учебного заведения такого профиля на востоке страны.

Но была у думы и старая любовь — городской театр.

«Когда мы строили наш новый театр — один из лучших сегодня в России, мы преследовали лишь одну цель: дать гражданам возможность получать высокое эстетическое наслаждение и отдых от повседневных забот.
До тех пор, пока у этого дела будет стоять общественный элемент, нашему городскому театру обеспечено существование как школы высокой духовности и нравственности.
Школы не только для детей, но и для взрослых.
Не забава стояла лозунгом у создателей этого храма искусства, а общественная польза».

А. Е. Обухов, городской голова. Из выступления на заседании городской думы 9 января 1915 года по поводу положения дел в городском театре

Осенью 1912 года в Екатеринбурге торжественно открылся новый городской театр, о котором горожане мечтали почти тридцать лет. Построенный по проекту инженера-архитектора Семенова, он напоминал своим архитектурным обликом знаменитый Венский оперный. По оформлению зрительного зала, оборудованию

сцены, электрическому обеспечению екатеринбургский театр был среди лучших в России.

Лучшие антрепренерские труппы с удовольствием приезжали в Екатеринбург, но...

Прошло два года. Стало ясно, что театр, несмотря на полные аншлаги, не может приносить прибыль. Слишком дорого обходилось его техническое содержание. Некоторые из гласных думы поставили вопрос о возмещении убытков, которые несет городская казна.

Заседание 9 января было столь бурным и продолжительным, что затянулось до полуночи.

Выступление гласного Н.Ф. Магницкого определило решение думы: **«...Только бесповоротно отказавшись от мысли превратить театр в доходную статью, мы удержим его на подобающей ему высоте и не опустимся до уровня обывательских запросов, «общедоступных», низкопробных зрелищ... Даже при наличности войны, приковывающей к себе все внимание общества** и **затрагивающей то, что наиболее ценно для всех и каждого, даже при этих условиях вопрос о правильной постановке театрального дела не может быть отброшен»**.

Дума вынесла вердикт: финансирование театра осуществлять за счет городской казны.

В самом начале 1915 года дума принимает решение о реконструкции городской библиотеки имени В. Г. Белинского, специальным решением выделяет для нее земельный участок в центре города для **«...пользования на все время существования»**.

А через год, в январе 16-го, дума обсуждает вопрос о развитии на Урале... курортного дела. Казалось, идет война — о каких курортах можно вести речь? Тем не менее видные уральские и сибирские врачи, специалисты по курортологии, принимают план развития лечебных мест на Урале. Более того, в Екатеринбурге при поддержке городской думы создается отдел Всероссийского общества усовершенствования русских лечебных местностей.

Эти люди думали о будущем.

...Последние декабрьские дни 1916 года.

В городской думе заседает городская продовольственная комиссия, которая впервые в истории Екатеринбурга рассматривает проект правил пользования карточками на продукты первой необходимости: хлеб, муку, сахар.

Потом понятие «продовольственные карточки» станет хорошо известным не одному поколению россиян...

Газета «Зауральский край» в разделе «Местная хроника» 31 декабря сообщает: **«Елочный базар в Екатеринбурге был очень большой, а спрос на елки самый незначительный. Прежде обычно елок недоставало, нынче же масса елок осталась не раскупленной. Крестьяне увезли обратно домой сотни непроданных, загубленных деревьев»**.

Наступал 1917 год...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

(1917 — 1919)

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Новогодний пессимизм 1917 года. — Город на грани голода. — Врачебно-санитарные перипетии. — Городской бюджет: чем дальше в лес, тем больше долгов. — Февральская революция: в городе запахло демократией. — Дума делит власть с комитетом общественной безопасности. — Полгода законотворческой гонки. — «Межреволюционная» работа городской власти. — Первая попытка демократических выборов. — Октябрь 1917-го: «власть спряталась». — Первое заседание «демократической» городской думы. — Дискуссия об уважении к законам и роспуск городского самоуправления. — Городской Совет принимает бразды правления. — Бело-чешское восстание и кризисные явления в работе Совета. — Возрождение городской думы при «белых». — Управление прифронтовым городом: интересы армии превыше всего. — Как быть с неотложными расходами при «дырявом» бюджете. — Еще одни выборы в городскую думу: опыт объединения цензов и демократии. — Красные возвращаются. — Кому править городом — Совету, исполкому или партии?

Новый, 1917 год застал екатеринбуржцев на пороге острейшего и всеобъемлющего кризиса — продовольственного, финансового, общественного. Видимо, предощущение грозы висело в воздухе, и новогодние прогнозы не отличались оптимизмом. **«Мало радостных, светлых перспектив открывает наступивший год...»** — вздыхал на страницах газеты «Уральская жизнь» С. Виноградов; заметим, что газета в целом придерживалась вовсе не консервативных взглядов, публиковала будущих лидеров уральского большевизма — тем показательнее ее пессимизм. Откуда было взяться надеждам на лучшее, если имперская власть, чего ни коснись, выказывала аморфность и бессилие, а местное, городское управление, оставшись один на один с целым роем нерешенных проблем, все больше заходило в тупик. «Этажи» власти рисковали в ближайшем будущем окончательно лишиться доверия людей: самодержавие обанкротилось в моральном смысле, а городское управление оказалось банкротом самым натуральным — Екатеринбург увяз в долгах. И не знал, как выбраться из долговой ямы. В том же номере «Уральской жизни» за 1 января автор, скрывшийся под псевдонимом Старый бес, адресовал Екатеринбургской городской думе такую эпиграмму:

«Дума Градская,
Дума Градская,
Что мне тебе пожелать?
Вот что скажу
Я тебе, дорогая,
Брось ты на «бирже» играть.»

Претензий к городским властям накопилось много, их диктовала сама повседневная жизнь... Другой местный журналист опубликовал на самом старте 1917 года пожелания, тоже пронизанные духом критики:

«ГОРОДСКОМУ ГОЛОВЕ
Поменьше слов, побольше творчества.

ГЛАСНЫМ
Немножко внимания к городским интересам, чтобы не повторилась одна из многих историй, как напр. с перестройкой старого гор. театра, где смета после утверждения в 35 тыс. руб. выросла в 85 тыс. руб.

ГОРОДУ
Избавиться от концессионера Центрального Электрического Общества в лице г. Кроля, если не в 1917 году, то в скором будущем и получить действительное освещение улиц а не одни столбы, на которые ночью пешеходы и извощики наскакивают.

ПУШКИНСКОЙ УЛИЦЕ
Избавиться от зловония от перенесенного сюда колбасного завода Топорищева».

Строительство театра, освещение улиц… Всего-то несколько месяцев спустя все это будет казаться пустяками — по сравнению с мировой революцией... Екатеринбургский уезд, как и многие другие территории Пермской губернии, совсем скоро будет охвачен голодом, а сам Екатеринбург, кроме всего прочего, испытает нашествие криминала, железную хватку безработицы, хаос двое– и троевластия... Такой будет плата за крах государственных устоев, за рождение и становление демократических принципов, за произвольное и корыстное их толкование и использование.

«Пора открыть глаза населению, чтобы оно знало, кто мешает нам работать и не дает своим действием обеспечить население продуктами».

В.С. Вяткин, гласный городской думы

Между тем городская дума отнюдь не бездельничала. На свое первое в 1917 году заседание гласные думы собрались уже 3 января, и дебаты длились до полуночи. Вопрос был действительно безотлагательным: одна за другой останавливались мельницы, крупчатки (пшеничной муки) осталось в городе на 10 дней.

Однако обсуждение этой животрепещущей темы было предварено внеочередным заявлением гласного Н.Ф. Магницкого. Его, вслед за многими другими представителями российской интеллигенции, взволновала нашумевшая отставка министра

народного образования графа П.Н. Игнатьева, реформатора и патриота, который, сложив министерские полномочия, подал прошение о зачислении в передовые части воюющей русской армии. **«Главной чертой деятельности гр. Игнатьева, заслуживающей горячего сочувствия всех общественных организаций,** — заявил Магницкий с думской трибуны, — **было стремление работать с обществом, что особенно ценно в дни реакции».** Согласившись с оратором, дума направила графу Игнатьеву сочувственную телеграмму, где отметила: **«В родном для нас Уральском крае Вашей рукой зажжен факел высшего образования и загорелись уже огни университетских очагов в далекой Сибири».** Бывший министр, буквально заваленный подобными телеграммами со всей страны, откликнулся очень быстро и в ответном послании отдал дань уважения екатеринбургскому обществу, избежав дежурных фраз. **«Глубоко тронут приветом гласных городской Думы,** — телеграфировал Игнатьев. — **Если светочи зажжены правильно, они не погаснут и будут ярко светиться».**

Продовольственный вопрос докладывал гласный П.В. Иванов — человек в своем роде знаменитый, оставивший яркий след в истории Екатеринбурга и Урала. В начале 1917 года Павел Васильевич, кроме всего прочего, был обременен званиями председателя Екатеринбургской биржи, Уральского военно-промышленного комитета, являлся уполномоченным министра земледелия. Будучи большим знатоком коммерции и сельского хозяйства, Иванов в сердцах обронил как-то, выступая перед городской продовольственной комиссией, что он уже два года стоит близко около этого дела, но то, что происходит за последнее время, понять отказывается…

Подоплека кризиса была такова. Обычно окрестные мельницы на 20 процентов обеспечивались здешним, уральским зерном. Но Пермская губерния пережила ряд неурожаев, и мукомолам пришлось полностью сориентироваться на поставки из Сибири. Причем поставки эти и железнодорожные перевозки осуществлялись и контролировались централизованно — твердою рукой губернского уполномоченного Е.Д. Калугина. На Омской железной дороге хронически не хватало вагонов — время военное… В итоге мельницы Екатеринбургско-Исетского района получали до 1 миллиона пудов зерна в месяц, при потребности в 1,7 миллиона пудов. Как обмолвился на заседании думы П.В. Иванов, худо-бедно, **«мельницы хоть с перерывами, но зерно имели непрерывно».**

С ноября 1916 года ситуация стала резко ухудшаться. В Петрограде возникло особое учреждение, нормирующее перевозку зерна из центра, — так называемая «Центромука». Ее уполномоченные отодвинули в сторону губернских, сверху были введены твердые цены на зерно, ограничения на его частную закупку в местах производства. Все это ради «плановых перевозок», которые фактически не производились. И пошло-поехало… Если 1 октября 1916 года запас зерна на екатеринбургских мельницах равнялся 2 миллионам 58 тысячам пудов, то 1 ноября он уже понизился до 1 миллиона 712 тысяч пудов, 16 ноября — до 1 миллиона 547 тысяч пудов, 1 декабря — 1 миллиона 407 тысяч пудов, 15 декабря — до 1 миллиона 25 тысяч пудов и на 3 января 1917 выражался в сумме только лишь 720 тысяч пудов.

«С 13 декабря 1916 остановилась мельница торгового дома Е.И. Первушина, — докладывал думе П.В. Иванов, — **стоят обе мельницы Жиряковых и мельницы Соснина в Каменском заводе, весь декабрь не работала мельница Беленьковых, совершенно прекратила производство мельница Брагина и Карабатова, с 10 января остановятся мельницы братьев Макаровых и братьев Степановых. Только на мельнице братьев Ивановых остался еще запас зерна на один месяц».** Если городская дума не примет решительные меры, с 13 января Екатеринбург останется без крупчатки, заключил докладчик.

Опасность грозила в первую очередь бедноте. И дума это прекрасно сознавала, как сознавала и свою ответственность перед нуждающимися. Еще в 1915 году она добилась от мукомолов гарантированного отпуска крупчатки беднейшему населению Екатеринбурга по фиксированным ценам, существовавшим на ноябрь того года. Договорились о поставке 115 тысяч пудов, но к февралю 1917-го городская управа смогла отпустить по своим ордерам лишь 17139 пудов муки. Дольше всех выдавало гарантированную крупчатку товарищество братьев Степановых, остальные фирмы прекратили выдачу еще в первой половине 1916 года.

Да и братья Степановы поставили только 11721 пуд из обещанных 20 тысяч. Остальные и того меньше. Братья Макаровы вместо обещанных 24 тысяч пудов отпустили лишь 1174 пуда; Беленьковы вместо 8 тысяч отпустили 1887 пудов; Е.И. Первушин вместо 11 тысяч — 735 пудов; Соснин вместо 8 тысяч — 552 пуда, и Жиряковы вместо 5 тысяч — 5 пудов.

Затея, как видим, не удалась, и население екатеринбургских окраин вынуждено было, кляня все власти, терпеть двойные лишения — нехватку хлеба и его дороговизну.

Картина, представшая перед думцами, выглядела безрадостно. Самое главное, каждый в думе понимал, что избежать продовольственного кризиса только лишь усилиями городской власти невозможно. Но разве легче от этого горожанам, с ночи занимающим очередь, чтобы купить муку? И что могло предпринять городское самоуправление в условиях, когда все, касающееся продовольственного обеспечения на местах, взяли под свою руку имперские министерства? Бомбардировать их депешами?

«Какие же меры может предпринять Дума, — задал почти риторический вопрос гласный Беленьков, — **если ея телеграфные ходатайства, как это часто бывает вообще с заявлениями с мест, останутся в Петрограде не услышанными?»**

«От языка телеграмм зависит результат их...» — только и оставалось ответить гласному Иванову.

В Петроград полетели телеграммы. Вот, например, обращение к министру земледелия Риттиху. В лексиконе официальной переписки впервые за тот год появилось слово «голод»:

«Екатеринбургская городская дума постановила довести до Вашего сведения, что отсутствие зерна на мельницах Екатеринбургского и Исетского районов, питающих мукой Екатеринбург и весь Уральский заводской район, работающий

на оборону, поставило в критическое положение все население и угрожает к концу января голодом.

Предоставление уполномоченным права закупки по твердым ценам на местах производства зерна и принятие расходов по перевозке его до станции ж.д. за счет казны, в связи с запрещением мукомолам покупать зерно на одинаковых условиях с уполномоченными, лишает возможности делать заготовки.

Городская Дума покорнейше просит Вас принять решительные меры к обеспечению мельниц зерном и разъяснить Тобольскому и Акмолинскому уполномоченным их обязанности содействовать, а не тормозить заготовку и вывозку зерна на мельницы.

Помимо этого дума просит осуществить плановые перевозки хлеба в январе и феврале, а в виду невыполнения перевозок в ноябре и декабре предоставить уполномоченному Е.Д. Калугину 50 вагонов в сутки для перевозки зерна в срочном порядке.

Дума считает также своим долгом довести до сведения, что для разрешения продовольственного кризиса она видит необходимость немедленного созыва общественного продовольственного съезда и передачу дела продовольствия общественным организациям».

Не полагаясь на пробивную силу телеграмм, дума командировала в столицу члена городской управы, председателя городской продовольственной комиссии П.П. Вязельщикова — кстати, одного из самых молодых «отцов города». Забегая вперед, скажем, что и эта командировка, и тревожные послания сыграли свою роль. Вязельщиков на обратном пути, будучи еще в дороге, поспешил успокоить думу и горожан: ходатайства возымели действие.

Конечно, январская поездка уральского чиновника лишь отсрочила приход бескормицы. Но отдадим думе должное: в рамках своих полномочий она сделала, пожалуй, все, что могла. И даже, как выяснилось, вольно или невольно пошла на нарушение закона. В феврале 1917 года вышестоящая инстанция — Пермское губернское по городским и земским делам присутствие — обратилась к Екатеринбургскому городскому самоуправлению с запросом, на каком основании им посылаются для поддержания городских ходатайств депутации из гласных, **«без испрашивания на это разрешения со стороны губернской администрации»**. Что, оказывается, было запрещено сенатским разъяснением, датированным 1884 годом.

За саму губернскую администрацию на продовольственном фронте отдувался, в общем и целом, один подвижник — уже упоминавшийся нами уполномоченный Е.Д. Калугин. Правда, Пермским губернатором был учрежден в Екатеринбурге обывательский комитет — орган, призванный следить за движением товаров первой необходимости. Ему же были частично переданы функции прокурорского надзора — например, в деле борьбы со спекуляцией. Финансировался обывательский комитет за счет городских средств, и 24 января 1917 года гласные Екатеринбургской думы ознакомились с очередной сметой на его содержание. Она вызвала бурю эмоций.

«Вся его роль сводится к тому, что он изводит массу бумаги и ровным счетом ничего не делает», — негодовал В.С. Вяткин.

«Вся его работа ведется впустую», — вторил ему К.М. Брагин.

«Вся организация этого учреждения такова, что лишь роняет городское представительство в глазах населения», — говорил Д.М. Веселов.

«Согласно положения об обывательском комитете, — обвинял И.А. Мосунов, — **городская продовольственная комиссия, установив факт спекуляции, обращается на предмет привлечения виновного и пресечения его деятельности не к прокурорскому надзору, а к обывательскому комитету. Заявления лежат месяцами под сукном».**

Поскольку вторгнуться в компетенцию губернатора и упразднить злосчастный комитет городская дума не имела права, гласные решили просто… прекратить его финансирование.

Понятно, что подобные решения не могли воспрепятствовать нарастанию напряженности в городской экономике. В те же дни начала 1917 года Екатеринбург столкнулся с обострением давней проблемы — дефицитом питьевой воды. Снабжение горожан водой, надо признать, было поставлено из рук вон плохо, город, в котором проживали, как выявила только что произведенная перепись населения, 30454 мужчины и 41033 женщины, нуждался в водопроводе. В его отсутствие обеспеченные екатеринбуржцы пользовались водой из 27 городских ключей и родников, главным из которых считался Малаховский, а публика попроще довольствовалась водичкой из Исети, загрязненной промышленными предприятиями. Доставка ключевой воды была исключительным уделом частных предпринимателей, которые, явно сговорившись, в первые месяцы 1917 года взвинтили цены до невероятно высокого уровня. Городская власть вынуждена была что-то предпринять.

Управа рассудила, что у городских водоисточников должен быть хозяин, и с 1 февраля передала их в ведение городской пожарной комиссии. И даже эта чисто организационная попытка навести маломальский порядок в водоснабжении сразу же натолкнулась на яростное противодействие со стороны неизвестных недоброжелателей. **«Со времени передачи с ключами начало твориться что-то неладное**, — докладывал думе городской голова. — **Каждую ночь кто-то умышленно портит приспособления для накачивания воды. Остается одна мера — поставить охрану на всех 27 ключах».**

Но дума этим не ограничилась. Она постановила немедленно приступить к организации городского водовозного обоза, открыть соответствующие отделения при городских пожарных частях. Увы, революционные события не дали толком развернуть эту работу, и спустя месяцы дума вновь и вновь возвращалась к обсуждению больных вопросов водоснабжения.

«Насколько возросла работа городского ассенизационного обоза, показывают следующие цифры. В декабре прошлого года обозом вывезено нечистот лишь из одних мест рас-

квартирования воинских частей 9242 бочки и 4513 возов мусора, навозу и др.».

Уральская жизнь, 1917, 5 февраля

Плохое санитарное состояние города, слабость городской медицины давно стали притчей во языцех. Вот и в 13-м номере газеты «Зауральский край» от 17 января 1917 года некто С-н бросил камешек в думский огород: **«Вскользь в думском заседании было упомянуто, что вопрос этот озабочивает городское самоуправление уже 9 лет. Ровно 9 лет люди трудятся над оздоровлением города и дальше постройки ватеров и увеличения ассенизационного обоза не ушли».**

Трудно судить, насколько были справедливы эти упреки: нельзя забывать, что с 1914 года империя пожинала горькие плоды войны, и именно война затормозила развитие многих муниципальных программ и спровоцировала кризис. К 1917 году тема «городская власть и народное здравие» стала в Екатеринбурге почти скандальной, причем дума вдруг оказалась по разные стороны баррикад с городскими медиками.

В самом начале года из Перми пришла весть, что губернатор утвердил постановление думы о создании врачебно-санитарного совета. Это организационное начинание не вызвало энтузиазма у публики. 3 января на заседании городского медицинского общества был поставлен жесткий диагноз: город **«не имеет никакого плана, никакой системы по делу народного здравия городского населения»**. На губернском съезде врачей в Перми, указывали ораторы, не раз выяснялось, что Екатеринбург **«по подаче медицинской помощи населению стоит ниже всех городов Пермской губернии»**. Главный врач городской больницы, гласный думы В. Падучев, как мог, противостоял напору коллег: **«На город надежд больших возлагать нельзя, город переживает острый финансовый кризис...»** Полемика, судя по скупым строкам протокола, разгорелась нешуточная.

«Могильский. **Находят же деньги на постройку театра, на переустройство кинематографа по 85 тыс. рублей...**

Н. Коровин (городской санитарный врач). **В городской врачебно-санитарной комиссии вопрос об открытии амбулатории стоит на первом плане. В Союзе городов предполагается сделать денежные ассигнования и пригласить врача и двух фельдшеров.**

Новиков. **Все равно из этого ничего не выйдет — раз нет системы, нет плана, не существует подворного санитарного осмотра. В гор. врачебно-санитарной комиссии есть представитель полиции, но нет представителей от медицинского общества. И вообще, что за отношения у городского самоуправления создались к городской медицине... Союз городов желает взяться за это дело, сейчас город — «Пожалуйста, возьмите, ради Христа, избавьте от этого дела».**

Падучев. **Дело не только в том, чтобы открыть амбулаторию, но надо иметь средства на бесплатную раздачу медикаментов.**

Могильский. **Вопрос о городской аптеке тянется 8 лет и все не может сдвинуться с мертвой точки...»**

Страсти накалились еще больше после визита в Екатеринбург управляющего Пермской губернией В. Степанова (он на время заменял губернатора М. Лозину-Лозинского, находящегося в отъезде). В первых числах января господин управляющий неожиданно нагрянул в городскую больницу. **«Грязь, переполнение больницы, недостаток освещения, плохое питание больных, варка под видом мясного супа какого-то «супа-брандахлыст» из водички и капусты, принуждение некоторых больных колоть больничные дрова — вот штрихи больничных порядков»,** — писал 13 января «Зауральский край». Разумеется, соответствующие меры были приняты немедленно, коль скоро безобразия получили широкую огласку, а городская дума, заслушав доклад о злополучной инспекции первого лица губернии, ограничилась тем, что приняла его к сведению.

Тягаться в медицинской сфере с двумя состоятельными «соперниками» — земством и Екатеринбургским комитетом Всероссийского Союза городов — городской думе было не под силу. Что касается комитета, забота о раненых и увечных изначально была одной из главных целей его деятельности, достичь этой цели помогали солидные пожертвования, собиравшиеся в Москве и Петрограде под патронажем членов императорской семьи и отправлявшиеся на Урал, как бы сейчас сказали, целевым образом. Местный комитет союза городов и сам старался стимулировать благотворительность. Сбор от одного только благотворительного спектакля в городском театре, состоявшегося 2 декабря 1916 года, принес комитету чистого дохода 1289 рублей. Справедливости ради следует добавить, что немалую лепту внесли тогда в общую копилку и гласные городской думы, явившиеся на спектакль с домочадцами.

Может быть, городской власти и впрямь не хватало разворотливости. Так или иначе, думцы решили препоручить большую часть хлопот и ответственности за народное здравие активной и хорошо зарекомендовавшей себя общественной организации — комитету Союза городов. Вновь образованный врачебно-санитарный совет становился, таким образом, исполнительным органом комитета, но при этом считался совещательным органом городской управы. Добавим, что при самом комитете продолжал функционировать врачебно-санитарный отдел, а при городском самоуправлении — врачебно-санитарная комиссия. **«Вот сколько санитарных органов сразу появится у нас в «столице Урала», стоило городской Думе ножкой топнуть!»** — ехидно отмечал современник.

«Городская сметная комиссия высказалась за увеличение платы с арендаторов всех торговых помещений, снимаемых у города на 50%, ввиду переживаемого времени. Увеличение арендной платы увеличит городскую доходность приблизительно на 50 тыс. руб.».

Уральская жизнь, 1917, 5 января

Гласным думы — членам сметной комиссии, где «ковался» городской бюджет, приходилось туго: годы, предшествовавшие 1917-му, изрядно потрепали городскую казну. Делая все новые займы, город обрек себя на амплуа вечного должника и все возраставшие платежи по процентам. В 1915 году дума до предела подняла уровень одного из основных городских налогов — сбор с недвижимого имущества. В 1916-м городской голова А.Е. Обухов ценой неимоверных усилий добился в министерстве внутренних дел разрешения на очередной крупный заем для покрытия дефицита, но высокие петроградские чиновники предупредили, что разрешение дается в последний раз. Даже и этот заем не мог послужить панацеей от бед: в первой, черновой приходно-расходной смете города на 1917 год обнаружился дефицит в 360 тысяч рублей. Властям Екатеринбурга не оставалось ничего иного, как вновь пересматривать городские налоги — естественно, в сторону увеличения — и вновь искать займодателей.

Противоречивость деятельности дореволюционной цензовой городской думы Екатеринбурга, ее недостатки, пожалуй, наиболее выпукло видны именно на множестве печальных примеров организации «бюджетного процесса». Финансовая система того времени, государственный уклад не давали местному самоуправлению особой свободы выбора. Для того, чтобы жить и развиваться, город обязан был создавать автономные муниципальные финансовые и банковские институты, доходные предприятия. При благоприятных условиях и толковом управлении все эти структуры могли вывести городскую власть на совершенно новые уровни свершений. Однако палка о двух концах: крупная коммерческая неудача, от которой никто не застрахован, точно так же может нанести городу трудновосполнимый ущерб. Собственно, так оно и случилось, когда зашатался и фактически обанкротился городской общественный банк — детище Екатеринбургской думы. Спасение банка во многом и послужило толчком к тому, что город заболел «наркоманией» краткосрочных займов.

Создание доходных предприятий тоже не всегда давало желаемый эффект. Открытый в 1915 году городской ломбард вместо ожидаемой прибыли закончил свои операции с убытком в 7661 рубль 20 копеек. Год 1916 — убыток в 7353 рубля 51 копейку. Примечательно, что при всем при том в 1916-м, по сравнению с предыдущим годом, количество выданных ломбардом ссуд увеличилось на 43 процента. В 1917 году от ломбарда не приходилось ждать какой-то отдачи: его помещение было назначено для размещения воинского постоя, муниципальным «ростовщикам» военные оставили для работы две комнаты.

Сама дума — коллегиальный орган, объединивший деятелей неравноценных — явно не справлялась даже с определением финансовой тактики, не говоря уж о стратегии. 23 июня 1912 года вышел закон, упорядочивавший сдачу городских земель под жилые постройки. Казалось бы, готовая статья доходов! Однако лишь весной 1916 года городские комиссии, финансовая и по благоустройству города, занялись разработкой условий сдачи городом земель. Управа 10 раз тщетно созывала соединенное заседание комиссий для окончательного разрешения вопроса: отсутствовал

кворум. Последнюю, и тоже неудачную, попытку городская управа сделала 2 января 1917 года — и в итоге взялась за дело сама. Пять лет волокиты!

Не всегда блистала дисциплиной и исполнительная власть — городская управа. Один из членов сметной комиссии пожаловался городскому голове, что некоторыми подразделениями годовые сметы предоставляются крайне поздно. Да еще **«пожелание городской думы об установлении независимой бухгалтерии при городском самоуправлении управой, к сожалению, не выполнено»**. На что был получен ответ, который сегодня может быть взят на вооружение рулевыми городского бюджетного механизма: **«Если будут опоздания, то руководствоваться при составлении городской сметы сметами прошедшего года»**.

22 февраля едва не срывается важное думское заседание, посвященное набившему оскомину вопросу об очередном займе — опять не хватает кворума. Городской голова А.Е. Обухов взорвался:

«Это сплошное безобразие: чтобы разрешить тот или иной важный вопрос, приходится бегать и караулить гласных. Имеется 60 гласных, и нужно употреблять неимоверные усилия постоянно, чтобы иметь законный кворум. Кто не хочет работать, тот лучше бы совсем отказался от звания гласного!»

Кто хотел работать, прилагал массу усилий, чтобы помочь Екатеринбургу выбраться из финансовой пропасти. На заседании думы 24 января гласные К.М. Брагин и Н.Ф. Магницкий спонтанно развили идею об установке на станции Екатеринбург I двух телефонов. **«По одному телефону будут даваться справки в город, по другому производиться разговоры с городом за определенную плату**, — импровизировали гласные. — **Необходимо телефоны установить за счет города, расходы по их содержанию могут быть покрыты платой за разговоры»**. Дума, оценив идею, поручила управе произвести установку телефонов в возможно ближайшее время.

Гласный К.М. Гавриленко представил на обсуждение городской думы доклад о необходимости постройки городских общественных бань. **«При докладе представлены детально разработанные проект и смета постройки, выполненные инж. Гельрих**, — сообщает «Уральская жизнь» 26 февраля 1917 года, — **согласно которым постройка бань и их полное оборудование всеми необходимыми приспособлениями исчисляются в 500 тыс. рублей»**. Однако и дело обещало быть доходным.

Бюджетные трудности 1917 года усугублялись еще и строгим наказом губернской администрации — составить бездефицитный бюджет. Городская сметная комиссия включила режим тотальной экономии. Так, были отвергнуты ходатайства библиотеки им. Белинского об увеличении ассигнований: город, наравне с уездным земством, ежегодно перечислял ей 1 тысячу рублей. (К слову, общая смета доходов «Белинки» была исчислена в 1917 году в 9 тысяч рублей, расходов — в 12300 рублей.) Отказала комиссия в увеличении ассигнований и абсолютно всем городским учебным заведениям.

Это вызвало на решающем заседании бурную реакцию у одного из думских старожилов — Н.Ф. Магницкого. **«Впервые за все время моего пребывания в думе я вижу, что городская дума отказала в ассигнованиях на дело народного образова-**

ния, — воскликнул он, — **и это сделано в то время, когда земство пошло навстречу ходатайствам учебных заведений!»** Дума решила не отступать от добрых своих традиций, освященных временем…

Неожиданно возникли споры вокруг финансирования городской биржи труда. Они настолько красноречивы и актуальны, что мы, хотя бы конспективно, процитируем высказывания гласных Екатеринбургской думы на сей счет, как они приведены в «Уральской жизни» за 23 февраля 1917 года.

«К.М. Брагин. **Пусть биржа труда будет убыточна для города но зато какое высокое моральное значение имеет она. Она сохраняет массу людей от нравственного падения. Если мы расходуем на ея содержание 7000 рублей, то мы уменьшаем свои расходы на содержание тюрем и заразных отделений при больницах. У нас есть нравственное право сказать бедноте, что мы не забыли о ней и даем ей работу, спасаем ее зачастую от тюрьмы и проституции. Такими учреждениями надо гордиться, а не урезывать расходы на их содержание.**

Н.Ф. Магницкий. **Что же делает она в городе. Да только лишь посылает рабочих и прислугу, даже не давая нанимателю каких-либо гарантий в том, что посланные ею вполне пригодны для того или иного труда и не принесут ему материального ущерба.**

К.М. Гавриленко. **Пусть биржа будет в данное время несвоевременна, но ведь война когда-нибудь кончится. С фронта придут не одни калеки, а десятки тысяч здоровых, и вот к этому времени надо подготовиться.**

Н.Ф. Магницкий. **Подрядчик по постройке горного института Эспозито, как ни желал, не мог организовать партии рабочих при помощи биржи труда и вынужден был нанять их в Финляндии…»**

В конце концов дума выделила бирже труда 7 тысяч рублей, как и было предусмотрено в проекте сметы.

Зато без особых дебатов были утверждены расходы на содержание городского общественного управления. Вот они:

Городской голова — 7200 руб.
Заступающий место городского головы — 3600 руб.
Члены управы — 9000 руб.
На разъезды 4 членов управы по городу — 2400 руб.
На выдачу разъездных и суточных командированным — 1000 руб.
Служащим управы и думы — 37 230 руб.
Военной прибавки служащим всех городских учреждений — 100 277 руб.
Печатание протоколов и пр. — 3000 руб.
Выписка газет и журналов — 300 руб.
Канцелярские, почтовые и др. расходы — 1500 руб.
Плата за телефоны — 267 руб.
Содержание смотрителей и рассыльных — 4276 руб.
Квартира городского самоуправления — 6000 руб.
Содержание архитектора, техников и др. — 6300 руб.

Торговая, полиция и депутация — 2415 руб.
Пенсии, единовременные пособия и др. — 4246 руб.
Содержание помещений — 5412 руб.
Сиротский суд — 4304 руб.

Нашлись немалые деньги — 15325 рублей — на открытие богадельни для хронически больных стариков на 25 коек, которая заняла бывший дом Клюева в южном конце Солдатской улицы; кстати, основная доля финансирования планировалась за счет отчислений Екатеринбургского бегового общества. 200 рублей постановили передать на оказание помощи сербам. 300 рублей, через дамский кружок, — на подарки воинам 37-го пехотного Екатеринбургского полка.

А в целом городская приходно-расходная смета на 1917 год была сведена без дефицита в сумме 5 миллионов 41 тысяча 569 рублей 24 копейки. Она примерно на 70 процентов превышала смету прошлогоднюю — опять займы, и опять в огромном объеме…

Кропотливая работа над городским бюджетом была завершена всего за несколько дней до февральской революции 1917 года, которая перевернула вверх дном и умы, и финансы.

> ***«…Между тем надвигающаяся реформа местных самоуправлений, которая должна подорвать основы цензового господства, должна поставить во главе самоуправлений не счастливых обладателей толстой мошны, а тех, кто действительно занят земской и муниципальной работой не в часы досуга и не для почета, а как основным делом жизни…»***
>
> *Уральская жизнь, 1917, 26 февраля*

Оценку судьбоносным событиям екатеринбургская общественность дала 3 марта 1917 года. В 19 часов в зале думских заседаний было не протолкнуться: явились почти все гласные и около 400 человек «публики». Затем зрителей скапливается все больше, так что в зале, как рассказывал очевидец, стало трудно дышать. Было объявлено частное совещание гласных городской думы с участием членов местного комитета Союза городов. Городской голова А.Е. Обухов специально оговорился: **«Сейчас не такой момент, чтобы делать совещание закрытым…»** Незадолго до этого Обухов распорядился освободить из местной тюрьмы восьмерых «политических».

В тот исторический день, кроме городского самоуправления, в городе не оставалось никакой власти. Пермский губернатор, некоторые другие важные губернские чины находились, правда, здесь, в Екатеринбурге. Но их время закончилось… 3 марта правитель губернии сообщил городскому голове, что **«полиция во главе с полицеймейстером отдается в полное распоряжение городского самоуправления»**. А глава Екатеринбургской епархии заявил, что признает власть Временного правительства и подчиняется его распоряжениям. Ввиду отречения от престола

императора Николая II, епископ запросил Синод, кого поминать при церковных богослужениях.

Несколько дней спустя губернатор Лозина-Лозинский будет арестован, ему поставят в вину и попытку задержать распространение телеграмм из столицы, и «запуск» провокационного слуха о восшествии на российский престол Великого князя Михаила Александровича. Слух оказался настолько вредным, что городская власть вынуждена была запросить Родзянко: **«Губернатором усиленно распространяется подписанная генералом Даниловым телеграмма, извещающая о восшествии на престол Великого Князя Михаила Александровича. Не имея соответствующих сообщений от временного правительства, население смущено и ждет Ваших авторитетных разъяснений»**.

В числе «представителей старой власти» пострадают и другие деятели, видные и не очень. Серафиму, епископу Екатеринбургскому и Ирбитскому, не простятся его пренебрежительные по отношению к членам нового правительства слова, высказанные публично 2 марта и посеявшие смущение в пастве… Жандармский ротмистр Ивановский не успеет до ареста уничтожить все секретные документы, и вместе с ним будут схвачены несколько тайных агентов, среди которых и известные горожане…

Да что там говорить, через месяц-другой начнутся настойчивые разговоры о том, что и сама Екатеринбургская городская дума — осколок прежнего режима, отмирающий орган, не умеющий и не желающий действовать на благо населения!

А пока, открывая совещание, Обухов спокойно сообщает: представители городского самоуправления предполагали вопросы, подлежащие обсуждению, провести в известном соглашении с властью старого правительства, но последние события делают это излишним. И спрашивает: однако, быть может, собрание желает, чтобы городское самоуправление поддержало этот контакт и пригласило Пермского губернатора?

Собрание большинством голосов высказывается против всякого контакта с представителями старой власти.

Оглашаются последние телеграммы временного исполнительного комитета, «из которых программа Временного правительства, **«речь Керенского» и др. вызывают энтузиазм и продолжительные бурные аплодисменты»**, пишет корреспондент «Уральской жизни».

По предложению гласного думы и директора городской электрической станции Д.В. Доброскока собравшиеся почтили память тех, кровь которых пролилась во имя только что свершившейся революции.

Дальше митинговая стихия вступает в борьбу с попытками повернуть совещание в деловое русло. Аплодисменты срывает гласный К.М. Брагин. Он первым успел внести резолюцию о доверии Временному правительству и безусловной поддержке его и даже сгоряча предложил послать телеграмму с требованием немедленной амнистии политзаключенным, но в зале нашлись трезвые головы, рассудившие, что такая телеграмма может быть расценена как акт недоверия новой власти… Тот же Брагин под продолжительные и бурные аплодисменты хоронит идею городского

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
На 3 мѣс. . . 2 р. 65 к.
На 6 мѣс. . . 5 р. 50 к.
На 1 мѣс. . . 1 р. — к.
...СКАЯ ЖИЗНЬ
...политическая, общественная,
...и экономическая,
...праздничныхъ въ Екатеринбургѣ.
ВОЗДУШНО-КАНАТНЫЯ ДОРОГИ.
...Акціонерное Общество
Импортно-Экспортное Товарищество
„РУСЬ-АМЕРИКА“
Телеф. 8–10.
...врачей специалистовъ
для приходящихъ больныхъ съ постоянными кроватями и родильнымъ пріютомъ Екатеринбургъ
Телефонъ № 180.
Пріемъ больныхъ ежедневно, кромѣ воскресенья.

головы — создать в Екатеринбурге особый продовольственный комитет, самостоятельный и не зависимый от Перми. **«Вопрос не должен подвергаться особым дебатам, —** заявил гласный, **— так как разработан уже союзом городов. Наконец, образована особая организация — общественный продовольственный комитет, она уже начала действовать, ею создается областной центр, а остальное покажет сама жизнь».**

Жизнь покажет, и очень скоро, что Брагин сильно ошибался. Обстоятельства сложатся так, что городское самоуправление будет полностью лишено возможности регулировать продовольственную ситуацию, и это не прибавит ему веса в глазах горожан.

Опытный управленец А.Е. Обухов настаивает: нужно как можно скорее подчинить городской власти екатеринбургскую полицию либо создать милицию, чтобы соблюсти порядок в городе. Гнет свое и К.М. Брагин: именно он предложил для тех же целей организовать комитет общественной безопасности.

Это предложение «повисло», так как в зале началась суета: городской голова заподозрил, что пол думского зала не выдержит такого скопления народа, и объявил перерыв. Инженер К.Т. Бабыкин, осмотрев зал, подтвердил, что опасения не напрасны, может произойти катастрофа. Решено было переместиться в более просторный зал музыкального училища.

Там, в зале музыкального училища, в присутствии представителей «широкой демократии», около 10 часов вечера лучшие городские умы приступили к обсуждению вопроса, как дальше конструировать власть в Екатеринбурге. Один из местных кадетских лидеров гласный думы Л.А. Кроль дальновидно отстаивал идею сохранения городской власти до того момента, пока ее не сменят. Как бы ни был несовершенен закон, на основании которого сконструировано городское самоуправление, заявил Кроль, в эти дни гласных нужно облечь доверием и поддержать. Городское самоуправление может сохранить порядок, тем более что и новое правительство поручает ему это.

Устами следующего оратора, С.М. Чернавина, позиция Кроля немедленно была объявлена провокационной. По его мнению, городская дума не в состоянии обезвредить вылазки тех, кто стремится к реставрации прежнего режима.

Впервые прозвучали в высоком собрании голоса его будущих лидеров и ликвидаторов — большевиков. Они — за создание комитета общественной безопасности, причем А.И. Парамонов настаивает на том, чтобы в комитет были включены не одни лишь представители городского самоуправления, а его соратник по партии Пиньжаков уже **«удивляется, как можно примирить существование комитета бок о бок с властями старого порядка»**. Как видим, призрак двоевластия материализовался — еще до того, как появился на свет сам комитет общественной безопасности, первый орган власти в Екатеринбурге, созданный на началах демократии и переболевший, кажется, всеми ее болезнями.

Дискуссию завершает герой дня — К.М. Брагин, стоявший, кстати, на платформе социалистов-революционеров. **«Нужно немедленно учредить комитет общественной безопасности, —** подводит он черту, **— допустив участие в нем**

представителей всякого рода трудовых, рабочих и общественных организаций по два человека от каждой».

Мощным завершающим аккордом стало появление на эстраде офицеров местного гарнизона. Они заявили о том, что поддерживают Временное правительство и готовы делегировать в новоиспеченный комитет общественной безопасности своих и солдатских представителей. Кроме того, военные попросили оказать воздействие на командиров полков и начальника гарнизона, **«чтобы они пока не приводили войска к присяге новому царю и не мешали офицерам и солдатам собираться для обсуждения вопросов, вызываемых текущими событиями»**.

Совещание закрывается, и тут же открывается митинг. Митинговали до часу ночи. Именно на этом полночном митинге в музыкальном училище была высказана мысль о создании еще одного органа власти, которому суждена жизнь куда более долгая и боевая, нежели комитету общественной безопасности. 3 марта 1917 года митингующие горожане решили возродить в Екатеринбурге Совет рабочих депутатов.

«Екатеринбургская городская дума цензовая, представляющая интересы незначительной кучки населения, пренебрежительно игнорирует остальную массу, голос профессиональных и рабочих организаций...
Она не хочет признавать демократии, предпочитая совещаться с представителями старой власти, лишь под давлением обстоятельств признавшими Временное правительство с архиереем, губернатором, начальником гарнизона, не следуя примеру этого правительства, которое в установлении порядка идет рука об руку с Советом рабочих депутатов...»

Из выступлений на митинге в городском театре 5 марта 1917 года

Создание городского комитета общественной безопасности давало городским социал-демократам уникальный шанс легально и законно получить «кусочек» власти. Этот шанс был использован с такой целеустремленностью, что городская дума не успела и опомниться, как за считанные дни предстала перед общественностью уже в качестве силы реакционной и отживающей. Дирижировали этой метаморфозой екатеринбургские большевики — как оказалось, прекрасные организаторы и большие умельцы в области политических интриг. Одна из таких интриг и развернулась в мартовские дни 1917 года.

4 марта в зале думских заседаний можно было видеть посланцев рабочих, трудовых и общественных организаций и учреждений Екатеринбурга и Верх-Исетского завода, собравшихся специально ради создания комитета общественной безопасности. Пришел и городской голова А.Е. Обухов, но председательствовал на этом собрании большевик В.И. Пиньжаков.

Воззваніе.

[illegible]полнительной комиссии Екатеринбур[illegible] Комитета Общественной Безопасности

Граждане!

[illegible] Вамъ, граждане, особенно къ граж[illegible] капиталистамъ обращаемся мы съ горя[illegible] призывомъ. Придите на помощь Родин[illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible] ПЕРМСКАГО ГУБЕРНСКАГО КОМИССАРА И КОМИССАРІАТА.

[illegible]

Выступавшие не слишком стеснялись в выражениях, да и постепенно вырисовывавшийся план действий комитета больше напоминал план захвата власти. Ораторы требовали немедленно образовать милицию, разрешить собрания офицеров и солдат, обезоружить полицию, арестовать представителей старой власти и организовать снабжение горожан продовольствием. Городской голова довел до сведения собравшихся, что начальник екатеринбургского военного гарнизона категорически запрещает любые собрания и митинги. Атмосфера накалилась. **«Это армия старого рухнувшего правительства забитая и бесправная, армия нового порядка — это армия свободных граждан»**, — заявил один из офицеров гарнизона. А.Е. Обухов вынужден был ребром поставить перед демократическим собранием вопрос о своих полномочиях: **«Если моя деятельность неугодна собранию, то я охотно готов сложить свое звание и передать его тому, кого собрание найдет достойным»**.

Вотум доверия городской голова получил. Кроме того, собрание отвело городскому самоуправлению 10 мест в комитете общественной безопасности. До создания комитета его полномочия были переданы временной исполнительной комиссии, в составе которой оказалось подавляющее количество большевиков. Таким образом, дело создания первого городского демократического органа целиком и полностью вышло из-под контроля законно избранной думы. Гласным думы, не спрашивая их самих, отвели всего три места во временной исполнительной комиссии, куда вошли, кроме того, еще Парамонов, Лепа, Моксунов, Малышев, Чернавин, Пиньжаков, Давыдов, Вьюгов, Товстолес, Мрачковский и представители войск.

В тот же день, 4 марта, в 8 часов вечера состоялось экстренное заседание думы, решением которого комитет общественной безопасности получил официальную путевку в жизнь (в которой, скорее всего, он уже не нуждался). В состав комитета были делегированы гласные Я.М. Питерский, В.П. Аничков, В.С. Вяткин, П.Ф. Давыдов, А.А. Ардашев, И.И. Климшин, И.С. Соколов, В.А. Кенигсон и городской голова А.Е. Обухов.

В 11 часов вечера думские делегаты явились в буфетную комнату городского театра, рассчитывая попасть на заседание комитета. Однако заседала там временная исполнительная комиссия, члены которой потребовали от городской думы и ее представителей признания своих полномочий. Думцы отказались сделать это и покинули место событий. Комиссию это не смутило. Без участия гласных она вынесла резолюцию о немедленном разоружении полиции и жандармерии и обратилась к городскому голове с просьбой выполнить эту резолюцию немедленно. Командиров полков, посоветовавшись с офицерами гарнизона, решили не арестовывать.

Настал решающий момент. Если городская дума уступит напору «демократических сил», она в лучшем случае превратится в послушного проводника чужих решений.

5 марта в час дня дума вновь собирается в экстренном порядке. Явились начальник бригады полковник Карабан, командир 149-го пехотного полка Тильченко, командир 108-го пехотного полка полковник Богданов, 126-го пехотного полка полковник Соколов, 124-го пехотного полка полковник Рогойский, батальонные командиры и другие офицеры. Высшие командиры гарнизона заявили, что **«считают городскую думу**

облеченной властью и доверием со стороны нового правительства и обязуются помогать городскому самоуправлению, в лице его главного представителя городского головы, в деле восстановления и поддержания порядка».

Городской голова успел частично исполнить резолюцию временной исполнительной комиссии и разоружил наружную полицию. Труда это не составило, ибо, как признался думцам екатеринбургский полицмейстер Н.О. Ключников, **«в составе полиции царит растерянность, были случаи эксцессов в отношении ее агентов, часть из них или отказалась от службы, или не появляется в людных местах»**. Городская управа проявила большую расторопность: предполагая, что дума переведет полицию на муниципальный кошт, заготовила для полицейских особые повязки… Посягать же на жандармерию законопослушный городской голова посчитал себя не вправе, но отметил, выступая в думе, что жандармские чины в большинстве своем желают уйти на фронт.

Об инциденте с временной исполнительной комиссией докладывал А.А. Ардашев. Он заявил, что комиссия избрана **«непроверенным порядком, без участия свыше 40 общественных организаций»**. Дума пошла на принцип или, если угодно, ва-банк, сознательно и окончательно создав предпосылки для двоевластия в Екатеринбурге. До создания комитета общественной безопасности его функции были поручены думой трем городским комиссарам — А.А. Ардашеву, В.А. Кенигсону и Я.М. Питерскому. Кроме того, им поручили наблюдать за порядком при организации комитета общественной безопасности и проверять полномочия представителей общественных организаций, желающих участвовать в деятельности комитета.

Принимая такое решение, дума вступала в войну с «демократическими силами», и в войну неравную. Ибо на руку альтернативной городской власти — временной исполнительной комиссии — были и революционная эйфория одних екатеринбуржцев, и страх перед будущим — других. Кроме того, как мы уже отмечали, демократические силы были очень хорошо организованы и многочисленны, к ним если не сочувственно, то внимательно относилась городская пресса.

Перчатка, брошенная городской думой, была поднята бестрепетно. Уже 7 марта «Уральская жизнь» сообщила: **«Организации социалистов решили принять участие в комитете общественной безопасности, который организуется при городском самоуправлении, в том случае, если будет равное представительство всех общественных организаций. Если городское самоуправление пожелает иметь свое большинство из гласных думы, решено организовать отдельный комитет и действовать самостоятельно»**. Это можно было расценивать как угрозу бойкота городской думе со стороны самой активной и организованной части горожан.

Главное сражение этого политического блицкрига разыгралось вечером 5 марта.

В городской управе под председательством Л.А. Кроля, убежденного противника двоевластия, вновь было созвано собрание, призванное сформировать комитет общественной безопасности. Подтверждено решение делегировать в комитет 10 представителей городского самоуправления, введена квота для общественных организаций — от 2 до 7 человек. Приняты в комитет представители, избранные нижними чинами екатеринбургского гарнизона. Получившие право голоса солдаты тут

...марта 1917 г. Годъ изданія девятнадцатый

УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 50.

газета политическая, общественная, литературная и экономическая, выходитъ ежедневно исключая дней послѣпраздничныхъ въ Екатеринбургѣ.

ПОДПИ...
На годъ . . . 10 р.
На 6 мѣс. . . . 5 р. 50
За перемѣну адреса уплачи...

Военный корабль и союзники въ борьбѣ на водѣ, надъ водой и подъ водой.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что многимъ читателямъ будетъ интересно получить нѣкоторое представленіе о томъ, какъ построены военные суда нашего времени. Приводимый здѣсь рисунокъ можетъ быть весьма поучителенъ въ этомъ отношеніи. Борты судовъ удалены и числа обозначаютъ слѣдующее:

Миноносецъ

1. Помѣщеніе для команды и кладовыя. 2. Лазаретъ. 3. Резервуаръ для жидкаго топлива. 4. Котельное помѣщеніе. 5 Турбина. 6. Помѣщеніе командира. 7. Кладовая. 8. Офицерская каюта. 9. Рулевое помѣщеніе. 20, 21 и 23 Орудія. 22. Камбузъ съ штурваломъ и прожекторомъ.

Подводная лодка

10. Минный аппаратъ. 11. Минныя каналы. 12. Помѣщеніе для команды и минная кладовая. 14. 237-миллиметровыя орудія. 15. Офицерская каюта. 16. Помѣщеніе для команды. 17. Резервуары для балласти. 19. Руль для опусканія подъ воду.

Линейный корабль

24-25. Минные аппараты. 26. Кладовая. 27. Котельное помѣщеніе. 28. Масло и топливо. 29. Турбина. 30-31. Снарядная кладовая. 32. Вспомогательныя машины. ... Холодильное помѣщеніе. 34. 12-дюймовые снаряды. 35-36. Минное помѣщеніе. 37-38-39-40. Спальня, столовая и уборная для младшихъ офицеровъ 41. Спиртъ. 42. Запасный штурвалъ. 43. Рулевое помѣщеніе. 44. Интендантская каюта. 45. Кладовая. 46. Питьевая вода. 47. Кладовая. 48 49. Лазаретъ. 50-51. Механическая мастерская и ...ица. 52. Шпиль, на который наматывается 54. минная сѣть 53. Ватеръ-линія. 55. Различныя кладовыя 56. Каюта для команды. 57. Двигатель для подъемнаго шпиля. ...2-дюймовыя орудія. 59. Легкая батарея. 60. Броневая баня. 61. Защищенное помѣщеніе для офицеровъ, руководящихъ стрѣльбой. 62. Пулеметъ. 63. Каюта для безпроволочнаго телеграфа. 64. 5-ти и 9-дюймовыя орудія. 65. 12-дюймовыя орудія. 66 Краныдля лодокъ. 67. Вентиляціонные ходы. 68. Различные прожекторы. 69. Орудія для обстрѣла аэроплановъ и дирижаблей. 70. Броневая башня съ 10-дюймовыми орудіями. 71. Учебное помѣщеніе. 72 Вентиляціонное отверстіе для машиннаго помѣщенія. ...ерь въ офицерское помѣщеніе. 74. 12-дюймовыя орудія. 75-76. Броня изъ 1-й и 14-й дюймовой стали. 77. Офицерская уборная. 78. Офицерская каютъ-компанія. ...1. Каюта и кабинетъ командира. 82. Флагъ-штокъ.

...надъ судами изображенъ для сравненія цеппелинъ. Онъ на 100 футъ длиннѣе линейнаго корабля. На немъ легко различить три каюты съ быстро вращающимися пропеллерами. На линейномъ кораблѣ и на миноносцѣ видны вдоль бортовъ кучи угля. Они сложены для защиты наиболѣе чувствительныхъ частей судна, какъ своего рода брони.

«Уральская жизнь» в первые дни после падения царизма пишет о военно-морских силах Антанты — война с Германией продолжается. Март 1917 года

ходимыхъ дѣлъ; все же, что не требовало спѣшности, было отложено до возобновленія дѣятельности городского самоуправленія.

После переворота, при участіи Комитета Народной Власти, начались переговоры между представителями разныхъ политическихъ партій объ образованіи Временнаго Уральскаго Областного Правительства и привели къ тому, что всѣ партіи признали необходимымъ образовать таковое, делегировавъ въ него отдѣльныхъ лицъ за ихъ личною отвѣтственностью. Соотвѣтствующіе переговоры и выработка дѣловой программы, на которой должны объединиться такіе делегаты, продолжаются въ спѣшномъ порядкѣ.

Въ настоящій моментъ Временный Комитетъ Народной Власти отчасти считая, что его дѣло сдѣлано, а отчасти и не находя болѣе возможнымъ, по разнымъ причинамъ, о которыхъ сейчасъ не время говорить, продолжать свое существованіе, - объявляетъ себя распущеннымъ.

Временный комитет народной власти вел подпольную работу в «красном» Екатеринбурге

ЧЛЕНЫ ЕКАТЕРИНБУРГСКАГО ВРЕМЕННАГО
КОМИТЕТА НАРОДНОЙ ВЛАСТИ

Горнобаев
И. Кочергаев
В. Кочурин
М. Александров
Н. Колосов

же с удовольствием его использовали: была оглашена жалоба нижних чинов одной из рот 126-го полка, что, несмотря на смену строя, к ним продолжает применяться унизительное наказание розгами без суда и следствия по распоряжению командира полка. Солдаты просят защитить их от подобного наказания, и собрание обращается к Временному правительству с предложением **«немедленно отменить порку нижних чинов армии навсегда»**. Следом оглашается письмо железнодорожных жандармских офицеров и унтер-офицеров, которые, сообщая, что они признали новый порядок и уже восстановлены на прежней службе распоряжением комиссара Госдумы, будущего почетного екатеринбуржца А.А. Бубликова, просят комитет принять избранных ими представителей. Собрание единогласно против **«допущения делегатов от жандармов»**.

Мирное течение событий прерывается взволнованным сообщением городского головы, который буквально вбежал в зал:

— Граждане! В театре митинг, на который собралось до 1000 людей, необходимо разгрузить театр, иначе он не вынесет. Мы сделать что-либо не можем, потому что там произносятся речи, что городская дума обманывает рабочих, настроение повышенное и показаться туда представителю городского самоуправления вряд ли следует. Вообще пора бы уже прекратить всякого рода митинги и заняться делом. Нужно послать кого-нибудь такого, кто мог бы оказать влияние на толпу.

Кто мог справиться с толпой, присутствующим было ясно. Ведь эти же деятели явились и организаторами митинга, и своей цели они добились: городская власть явно спасовала перед мощными «стихийными» выступлениями рабочих и солдат.

— Такой взгляд на митинги, какой высказал Обухов, мне кажется странным. Митинги как раз и есть то дело, которым должны заняться граждане, — снисходительно откликнулся на тираду городского головы большевик Л.С. Сосновский. Естественно, «влиять на толпу» были посланы его однопартийцы.

Дальнейший ход собрания сумбурен. Едва консул Великобритании в Екатеринбурге Т. Престон под громовые аплодисменты поздравил всех с новым правительством, городской голова приносит новое известие: кто-то из членов временной исполнительной комиссии вызвал к театру войска. Дебаты сворачивают в новую колею.

«Куртинов. **Солдат вызвал кто-то из присутствующих здесь. Я предлагаю ему признаться и сказать, для чего он это сделал.**

Товстолес. **Это сделал я. Когда публику не стали пускать в театр на митинг, я, как член временной комиссии, пока никем не лишенный полномочий, счел нужным вызвать войска.**

Обухов. **Такой поступок только и остается назвать провокационным»**.

Поднимается шум, Товстолес пытается дать объяснения, но его заглушают крики: «Долой!», «Вон!». В это время появляется один из наблюдателей митинга и объявляет, что в театре все спокойно, никаких войск там нет и не бывало. Митинг **«выразил лишь недоверие думе и требует признания временной комиссии»**.

«Обухов провокатор, — обижается Товстолес, — **а мне, ветерану движения, здесь нет места»**.

«Меня обвиняют в провокации, — оправдывается Обухов, — **на мне же лежит дело охранения безопасности населения. Прошу защиты у комитета».**

В конце концов выясняется, что зачинщик скандала Товстолес вообще не имеет права заседать во временной исполнительной комиссии, так как он объявляет себя представителем несуществующей «украинской группы хлеборобов-республиканцев».

У некоторых участников событий нервы не выдерживают. **«Пора ж нам, наконец, открыто заявить, что избрание временной комиссии — это насилие над нами»,** — восклицает во всеуслышание Шапиро. В ответ несется улюлюканье: «Истерика! Неврастения!» — и Шапиро берет свои слова обратно.

Все точки над і расставил Л.С. Сосновский, напомнив, кто сейчас являет собою настоящую власть: **«Здесь раздавались возгласы, что это за комиссия,** — сказал он. — **Вы не знаете тех, кто в нее входит. Мы же, представители рабочих масс, прекрасно знаем их, некоторых из них революция вырвала из-под каторги... Я не хочу запугивать вас, но скажу откровенно, что недоверие к ним, недопущение их в данный момент к широкой общественной жизни могут вызвать в рабочих кругах такие последствия, которые сейчас отнюдь нежелательны...»**

А на пресловутом митинге в городском театре слышались гораздо менее дипломатичные высказывания. Позиция городской думы беззастенчиво шельмовалась. Ораторы разжигали страсти, заявляя, что дума отказывается признавать общественных представителей. **«Городской думе желательно иметь свой комитет общественной безопасности, получающий от нея инструкции и подчиненный ея контролю,** — звучало с трибуны, — **но разве такой комитет будет пользоваться авторитетом в населении? Даже и в такие исключительно ответственные дни наша дума не отказывается от своей кастовой замкнутости и олимпийского величия, стремления играть доминирующую роль. Иной путь деятельности выбирает демократия: памятуя, что теперь не время раздоров и классовой борьбы, она подает руку городской думе и, требуя только справедливости, хочет работать с ней в полном единении».**

На следующий день, 6 марта, временная исполнительная комиссия без всякого согласования с городской думой начала репрессии. Домашнему аресту подвергнуты бывший уполномоченный по охране в Екатеринбургском и Верхотурском уезде генерал Ф.Э. Фохтвенглер, бывший уполномоченный председателя Екатеринбургского уездного съезда Н.А. Нецветаев, екатеринбургский полицмейстер Н.О. Ключников, жандармский ротмистр Ивановский. Член комиссии П.Ф. Давыдов предложил епископу Серафиму временно прекратить общение с населением и снял у него телефон. Затем, **«ввиду вредной деятельности монахинь Ново-Тихвинского Успенского женского монастыря, распространяющих всякие вздорные слухи среди населения»,** П.Ф. Давыдов обязал монахинь не появляться среди населения, **«под угрозой известного воздействия».** Комиссия, опять-таки не дожидаясь городской думы, прибирает к рукам силовые структуры. **«Заведывание городскими полицейскими чинами возложено на членов временной комиссии из военных»,** — сообщает 8 марта «Уральская жизнь».

6 марта начавший работать комитет общественной безопасности постановил **«раз и навсегда заменить слово «полиция» словом «милиция» и широко огласить, что отныне этот институт подчинен городскому самоуправлению»**.

7 марта городская дума, подчинившись велению времени, решает: «Не дожидаясь проведения в жизнь нового закона о выборах в городские самоуправления, теперь же обновить существующую цензовую думу допущением в ея состав представителей демократических классов населения с правом решающего голоса». В комиссию «по демократизации» вошли Н.Ф. Магницкий, Д.М. Веселов, И.В. Ветошев, С.И. Кванин, К.М. Гавриленко.

Это был, как потом окажется, запоздалый шаг: «демократические силы» уже успели осознать все свои возможности и не оценили думский жест. Им нужны были такие органы власти, где они обладали бы заведомым — и, казалось им, заслуженным — большинством. Однако именно думская комиссия «по демократизации», и впрямь опередив законотворцев Временного правительства, впервые в Екатеринбурге сформулировала принципы нового, прогрессивного избирательного права. Для обновления городской думы предлагалось **«ввести в состав ея представителей от нецензового класса населения в числе 30 человек избирательным порядком на основах всеобщего, прямого, равнаго и тайнаго голосования при посредстве городского попечительства о бедных»**.

О том, насколько прохладно была встречена эта инициатива, можно судить по резолюции, вынесенной екатеринбургскими эсерами:

«Стремясь к полной демократизации городских самоуправлений, и Екатеринбургского в частности и особенности, мы введением 30 представителей, как предполагается Советом Р.Д. и как это проектировала городская дума, никакой демократизации городского самоуправления не достигнем, при наличии там цензового элемента, в числе около 60 человек.

Вливаясь в городскую думу в количестве 30 человек, из коих партии с.-р. почему-то предложено делегировать 5—7 человек, представители демократии должны будут взять на себя ответственность за то беспорядочное состояние городского хозяйства, в каком оно находится. При неясности характера нашей там работы, в качестве ли контролирующих, или руководящих лиц, при наличии подавляющего числа цензового элемента, мы внесем еще большее расстройство в городскую хозяйственную жизнь и тем самым подорвем авторитет демократии».

Екатеринбургские социалисты-революционеры постановили: **«Впредь до реорганизации городского самоуправления на основах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, без различия пола, национальностей и вероисповедания, от представительства партии с.-р. в Екатеринбургской городской думе уклониться»**.

Правда, комитет общественной безопасности не был столь категоричен. Обсудив вопрос о демократизации городской думы, он постановил **«пополнить городскую Думу демократическими представителями на общих правах гласных в количестве 100% существующего числа»** — то есть разбавить «нецензовым элементом» до

полного растворения цензового. Но в глазах полевевшего общественного мнения и это уже казалось недостаточным и неприемлемым. Весьма красноречиво отозвался на эти процессы некто Незлобин в «Уральской жизни» за 22 апреля 1917 года:

«Во многих городах вскоре же после ниспровержения старого строя городские думы и управы заявили, что при начавшейся новой жизни, при появившейся активной деятельности граждан им делать нечего.

Непонятно, почему Временное Правительство медлит с опубликованием декрета о форме городского и земского самоуправления на началах полной демократизации...

Быть дельными работниками в новых условиях, в реформированных самоуправлениях цензовики едва ли окажутся способными.

Порукой тому вся их прошлая деятельность, доведшая городское и земское хозяйство до полного расстройства и развала.

Не будем ходить далеко за примерами.

Екатеринбургское городское самоуправление. Как говорится, комментарии излишни.

А вот пойдите же — екатеринбургские думцы совсем даже не желают уйти с насиженных мест.

...Перспектива соучастия в городском управлении, где остаются те самые, которые... — едва ли улыбается городской демократии.

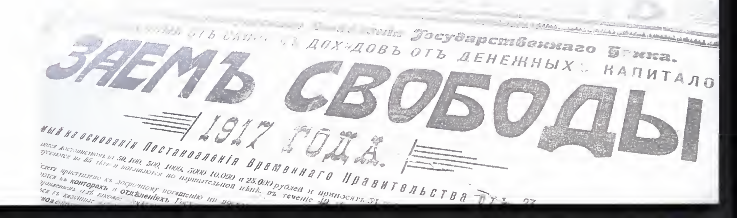
Уж если не хотят эти бывшие дельцы, не подходящие ни с какой стороны к новым условиям городской жизни, освободить думские кресла, пусть их и досиживают на них одни, пока их не попросят уйти честью».

Комитет общественной безопасности, следуя разъяснению МВД о ходе демократизации городских самоуправлений от 13 апреля 1917 года, направил в Екатеринбургскую городскую думу 58 новых гласных, в том числе — представителей профсоюзов, фабзавкомов и т.п. Впервые появились в думе женщины, с легкой руки КОБ они получили четыре мандата.

Примечательно, что когда три месяца спустя, 7 июня, решил добровольно «демократизироваться на партийных началах» Екатеринбургский городской комитет Всероссийского Союза городов, это совсем не вызвало ажиотажа и прошло незамеченным, хотя эта организация обладала значительными финансовыми возможностями и полномочиями и была в городе влиятельна. В ее состав приглашались: представители Совета — им отдавалось 50 процентов мест, Совета крестьянских депутатов — 25 процентов, остальные 25 процентов намечено было разделить между представителями партий и профессиональных союзов.

Разговоры о реформе местного самоуправления не прекращались с первых дней февральской революции. А одно из первых официальных уведомлений городская управа получила уже в марте 1917 от главноуполномоченного Всероссийского Союза городов помощи больным и раненым воинам М. Челнокова — он сообщал о предстоящей реформе, и в частности о введении «мелкой городской единицы».

Тогда же пришел конец давним (и непростым) взаимоотношениям города с земством. **«Временным правительством опубликован закон о выделении некоторых**

городов в особую земскую единицу, Екатеринбург попал в список этих городов. В настоящее время предстоит разработать проект ликвидации взаимоотношений между городом и земством», — писала 1 июля газета «Зауральский край». В ликвидационную комиссию вошли городской юрисконсульт К.М. Гавриленко, гласные Н.Ф. Магницкий, С.А. Бибиков, Д.М. Веселов, Е. Аничков, И.И. Попов. Этой же комиссии было поручено «разработать вопрос» о присоединении к Екатеринбургу пригородов — Верх-Исетского завода, Уктуса, Шарташа и других. Некоторые последствия февральской революции и выход города из состава Екатеринбургского земства увеличили нагрузку на едва сводящий концы с концами городской бюджет. В ведение города перешли все церковноприходские и единоверческие школы, ряд средних и начальных училищ, до этого находившихся на земском попечении.

Дума продолжала работать — параллельно с порожденным ею комитетом общественной безопасности и Советом рабочих и солдатских депутатов. К слову, первое заседание Совета (пока одних только рабочих депутатов) состоялось 19 марта не где-нибудь, а под боком у власти, в доме Поклевского, а 23 марта с тем же размахом в кинематографе «Лоранж» было созвано общее собрание депутатов — рабочих и солдатских.

До выборов действительно надо было еще дожить.

а в это время в России...

Полгода законотворческой гонки

Всего шесть месяцев понадобилось Временному правительству, чтобы подготовить грандиозную реформу местного самоуправления, призванную демократизировать городскую власть и земство, а также дать им административную самостоятельность и укрепить их финансовую базу. Можно считать подвигом труд российских законодателей Н.Н. Авинова, Б.Б. Веселовского, В.Н. Твердохлебова, Д.Д. Протопопова, В.Н. Шретера, А.А. Станкевича, И.Ф. Цызырева, Н.М. Тоцкого, Д.И. Калистова, А.В. Терского, Н.Н. Виноградовского, А.А. Буртова и других, которые, по сути, впервые в России создали муниципальное право как стройный комплекс взаимоувязанных норм. С 26 марта по 26 сентября 1917 года Особое совещание во главе с С.М. Леонтьевым, созванное при министерстве внутренних дел, разработало десятки законодательных актов — и это в условиях коренной ломки государственных устоев.

Вот перечень только основных документов, касающихся реформы местной власти. 1. Постановление о выборе городских гласных и об участковых городских думах (утверждено 15 апреля); 2. Наказ о производстве городских выборов (3 мая); 3. Преобразование 41 поселения в городские, с введением Городового положения (30 мая); 4. Городовое положение (9 июня); 5. Введение Городового положения в дворцовых городах (26 мая и 14 июня); в городах Туркестана и в

Темире Уральской области (14 июня); 6. Постановление о союзах, товариществах и съездах земств, городов и поселков (23 июня); 7. Положение о поселковом самоуправлении (15 июля); 8. О гарантировании займов городов и земств (8 августа); 9. Наказ по поселковым выборам и Наказ о выборе поселковых гласных (11 августа); 10. О порядке выделения городов из земств (сентябрь); 11. О преобразовании кассы городского и земского кредита в банк (14 сентября); 12. Об улучшении городских и земских финансов (21 сентября).

Не менее внушителен и юридический аппарат земской реформы.

Формирование городских дум отныне не должно было зависеть ни от сословных, ни от имущественных ограничений. Зато примечательно, что были приняты меры против проникновения во власть сомнительных с криминальной точки зрения личностей. Цитируем постановление Временного правительства о производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях:

«3. Правом участия в выборах гласных пользуются Российские граждане обоего пола всех национальностей и вероисповеданий, достигшие ко времени составления избирательных списков двадцати лет, если они во время составления избирательных списков проживают в данном городе, либо имеют в городе домашнее обзаведение, или состоят там на службе или же имеют иные, связанные с городом, определенные занятия. Лица, состоящие на военной службе, принимают участие в выборах на общих основаниях.

4. Из лиц, удовлетворяющих условиям, указанным в предыдущей (3) статье, в городских выборах не участвуют: 1) высшие, в пределах губернии, области, градоначальства и соответствующего уезда, представители административной власти и их заместители и помощники, 2) лица, состоящие в пределах губернии (области) или градоначальства на службе по местной милиции (полиции), 3) лица монашествующие и 4) лица, признанные в установленном законом порядке безумными, сумасшедшими и глухонемыми.

5. Приговоренные судом к наказаниям, соединенным с лишением или ограничением прав состояния и осужденные по суду за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку или принятие в заклад, в виде промысла, заведомо краденого или полученного через обман имущества, подлог, ростовщичество, лихоимство и лиходательство, а также осужденные по суду за преступные деяния против избирательного права (ст. 29 сих правил) лишаются права участия в выборах до истечения трех лет по отбытии наказания.

6. В гласные и кандидаты могут быть избираемы не только лица, пользующиеся правом участия в выборах, но и все прочие лица, хотя и не проживающие в городе и не имеющие там домашнего обзаведения, службы или занятий (ст. 3), но удовлетворяющие остальным требованиям, установленным для участия в выборах».

Интересен почин Временного правительства, связанный с «разукрупнением» городской власти — оно предполагалось в городах с населением свыше

150 тысяч жителей. Такие города могли быть разбиты на участки, в каждом из которых под контролем городской думы создавались свои участковые дума и управа. Участковые деятели, по закону, за свою работу получали вознаграждение, причем число думцев в участке не могло быть менее 20 и более 50.

Нечто подобное — укрупнение городских дум — ожидается и сейчас, в начале XXI века. Осуществлению замыслов Временного правительства помешал октябрьский переворот, но ведь после этого много воды утекло! И как не вспомнить постперестроечные многолюдные городские Советы, которые вынуждены были, обеспечивая хотя бы минимальную работоспособность, передавать самые важные вопросы на рассмотрение всевозможных своих президиумов или малых Советов...

Законотворческое наследие Временного правительства, в том числе и в области муниципального права, вошло в историю хотя бы потому, что это была первая в России — и удавшаяся — попытка юридически корректно утвердить демократические принципы.

«И наша не полиция
Народная милиция,
Конечно, не без «но»:
Поджоги, ограбления,
Насилья, избиения,
«Народный самосуд»
Не редко появляются
И даже учащаются,
На убыль не идут».

Зауральский край, 1917, 2 июля

В «межреволюционной» работе Екатеринбургской городской думы преобладали, пожалуй, три акцента. Во-первых, гласные думы по-прежнему, как могли, пытались реанимировать и упорядочить городские финансы. Во-вторых, много хлопот доставляло создание милицейских отрядов — новый предмет ведения городской власти. Наконец, в-третьих, как и следовало предполагать, многие проекты «увязали», блуждая по кругу между думой, комитетом общественной безопасности и Советом рабочих и солдатских депутатов, которые сплошь и рядом мешали друг другу, одновременно занимаясь одними и теми же вопросами. Это относится, между прочим, и к проекту создания городской милиции. Как бы то ни было, именно на городской думе, как на единственной полностью легитимной власти, действующей в Екатеринбурге, лежала вся полнота ответственности за настоящее и будущее города.

Что касается наполнения бюджета, дума вновь прибегла к испытанному способу — займу. По ее поручению гласный Н.И. Беленьков провел переговоры с управляющими местных банков, и те согласились кредитовать городское самоуправление в сумме 500 тысяч рублей. Однако банкирами были выставлены условия, которые

сводились к их непосредственному участию в управлении городским бюджетом. **«Управляющие банков высказались за то,** — докладывал думе Беленьков, — **чтобы городское самоуправление сдвинуло с мертвой точки вопрос о совершении большого облигационного займа для осуществления проектов городских доходных устройств и предприятий. Они готовы пойти навстречу городу в отношении реализации этого займа, при условии, если дума допустит их в состав городской финансовой комиссии с правом решающего голоса».** Думе не оставалось ничего иного, кроме как принять эти условия, тем более что некоторые представители крупного капитала и так являлись гласными.

Долги городского самоуправления по краткосрочным займам достигают в это время 2 миллионов 207 тысяч рублей, по которым приходится платить до 170 тысяч рублей процентов ежегодно. Городской голова А.Е. Обухов, чтобы хоть немного облегчить положение городского самоуправления, внес на обсуждение городской думы вопрос о ликвидации краткосрочных займов и долгов путем заключения долгосрочного займа в 2 миллиона 500 тысяч рублей. Выгоды Обухов видел в том, что **«погашение займа будет производиться в определенное время и кроме того город не будет переплачивать процентами».**

А пока городская дорожная комиссия, приступив с началом лета к традиционному замощению екатеринбургских улиц, сумела развернуть работы лишь на Колобовской улице между Главным и Покровским проспектами и на Водочной между Клубной и 4-й Мельковской. Только и всего — **«по недостатку рабочих рук».**

Между тем Совет рабочих и солдатских депутатов, едва образовавшись, развернул борьбу за права трудящихся. Он обратился к владельцам предприятий с предложением ввести с 1 апреля восьмичасовой рабочий день. Это было предложение, от которого невозможно отказаться, поскольку тут и там создавались профессиональные объединения, члены которых выставляли экономические требования, в частности о повышении заработной платы, а в случае их неисполнения апеллировали ко всем имеющимся в городе властям. **«Некоторые предприятия уже ввели 8-часовой рабочий день,** — сообщал 8 апреля Совету, собравшемуся в гимнастическом зале мужской гимназии, А.И. Парамонов, — **при этом производительность не понизилась...»** Новые условия труда введены были на фабриках Перетц, Макаровых, Жирякова, на заводе Ятеса, в хромолитографии Судакова ... Однако новшества приживались не везде, и на одном из думских заседаний директор городского общественного банка Я.Я. Камнадский сетовал: **«Рабочий день служащих банка, в ущерб интересам дела, а стало быть и города, урегулирован так, что создаются невозможные условия работы...»**

Комитет общественной безопасности готовился обсудить вопрос об утверждении минимальной заработной платы для городских трудящихся. В профессиональный союз сплотились и служащие городского самоуправления — и сразу же потребовали прибавки к жалованью. 30 июня дума утвердила нормы окладов, предложенные профсоюзом, а поскольку денег на повышение зарплаты прогрессивно мыслящим чиновникам в бюджете не наблюдалось, источником покрытия расходов в очеред-

ной раз определен был краткосрочный заем — в 150 тысяч рублей под соло-векселя. Реальных денег господа служащие не дождались и после Октября…

Между администрациями и трудовыми коллективами уже был вбит клин, и городская власть была бессильна тут что-либо изменить. Когда дирекция городского общественного банка уволила одного из лидеров союза городских служащих бухгалтера А.Ф. Фефилова, союз обратился как к арбитру к городской думе. Но та посчитала, что не вправе вмешиваться **«в действия правления банка, являющегося автономным городским учреждением, касающиеся внутреннего распорядка и организации»**. Тогда жалобщики апеллировали к конфликтной комиссии городского Совета рабочих и солдатских депутатов, где уволенный бухгалтер-активист и нашел защиту. Вообще, на одном из заседаний Совета докладывалось, что конфликтная комиссия не справляется с валом обращений, поступавших как из Екатеринбурга, так и со всего уезда…

…Редко, но проглядывали на общем безотрадном финансовом пейзаже отдельные оазисы. 18 марта, в день, когда гласные Екатеринбургской городской думы присягнули Временному правительству, дума узнала о телеграмме, полученной от ректора строящегося Горного института П.П. фон Веймарна. Ходатайство об ассигновании средств на достройку здания института, возбужденное городской думой перед старым правительством, будет удовлетворено вскоре новым правительством и в большой сумме, сообщал ректор. Дума посчитала нелишним еще раз, для верности, поддержать свое ходатайство. Строительство институтского здания было, пожалуй, единственным в те годы по-настоящему масштабным проектом. Тем более, что Горный институт, благодаря энергии своего и городского руководства, уже открыл двери для студентов.

Но и здесь не все шло гладко. Город был не в состоянии помочь нуждающимся студентам. **«Нужда среди студентов очень острая,** — рассказывал ректор института П.П. Веймарн. — **На днях ко мне обратились два студента с просьбой разрешить им поселиться где-нибудь в близлежащем городе, где можно было бы достать службу, и ездить оттуда на лекции…»**

«Екатеринбург не особенно дружелюбно встретил студентов-горняков, — вторит Веймарну «Зауральский край» за 17 октября 1917 года. — **Квартирный кризис обострился в городе настолько сильно, что учащейся молодежи приходится ютиться чуть не в «углах». В связи с этим вспоминается, что когда-то Екатеринбургское общество вспомоществования нуждающимся студентам получило в дар от города участок земли для постройки здания студенческого общежития, собрало для этого средства, но филантропические проекты общества остались лишь на бумаге. Мечты, мечты, где ваша сладость! В нужный момент Екатеринбургское общество вспомоществования оказалось в «нетях»…»** Квартирный кризис действительно перешел все мыслимые рамки. К примеру, 60 беженцев из Ревеля, оказавшегося в районе военных действий, пришлось на несколько дней разместить в помещении городской управы.

Еще несколько слов о Горном институте. Принято считать датой его официального открытия в Екатеринбурге 9 октября 1917 года. Однако сам первый ректор института

объяснял: **«В газетах ошибочно наше торжественное заседание 9 октября названо «торжественным открытием». Мы считаем, что торжественное открытие состоится осенью 1918 года в новом здании, а 9 октября было обычное торжественное заседание, которое всегда знаменует начало учебного года»**. Правда, год 1918-й оказался знаменателен для горожан отнюдь не новосельем молодого вуза…

…Поле деятельности думы неуклонно сужается. Так, городское самоуправление целиком и полностью отстранено от разрешения продовольственного кризиса: городская продовольственная комиссия к лету 1917 года переходит в правительственное ведение, что, заметим, ничуть не сняло ни остроты вопроса, ни убежденности обывателей в том, что именно городские власти виновны в постоянной угрозе голода. 30 июня на думском заседании лесопромышленник А. Халамейзер заявил с упреком: благодаря разрухе в городском продовольственном комитете Екатеринбург идет к катастрофе и голоду. Городской голова, прервав обвинителя, напомнил ему, что теперь **«городская дума от организации продовольствия устранена и не несет никакой ответственности за продовольствие города»**… Между тем работа городских властей была не так уж бесполезна: с 30 марта 1917 года, когда вышел закон Временного правительства, регулирующий снабжение продовольствием на местах, до 1 июля екатеринбургской бедноте, по словам известного думца И.И. Симанова, было выдано до 80 тысяч пудов дешевой муки. «Отлучение» городской власти от борьбы на продовольственном фронте если не ухудшило, то уж и не поправило общую тяжелую ситуацию. Заступающий место председателя мукомольного отдела 6 октября телеграфировал своему председателю в Пермь о положении продовольственного дела в Екатеринбургском уезде: **«Завтра распределять нечего. Встали мельницы Ивановых, Беленькова, останавливаются Степановых. Многочисленные представители уезда единогласно утверждают: население кормится картофелем, запасы ограничены. Продолжают поступать сведения об избиении членов продовольственных комитетов и их бегстве…»** В середине октября он же телеграфирует: **«В данное время город и уезд фактически накануне голода, ибо ежедневная потребность исчисляется в 15 вагонов, а на станцию прибыло пока только 2»**.

Примечательно, что именно в октябре 1917 года гласный Екатеринбургской городской думы П.В. Иванов был избран председателем Всероссийского союза мукомолов.

В деле здравоохранения дума тоже утратила инициативу, что, учитывая сворачивание земских программ, угрожало городу большой социальной напряженностью. 11 апреля комитет общественной безопасности, чувствуя это, пытается установить дежурства врачей на добровольно-принудительных началах. Благо, что по линии Союза городов на имя председателя врачебно-санитарного совета при местном комитете И.Г. Упорова пришло пожертвование – 1500 рублей специально для организации ночных врачебных дежурств и оказания первой помощи горожанам.

Когда из врачебного отделения губернского правления городскими властями был получен запрос, является ли необходимым в настоящее время открытие новых вольных аптек, принимая во внимание, что по числу жителей в Екатеринбурге возможно открыть 7 таких аптек, в городской управе рассудили адресовать его своим

преемникам. Вопрос об открытии городской аптеки бесплодно обсуждался в городской думе к тому времени уже более 5 лет.

Создание народной милиции сопровождалось сумятицей, в которой участвовали и дума, и комитет общественной безопасности, и Совет рабочих и солдатских депутатов. Два последних органа явно полюбили выступать в роли генераторов ценных руководящих указаний. Целый месяц милицейские отряды создавались и действовали стихийно, потом Совет обратился к комитету с предложением до 15 апреля 1917 года «вычистить» из городской милиции бывших полицейских. Проекты штатного расписания и денежного довольствия разрабатывались самым демократическим образом — на собрании служащих милиции. Город было решено разделить на три части, и на каждую определены следующие штаты: 1 письмоводитель, 1 старший писарь, 3 младших писаря, 1 паспортистка, 5 районных наблюдателей, 1 старший милиционер и 34 младших милиционера. Кроме того, начальник части и его помощники. Первым начальником городской милиции своими подчиненными был избран Николай Надежин (часто в прессе его фамилию писали иначе — Надеждин), по партийной принадлежности — социалист-революционер. Узнать этого деятеля получше екатеринбуржцы не успели: в августе он выехал из города и безвестно пропал. Обнаружили его только в октябре 1917-го в должности инспектора московской милиции.

Показательно, что утверждение штатов и объемов финансирования народной милиции было предоставлено городской думе. А городская управа должна была озаботиться обмундированием и вооружением стражей порядка. **«Нижние чины екатеринбургской милиции будут иметь номер на красном фоне и красную повязку. Районные наблюдатели на красной повязке имеют одну белую полоску, помощники участковых начальников милиции имеют две полоски, сами начальники — три полоски»**, — сообщала «Уральская жизнь» 26 мая 1917 года.

Изгнание профессионалов из милицейских рядов и дефицит надежных кадров, естественно, способствовали тому, что девятый вал криминала захлестнул город. Число краж, грабежей и прочих преступлений никто толком не подсчитывал, но слабость городской милиции была очевидна. Когда в начале октября 1917 года уездный и городской комиссар обратился к Екатеринбургской думе с просьбой о реорганизации бюро уголовного розыска, он указывал: **«Участившиеся за последнее время случаи краж и почти открытых нападений на граждан с целью ограбления принимают угрожающие размеры. Население, терроризованное дерзостью грабителей, начинает терять веру во власть, в ея способность обеспечить личную и имущественную безопасность...»** Тем более, что, по словам репортера «Зауральского края» от 19 октября 1917 года, **«екатеринбургские милиционеры любят «пошалить», и эти шалости всегда граничат с самым безудержным произволом и самоуправством»**...

В лихую пору обострились отношения городской власти с электрической станцией: Екатеринбург был практически лишен уличного освещения, отключался ток в некоторых учреждениях. Кстати, темень, в которой пребывал город вечерами и ночами, весьма способствовала преступному элементу. Городская дума вынуждена

была даже усилить милицию специальными ночными караулами, содержание которых оплачивалось **«домовладельцами города пропорционально доходности их владений, определенной городскими податными присутствиями»**.

Ко всему прочему, в судебном производстве находился иск электростанции к городу, возникший в связи с финансовыми разногласиями. Станция принадлежала Центральному электрическому обществу и в Екатеринбурге работала по концессии. В конце апреля 1917-го директор станции направил в думу ходатайство о повышении платы за электроэнергию **«для частных абонентов»** на 40 процентов. Дума, обсудив этот вопрос, постановила ходатайство общества удовлетворить при условии, если оно откажется от возбужденного иска и будет отпускать энергию для нужд собственно города бесплатно не свыше чем на 20 тысяч рублей в год. Администрация электрического общества эти условия не приняла и решила попытать счастья в комитете общественной безопасности. Заминкой воспользовались рабочие электростанции, выдвинув обычное для той поры требование о повышении зарплаты. Когда директор им в этом отказал, ссылаясь на большие убытки, рабочие пожаловались в Совет. Тот, в свою очередь, **«предложил городскому самоуправлению избрать особую комиссию из инженеров, техников, бухгалтера и других лиц, которые бы и установили, несет ли станция убытки или прибыли»**. Ясно, что дума, имевшая большой зуб на станцию, такую комиссию создала, отрядив в нее Н.И. Беленькова, П.П. Вязельщикова и П.С. Первушина. К ним присоединились представители Совета от рабочих станции. Уже в конце мая эта комиссия нашла, что требования рабочих заслуживают удовлетворения, и предложила думе оригинальный способ наказать дирекцию станции: разрешить городской управе уплатить рабочим, за счет центрального электрического общества, прибавок к заработной плате с 1 апреля по 15 мая 1940 рублей 39 копеек. И тем не менее история завершилась полной победой директора электростанции: он, воспользовавшись коллапсом городской власти в октябре — ноябре 1917 года, без всяких согласований, самостоятельно поднял тарифы для населения, правда, лишь на 30 процентов…

Что еще успел старый, цензовый состав думы до того, как вторая революция 1917 года перечеркнула многие завоевания первой?

«Открыла свои действия» городская жилищная примирительная камера. На первых же заседаниях рассмотрено около 20 конфликтов между домохозяевами и квартиронанимателями. Утвержденная думой смета расходов на содержание жилищной примирительной камеры до января 1918 года составила 2250 рублей в месяц. Было, кстати, отклонено предложение Совета ввести в состав примирительной камеры двух его представителей.

Дума постановила взять в ведение города здание цирка, построенное на арендованной у города В.А. Камухиным земле в районе Верх-Исетской площади. Сделка должна была составить 1500 рублей.

Наконец, на заседании 17 октября решено было организовать в Екатеринбурге комитет по борьбе с анархией и командировать туда гласных К.М. Брагина, Д.М. Ве-

селова, С.И. Кванина. Никто не ведал, что борьба с анархией буквально на днях утратит всякую актуальность…

события и судьбы

«До основанья, а затем…»

26 апреля 1917 года перевернуло все в Екатеринбурге вверх дном и без прикрас показало горожанам, чего стоят органы власти, пришедшие к управлению городом после февральской революции и демократических реформ. Екатеринбургские события 26 апреля — еще и прекрасная иллюстрация полнейшей «беззубости» народной милиции, из рядов которой были безжалостно изгнаны профессиональные полицейские.

Накануне в город прибыл эшелон солдат-сибиряков из Ачинска, свыше 1000 человек. Видимо, они и стали застрельщиками дальнейших безобразий.

Утром 26 апреля войсковые части под красными знаменами потянулись к Верх-Исетской площади. Оттуда солдаты стали разбредаться по улицам, круша на своем пути все, что хоть каким-то образом было связано с символикой самодержавия.

Предводительствуемая прапорщиком группа солдат, более 100 человек, вторглась в городскую управу. В зале думских заседаний были растерзаны портреты царя и екатеринбургских городских голов, все до единого. Чугунный бюст Александра II выбросили из окна и били о мостовую, пока он не разлетелся на куски. Среди служащих управы возникла паника, чиновники, включая заступающего место городского головы И.К. Анфиногенова и члена управы П.П. Вязельщикова, предпочли, от греха подальше, покинуть здание.

«Уральская жизнь» за 28 апреля бесстрастно фиксирует факты: «Бюсты Петра I и Екатерины I на памятниках на плотине солдаты снять не могли и отправились в мастерские, где добыли инструменты. Сняв бюсты, солдаты унесли их в мастерские, где и разбили под паровым молотом. Уничтожены литые и другие статуи царей и портреты семьи Романовых, находившиеся в музее УОЛЕ. Сорваны гербы и плакаты в Государственном банке, но ничего серьезного здесь не совершено, так как пришедших удалось уговорить. Местами к солдатам примыкала самая разнообразная толпа любопытных. Были сделаны попытки свергнуть памятник Александру Второму на Кафедральной площади, но все усилия ни к чему не повели. Тогда на монумент надели рогожу. Местами с проходивших чиновников срывали фуражки, снимая и уничтожая кекарды».

Разрушительный порыв солдат ослаб к вечеру сам собой, но породил брожение в умах екатеринбуржцев. Люди стремились внести свой вклад в спра-

ведливое и разумное устройство новой, свободной жизни, но очень смутно понимали, с какого конца следует браться за дело

В тот же день рабочие стали стихийно покидать свои предприятия и стекаться в сад мужской гимназии, где в 16 часов открылся митинг. Собравшиеся вынесли резолюцию... против дороговизны.

Несколько дней спустя в городскую думу поступил неожиданный документ — заявление попечительского совета Екатеринбургского Алексеевского реального училища, старейшего в городе. «Династия Романовых пала, — говорилось в этом заявлении. — В память посещения одного из умерших членов этой фамилии Алексея Александровича г. Екатеринбурга в 1873 году возникавшее тогда реальное училище было наименовано «Алексеевское». Никакой другой связи с Алексеем Романовым оно не имело. Не является ли в данное время необходимым упразднить название училища?»...

...Спохватившись, милиция к вечеру 26 апреля оцепила памятник Александру II (кто-то накрыл его рогожей), но на площади собралась большая толпа. Обыватели осуждали надругательство над памятниками и предлагали бросить все силы на борьбу со спекуляцией.

Единственным органом власти, чьи представители устремились в самую гущу событий, оказался Совет рабочих и солдатских депутатов. Его члены взывали к хулиганствующим солдатам, стояли в оцеплении. По горячим следам Совет выпустил воззвание к горожанам, в котором ратовал за спокойствие, недопущение погромных выступлений и осуждал разгром, учиненный в музее УОЛЕ.

...Это был для города и городских властей второй, после событий 1905 года, звонок к грядущим кровавым распрям. В обществе, в определенных его слоях, накапливалась и искала выхода разрушительная энергия. Даже небольшой, случайный ее выплеск вызвал шок.

Именно такое раздираемое противоречиями, разъедаемое внутренней агрессией общество должно было участвовать в выборах демократической городской думы.

«Надо в думу выбирать –
Ты бормочешь — «Наплевать!
Обойдутся! Много нас –
Не пойду в бюро сейчас,
Даром время лишь истрачу,
Напечатан — ладно; нет –
Тоже ладно — не заплачу:
Верно, числится сосед».

Зауральский край, 1917, 6 июля

В конце апреля 1917 года Екатеринбургская городская управа получила от Пермского губернского комиссара телеграмму, которую многие в городе ждали давно: **«Временным правительством утверждены правила производства выборов гласных городских дум на основании прямого, всеобщего, равного и тайного избирательного права, без различия пола, вероисповедания и национальности, избирательный возраст — 20 лет, в избирательные списки вносятся все проживающие или имеющие оседлость в городе во время составления списков, состоящие на военной службе участвуют в выборах на общем основании»**. Этим известием предварялась организация первых в истории Екатеринбурга всеобщих демократических выборов в городское самоуправление.

Сразу же наметился новый конфликт между «старой» и «новой» властями. Уже в апреле попечительство по призрению бедных, подотчетное городской управе, взялось за подготовку порайонных избирательных списков. Комитет общественной безопасности, не желая стоять в стороне, проголосовал за создание контрольной комиссии (прообраз современного горизбиркома), которая включила в себя по два представителя от городского управления, самого комитета, Совета рабочих и солдатских депутатов, партий с.-р., РСДРП и народной свободы. Городская управа наотрез отказалась признавать полномочия новоявленных контролеров. Комитет откликнулся тем, что велел комиссии **«немедленно сконструироваться и осуществить порученное ей»**. 1 мая она и «сконструировалась» в следующем составе:

Комитет общественной безопасности — Б.В. Онуфриев
Совет — Н.Н. Крестинский, прапорщик Селянин
Партия с.-р. — М.И. Борисов, Н.Г. Келль
РСДРП — А.А. Куртинов, В.И. Горохов
ПНС — Л.А. Кроль, И.П. Чистосердов

В тот же день городская дума собралась в экстренном порядке. Заступающий место городского головы И.К. Анфиногенов выступил с нервной речью. **«Хотя опубликованным Временным правительством законом подготовка выборов возлагается всецело на городскую управу,** — сказал он, — **но раз в дело вмешивается другое учреждение, которому права не предоставлены законом, то следует городской управе от выполнения возложенного на нее дела отказаться, а также снять с себя всякую ответственность по выборам, известив об этом министра внутренних дел»**.

Дума, однако же, не согласилась с мнением чиновника. Она признала контрольную комиссию **«как орган, созданный в помощь городской управе, в составе 14 человек, т.е. включив в нее представителей городского самоуправления и попечительства о бедных»**. От самой думы делегированы были С.И. Кванин и К.М. Брагин.

К контрольной комиссии быстро «прилипло» другое название — Центральное бюро по выборам в городскую думу. Оно развило бурную деятельность. По итогам двухдневного заседания, 3 и 4 мая, город был поделен на восемь районов, в каждом

из которых создавалось особое выборное бюро из представителей тех же партий и организаций, что заседали и в Центральном. При каждом районном бюро предусмотрено было иметь трех служащих: старший с окладом не ниже 150 руб. и двое младших с окладами не ниже 100 руб. Кроме того, в течение мая постановили:

– напечатать двойные карточки для регистрации выборщиков, белую и цветную. В первую заносятся выборщики, живущие и имеющие обзаведение в городе, считая и выгон, во вторую – служащие в городе, но живущие и имеющие обзаведение в уезде;

– заказать немедленно 45 000 таких карточек, 100 ящиков для опускания конвертов с избирательными бюллетенями, а также приобрести до 50 000 штук одноцветных конвертов для вкладывания избирательных бюллетеней;

– регистрацию избирателей производить 5 дней, для регистрации пригласить счетчиков с вознаграждением по 6 руб. в сутки, время работы счетчиков установить с 9 утра до 9 вечера.

Позаботилось Центральное бюро и о том, чтобы до горожан дошел смысл предстоящей избирательной кампании. Для широкого ознакомления населения с новым избирательным законом решено было организовывать собрания **«исключительно осведомительного и беспартийного характера»**.

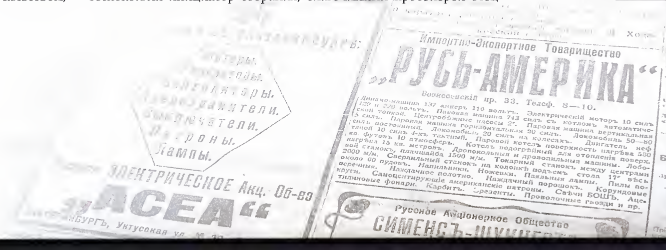
Собрания эти проходили не слишком удачно. **«1 июня на улице Московской (против д. № 47) состоялось квартальное собрание,** – писала 4 июня «Уральская жизнь». – **Явились около 60 из 350 избирателей, проживающих в этом квартале. В тот же день районная комиссия 7 участка вызывала всех избирателей в помещение Епархиального училища, но пришло всего около десятка человек (благодаря слабому оповещению)»**. К слову, со второй попытки туда явились 20–25 человек…

Большие «осведомительные» собрания прошли на фабрике Макарова, заводах Беренова, Давыдова и других предприятиях. Избиратели порой задавали каверзные вопросы. Почему, к примеру, закон запрещает участвовать в выборах милиционерам, дезертирам, лицам моложе 20 лет, а, скажем, содержатели домов терпимости избирательного права не лишаются?

«Контролеры» задумались над тем, кто должен толковать закон, и наделили таким правом самих себя – Центральное бюро.

А что касается домов терпимости, то этот вопрос как будто разрешился: 4 июня городской врачебно-санитарный комитет принял решение об их закрытии в Екатеринбурге. Правда, точно такое же решение было принято исполкомом Совета в октябре – **«с целью борьбы с безудержно возрастающим развратом, а во-вторых, с целью приспособления помещений домов терпимости под квартиры беженцев»**…

Расшевелить обывателя было нелегко, но активисты понемногу втягивались в предвыборные хлопоты. 2 июня было созвано, специально по поводу предстоящих выборов в городскую думу, общее собрание духовенства, но не набрался кворум. **«При старом режиме в городскую думу гласный от духовенства назначался начальством,** – беспокоился инициатор собрания, благочинный протоиерей отец

Ф. Коровин. — **Теперь этого не будет. Гласные все будут выборные, и от духовенства представитель будет только в том случае, если он будет выбран...»**

Первой представило предвыборную программу, довольно объемистую, развернутую и интересную, местное отделение партии социалистов-революционеров.

письма из прошлого

Из платформы партии социалистов-революционеров на выборах в городскую думу

1) Считая критической задачей момента обращение всей земли в общенародное достояние, партия отстаивает социализацию ея не только в деревне, но и в городе. Партия требует предоставления городам права принудительного отчуждения земель и зданий, в первую очередь — пустопорожних участков, в целях борьбы с жилищной нуждой и спекуляцией.

2) Борясь с прибылью предпринимателей, сделавших из общеполезных предприятий источник дохода и не считающихся с нуждами населения, партия будет добиваться перехода в распоряжение города всех общеполезных предприятий и всех видов хозяйства общего пользования, как то — электрических предприятий, транспортных перевозочных средств, аптек и т.п. Партия будет стремиться к устройству и развитию городских хлебопекарен, столовых и всякого рода мастерских, лавок, магазинов и других предприятий, снабжающих население предметами первой необходимости. Партия будет стремиться к тому, чтобы городские предприятия, удовлетворяющие потребностям населения, не служили источником косвенного обложения беднейших слоев его.

3) Партия будет требовать... обращения в пользу города непомерно возрастающего дохода от недвижимости (ренты) и установления городского налога на наследства, с освобождением от налогов неимущих слоев населения.

4) Партия будет настаивать на проведении в жизнь принципа всеобщего, бесплатного, обязательного обучения, с предоставлением учащимся бесплатной одежды, горячих завтраков и учебных пособий, на преемственности низшей, средней и высшей школы.

5) Партия стремится к организации всесторонней и полной охраны труда, путем... введения страхования рабочих и работниц во всех отраслях труда.

Кроме этого, в программе затронуты вопросы обеспечения санитарии и гигиены (строительство водопровода и канализации), провозглашено право неимущих на социальную защиту.

Муниципальная программа екатеринбургских социал-демократов выдержана была в наступательном и демагогическом духе: **«Рабочий класс в области муниципальной политики должен стремиться к организации городского хозяйства в интересах развития и укрепления классовой борьбы широких пролетарских масс городов... Дело городского хозяйства должно стать делом самого рабочего класса. Рабочий класс стремится сделать из новых городских дум новые опорные пункты в борьбе революционной демократии за международную революцию и за мир...»**

Серьезно отнесся к выборам и Совет рабочих и солдатских депутатов. **«Совет должен мобилизовать все социалистические силы Екатеринбурга», —** настаивал председатель исполкома В.Я. Павловский.

Общественники сознавали, что у многих объединений нет шансов победить на выборах самостоятельно. Пошли в ход ухищрения, которые мы сегодня называем политическими технологиями. Зашла речь об избирательных блоках, стали появляться организации с броскими названиями и явно популистскими намерениями. Это раздражало записных революционеров, что считали себя главными героями исторических событий, столь необратимо изменивших российскую жизнь.

Вот как комментировала ход избирательной кампании «Уральская правда» — орган Уральского областного и Екатеринбургского городского комитетов РСДРП. В материале под названием «К выборам готовятся», опубликованном 4 июля 1917 года, автор, скрывшийся под звучным псевдонимом «А. Дритата», не скрывает своего возмущения:

«Когда надо было добиваться свободы и низвержения самодержавия, народу были известны только революционные, социалистические партии, — так как только они это дело и делали. Шли в тюрьму, на каторгу, на виселицу — но делали.

Когда добились свободы, возродилась организация партии народной свободы, заговорившая о свободе только после революции.

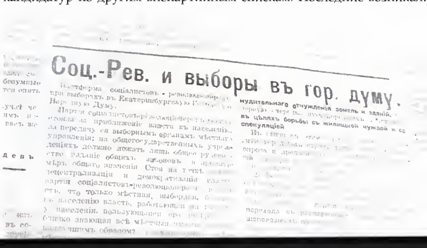
Когда стали приближаться выборы в Городскую Думу, в Екатеринбурге появились новые партии:

1) **Организация внепартийных**
2) **Союз квартиронанимателей**
3) **Общество устройства дешевых домов и улучшения условий жизни**

Не известно еще, сколько впереди обнаружится желающих пробраться к общественному пирогу непомнящих политического родства.

Чем ближе к выборам, тем сногсшибательнее и умопомрачительнее будут предлагаться избирателю проекты якобы по защите его справедливых требований... Но солдаты, солдатки, рабочие и работницы и вообще городская беднота не должны соблазняться, хотя бы и обещалось каждому «выстроить дом»...»

16 июня городской комитет РСДРП отверг предложение блокироваться на выборах в гордуму с меньшевиками. Екатеринбургские кадеты тоже вели самостоятельную линию и вменили членам партии в обязанность не выставлять своих кандидатур по другим внепартийным спискам. Последние возникали в довольно

Соц.-Рев. и выборы въ гор. думу.

...нудительнаго отчужденія земель и зданій, ... въ цѣляхъ борьбы съ жилищной нуждой и со спекуляціей

большом количестве. Газета «Зауральский край» сообщала 1 июля 1917 года: **«Организовавшейся в г. Екатеринбурге группой внепартийных во главе с гр-ми Копачелли, Строчиным, Аничковым, Гарлот и друг. сделано предложение православному духовенству г. Екатеринбурга о блокировании на предстоящих гор. выборах. Как передают, среди духовенства города это предложение группы внепартийных не встречает сочувствия, как по методам сношений с духовенством через епископа, так и потому, что группа внепартийных может провести своих кандидатов чужими голосами»**. В том же номере газеты под многозначительным заголовком «Начинается…» опубликован репортаж о скандале среди екатеринбургских мусульман. Для изучения предвыборной ситуации ими был создан особый муниципальный комитет, по рекомендации которого общее собрание мусульман постановило блокироваться на выборах в городскую думу с эсерами. Через две недели комитет доложил общему собранию об условии, выставленном партией эсеров: кандидаты, проведенные от мусульманского народного комитета в городскую думу, должны всецело держаться эсеровской муниципальной программы. **«В зале заседания поднялся шум,** — пишет очевидец, — **раздались крики:**

— Долой комитет…

— Не надо комитет…

— Долой вашу платформу…»

Дело кончилось тем, что члены муниципального комитета, расплевавшись с общим собранием, решили отколоться и блокироваться с эсерами самостоятельно — от мусульман служащих, рабочих, людей среднего достатка.

Раскололось, обсуждая предвыборные перспективы, и екатеринбургское еврейство. Общее собрание спорило 5 июля до часу ночи, в итоге большинством всех против пяти было решено выставить самостоятельный список от евреев — с прицелом на 3—4 еврейских места в будущей демократической городской думе. При этом представители «Бунда», выступавшие за полную свободу волеизъявления на выборах, демонстративно покинули собрание.

Без эксцессов завершился лишь форум городских старообрядцев всех согласий — они дружно высказались в поддержку списка кадетов.

5 июля заканчивалась регистрация избирателей, которые обязаны были явиться в районное бюро по месту жительства. Обязаны были, но не торопились… Вот данные о посещаемости за два дня, 1 и 2 июля 1917 года:

3-е районное бюро — пришло зарегистрироваться 17 человек

6-е — 13 человек

1-е — 7 человек

5-е — 7 человек

2-е — 6 человек

7-е — 2 человека

Итого — 52 человека из нескольких десятков тысяч избирателей. **«Цифра изумительная…»** — констатировал корреспондент «Зауральского края» В. З-ский.

Предвыборная борьба была, по нынешним меркам, не слишком острой. Но любопытные казусы случались. Так, в одном из районных бюро по выборам в го-

родскую думу оказался не внесенным в избирательные списки целый ряд лиц, состоявших членами партии народной свободы. Выяснилось, что одна из регистраторш этого района, принадлежащая к социал-демократической партии (большевиков), во время переписи заведомо не вносила в карточки фамилии тех лиц, которые, по ее мнению, могли быть кадетами.

9 июля состоялись первые предвыборные митинги. Организованы они были самыми расторопными и опытными политбойцами, эсдеками — в роще возле мельницы Макарова, на Верх-Исетской площади. А 11 июля определилась и дата выборов: городская дума назначила их на 30 июля. Гласные рассудили, что делу не помешает совмещение с выборами на Всероссийский церковный собор, которые, по словам одного из присутствовавших на заседании священников, могли отвлечь значительное количество верующих.

Выборы состоялись, но до самого октября 1917 года, богатого событиями, шли споры об их итогах. 6 октября горожане узнали наконец, что **«выборы в Екатеринбургскую городскую думу, состоявшиеся 30 июля, отменены по всей их совокупности»**. Пермский окружной суд удовлетворил соответствующий протест губернского комиссара, усмотревшего **«в производстве выборов ряд явных нарушений закона»**.

Противозаконной признана, например, **«большевистская пропаганда в день выборов в помещении избирательной комиссии 2 района и у входа в это помещение»**. Неоднократно замечены были милицией попытки большевиков вручить у входных ворот в помещение избирательной комиссии неграмотным избирателям свой заранее заготовленный бюллетень.

Избирательные комиссии позволяли партийцам манипулировать со списками избирателей, удостоверять личность голосующих. **«Некоторые малосознательные и малограмотные избиратели могли вместе с изб. карточкою или вместо нея подать заготовленный изб. бюллетень,** — поясняла газета «Зауральский край», — **кроме того, допущенное изменение порядка выборов уменьшило гарантии, что в выборах приняли участие только лица, имеющие на это право»**.

Доходило и до смешного: в избирательной комиссии 6-го района урны были опечатаны лишь около часа дня, когда вовсю шло голосование, и притом не печатью, а **«свободно обращающейся в публике 2-копеечной медной монетой без подписи членов комиссии по ярлыку»**.

Конечно, отмена результатов голосования произвела фурор. Но еще большее смятение возникло при обсуждении механизма перевыборов. Копья ломались в основном по поводу того, нужно ли составлять новые списки избирателей — напомним, что это должно было происходить явочным порядком, граждане сами посещали районные бюро и заполняли документы.

Центральное бюро сначала решило провести перевыборы 15 октября по старым спискам. Этому воспротивился Совет рабочих и солдатских депутатов. Вторично рассмотрев вопрос, центральное бюро постановило: составить все-таки новые спис-

ки, дату выборов отменить (новую не назначили), решение окружного суда обжаловать в сенат.

На сей раз заявил бурный протест городской голова А.Е. Обухов — и подал заявление об освобождении его от обязанностей… Вслед за ним, протестуя против коллегиального решения центрального бюро, подал было в отставку его председатель А.А. Кощеев — но позже взял свое решение обратно.

В спор о списках включился и Петроград. Начальник управления по делам местного хозяйства министерства внутренних дел Протопопов телеграфировал екатеринбургскому городскому голове: **«Требование ст. 32, постановления 21 июня, производство в течение месячного срока новых выборов не оставляет сомнения, что новые выборы производятся по спискам первых выборов; поэтому благоволите разъяснить общественным организациям, что в случае нарушения требований закона о производстве выборов в течение месячного срока по прежним спискам, выборы будут отменены судом»**.

10 октября на заседании думы затеваются долгие препирательства: гласные выясняют, кто должен назначить дату выборов. На вопрос одного из думцев, состоятся ли выборы 15 октября, городской голова эмоционально отвечает:

— Нет, не будут! Я вовсе не желаю повторения выборгской истории, чтобы попасть на штыки солдатам. Слуга покорный!..

Дебаты шли на повышенных тонах. Новую дату выборов определили — 5 ноября. Но как их организовывать, кто будет нести ответственность за это? **«Мы ничего вам не поручаем,** — обратился к городскому голове гласный Щипанов, — **как найдете лучше, как хотите — так выборы и устраивайте»**. Обухов, объявивший накануне о своем желании покинуть высокий пост, парировал: **«Это напоминает мне рассказ о карасе, которого жарят в сметане: поджаривают и спрашивают — нравится ли это тебе? Предупреждаю, если выборы 5 ноября дадут повод к новой кассации, то управа не принимает на свой счет материальной ответственности и слагает ее с себя»**.

Завершается заседание «за упокой». Раздраженный бесплодным и нервным обсуждением, городской голова заявляет вдруг, что «**городская казна пуста, кредита никто не оказывает, векселя города банками не учитываются, правительство денежной помощи городу не оказывает» — и «убедительно просит гг. гласных указать путь к изысканию средств»**. Его призыв остается без ответа.

Выборные страсти на этом временно улеглись, и на одном из следующих заседаний, 17 октября, гласные, **«основываясь на том, что полномочия цензовой думы в скором времени заканчиваются»**, просят А.Е. Обухова остаться на занимаемом им посту.

До переворота оставалось чуть больше недели.

«При первых известиях о перевороте Екатеринбургский Совет Р. и С.Д. объявил себя единственной властью в городе.

В чем же, граждане, он проявил свою власть?

Он задушил всякое печатное слово, кроме благоприятного большевистской авантюре.

...Керенскій, дѣлаетъ осмотръ нѣсколькимъ частямъ войскъ.

Словесная канитель.

Он отнял всякую свободу слова, печати, собраний и неприкосновенность личности.

В банки, учреждения, заводы он поставил своих горе-комиссаров новых жандармов, не стесняющихся тайной частной корреспонденции.

Он грубым насилием прервал работу почты, телеграфа, телефона.

Нелепыми стеснениями и распоряжениями он терроризовал население, вызвал в городе тревогу и панику, навстречу которым ползут разные темные слухи...»

Из воззвания екатеринбургских с.-д. (меньшевиков) «Наше отношение к текущим событиям»

В то утро, когда питерские большевики праздновали победу, в Екатеринбурге заканчивался срок подачи списков кандидатов в гласные городской думы. Вторая попытка демократических выборов пришлась на дни ограничения демократических свобод: торжествовала диктатура пролетариата.

Вечером 26 октября на экстренном собрании Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов в новом городском театре, переполненном публикой, держали речь Л.С. Сосновский и Н.Н. Крестинский. Как отозвалась кадетская газета «Зауральский край» (от 15 ноября 1917 года), оба **«нагревали» атмосферу, первый с обычными передержками, второй с обычным упрямством фанатика. Меньшевики молчали. С.-р. плелись в хвосте за большевиками»**.

Екатеринбургские большевики почти в точности последовали петроградскому сценарию и ленинским «Апрельским тезисам»: захватили почту, телеграф, телефон, банки, другие учреждения, попытались закрыть оппозиционную прессу. Сотрудникам редакции «Зауральского края» пришлось 1 ноября звать в свидетели происходящих притеснений консула Великобритании Т. Престона... 2 ноября образовался революционный комитет, объявивший, что ему принадлежит вся городская власть. 3 ноября собрание екатеринбургских журналистов вынесло резолюцию против «заушения» печати. Вообще, указывает «Зауральский край», **«все екатеринбургския правительственныя и общественныя учреждения отказались признавать законным правительство Ленина-Ульянова»**. Но старый состав городской думы никак не откликнулся на события, хотя и собирался в первые дни ноября. По оценке «Летописца» из того же «Зауральского края», **«цензовая дума позорно замолчала события, а гл. Брагин (из породы бывших эс эров) на заседании городской думы галантно расшаркивался пред насильничающими безобразниками»**. Красноречив короткий газетный заголовок той поры: «Власть спряталась».

На экстренное заседание городской думы вечером 26 октября явилось не более 40 гласных. **«Я созвал вас потому, что завтра может быть уже поздно и мы собраться не сможем»,** — объявил городской голова А.Е. Обухов. Однако его волнение не передалось думцам. Гласные Фадеев, Аничков и другие настроены были ждать

новых сообщений из Петрограда. **«Нам рассуждать нечего, и надо разойтись,** — выступил гласный Брагин. — **Отдельные эксцессы, конечно, могут быть, но с этим сделать ничего не возможно».** Спокоен был и гласный Бибиков: **«Советы, конечно, должны будут принять меры к нормальному ходу жизни, и для тревоги населения нет почвы. Если придут к нам и скажут: «Вы больше не хозяева», мы должны уйти, но я не думаю, что с таким предложением к нам придут».**

Обмен мнениями в думе длился всего полчаса и не дал никаких результатов.

5 ноября, в намеченный день, состоялись выборы в городскую думу. Центральное бюро при первых известиях о перевороте сначала отказалось проводить выборы, однако, возглавляемое эсером, быстро изменило своей «принципиальной» позиции. За что было названо екатеринбургскими остряками «викжельным».

Зато общественность бурлила. К примеру, педагоги торговой школы 9 ноября обсуждали поведение своего коллеги Киселева, члена РСДРП, который при всех заявил, что он одобряет тактику большевиков и питает презрение к представителям партии народной свободы.

Единогласно собрание приняло резолюцию, направленную в Уральский педагогический совет: **«Глубоко уважая убеждения всякаго человека и считая себя не вправе посягать на идейную настроенность его, мы, однако, не можем согласиться с лозунгом: «Цель оправдывает средства», и потому горячо протестуем против тактики с.-д. (большевиков), которые своими действиями разрушают добытые тяжелыми усилиями плоды революции... Выражая свое возмущение и свой протест против преступной деятельности с.-д. (большевиков), мы, по долгу совести, не можем безучастно отнестись и к заявлению г. Киселева, заклеймившаго и нас, как разделяющих взгляды неугодной ему партии, своим презрением и одобряющаго тактику лиц, ведущих Россию на путь погибели, а потому отныне порываем с ним все товарищеския отношения».**

Между тем Д.А. Киселев прошел по большевистскому списку в городскую думу. Пройдут месяцы, и он возглавит в городе работу по народному образованию.

А вот цитата из резолюции офицеров 149-го пехотного полка: **«Мы протестуем против вопиющих нарушений свободы слова, печати и неприкосновенности личности, выразившихся в незаконномерных арестах неугодных им (большевикам) лиц, закрытии и конфискации газет, захвате местных почты и телеграфа. В момент предвыборной агитации в Учредительное Собрание и в городскую думу эти аресты и конфискации имели целью терроризовать (устрашить) население и поставить партию большевиков в отношении агитационной борьбы в исключительно благоприятное положение, при котором свобода выборов нарушается...»**

В выборах 5 ноября участвовало немногим больше 20 тысяч екатеринбуржцев — то есть даже не третья часть жителей города. Из 85 мест в городской думе наибольшее число — 39 мест — получили большевики.

11 ноября в последний раз собирается «цензовая» дума. Заседание названо чрезвычайным, но в повестке дня — рабочие вопросы. Попечительный совет первой женской гимназии просит ассигновать 8 тысяч рублей и сообщает о своем решении

в связи с общей дороговизной поднять плату «за правоучение» почти вдвое. **«Для того, чтобы иметь хороших педагогов, надо им платить хорошие оклады, —** изрекает золотые слова гласный Гавриленко, **— что избавит их от необходимости бегать по частным урокам и манкировать своими прямыми обязанностями»**. Дума соглашается выделить гимназии требуемую сумму, но рекомендует не повышать плату за обучение.

Городскому попечительству о бедных разрешено устроить механическую хлебопекарню, а землю под постройку **«отвести, останавливаясь на усадьбе около прудка зав. Ятес на 4 Мельковке, как места удобнаго в смысле соединения узкоколейной с главной ж.д. линией»**.

Отчитался перед думой председатель продовольственной комиссии П.П. Вязельщиков. Цифра чистого остатка на 1 ноября за время действия комиссии — 33725 рублей 60 копеек. Решили отпустить на вознаграждение всем служащим комиссии 5 тысяч рублей.

Заслушав пять ходатайств о разрешении построить на городской земле цирк, городская дума останавливается на одном из них: **«гр. Шумилева, предлагающего 2000 р. арендной платы за помещение, которое он берется соорудить теплым, с кирпичной облицовкой, железной крышей и электрическим освещением, причем через пять лет здание переходит в собственность города»**.

Без прений принимаются ассигнования, в том числе и **«на вознаграждение служащих городской управы за работы, связанные с выборами в городскую думу и Учредительное Собрание — 800 р.»**.

На этом же последнем своем собрании дума избирает Филиппа Антоновича Иванова и Петра Петровича фон Веймарна, **«много содействовавших тому, что Екатеринбург имеет Горный институт»**, почетными гражданами города.

Объявляя заседание закрытым, городской голова А.Е. Обухов обратился к гласным с прощальным приветствием. Он отметил, что за долгие годы совместной работы **«находил в их среде сочувствие»**. Перед тем, как разойтись в последний раз, Обухов выразил глубокую благодарность за **«доверие, оказываемое до сих пор»**.

На этой суховатой, рабочей ноте деятельность «цензовой» думы в Екатеринбурге завершилась. А новая, демократическая дума с самого начала взяла ноту совершенно иную.

> ***«Волею екатеринбургских рабочих, солдат и всей обездоленной демократии большевики посланы в городскую думу... Не безучастными зрителями пришли мы сюда, а воюющей, нападающей стороной; здесь мы поведем беспощадную войну с имущими классами...»***
>
> *Из декларации большевистской фракции Екатеринбургской городской думы, оглашенной на первом заседании демократического созыва*

Для того чтобы оказаться в Екатеринбургской городской думе, большевики и их союзники в полной мере использовали наследие февральской революции и воз-

можности, данные узаконениями Временного правительства. Ощутив силу своей фракции, большевики на первом же заседании «демократической» думы продемонстрировали, что их мускулы достаточно крепки, чтобы сбросить с корабля современности все, что мешает их диктатуре. В том числе и саму городскую думу, с ее назойливым, путающимся под ногами меньшинством.

19 ноября 1917 года на сцене нового городского театра поставили столик под «нейтральным» зеленым сукном. Почти все остальное пространство было занято стульями. Собравшимся пришлось томиться целый час: за закрытыми дверями совещалась большевистская фракция.

Открывая заседание, «старый» городской голова А.Е. Обухов напоминает гласным, что по закону они должны дать обещание добросовестно исполнять свои обязанности. И сразу — осечка. Л.С. Сосновский под бешеные аплодисменты с верхних мест для публики делает заявление о том, что фракция большевиков — против. Его товарищи ответственны только перед партией. Что же касается требования закона, восклицает Сосновский, то он издан Керенским, ныне свергнутым рабочими и солдатами, и не нам руководствоваться этим законом.

Думцы вынуждены ввязаться в спор:

«Гласный Кроль от имени фракции партии народной свободы протестует против несоблюдения закона и просит объявить перерыв 5 мин., чтобы фракция могла бы вынести решение по заявлению большевиков.

Г. Войков (большевик) высказывается против перерыва. Если кадетская фракция, говорит он, будет обсуждать нарушения закона, то потребуется перерыв на веки.

Г. Обухов. Предлагаю гласным, желающим объявить перерыв не на вечные времена, а на 5 минут, поднять руки.

Предложение отвергается...»

Выход из тупика был найден многоопытным А.Е. Обуховым. По его предложению дума просто принимает к сведению содержание статьи закона об обещании.

Уважение к законам большевистская фракция демонстрирует буквально через минуту, когда гласные приступают к определению денежного содержания председателя думы. **«Фракция большевиков, не возражая против этого требования городового положения, предлагает определить жалованье председателю думы в 6000 рублей в год», —** выступает все тот же Сосновский.

Без лишних дебатов дума избирает и самого председателя: им стал большевик П.Л. Войков. Далее фракции делают программные заявления. **«Публика живо реагирует на те или иные слова говорящих, и по театру гремят аплодисменты одних и негодующий шум других, так что часто даже на сцене не слышно слов ораторов, —** таковы впечатления очевидца. **— Председатель думы Войков часто теряется и от этого порядок, конечно, не улучшается...»**

Не пожалеем места, чтобы привести хотя бы «выжимки» из прозвучавших деклараций. Их сопоставление позволит лучше понять не только настрой тогдашних екатеринбургских думцев — речь порою шла о самом содержании термина «демократия».

Большевистскую декларацию зачитывает Сосновский. **«Не все «лучшее» пришло сюда, в думу, для нас есть эксплуататоры и эксплоатируемые, и интересы только последних для нас дороги и законны... Признавая над собою только власть совета народных комиссаров, поставленных рабочими и солдатами, только этой власти мы будем подчиняться».**

Никакого намека на сотрудничество с представителями думского меньшинства. Наоборот: **«В своей деятельности в думе мы будем сталкиваться с партией с.-р., их двойственная политика, малодушие колеблют основы социальной революции. Никаких соглашений с ними! Поддержку в своей работе мы найдем в пролетариате, и мы верим, что голос его будет достаточно властен, чтобы поставить на место партию народной свободы и все остальныя промежуточныя партии.**

Да здравствует всемирная социальная революция!»

К моменту заседания думы екатеринбургские социалисты-революционеры успели расколоться — почти что вдребезги. М.В. Успенский выражает точку зрения левого крыла: **«Мы протестуем против желания большевиков штыками и насилием навязать большинству демократии волю меньшинства и тем самым вызвать гражданскую войну... Впредь же до создания нового правительства власть здесь в г. Екатеринбурге должна принадлежать революционному комитету, куда дума должна делегировать своих представителей».**

Лидер эсеров-«центровиков» А.А. Кощеев вызвал смех в зале. Его фракция **«считает долгом своей совести с этой трибуны протестовать против узурпации кучкой насильников и авантюристов власти, которая должна принадлежать всему народу. Большевизм слева нашел в буржуазии хорошего союзника. Теперь в стране два большевика: Ленин и Милюков. Один упорствует в своем желании сохранить старые позиции в неприкосновенности, другой на этом желании строит свои воздушные замки и увлекает малосознательные классы, разжигая классовую ненависть».**

Разрядив обстановку, Кощеев высказал ряд глубоких и ценных по сей день мыслей. **«Переходя к вопросу о местной жизни, — заявил он, — мы должны указать, что политика Ленина-Троцкого проводится неукоснительно и в Екатеринбурге... Демократия протестовала, когда попытки ограничения прав самоуправления исходили от чиновников министерства внутренних дел. Также вся демократия должна протестовать, когда эти попытки исходят от тех или иных групп, фракций, организаций...**

Разгон всенародной Думы в Москве, угроза разогнать ее в Петрограде, такие же попытки насилия над некоторыми волостными земствами в Екатеринбургском уезде — все это свидетельствует об отсутствии уважения к демократическому местному самоуправлению, угрожает его существованию.

При таких условиях как-то странно говорить о нашей муниципальной программе в думе... Самой идее местного самоуправления, грозит опасность. Придется вести борьбу за признание и уважение к самому принципу всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Кроме того, фракция заявляет, что нормальная и плодотворная работа в местном самоуправлении, как и вообще в стра-

не, возможна только при полной свободе личности, уважении к свободе слова, печати, то есть при полном проведении в жизнь всех политических свобод.

Заявляя об этом, фракция идет в городскую думу бороться за идею народовластия».

Следующий оратор, лидер кадетов Л.А. Кроль, высказался в крайне пессимистическом духе — и, как показало время, во многом был прав. **«Фракция народной свободы Екатеринбургской думы, преклоняясь перед волей большинства избирателей,** — сказал Кроль, — **не только не верит в то, чтобы большинство городской думы было в состоянии выполнить что-либо из своих обещаний, но считает, что это большинство не будет в состоянии справиться даже с предстоящими хозяйственными задачами городского управления. Опыт действия большевиков там, где власть попадала им в руки, дает фракции народной свободы уверенность и в том, что принадлежащая городскому самоуправлению местная власть будет использована большинством думы не в интересах всего населения, а под видом защиты классовых интересов пролетариата, для угнетения остальных частей населения и в конечном счете во вред всему населению, не исключая и самого пролетариата.**

В то время как фракция народной свободы стоит на почве права и законности, большевики стоят на почве физической силы. Это создает такую непроходимую пропасть, что всякое участие в совместной и ответственной работе с большевиками для фракции народной свободы становится совершенно невозможным...»

Примерно так же был настроен и представитель меньшевистской фракции Я.Н. Чупраков. **«Обычной своей беззастенчивой демагогией, лестью, широковещательными обещаниями большевики добились в Екатеринбургской городской думе положения командующей партии и естественно, что вся ответственность за работу городской думы должна целиком лечь на плечи их и тех, кто с ними,** — заявил Чупраков. — **Мы, во исполнение воли наших избирателей, будем оставаться в составе городской думы, пока это найдем возможным, воздерживаясь от участия в повседневной работе...»**

Таким образом, работа «демократической» городской думы, можно считать, застопорилась, еще и не начавшись.

Однако, с некоторым скрипом и не без курьезов, все-таки были избраны и городской голова, и члены городской управы. Городским головой стал С.Е. Чуцкаев, выдвинутый фракцией большевиков и трудившийся до этого секретарем Оренбургской губернской земской управы. Публику рассмешил казус, случившийся при его избрании. Замялся, стоя на трибуне, гласный Успенский: **«От имени фракции левых эсеров я уполномочен заявить, что мы поддерживаем кандидатуру товарища... товарища... ну как его?»** — и гласный Крестинский громко подсказал соратнику с места: **«Чуцкаева!»**

Новый городской голова заявил, получив полномочия: **«Я человек свежий для города и должен сказать, что выслушав прочитанные здесь декларации различных партий, я пришел в уныние. При настоящей тяжелой разрухе продуктивность нашей работы не может быть велика, и давать больших обещаний**

поэтому нельзя, но я верю, что общими усилиями левого крыла думы нам удастся наладить нашу деятельность на пользу городу».

Кандидатов в члены городской управы тоже выдвинули большевики, представив их довольно лаконично. **«Козьмин – инженер, работает в Лысьвенском заводе, старый член партии большевиков, в настоящее время принимает самое деятельное участие по организации лысьвенского пролетариата. Товарищ Сыромолотов – также старый член нашей партии, в настоящее время живет в Троицке, но приедет сюда, если мы изберем его в члены управы. Товарищ Горохов – секретарь исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов».**

Итоги голосования по этим кандидатурам повергли большевиков в шок. Прошел лишь Козьмин (64 голоса «за»; 28 «против»). Сыромолотов (40 «за»; 41 «против») и Горохов (38 «за»; 44 «против») были, как тогда говорили, забаллотированы. Думское большинство неожиданно оказалось в меньшинстве!

«На сцене и в зале стоит шум, усиливаемый рукоплесканиями и криками публики, – пишет газета. **– Председатель г. Войков бесцельно звонит колокольчиком, его никто не слушает».**

Л.С. Сосновский во всеуслышание заявляет, что **«эсеры совместно с купцами и попами составили блок против нас, большевиков». «Где попы?** – несется из кадетских рядов. **– Здесь только один священник!»**

После перерыва большевистская фракция выставила думе ультиматум: либо производится вторая попытка голосования, либо большевики отзывают уже избранных Чуцкаева, Войкова и Козьмина с их постов и отказываются от формирования городской управы.

Кадеты и меньшевики голосовать отказываются, но ультиматум принят благодаря голосам части эсеров и гласных из союза домовладельцев. **«Поздравляем вас с союзниками – домовладельцами!»** – кричат эсеры большевикам… Кадетская и меньшевистская фракция покидают зал заседаний. Горохов и Сыромолотов избраны.

Большевистское представительство оказалось «разбавлено» лишь тогда, когда дума избирала делегатов в Пермское губернское земское собрание. Ими стали большевик Р.Ф. Загвозкин, левый эсер Н.П. Гиацинтов и кадет Д.М. Веселов.

…Вот теперь Екатеринбург и был захвачен красными – самым что ни на есть демократическим образом.

> ***«Все городские, волостные и земские самоуправления упраздняются по мере охватывания Советами хозяйственных функций. Хозяйственные функции этих учреждений передаются Советам, которым надлежит использовать существующий хозяйственный и технический аппарат. Советам предоставляется право избирать ответственных руководителей и не из среды Совета, но стоящих на Советской платформе».***
>
> *Из резолюции Третьего областного съезда Советов Урала*

Вплоть до самого ее роспуска в феврале 1918 года деятельность «демократической» городской думы была чрезвычайно затруднена огромной разницей в убеждениях гласных. Декларируемое преимущество перед самоуправлением старого образца — многопартийность — стало тем роковым обстоятельством, которое предопределило роспуск думы. Впрочем, таков был и общий политический контекст эпохи: поощрение инакомыслия не входило в планы новой российской власти. Эксклюзивное право считаться выразителями и защитниками интересов народа было присвоено большевиками, так же как и право определять содержание этой категории — «народ».

Водоразделом, разделившим многопартийный состав Екатеринбургской городской думы после 5 ноября 1917 года на два непримиримых лагеря, стало отношение к законам, законопослушность. Действовать в жестко очерченном законодательном поле красное большинство думы не могло и не желало.

28 ноября 1917 года управа внесла в думу вопрос об изыскании средств на ведение текущих дел городского управления. **«Задолженность города доходит до 3520922 рублей 48 копеек,** — докладывал городской голова С.Е. Чуцкаев. — **На предстоящую уплату жалованья городским служащим нет денег».**

Яростно критиковавшие прежнюю «цензовую» думу большевики не предложили никаких новых рецептов преодоления бюджетного кризиса. Вновь зашла речь о повышении оценочного сбора с недвижимости. А для немедленного пополнения городской кассы управа готова была, с благословения думы, заложить процентные бумаги, имевшиеся в ее распоряжении.

Судьба этих процентных бумаг и вызвала дискуссию. Оперировать ими закон запрещал: юридически они принадлежали социальным учреждениям Екатеринбурга и были отданы городской власти лишь на хранение. Упиравшему на это кадету Кванину последовала отповедь большевистского лидера Сосновского: **«Неужели в столь критическое время мы пойдем по пути «законов», чтобы проводить законы даже не Керенского, а царя Гороха! Ущемить большевистскую управу нужно было г. Кванину, чтобы ей нечем было платить учителям, милиции и т.д.»**.

Резоны о том, что, закладывая процентные бумаги, город лишит финансовой стабильности тех же «бюджетников», не возымели действия. Думское большинство настояло на своем.

Естественно, финансовые проблемы так и остались неразрешенными. К товарному дефициту в Екатеринбурге прибавился дефицит денег. По совместному решению банковских управляющих, с любого счета на руки единовременно выдавалось не более тысячи рублей. На одном из последних в 1917 году заседаний дума заслушала доклад правления городского общественного банка. Его директор Я.Я. Камнадский поведал, что более чем за полвека существования банка первоначально ассигнованный думой капитал в 30 тысяч рублей возрос до 400 тысяч. Но в городе паника, жители боятся доверять свои сбережения банкам. Камнадский просил думу **«с одной стороны, сделать заверения о неприкосновенности частных сумм, с другой стороны, выразить доверие теперешнему составу правления банка переизбранием его на будущее время»**.

ИЗВЕСТИЯ

февраля 1918 г.

На основании Положения о страховании

опубликованнаго в № 45 „Газеты Рабочаго и Крестьянскаго Пр... ельства"

и распоряжения Уральскаго Обл. Комиссариата Труда

Но городской банкир услышал совершенно другие заверения. Мечтать о финансовой стабильности не приходилось. **«Паника не оттого, что в думе большевистское большинство,** — заявил гласный Н.Н. Крестинский, будущий нарком финансов, — **а оттого, что существует правительство Ленина, которое очень скоро обложит капиталы»**.

И вновь дебаты вышли на больную тему о соблюдении законов. Взял слово гласный Л.А. Кроль: **«Паника вызвана не боязнью обложения, а заявлением думского большинства, что оно не признает законов, изданных Николаем II и Керенским. Финансы крайне чувствительны ко всяким потрясениям. Одно заявление вашего товарища, Скобелева, при вступлении министром, что он обложит буржуазию до 100 процентов дохода, стоило стране одного миллиарда потери на курсе рубля в один день. Вы пошли даже дальше Ленина. Он отменяет законы, противоречащие программе-минимум, а вы заявили об упразднении всех законов. Такое упразднение практиковали только градоначальники города Глупова...»**

Дискуссии были бесплодны. Дума деградировала. Это было видно даже в мелочах. Взять хотя бы то, что зал думских заседаний был захвачен Советом, и думе приходилось собираться в других помещениях — то в музыкальном училище, то в зале земской уездной управы. Изменилась и атмосфера заседаний. **«Тяжело сидеть и слушать,** — писал «Зауральский край» 14 декабря 1917 года. — **В самом поведении публики, из которой многие сидели и стояли в шапках, с папиросами во рту, чувствовалось что-то такое, что не говорило об уважении этих граждан к нашему демократическому самоуправлению, которое при иных условиях должно было стать высшим органом местной власти...»**

К началу 1918 года дума подходила раздираемой внутренними противоречиями. С одной стороны, чувствовался настрой на серьезную работу. Были, например, образованы профильные думские комиссии: культурно-просветительская, жилищная, финансово-бюджетная, по реорганизации милиции, по охране труда, оценочная и медико-санитарный совет. Но бескомпромиссность большевиков исключала всякую возможность достижения согласия внутри думы. К тому же набирали силу и демонстрировали все растущие амбиции альтернативные органы власти — и прежде всего, Совет рабочих и солдатских депутатов.

Наконец, вести из столиц и разных уголков России убеждали в том, что судьба Екатеринбургской городской думы висит на волоске. В конце 1917 года фракция кадетов, в союзе с работающими в думе представителями сионистского комитета, трудовой народно-социалистической партии и другими, попыталась предпринять упреждающий шаг и направила «господину Екатеринбургскому городскому голове» обращение. Приводим его полностью:

«В злейшие времена царского самодержавия старые цензовые городские думы умели объединяться для защиты прав городских самоуправлений. Тем более это необходимо теперь, когда городские думы избираются на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования и представляют собою в области городских дел волю всего городского населения. Казалось бы, что не должно

...бластном Совете

ПРИКАЗ № 2.

Комиссариата по Военным Делам.

§ 1.

§ 2.

Форма сведений

к Приказу № 2, § 2 Комиссариата по военным делам Уральского...

быть теперь и речи о самозащите демократических городских самоуправлений. Казалось бы, что не от кого защищаться.

К сожалению, это не так. Московская и Петроградская думы объявлены распущенными и насильственно разогнаны организациями, считающими себя властью.

Совершенно независимо от нашего отношения к этим организациям, мы считаем, что никакая власть, за исключением Учредительного Собрания, не вправе распускать демократические Городские Думы, совершенно независимо от партийного состава этих дум. Не может быть и права у какого бы то ни было правительства нарушать права Городского населения на волеизъявление в городских делах и распускать законно избранных его представителей до истечения законного срока их полномочий.

Ввиду всего сказанного мы во имя сохранения высшего принципа демократии, всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, как основы истинного народоправства и во имя охраны прав городских самоуправлений имеем честь предложить Екатеринбургской городской думе протестовать против досрочного и насильственного роспуска Петроградской и Московской Городских Дум и приветствовать эти думы за их борьбу за права Городских самоуправлений».

Надо ли говорить, что это обращение осталось безответным.

...И вот колесо истории совершило очередной оборот. Позади революционный 1917 год, перепахавший российскую действительность. А для Екатеринбургской городской думы на первый взгляд будто ничего и не изменилось. Как и год назад, собравшись после новогодних праздников, думцы приступили к обсуждению все того же продовольственного вопроса. Разница только в качестве постановлений... Открывая новую страницу, 12 января большевистская дума вписала туда политически острую, но практически беспомощную резолюцию: **«Только полное регулирование всей экономической жизни дает возможность разрешить продовольственный вопрос в интересах рабочих и крестьянской бедноты. Планомерная постановка товаро-обмена при условии твердой цены на все продукты единственно может создать правильную систему снабжения населения...»** Впрочем, конкретные поручения тоже были даны. Принимая во внимание постановление губернского съезда Советов о перенесении губернской продовольственной управы в Екатеринбург, городская дума поручила чиновникам **«экстренно и в самом непродолжительном времени приискать помещение для управы и ея служащих».**

И доминирование большевиков не спасает городскую власть от критики, причем вновь, как в прежние времена, звучат упреки в нерасторопности, забвении жизненно важных хозяйственных интересов. «Известия Уральского областного и Екатеринбургского городского Советов рабочих и солдатских депутатов» (далее — «Известия...») негодовали 17 февраля (здесь и далее — по новому стилю) 1918 года: **«Несмотря на жаркие дебаты в городской думе о необходимости немедленно заставить г.г. домовладельцев Екатеринбурга привести тротуары, обледеневшие и не очищенные как следует от снега, в надлежащее состояние, тротуары по-прежнему остаются у большинства домов все в том же безобразном виде и**

Заседание Ека

В среду 15 янв. в 8 час. состоится очер

дание Совета, в помещении дома Совета.

Порядок дня

1) выборы Революционнаго Трибунала. 2) выборы Следов при Трибунале, 3) выборы Заседателей трибунала, 4) выбор в комиссию по управлению столовой для безработных, 5) сафов, 6) текущие дела.

Присутствие всех членов обязательно.

Призидиум Исполнител

Заседание фракции коммунист

виков) Екатеринб

двигаться по ним можно с трудом, рискуя упасть и разбиться. Многие граждане предпочитают идти по средине улицы, рискуя, особенно в базарные дни, быть раздавленными лошадьми. Когда же наш муниципалитет перейдет от обещаний кар к осуществлению этих проэктов? Г.г. домовладельцам следовало бы напомнить недавнюю решительную меру Петроградского Совета Р. и С. Д., подвергнувшего весь домовой Комитет владельцев магазинов Гостиного двора аресту за неочистку снега перед магазинами и одновременно наложившего на гостинодворцев штраф 900 000 руб. До уплаты штрафа гостинодворцы ежедневно очищают улицы Петрограда...»

22 февраля дума сделала очередную и, как выяснилось, последнюю попытку снизить накал продовольственного и финансового кризисов. Но сперва снова разгорелся «процедурный» скандал. Группа правых эсеров и фракция кадетов, спровоцировав конфликт, демонстративно покинула заседание, лишив его кворума. Вслед уходящим неслись аплодисменты и возгласы: «Давно бы надо!» Отсутствие кворума не смутило заказывающих музыку в думе левых эсеров и большевиков, и заседание продолжается как ни в чем не бывало. Вот, вкратце, его решения:

— осуществить займ для нужд города через культурно-экономический союз 1 миллион рублей у состоятельных граждан Екатеринбурга из 6 процентов;

— организовать под контролем городской и уездной продовольственных управ закупку хлеба в ближайших к городу местностях и устроить доставку гужем;

— запасы хлеба хранить до действительного прекращения подвоза его из Сибири, поручить городской управе разработать план снабжения из этих запасов беднейшего и состоятельного населения, установив соответствующие цены, по коим должен отпускаться хлеб, причем цены на хлеб утверждаются городской думой;

— утверждено учреждение в Екатеринбурге при городской управе отдела для записи браков, причем мусульман постановлено «считать в отношении декрета о браке на одинаковых условиях с другими»;

— в связи с эпидемией сыпного и возвратного тифа одобрить действия управы по открытию заразных бараков и открыть необходимое число амбулаторий на окраинах города.

Принято также предложение гласного Краснова привлечь врачей города к «трудовой повинности»: каждый екатеринбургский врач раз в два месяца обязан **«бесплатно подавать помощь эпидемическим больным, являясь «дежурным врачом» в этот день, при условии предоставления врачу лошади от города»**.

К весне в Екатеринбурге неожиданно возрос градус общественной напряженности. В ночь на 24 февраля группа анархистов заняла помещение Коммерческого собрания, отобрала деньги у всех присутствовавших в это время в клубе, установила пулемет. Распространили отпечатанную в типографии «Уральской жизни» «летучку», где сообщалось, что Коммерческий клуб занят как гнездо контрреволюционеров — буржуев, проигрывавших там народные деньги и втягивавших в игру и малосостоятельных людей. Анархисты намеревались открыть в этом помещении библиотеку-читальню и коммунистическую столовую. Совет сурово осудил их выходку.

25 февраля 1918 года исполнительный комитет Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов принимает решение о роспуске городской думы. Кроме того, закрываются Коммерческое и Общественное собрания.

Большевиков — руководителей города партия направила на другие места работы. Вся власть в Екатеринбурге перешла к Совету. Недолго она оставалась демократической. По сути, вновь вернулся ценз: к советской работе прежде всего привлекались кадры проверенные, вышедшие из того «народа», от имени которого говорили и действовали большевики.

Пришла пора совершенно новых подходов к управлению городом. Распустив думу, исполком Совета без лишних сантиментов, **«в связи с мобилизацией революционных сил Урала»**, постановил **«обложить местных капиталистов на сумму 10 млн. рублей на нужды рабоче-крестьянской армии, призванной на защиту страны и революции...»**. Действенность советского подхода к делу оказалась довольно высока: к вечеру 2 марта в кассу Совета екатеринбургские «буржуи» внесли наличными 1 миллион 7 тысяч 397 рублей 23 копейки. Учитывая это, Совет дал им отсрочку на 10 дней. Иначе — **«по всей строгости революционных законов военного времени...»**

Для такой управленческой практики важны были не толерантность и юридическая корректность, а жесткое единоначалие и исполнительность.

Но и Совету предстояло многое преодолеть и многому научиться.

> ***«Члены профессионального трудового союза, объединяющего в своем составе разнородный, но сплошь трудовой элемент всех гор. учреждений, не за страх, а в интересах дела, которому они служат, никакого саботажа не допускали и не допустят...»***
>
> *Из проекта резолюции общего собрания союза городских служащих, начало марта 1918 года*

Надо отдать должное Екатеринбургскому городскому Совету рабочих и солдатских депутатов: если не он сам, то его исполком отличался оперативностью и решительностью. Уже на следующий день после роспуска думы, 26 февраля, фракции большевиков и их союзников — левых эсеров влились в состав Совета, а 27 февраля на его общем собрании доложено, что разрабатывается технический план передачи дел городской власти. План же «переорганизации Совета», в соответствии с которым он **«должен явиться коллективом законодательным и направляющим всю организационную и творческую работу по удовлетворению материальных и духовных нужд городской бедноты»**, был опубликован в «Известиях...» 7 марта. Согласно этому плану, в исполнительный комитет Совета должны были входить: **«бюро из 5 человек, комиссары 10 человек и 5 представителей Профессиональных Союзов. Отдел административный переходит к бюро Комитета, которое является центральным органом всех комиссариатов....»**. 6

марта был утвержден и персональный состав новой городской власти. **«В состав комиссаров намечены товарищи: Д.А. Киселев — народного образования, П.П. Краснов — здравоохранения, Д.Х. Полякова-Чуцкаева — общественного призрения, М.В. Успенский — техническо-хозяйственный, Гиацинтов — финансовый, Свирченко — продовольственный, Загвозкин — труда и Коковин — жилищный. Остались незамещенными комиссариаты — военный и судебный».**

«Теперь должна быть организована единая твердая советская власть, которая поведет работу по пути интересов трудящихся, интересов демократии», — подытожил один из ораторов на заседании Совета.

Сам по себе роспуск думы не вызвал сколько-нибудь значительного общественного отклика: очевидно, горожане сознавали, что к тому все и шло… 4 марта обсудить создавшееся положение собрался союз городских служащих. У них был и материальный интерес: с осени 1917-го не выплачивалась прибавка к жалованью…

Интересно, что среди «аппаратчиков» (выражаясь на современном сленге) нашлись и такие, кто открыто придерживался мнения **«о несовершенстве конструкции Советской власти, созданной без полного соблюдения «четыреххвостки»** (то есть выборов всеобщих, прямых, равных и тайных. — *Авт.*). Звучали даже крамольные высказывания о преждевременности диктатуры пролетариата. Но победила иная точка зрения — не входить **«в критику действий Совета, т.к. настоящий момент призывает к единению всех живых революционно-демократических сил и к наибольшему укреплению центральной власти — власти Советов». «Роспуск гор. Думы является вполне естественным шагом,** — комментировали «Известия…» 10 марта, — **уничтожающим двоевластие и объединяющим всех активных работников в одну общую цель — удовлетворения нужд города».**

Некий гражданин Мельник посчитал, однако, что необходима еще более просоветская резолюция, и когда собрание ее отвергло, заявил, вместе с группой присоединившихся товарищей, **«о боязни со стороны Союза проявить свой лик»**…

А жизнь в Екатеринбурге продолжается… В начале марта в городе впервые устанавливается радиотелеграфная станция, отправочным пунктом радиотелеграфа избрана колокольня Вознесенской церкви. 9 марта по распоряжению Совета все начальники городской милиции и их помощники смещены, и на их места назначены комиссары. Охрана правопорядка продолжала привлекать множество неблагонадежных людей, а посему милиционеров, желающих служить городу, решено было оставить **«при условии круговой поруки и не поручения им дел политического характера»**. 16 марта в театре «Колизей» состоялось собрание безработных Екатеринбурга — явилось более 200 человек. Из резолюции: **«Мы, безработные г. Екатеринбурга… выражаем полнейшее доверие Совету и предлагаем, чтобы:**

1. Областной Совет Рабоч., Солд. и Кр. Деп. организовал общественные работы в областном масштабе, как главную меру борьбы с безработицей и Городской Совет — в пределах г. Екатеринбурга.

2. Чтоб устроены были бесплатные столовые для безработных, и безработные обеспечены бесплатными квартирами и бесплатным проездом по жел. дорогам…».

К слову, реорганизованный Совет сразу же занялся безработицей. 13 марта комиссар хозяйственно-технического отдела М.В. Успенский рисовал вдохновляющие картины будущих свершений: **«В частности, в Екатеринбурге на очереди — замощение улиц, около 9 тыс. кв. сажен. Привлекая людей к этой работе, надо избегать того, что было при старой думе — выписки рабочих из других (Смоленской, например) губерний.**

Помимо замощения улиц, Екатеринбург может предложить еще работы: по ремонту старых и постройке новых мостов, по исправлению тротуаров, переходов и т.д. Насущно необходимой является постройка общественных бань, и для этого придется городу соорудить свой кирпичный завод, с хоз. ведением дела.

В виду истечения к 1920 г. срока концессии электрической станции, которая приведена акционерной компанией в полуразрушенное состояние, необходима постройка новой электрической станции, иначе ряд заводов останется без движения.

Найдется работа на городских карьерах.

Немыслимо оставаться городу без водопровода и канализации, но эту большую и дорогую работу поневоле придется отложить. В общем, на городских работах может быть занято от 2 до 3 тысяч рабочих на сумму до 800 тыс. рублей».

При этом комиссар, в отличие от прежних думцев, не брал в расчет, что, по официальным данным, в 1918 году из зарегистрированных на городской бирже труда 3000 безработных значилось лишь 800 квалифицированных рабочих. К маю Совет смог помочь екатеринбургским безработным только 10-тысячным пособием на устройство столовой, которая была открыта в доме Бардыгина на Успенской улице и отпускала обеды для не имеющих работы бесплатно, а остальным — по 1 рублю за обед. Правда, позаботились еще о пище духовной: по настоянию Комитета безработных в Харитоновском саду, в летнем театре выступала петроградская труппа «Зеленое кольцо». Давали: «Зимний сон» М. Дреера, «Апостол Сатаны» Б. Шоу, «Дурные пастыри» О. Мирбо, «Гибель надежды» Гейфманса.

Продовольствие отпускалось по карточкам. **«Распускаемые по городу злонамеренными лицами слухи о якобы предполагаемой реквизиции у граждан имеющихся запасов муки, являются ложными и носят чисто провокационный характер,** — доводил до сведения граждан городской комиссариат продовольствия, — **почему граждане предупреждаются, что всем этим слухам доверяться не следует; напротив, каждый гражданин, имеющий у себя запас муки, должен только об этом заявить местному участковому старосте или непосредственно в Комиссариат Продовольствия об отрезке, согласно наличности муки, соответствующего купона на продовольственной карточке, в противном случае все, что окажется сверх имеющихся нужных запасов муки, при не отрезке купона, будет реквизировано, и виновные будут привлекаться за сокрытие ея к ответственности».**

В марте 1918-го Совет комиссаров Урала разрешил Екатеринбургскому городскому Совету произвести краткосрочный заем для заготовки продовольствия и фуража для городских учреждений. Кроме того, был открыт кредит в сумме 500 тысяч

рублей под соло-векселя, с погашением этой ссуды через три месяца из поступлений новых налогов или из доходов от муниципализированных доходных домов.

Вот вам и причина проявлять революционную принципиальность: грабить награбленное и облагать капиталистов оброком.

письма из прошлого

К позорному столбу

«Советская власть в Екатеринбурге постановила взять на учет и реквизировать нужное количество лошадей и велосипеды. И вот нашлись такие («группа обмещанившихся рабочих обывателей монетного двора») с позволения сказать пролетарии, которые к великой радости всей буржуазии и всех контр-революционеров вынесли резолюцию против постановления о реквизиции...

Им стало жалко велосипедов и лошадей!

А голов своих вам не жалко милостивые государи?

Не о велосипедах а о головах ведь идет речь и о всех завоеваниях рабочей революции. И если есть в среде рабочих люди, которым собственный (до прихода буржуазии) велосипед дороже революции, их надо безжалостно выбросить из среды рабочих, как контр-революционеров, а тех кто по глупости или невежеству выносил эту резолюцию, заставить просить прощение перед всем сознательным пролетариатом Урала».

Уральский рабочий, 1918, 9 июня (27 мая)

«Москва. Совету Народных Комиссаров. Из Омска. Власть большевиков в Сибири уничтожена и временное Сибирское правительство, избранное Сибирской Областной Думой, состоявшей из представителей земских и городских самоуправлений, кооперативов и национальных казачьих Советов вступило в управление Сибирью. Ближайшей своей задачей Сибирское правительство ставит восстановление органов самоуправления, избранных на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, а также скорейший созыв Учредительного Собрания...»

Командир степного корпуса полковник Иванов,
Уполномоченный временного Сибирского правительства Ляхович

В конце мая 1918 года хозяйственные вопросы постепенно исчезают из повестки дня: их вытеснило восстание чехословацких войск. Меняется и название Совета: теперь он включает в себя не солдатских, а армейских депутатов. 29 мая и 5 июня перед депутатами выступают военно-областные комиссары Голощекин и Анучин. **«В Екатеринбурге был арестован комитет чехо-словаков и чехо-словацкий комиссар, —** докладывает Голощекин. **— Из допроса их была установлена непосредственная связь чехо-словаков с союзным империализмом: выяснено, что они снабжаются деньгами из французской миссии, в их руководящем штабе находится французский генерал».** Город — на военном положении и готовится к худшему. В Екатеринбурге образован Революционный штаб, куда входят председатели областного и городского Советов, два военных комиссара и представитель штаба резерва Красной Армии. На случай контрреволюционного выступления в городе взяты заложниками представители крупной буржуазии.

Горожане жадно ждут новостей о событиях в районах, где вспыхнуло восстание. Известия приходят с большим опозданием. О том, что в Кургане в ночь с 1 на 2 июня произошло вооруженное столкновение местного Совдепа с чехословацким гарнизоном, в Екатеринбурге стало известно из челябинской прессы. Восставшие **«тотчас же восстановили Городское Самоуправление, в состав которого вошли 16 представителей от старой цензовой Думы, —** писала челябинская «Власть народа» 13 июня. **— 5 июня новая Городская Дума уже приступила к работе».**

Лозунги восстановления истинной демократии на местах, провозглашенные Сибирским правительством и поддержанные чехословацкими штыками, были опасны для екатеринбургского большевистско-эсеровского комплота, управлявшего городом. «Уральский рабочий» комментировал курганские события языком, весьма доступным для маргинального населения: **«Короче говоря, во главе управления встали снова те же буржуи, эксплоататоры народных сил, кровопийцы жиревшие нашим потом, нашей кровью, и снова для трудового народа настанут черные, беспросветные дни ненавистного рабства».** Столь же однозначную реакцию вызвали у новых «хозяев» Екатеринбурга и первые шаги возрожденной Курганской думы, которая восстановила судебные учреждения и прокуратуру, податную инспекцию, продовольственную управу и аннулировала декрет о национализации банков.

В то же тревожное время в городской советской работе стали нарастать тенденции, настороживших старых большевиков. Совет начал превалировать над партией, превращаясь при этом в бюрократическую организацию, утратившую связь с массами, о чем свидетельствовали многочисленные жалобы на депутатов, поступавшие с фабрик и заводов. Считанные месяцы потребовались для того, чтобы эти кризисные явления стали очевидны. Предвосхищая резолюции партийного руководства, екатеринбургские идеологи забили в колокол. **«Отчет должен играть великую агитационную и организующую роль. Поэтому должно быть обязательным для всех депутатов членов коммунистической фракции, следующее: каждый раз после заседаний центрального Совета на завтра и не позднее как через день, должно быть устроено по районам общее собрание членов Совета. На этом собрании должны присутствовать все члены районного комитета и по возможности обще-**

городского. Надо сделать так, чтобы депутат был авторитетом среди своих избирателей, — инструктировал со страниц «Уральского рабочего» за 27 июня 1918 года Борис Волин. — **Вследствие открывшейся после октября необычайной для нас работы мы все расплылись по всяким советским учреждениям и организациям. Мы потеряли связь с партией. Мы забыли о партийной дисциплине... Во всех случаях мы прежде всего должны подчиняться решениям партийных центров: фракции районных Советов безусловно должны подчиняться постановлениям районных комитетов, а фракции общегородских советских учреждений — общегородскому партийному центру».**

В Екатеринбургском Совете наметился и внутренний раскол: депутатов-большевиков все меньше устраивало соседство с попутчиками-эсерами. Последние вполне разделяли позицию контрреволюционного Сибирского правительства. Так, в «Известиях ЦИК» №117 был опубликован скандальный документ, подписанный Уральской организацией партии социалистов-революционеров. **«Граждане, гоните комиссаров-насильников!** — говорилось в нем. — **Граждане, зовите к исполнению обязанностей ваши земские и городские самоуправления, сплотитесь вокруг них и будем все, как один человек стоять за свои права и за власть Учредительного Собрания!»** Большевики — депутаты Екатеринбургского городского Совета теперь с подозрением стали относиться к своим союзникам — левым эсерам, стали припоминать им былые «заблуждения»: **«...А левейший из левых теперь соц.-рев. Стрижов в Ек. Совете октябрьское восстание называл бунтом, большевистской авантюрой, направленной против демократии и т.д.»** («Уральский рабочий», 16 июля 1918 года). Раскол подстегнули и известные события в столице, начавшиеся после убийства германского посла Мирбаха. В середине июля, незадолго до захвата Екатеринбурга белыми, на соединенном заседании городского Совета, представителей профессиональных союзов и красноармейских частей была принята политическая резолюция, предложенная большевистской фракцией: **«Собрание Совета полностью присоединяется к решению 5 Всероссийского съезда Советов и самым решительным образом осуждает явно-эсеровскую авантюру** (в документе опечатка; вероятно, следует читать: «лево-эсеровскую». — *Авт.*)».

Екатеринбургские большевики смогли избавиться от нежелательных политических попутчиков в вооруженной борьбе с белыми войсками. А в Екатеринбурге с приходом белых, как и следовало ожидать, возродилась городская дума.

Воскресенье 23 июня (10 июня) 1918

МИТИНГ

Комитет Екатеринбургскаго Совета устраивает митинг по текущему моменту

Воскресенье, 23-го іюня в 5 часов в новом Городском театре.

На митинге выступят ответственные товарищи партии коммунистов-Большевиков и левых соц.-революционеров.

Городским Комиссариатом Финансов, чрез Участковых Продо... с 20 сего Іюня (нов. ст.) приступлено к вручению домовладель... Екатеринбурга окладных листов по городскому оценочному сбору на 1918 г. **уплаты оценочнаго сбора назначено 15 июля 1918 года** нов. ст., ... и будет начисляться пеня.

... об этом, Комиссариат ставит всех плательщиков в известность что не будет служить ... времени по каким либо причинам окладных листов **домовладельцы обязаны внести** ... отсрочке уплаты сбора, а потому **домовладельцы** ... к 15 июля с. г. и не ожидая вручения окладных листов. ... начисленнаго сбора на 1918 год и прием денег ... 1 час. дня в Городском ...

события и судьбы

Красный террор: руководители Екатеринбурга и его узники

Имена большевиков – руководителей Екатеринбурга и городской думы в 1917–1918 годах С.Е. Чуцкаева и П.Л. Войкова можно встретить и в документах, которые связаны с пребыванием в городе деятелей, вошедших в историю России.

Не исключение – и обстоятельства, связанные с трагедией в Ипатьевском доме. 22 января 1960 года бывший консул Великобритании в Екатеринбурге Томас Гильдебранд Престон заявил под присягой, в частности, следующее: «По поводу большевистских чиновников, которые сыграли ведущую роль в этих трагических, но исторических событиях. Членами президиума Екатеринбургского совета были Белобородов (председатель), Сыромолотов, Голощекин, Сафаров, Войков и Чуцкаев. Чуцкаев не всегда упоминался в качестве члена президиума, но действовал как заместитель Белобородова; именно с ним я встречался почти ежедневно, когда делал представления по поводу безопасности и обращения с Императорской семьей. Из других членов президиума я много лет был знаком с Сыромолотовым в связи с горнорудной промышленностью. С Войковым я тоже был прежде знаком. Что же касается Голощекина, который до революции был помощником зубного врача, то после убийства Императорской семьи я имел с ним весьма неприятную встречу на Екатеринбургском телеграфе... При наличии десятитысячного гарнизона, состоявшего из красноармейцев, в условиях, когда красные шпики прятались за каждым углом и в каждом доме, предпринять что-то вроде попытки спасти Императора и его близких было бы безумием, чреватым самыми ужасными последствиями для Императорской семьи. Мои усилия поневоле ограничивались ежедневными визитами к товарищам Чуцкаеву и Белобородову. Чуцкаев неизменно заверял меня, что об Императорской семье заботятся и что их жизни вне опасности. Он также уведомил меня, что мое вмешательство необоснованно и возмутительно, на что я возразил, что предпринимаю эти шаги ввиду родственных уз, связывающих Царя с английской королевской семьей...»

Тот же бывший екатеринбургский городской голова Чуцкаев упоминается и в известной записке Якова Юровского. Если верить Юровскому, именно от Чуцкаева он узнал, «что на 9-й версте по Московскому тракту имеются очень глубокие заброшенные шахты, подходящие для погребения Романовых. Комендант отправился туда, но до места не сразу доехал из-за поломки машины, добрался до шахт уже пешком – нашел, действительно, три шахты очень глубоких, заполненных водой, где и решил утопить трупы, привязав к ним камни...».

Кроме того, Чуцкаев и Войков имели отношение и к другим высокопоставленным узникам. Оба они, например, входили в следственную комиссию, которая едва не погубила князя Г.Е. Львова — человека, возглавившего Временное правительство сразу после краха самодержавия. Видный исследователь событий тех лет екатеринбургский историк, академик И.Ф. Плотников указывает на иронию судьбы: Львов, как глава Временного правительства, подписывал 7 марта 1917 года постановление об аресте отрекшегося от престола императора Николая II и его супруги Александры Федоровны. Почти через год, 28 февраля 1918 года, князь Львов тайно остановившийся в Тюмени по пути дальше в Сибирь, был арестован вместе со своими спутниками А.В. Голицыным и Н.С. Лопухиным. Их препроводили в Екатеринбург, в распоряжение уральской областной «чрезвычайки». Инкриминировали им контрреволюционную деятельность, подготовку заговора, в том числе в целях освобождения из заключения и царской семьи. Заключенные томились во 2-й екатеринбургской тюрьме до лета 1918 года и, несомненно, рано или поздно были бы казнены, если бы не вмешательство влиятельных московских заступников, вхожих в Кремль. В Екатеринбург телеграфировал «за народного комиссара юстиции» П.А. Красиков, есть сведения, что сказал свое веское слово и Я.М. Свердлов. Не желая освобождать Львова по настоянию Москвы, члены следственной комиссии Чуцкаев и Поляков выехали в Тюмень, чтобы найти новые доказательства его вредной деятельности. Но не нашли. В итоге князь благополучно добрался до Европы.

В екатеринбургском заточении Львов встречался с другим видным заключенным — епископом Гермогеном (Г.Е. Долгановым). Тот имел широкую и скандальную популярность в православной пастве и заслужил ее своей яркой антиреволюционной позицией, резкими высказываниями против «распутинщины» и бюрократии в Святейшем Синоде. Обстоятельства последних дней жизни Гермогена исследовал новосибирский историк С.А. Петров.

Епископа «взяли» в ночь на 29 апреля 1918 года в Тобольске, по некоторым данным, об этом распорядился лично П.Д. Хохряков. Тюменский епархиальный съезд послал в Екатеринбург депутацию, которая вступила с советскими руководителями в переговоры о выкупе Гермогена. Торги начались с суммы в 100 тысяч рублей и дошли до 10 тысяч. Деньги были переданы тому же Хохрякову, а депутацию больше никто не видел.

26 июня 1918 года епископа и других узников вывезли из Екатеринбурга по направлению к Тюмени. Неизвестный, направивший письмо в омскую белогвардейскую газету «Сибирская речь», упоминал комиссара екатеринбургского совета С.Е.Чуцкаева, который якобы сообщил жене одного из членов депутации, что архиерей был передан П.Д. Хохрякову. Причины такого решения большевиков неясны. Так, газета «Тобольское народное слово» сообщала, что «Екатеринбургский совет оправдал епископа». Были и другие версии.

По одной из них, конец епископа был ужасен. К 29 июня 1918 года Гермоген остался последним из екатеринбургских заключенных, оставшихся в

живых на пароходе «Ока», что держал путь по реке Тобол. Большевистский конвой во главе с П.Д. Хохряковым раздел епископа, связал, подвесил камень и сбросил с парохода. Перед убийством, по рапорту начальника тобольской судебной медицины Питухина, у представителей большевистского конвоя очевидцами были отмечены странности в поведении: они стригли волосы у Гермогена, смеялись, бранили епископа. После убийства женщины, исполнявшие обязанности сестер милосердия, переоделись в платье убитого владыки и бегали «с надсмешкой» по пароходу.

В 1919 году в официальном журнале Наркомюста «Революция и церковь» «известный черносотенец и монархист» епископ Гермоген был объявлен живым и пребывающим в «темном царстве» контрреволюции на Дону. Бывший председатель Екатеринбургского Совета А.Г.Белобородов вынужден был официально отвергнуть подобные утверждения. По его мнению, епископ был расстрелян областной ЧК.

«Большевизм еще не изжит, с ним предстоит упорная борьба, и все средства должны быть мобилизованы. Нельзя в этом деле заниматься благотворительностью, всякий должен дать то, что он может. Необходимо ввести принцип добровольнаго, но обязательнаго обложения граждан, среди которых должны оказаться Минины, тогда найдутся и Пожарские».

Из выступления гласного Я.Н. Чупракова на заседании возрожденной Екатеринбургской городской думы, вторая половина 1918 года

Большевистские военно-областные комиссары не зря принимали меры против «ползучей контрреволюции» в Екатеринбурге. В городе действительно зрел заговор, ставивший целью содействовать свержению советской власти. «Кружок лиц», как называли себя, не переоценивая собственных сил, заговорщики, пытался войти в переговоры с разными оппозиционными партиями и организациями, но союзников нашел только среди социалистов-революционеров. Дождавшись, когда город покинули красные, эта «могучая кучка» немедленно образовала для управления городом временный орган — Комитет Народной Власти, в который вошли было представители народных социалистов и эсдеков-меньшевиков. Однако 29 и 30 июля все они, один за другим, посчитали нужным покинуть комитет пообещав тем не менее, ему полную поддержку.

Временный комитет начал с того, что восстановил уездное земство. С городской думой было сложнее: созвать ее в прежнем составе было невозможно — не звать же в Екатеринбург гласных-большевиков… В итоге комитет передал инициативу по созыву думы начальнику екатеринбургского гарнизона полковнику Шереховскому, а сам занялся разрешением городских проблем, не терпящих отлагательства. Комитет Народной Власти участвовал и в образовании Временного Уральского областного

Господину Председателю
Городской Думы

Гласнаго Думы Григорія Антоновича Чернявскаго

Заявленіе

Прошу Господина Председателя довести до сведенія Городской Думы, что съ сего 9го августа 1918 года я выбываю изъ состава гласныхъ вследствіе поступленія добровольцемъ въ Кадровую роту Народной арміи

Гласный Думы Г. Чернявскій.

1918 года
Августа 9 дня.

Гласный думы Григорий Чернявский, когда решалась судьба России, ушел добровольцем в Белую армию.

правительства, которое возглавил известный екатеринбуржец, гласный городской думы П.В. Иванов. Когда Екатеринбургская городская дума собралась вновь, члены Комитета Народной Власти Чернобаев, Кожухов, Козырин, Александров и Колосов объявили его распущенным, **«отчасти считая, что его дело сделано, а отчасти и не находя более возможным, по разным причинам, о которых сейчас не время говорить, продолжать свое существование».**

Условия возрождения думы были определены приказом начальника екатеринбургского гарнизона №12. Места, прежде занятые большевиками и левыми с.-р., пропорционально разделились между прочими фракциями. При этом возникли трудности: эсеры-центровики отказались указать на своих коллег из левого крыла партии. Пришлось довольствоваться мнением других гласных, которым довелось работать в большевистской думе в 1917—1918 годах.

Вызвала вопросы, с точки зрения его совместной работы с большевиками, кандидатура гласного К.Л. Блата — он «отметился» в комиссариате социального обеспечения. Но поскольку он, по его собственному признанию, **«никогда не стоял на так называемой советской платформе и в комиссариате был лишь заведывающим отделом беженцев, а не товарищем комиссара»**, дума сняла свои претензии. Зато военные власти заключили Блата в тюрьму, что вызвало на одном из заседаний думы оживленный обмен мнениями, вплоть до критики действий начальника гарнизона.

Вообще, первоначальный список гласных подвергался частым изменениям: некоторые добровольно сложили с себя обязанности, были и такие, кто, как, например, Г.А. Чернявский, ушли добровольцами в Народную армию.

Первое заседание «белой» думы открылось 31 июля 1918 года. Ее председателем был избран П.А. Кронеберг. Вступая в должность, он предложил почтить вставанием память **«жертв большевистского террора, в частности, убитаго большевиками гласнаго думы С.М. Елшанкина»**, и память **«воинов и граждан, павших в бою за освобождение России от большевиков»**. Вслед за этим гласный А.А. Кощеев предлагает **«выразить уверенность в том, что возрождающаяся русская армия и родственныя по крови и духу чехо-словацкие части явятся твердой опорой для возрождения России, освобождения ея от ига германских завоевателей и в деле созидания в стране начал законности и порядка на основе истиннаго демократизма и народоправства».**

Городским головой на первом заседании думы был избран Н.А. Лебединский, членами городской управы стали И.А. Вибке, И.И. Тихонов и Н.Н. Васильев.

Одним из основных и постоянных занятий обновленной городской думы стала организация помощи частям добровольческой армии. Тем более, что Екатеринбургом была сформирована отдельная дивизия горных стрелков, принимавшая активнейшее участие в боевых действиях. Забежав немного вперед, добавим, что председатель думы получил такую телеграмму, подписанную генерал-лейтенантом Голициным 14 марта 1919 года: **«Прошу Вас широко оповестить население г. Екатеринбурга, что сформированная городом и входящая в состав вверенной мне ударной группы высоко доблестная седьмая Уральская дивизия горных**

стрелков 13-го марта около полудня с боем освободила город Уфу. До подхода к Уфе, дивизия, руководимая начальником генерал-майором Торейкиным и командиром бригады генерал-майором Тарасевичем в течение семи суток прошла около 200 верст и в двадцати упорных боях в снегу до пояса... сломила упорство красных, которые в панике бегут. У меня нет слов выразить восторг перед солдатами геройской дивизии. Число трофеев — 9 орудий, огромное количество пулеметов, винтовок, обозов и складов».

Екатеринбургская городская дума поставила целью упорядочить патриотические порывы тех горожан, что встретили войска белых как своих освободителей. Учитывая, однако, что формирование Народной армии, начавшееся в Екатеринбурге, — дело весьма затратное, дума постановила использовать изобретенную большевиками практику «обложения» граждан, с той лишь разницей, что теперь у этой разверстки — вернее, как тогда выражались, «самообложения» — была совершенно противоположная идейная подоплека и отсутствовал классовый характер: вспомоществовать солдатам Верховного Правителя предметами первой необходимости и деньгами горожане обязаны были в самой широкой своей массе. Были предложения положиться на частную благотворительность, но их отвергли как не отвечающие масштабам кампании. Гласный И.Т. Завирин даже представил на рассмотрение городских властей специальный доклад, в котором предлагал думе как учреждению, пользующемуся **«среди населения безусловным авторитетом»**, возглавить общегородской сбор пожертвований. Специальная думская комиссия должна была вызвать всех, кто не успел уплатить военный налог, введенный исполкомом Совдепа: сбор по этому налогу планировался в размере 3 миллионов 32 тысяч рублей, а внесено было лишь 1 миллион 25 тысяч рублей. Кроме того, по мысли Завирина, следовало отдельно организовать сборы в общественных организациях и союзах и в каждом квартале города. 12 августа 1918 года дума согласилась с этими предложениями.

Осенью 1918 года Екатеринбург едва не стал центром всего антибольшевистского движения в России: в сентябре на Государственном совещании в Уфе было решено создать здесь резиденцию формирующегося Всероссийского правительства. Участник того совещания Л.А. Кроль должен был подготовить переезд. **«Встреча готовилась самая помпезная (в том числе банкет на несколько сот кувертов), —** вспоминал он. **— День въезда Директории объявлен неприсутственным днем...»** Однако 6 октября Всероссийское правительство миновало Екатеринбург и отправилось в Омск. **«Это был гром среди ясного неба,** — писал Л.А. Кроль. **— Она (Директория) не отдавала себе ни малейшего отчета в моральном значении своего поступка»**. Глава правительства Н.Д. Авксентьев объяснил его так: **«Иначе нельзя было. Мы должны сунуться волку в пасть: или он нас съест, или подавится»**. «Волк» не подавился...

Общий круг «военных» забот городского самоуправления оказался необозримо широк, причем справляться с ними приходилось в форс-мажорных условиях: Екатеринбург располагался в прифронтовой полосе. Для расквартирования войск белой армии в городе было изыскано свыше 300 помещений. Следует отметить, что в

1915—1917 годах Екатеринбург был вынужден размещать гораздо больший контингент воинских частей (55 тысяч человек), и отведено было тогда на эти цели только 143 помещения, которые в конце концов, после красноармейского постоя, пришли в совершенно разрушенное состояние.

Расходы города на квартирное довольствие войск возмещались правительственной казной, но в слишком незначительной части. Между тем на квартиры приходилось определять и очень важные военные учреждения: в частности, в апреле 1918 года в Екатеринбург была переведена из Петрограда Академия Генерального штаба. С августа 1918-го по февраль 1919 года Екатеринбург израсходовал на расквартирование войск 1 852 000 рублей, а в качестве возмещения получил 843 тысячи рублей. При этом городская управа вычислила, что только от потери арендной платы город потерял бы до 1 января 1920 года 600 тысяч рублей, и это с учетом возмещения в размерах, установленных тогдашним правительством. Наконец, оплата ассенизации воинских помещений целиком возлагалась на плечи города, и только за полгода бюджет Екатеринбурга вынужден был выделить на эти цели около 200 тысяч рублей.

Огромной проблемой стало снабжение воинских частей дровами. В топливе нуждались все — и обыватели, и разного рода городские учреждения, но военные нужды ставились во главу угла. Отопление воинских частей с октября 1918-го по февраль 1919 года стоило Екатеринбургу более 600 тысяч рублей, причем, несмотря на скудность городских средств, снабжение топливом шло бесперебойно.

Городской голова назвал **«совершенно неожиданным»** приказ военных властей, согласно которому лечение пленных красноармейцев было изъято из ведения военно-лечебных заведений и передано в руки местного самоуправления. К весне 1919 года таких пациентов находилось в екатеринбургских лечебницах уже около 400, и количество их все возрастало: по городу шел тифозный мор.

Усилия городской власти, предпринятые в тяжелейших условиях войны и безденежья, были оценены по достоинству. 24 января канцелярия Верховного Правителя сообщила в Екатеринбург о резолюции, положенной А.В. Колчаком на одном из думских документов: **«Главному начальнику Уральскаго края. Передать председателю Екатеринбургской Городской Думы мою благодарность и уверенность в общественной работе, направленной к общей для всех русских людей цели. Адмирал Колчак 13 января 1919 г.»**.

Город совсем неплохо уживался с военными. Когда весной 1919 года чешские части покидали Екатеринбург, дума благодарила их представителей Рудольфа Медека и Олега Войтишека и выразила **«в их лице чехо-словацкому народу чувства признательности за помощь, оказанную русским»**. А Уральский Культурно-Экономический союз даже внес в думу предложение переименовать Арсеньевский проспект в Чехословацкий. 22 марта екатеринбургские думцы единогласно поддержали идею издания, причем в самом спешном порядке, памятной записки о пребывании Верховного Правителя в столице Урала: Колчак в конце февраля 1919 года выступал перед гласными **«с изложением программы и взглядов его на происходящие теперь события»**. 15 мая, накануне переезда, **«по условиям боевой обстановки»** из Екатеринбурга в Пермь штаба Сибирской армии и его командующего генерал-лей-

...вленіе дѣлами
...вѣта Министровъ
...ховнаго Правителя.
КАНЦЕЛЯРІЯ
...РХОВНАГО ПРАВИТЕЛЯ.
6 " января 1919 года
№ 132

23/I

Главному Начальнику Уральскаго Края. -

217

Имѣю честь сообщить, что на представленіи Вашемъ отъ 2 января с.г за № 32 Верховному Правителю угодно было положить слѣдующую резолюцію: „Главному Начальнику Уральскаго Края передать Предсѣдателю Екатеринбургской Городской Думы мою благодарность и увѣренность въ общественной работѣ, направленной къ общей для всѣхъ Русскихъ людей цѣли. Адмиралъ Колчакъ 13 января 1919 г.".

Вр.И.об.Директора Канцеляріи
Верховнаго Правителя
Генерал-Майор Мартьянов

Начальникъ Отдѣленія [signature]

Телеграмма.

№ ____

Принята ____ 191 г.

отъ ____ №

Разр. | Счетъ словъ | Подача.

Служебныя отмѣтки

ПРОВѢРЕНО Канцелярія Почты и Телеграфа

...ЕВОЗМОЖНЫМ ПРЕКРАТИТ ДАЛЬНЕЙ ОЧ...

...ОРОДСКОЙ УПРАВОЙ ПРИКАЗОМ КОМАНДИРА 1 СРЕДНЕСИБИРСКАГО КОРПУСА ГЕНЕРАЛ
...ЛЯЕВА БЫЛО ПЕРВАГО ЯНВАРЯ ПРИСТУПЛЕНО ОРГАНИЗАЦИИ МИЛИЦИИ ЗАТЕМ
...РИГЛАШЕН СОГЛАСИЯ НАЧАЛЬНИКА ГАРНИЗОНА НАЧАЛЬНИК МИЛИЦИИ ПОРУЧИК ...
...АТИН КОМАНДНЫЙ СОСТАВ ОРГАНИЗОВАНЫ КАНЦЕЛЯРИИ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

...СТОГО ЯНВАРЯ НАЗНАЧЕН НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОРОДУ НАЧАЛЬНИК СЧИТАЯ ...
...ВАНИИ ЗАКОНА ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ПРИКАЗА КОМАНДИРА КОРПУСА
...МИРОВАНИЕ МИЛИЦИИ ДЕЛОМ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ И НАХОДЯ ...
... ДАЛЬНЕЙШУЮ ЕЯ ОРГАНИЗАЦИЮ УПРАВА ПРОСИТ СРОЧНО
...АТ УКАЗАНИЯ И ПРОСИТ ОСТАВЛЕНИИ НАЧАЛЬНИКОМ МИЛИЦИИ ПОДПОРУЧИКА
...ЛАТИНА ТОЧКА ВОПРОС СРОЧНО ВНОСИТСЯ РАЗСМОТРЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ 8
...ЯНВАРЯ ПРОШУ ВАШЕГО СОДЕЙСТВИЯ ЗА ГОРОДСКИМ САМОУПРАВЛЕНИЕМ ПРАВА

Адмирал Колчак благодарит Екатеринбургскую городскую думу за работу, «направленную к общей для всех русских людей цели».
Январь 1919 года

тенанта Гайды, городская дума постановила учредить в Горном институте стипендию его имени на средства городского самоуправления.

> ***«Для более же надежного обоснования ведения городского хозяйства необходимо в ближайшем же будущем дать возможность Городскому Самоуправлению осуществить ряд доходных городских предприятий, каковыми в первую очередь надо признать: городския бойни, центральную электрическую станцию, водопровод и трамваи. Однако осуществление означенных предприятий совершенно не под силу городским средствам и в этом случае в отношении привлечения капитала на указанныя цели со стороны Правительства необходимо оказание самаго энергичнаго и широкаго содействия».***
>
> *Из доклада екатеринбургского городского головы Верховному Правителю, 22 февраля 1919 года*

Покидая Екатеринбург в 20-х числах июля 1918 года, красные оставили город с задолженностью почти в 6 миллионов рублей, наличных средств в городской кассе оказалось 60 тысяч рублей. Процентные бумаги, не принадлежавшие собственно городу, а отданные на хранение городской управе социальными учреждениями Екатеринбурга, были вывезены большевиками.

Между тем только августовские 1918 года, самые неотложные расходы городской власти составили миллион рублей. Оказавшись перед жесточайшей необходимостью пополнения капиталов, власть вынуждена была, по словам городского головы Лебединского, **«прибегнуть к взысканию оценочного сбора по окладным листам, разосланным большевиками, не предрешая, однако, вопрос о порядке и времени погашения излишне против закона взысканного сбора».**

К январю 1919 года городское самоуправление подошло с дефицитом пятимесячного бюджета в 2 миллиона рублей. При этом оно — сошлемся вновь на городского голову — **«провело в жизнь решительно все доходныя статьи, предусмотренныя Городовым Положением 1917 г.»**. Стремясь заткнуть финансовую брешь, екатеринбургская власть обратилась в колчаковское министерство внутренних дел с просьбой разрешить взыскание единовременного налога на недвижимые имения: их ценность значительно выросла со времени последней оценки. Однако «сверху» был получен отказ.

Верстая бюджет 1919 года, дума и управа Екатеринбурга встали в тупик: расходы росли как на дрожжах. Если в 1915 году на нужды народного образования выделялось 150 тысяч рублей, то план 1919 года приближался к 2 миллионам. Смета на содержание городской больницы в 1918 году составляла примерно 60 тысяч рублей, в следующем году она угрожала разбухнуть до 1 миллиона 300 тысяч рублей. В итоге ожидаемый бюджетный дефицит на 1919 год был исчислен в 6 миллионов рублей.

Ко всему, колчаковская казна, хоть и была в ряде случаев обязана, не успевала компенсировать расходы, понесенные городом. Так, за пять месяцев с момента захвата Екатеринбурга частями белых, на восстановление и оснащение народной милиции городская власть ассигновала свыше 620 тысяч рублей, а в качестве компенсации получила лишь 254 тысячи. В части финансирования школ и учителей правительство тоже задолжало городу солидную сумму — 226 тысяч рублей. Между тем в 28 городских начальных училищах обучалось тогда более 3000 учащихся, причем 16 школьных помещений были заняты для военных надобностей. Но особенно трудно было Екатеринбургу справляться с эпидемией тифа, борьба с которой требовала крупных ежедневных расходов. Казна помогла этой борьбе выделением всего лишь ста тысяч рублей. Зато на нужды горожан откликнулся американский Красный Крест, оборудовавший за свой счет дезинфекционную камеру при воинских банях.

Город сумел оборудовать для больных тифом 660 коек — при том, что создание одной койки обходилось не менее чем в 1000 рублей, а содержание каждого больного в сутки — по 12 рублей. В заразных отделениях больниц и в эпидемических бараках свободных мест практически не было. В конце 1918 года решено было отвести для лечения сыпно-тифозных больных вторую женскую гимназию: классы превратились в палаты, в гимнастическом зале расположился изолятор. Для пленных красноармейцев, тоже часто поражаемых тифом, пришлось открыть особую больницу на 70 коек.

3 января 1919 года городская дума приняла ставки страхования медицинского персонала, работающего в тифозных бараках и лазаретах.

А для неотложной медицинской помощи обывателям был спешно создан институт думских врачей — их было четверо. К слову, от тифа умер тогда и один из гласных городской думы — Н.А. Румянцев.

Продолжало действовать и городское попечительство о бедных, изначально устроенное по принципу максимальной самодостаточности: екатеринбургское самоуправление небезосновательно полагало, что столь серьезную общественную работу нельзя строить, рассчитывая только на частную благотворительность. Попечительству приносили доход его собственные коммерческие предприятия: мыловаренный завод, хлебопекарня, столовая, многочисленные мастерские — столярная, слесарная, переплетная, картонажная, игрушечная, кружевная. Но в 1918—1919 годах эти предприятия оказались без оборотных средств, достаточных для их расширения: обычных объемов прибыли не хватало для призрения всех нуждающихся. А потому, как указывал городской голова, **«с одной стороны попечительство поставлено в необходимость принимать в свои учреждения брошенных на произвол судьбы детей, начиная с грудного возраста, — с другой стороны принуждено... приступить к частичной ликвидации своей работы, ибо оно совершенно не в силах справиться с задачами призрения при переживаемом финансовом кризисе»**. И тем не менее в то военное лихолетье под крылом екатеринбургского попечительства о бедных нашли приют 1500 стариков и детей.

Показательно, что у городского самоуправления не опускались руки. Дума и управа деятельно изыскивали способы упорядочить бюджетный процесс и не да-

вали скучать вышестоящим органам власти. Предлагалось многое: и дать городу право взимать земский сбор, и разрешить обложение купли-продажи недвижимых имуществ, и увеличить размер ставки добавочного сбора к государственному прогрессивному подоходному налогу. Впервые, пожалуй, за многие десятилетия екатеринбургское городское самоуправление не зацикливалось на очередном займе как на панацее от текущих финансовых проблем. В тощем, нищем, тифозном военном 1919 году городской голова открывал перед Верховным Правителем перспективы оздоровления и развития Екатеринбурга за счет открытия доходных предприятий — в том числе речь шла о строительстве водопровода, пуске трамваев... Управа докладывала думе даже некий **«проект города-сада»** и всерьез полагала возможным его финансировать.

«В интересах восстановления Городского и Земскаго Самоуправлений Правительство немедленно приступит к разработке закона о выборах в них на основе всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательного права без различия пола».

Из декларации «От Временного областного правительства Урала», 19 августа 1918 года

Легитимности местной власти придавалось огромное, можно сказать, определяющее значение и Уральским правительством, и ставкой Колчака. По мысли борцов за «белое» дело, вся тяжесть первоначальной, черновой работы по возрождению России, до созыва Учредительного Собрания, должна была лечь именно на местное самоуправление, облеченное народным доверием. А потому вслед за воссозданием городской власти на освобожденных от большевизма территориях началось формирование законодательной базы для новых выборов городских дум — при участии самих местных деятелей.

Екатеринбургские думцы создали специальную комиссию, которая занялась разработкой предвыборных рекомендаций. Протоколы заседаний этой комиссии уже в октябре 1918 года горячо обсуждались гласными думы. Первые три общих положения, сформулированные комиссией 23 октября, дума принимает единогласно. Споров не вызвали:

– необходимость ускорения выборов в городскую думу;

– устранение армии от участия в выборах;

– подтверждение того, что правом участия в выборах гласных должны пользоваться российские граждане обоего пола всех национальностей и вероисповеданий.

Однако наученные горьким опытом бесплодных дебатов в большевистской «демократической» городской думе, на сей раз гласные серьезно задумались о введении некоторых ограничений на участие в избирательной кампании. Разногласия появились уже в момент обсуждения возрастного ценза. Одни, как, например, кадеты,

ПРИКАЗЪ

Уполномоченнаго Командующаго войсками Сибирской Арміи по охраненію Государственнаго порядка и Общественнаго спокойствія въ Пермскомъ, Екатеринбургскомъ, Кунгурскомъ, Камышловскомъ, Шадринскомъ, Красноуфимскомъ, Ирбитскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ.

19 Марта 1919 г. **№ 40.** *г. Екатеринбургъ*

Ввиду предстоящихъ выборовъ въ городское Самоуправленіе, приказываю всѣмъ правительственнымъ, общественнымъ и частнымъ учрежденіямъ освободить отъ текущей работы 21 и 22 Марта с. г. участковыхъ продовольственныхъ старостъ, на коихъ возложена подготовительная по выборамъ работа

Благодаря огромной важности будущаго Самоуправленія, на плечи коего падетъ окончательное возстановленіе разрушеннаго городского хозяйства и всѣхъ сторонъ хозяйственной жизни города и поддержаніе таковаго въ теченіе четырехъ лѣтъ, прошу старостъ обратить особенное вниманіе на правильность подготовки къ выборамъ.

Генералъ-Маіоръ *Домонтовичъ.*

Начальникъ Общаго Отдѣла Капитанъ *Плѣшивцевъ.*

Типографія Т-ва «Уральскій Край».

Весной 1919 года Верховный правитель России адмирал Колчак активио готовил иа Урале выборы органов местиого самоуправлеиия.

Первый протокол заседания екатеринбургской городской думы, возродившейся при белых. Июль 1918 года

Журналъ № 1

перваго засѣданія Екатеринбургской Городской Думы обновленнаго состава 31 Іюля 1918 года.

Засѣданіе открывается въ 7 часовъ вечера.

Присутствуютъ: Начальникъ гарнизона Полковникъ Шереховскій, Начальникъ Административнаго Отдѣла Поручикъ Зубовъ и слѣдующіе гласные: А.М. Спасскій, Л.А. Кроль, С.П. Кваннинъ, П.П. Чистосердовъ, П.И. Лебедевъ, В.Х. Тюшевъ, М.Л. Закожурникова, П.А. Кронебергъ, В.Э. Торгудъ, А.К. Кузнецовъ, Д.И. Казанцевъ, А.П. Ананьевъ, Ф.П. Григорьевъ, Н.Н. Васильевъ, А.А. Кронебергъ, З.Х. Агафуровъ, Н.Н. Чистосердовъ, М.П. Соколовъ, Л.Ф. Савинина, П.А. Николаи, Г.А. Чернявскій, Н.И. Береновъ, И.А. Стефановичъ, А.А. Кощеевъ, П.Г. Келль, П.Е. Патрушевъ, А.А. Егоровъ, В.Я. Федоровъ, А.И. Ермухановъ, А.П. Чернавина, В.П. Ярковъ, А.А. Дмитревскій, Ф.Г. Гумеровъ, А.Г.А. Абдрашитовъ, И.Т. Завпринъ, Н.А. Арнольдовъ, И.П. Чупраковъ, В.А. Старцевъ, С.И. Хрѣновъ, І.М. Іофъ, И.И. Тихоновъ, П.С. Пѣтуховъ, П.А. Мельникъ, П.А. Діевъ, В.С. Вяткинъ, Е.Н. Львовъ, П.П. Симоновъ, И.Е. Герасимовъ, Э.М. Барбель, І.М. Зайдъ, К.Л. Блатъ, С.Х. Паинъ, Л.И. Дукельскій, Д.Л. Гаснеръ.

Начальникъ гарнизона г. Екатеринбурга полковникъ Шереховскій произноситъ привѣтственную рѣчь, призывая г.г. гласныхъ приступить къ ихъ трудной и отвѣтственной работѣ, обѣщая имъ полную поддержку со стороны военной власти.

Рѣчь Начальника гарнизона покрывается бурными аплодисментами гласныхъ и публики.

Послѣ этого Начальникъ гарнизона предлагаетъ провѣрить списокъ гласныхъ, что и производитъ Начальникъ Административнаго Отдѣла Поручикъ Зубовъ.

Провѣрка полномочій гласныхъ всѣхъ группъ, за исключеніемъ соціалистовъ-революціонеровъ, происходитъ безъ затрудненій. Послѣдніе же проходили въ Думу по одному списку съ лѣвыми с-р., которые исключаются, согласно приказа Начальника гарнизона за № 12.

Присутствующіе въ засѣданіи гласные с.-р. центровики отказываются взять на себя право назвать находящихся въ спискѣ лѣ-

М. В. Д.
ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
УПРАВА.

191.. г.

№

г. Екатеринбургъ,
Пермской губ.

Господину Главному Начальнику Уральскаго Края.

Начало избирательной кампании по выборам в городскую думу — горячая пора

Съ 10-го сего Марта Городская Управа приступаетъ къ составленію списковъ избирателей города Екатеринбурга по выборамъ въ Городскую Думу на предстоящее четырехлѣтіе. Предварительная работа будетъ произведена штатомъ городскихъ регистраторовъ, которые должны лично обходить всѣ квартиры, учрежденія и предпріятія въ городѣ и собирать требуемыя закономъ свѣдѣнія о каждомъ лицѣ возрастомъ не менѣе 21 года, занося ихъ на особую опросную карточку. Лица, не проживающія въ г. Екатеринбургѣ, но состоящія тамъ на службѣ правительственной, общественной или частной, будутъ занесены на карточки по мѣсту ихъ службы.

Въ цѣляхъ достиженія большей полноты регистраціи и ея правильности, желательно, чтобы во всѣхъ квартирахъ, учрежденіяхъ и предпріятіяхъ городскимъ регистраторамъ предоставлялись приготовленные заранѣе списки лицъ, проживающихъ въ квартирѣ и служащихъ въ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ.

По симъ соображеніямъ и на основаніи ст. 15 Правилъ о производствѣ выборовъ гласныхъ городскихъ думъ, имѣю честь просить Васъ издать для обязательнаго руководства приказъ приблизительно слѣдующаго содержанія:

"Всѣ квартирохозяева въ г. Екатеринбургѣ не позднѣе 10 сего Марта обязаны соста-

ратовали за 25-летний ценз, так как до этого возраста **«человек еще недостаточно зрел, чтобы вполне сознательно относиться к общественным и хозяйственным вопросам»**. Другие, особенно эсеры, возражали, что **«и в 25 лет может быть гражданин, не разбирающийся ни в своих, ни в чужих делах». «Если в городе юноши и девушки учатся до 25 и более лет, не приобретая необходимого житейского опыта к 21 году**, — рассуждал один из лидеров екатеринбургских эсеров гласный А.А. Кощеев, — **то в деревне уже с 14—16 лет начинают помогать в хозяйстве. А крестьян и рабочих большинство»**. Остановились в итоге на цензе в 21 год.

Дума признала также фактом, дающим право на участие в выборах, владение недвижимым имением в черте города. При этом минимальный необходимый срок владения таким имуществом был определен в три месяца.

27 декабря 1918 года на свет появился закон о производстве выборов гласных городских дум. С 10 марта 1919 года екатеринбургская городская управа приступила к составлению избирательных списков. Специально набранные регистраторы лично обходили квартиры, учреждения и предприятия и собирали сведения о лицах, обладающих избирательным правом. По просьбе городского самоуправления Главный начальник Уральского края Постников издал приказ, обязавший всех «квартирохозяев» Екатеринбурга составить списки жильцов, а руководство фирм, предприятий и учреждений — списки служащих, имеющих право участвовать в выборах.

К концу мая состоялись собрания различных организаций, желающих выдвинуть свои списки кандидатов в гласные Екатеринбургской городской думы. 2 июля 1919 года на первой странице газеты «Уральская жизнь» были объявлены **«во всеобщее сведение заявленные списки кандидатов в гласные Екатеринбургской городской Думы на 4-летие 1919—1923»**.

До возвращения красных в Екатеринбург оставалось меньше месяца. Подавляющему большинству активных городских деятелей лежала дальняя дорога с отступающими частями Белой армии — на Дальний Восток, в Харбин, в Монголию и Японию, где следы многих и многих затеряются. Но останется память об их трудах на благо Екатеринбурга, Урала, той России, которая была им дорога.

«Многие из членов партии... в значительной степени отрываются от масс и заражаются бюрократизмом, что относится очень часто и ко многим рабочим, членам Советов. Коммунистов, членов Советов, необходимо обязать во что бы то ни стало давать отчеты своим избирателям не реже 1 раза в 2 недели. Рабочих, побывавших на чисто советской работе более 3 месяцев подряд, следует возвращать на заводы по крайней мере на один месяц».

Из резолюции о партийном строительстве, принятой на VIII съезде РКП(б)

Большевики, вернувшись в Екатеринбург, тоже начали с того, что помянули павших товарищей. Малышев, Шейнкман, Цвиллинг, Тверитин – их именами до сих пор названы екатеринбургские улицы. Значились в этом мартирологе и комиссары Екатеринбургского Совета Роман Загвозкин (Загвоздкин) и Степан Большаков. Первый прошел путь от рабочего городской электрической станции до председателя городского комитета РСДРП (большевиков) и умер, тяжело заболев как раз в те дни, когда «красные» оставляли город. Товарищи смогли увезти его через Пермь и Вятку в Харьков, где Загвозкин скончался. Большаков, бывший злоказовский рабочий, собиравший до войны пулеметы, был заместителем Загвозкина в городском комиссариате труда и погиб под Сылвинским заводом…

Как вспоминал известный краевед С.А. Захаров, **«15 июля – день освобождения Урала от белогвардейцев и интервентов – в двадцатых и начале тридцатых годов отмечался в Свердловске не только торжественными собраниями, но и грандиозной инсценировкой на городском пруду. Называлась она «Взятие Екатеринбурга Красной Армией»**.

Поначалу вся власть на отвоеванной большевиками территории принадлежала Екатеринбургскому Губернскому Революционному Комитету, хотя с самых первых дней в городе воссоздавались советские подразделения, работавшие до прихода белых войск. Образовался хаос, вынудивший председателя губревкома, уже знакомого нам Л.С. Сосновского, издать уже 5 августа приказ № 17, в первом параграфе которого вкратце описывался механизм властвования в создавшейся ситуации: **«Ввиду того, что многие отделы, совершенно не считаясь с другими отделами и игнорируя высшие советские органы, вносят дезорганизацию, издавая по одному и тому же вопросу различного рода постановления, Губревком постановил: все постановления, выпускаемые заведующими отделами и имеющие принципиальный характер, должны быть предварительно представлены на утверждение президиума Губвоенревкома и только по засвидетельствовании т. Председат. или его заместит. и заведывающ. тем отделом, от которого выпускаются постановления, могут быть опубликованы»**.

Пройдя военные испытания, уральские большевики закалились и, что очень немаловажно, получили возможность не считаться более с бывшими соперниками-союзниками из числа социалистов и демократов всех окрасов. С приходом красных меньшевики, воспользовавшись сумятицей, попытались организовать в Верх-Исетском заводе свой военно-революционный комитет и две недели правили **«именем Советской власти»**, но были разоблачены. Уездно-городской ВРК попросил самозванцев **«убраться лучше к своему союзнику Колчаку»** – меньшевики стали упирать, что они выбраны народом, срочно созвали собрание квартальных старост. Ничего у них не вышло, и Верх-Исетский ВРК был в конце концов сформирован **«из старых всем известных рабочих – Давыдова, Мокеева, Орешкина»**, писал «Уральский рабочий» 10 августа 1919 года.

К середине августа образовался Екатеринбургский городской революционный комитет во главе с П. Быковым. За порядок и безопасность в городе отвечал комен-

дант А. Жилинский. Начато и формирование милиции. Город разбит на 14 районов, подведомственных милицейским начальникам **«из среды коммунистов»**.

Отделы, сформированные «довоенным» составом городского Совета, действительно взялись за работу с потрясающей активностью. Так, Екатеринбургский отдел народного образования уже к 7 августа заново открыл городские детские площадки, о чем и оповестил горожан: **«Дети, посещавшие их, приглашаются для занятий на таковых, а равно и для подготовки к устраиваемому 10 августа с.г. детскому празднику»**. В скобках отметим, что праздник удался на славу, только в Харитоновском саду собралось несколько тысяч гуляющих.

А городской продовольственный отдел закручивал гайки. 5 августа он объявил, **«что в самом ближайшем времени будет произведен учет населения города и введен классовый продовольственный паек»**. Кроме того, горпродком, **«в целях пресечения расхищения народного достояния»**, предложил екатеринбуржцам **«в 3-х дневный срок заявить в свои участковые комитеты о месте нахождения скота и птицы и инвентаря их обслуживающего, оставшихся от бежавших их владельцев с белыми в июле с.г. За укрывательство означенного скота и инвентаря и неисполнение настоящего распоряжения виновные будут привлечены к ответственности по законам военного времени»**.

Некоторые советские органы распространяли свою власть и на город, и на уезд. К примеру, все крупные имения, принадлежавшие бежавшим с белыми владельцам, перешли в ведение уездно-городского земельного отдела, в обязанность которого и вменялась и забота об уборке урожая. А организация всех советских станций в уезде и гоньба лошадей для разъезда должностных лиц были отнесены к обязанностям уездно-городского отдела управления… Уездно-городской отдел коммунального хозяйства занят в основном обслуживанием воинских частей и лазаретов. Взято на учет 500 домов бежавших буржуев, предполагалось, что таких домов на самом деле вдвое больше. До 500 квартир рабочих планировалось осветить электричеством.

Штаты уездно-городских отделов были невелики. К примеру, инструкция, подписанная заведующим Екатеринбургским губотделом социального обеспечения Я. Юровским, устанавливала следующую структуру соответствующего уездно-городского отдела:

1) подотдел пайка, пенсий и пособий
2) охрана материнства и младенчества
3) охрана детства
4) охрана старчества

Штаты:

— зав. отделом; заместитель; секретарь; 4 зав. подотделами.

— зав. хоз. частью; бухгалтер; счетоводы — 1–3; конторщики — 2–3; машинистки — 1–2; рассыльные — 2–3.

Канцелярия: делопроизводитель; регистраторши — 1–2; машинистки — 2–4.

Справочный отдел: зав. и два помощника.

Инстанцией, которая взяла на себя контроль за всей многообразной и зачастую стихийной деятельностью моментально расплодившихся отделов и комитетов, оставался

№ 1 (363)

Воскресенье 3 августа 1919 г.

Обнажите головы, рабочие Урала!
Сегодня мы чтим светлую память уральских коммунаров,
борьбе за торжество Рабоче-Крестьянской Революции.

Не забывайте клятвы.

Я. М. Свердлов.

Товарищ „Андрей“.

губревком. С небольшими сокращениями приведем переписку председателя губревкома с группой жительниц Екатеринбурга — из этой переписки видно, как неоднозначно относились горожане к советским структурам и как умело большевистские руководители находили путь к сердцам людей, измученных нищетой и передрягами.

«Товарищю Сосновскому

От группы матерей. Убедительно просим Товарищ Вас втом, что ясли с детской смертностью закрыты буржуазии в скоре после ухода Вашего, т.е. Советской власти из Города Екатеринбурга. И до сих пор ясли закрыты (угол Васенцовской и Клубной № 105). Этот дом жертвенный только для детей бедных матерей укоторых нет возможности оставить ребенка без призора ясель. Многие матери бросают детей напроизвол судьбы и досих пор это есть...

Было прибелых какое то попечительство обедных. Так оно попечалось, что зимой в ноябре 1918 им нужна стала квартира какому то ихнему служащему профессору Любарских и это попечительство закрыло ясли. А Любарский занял эти детския ясли. А бедныя дети и матери метались как дикие звери туда и суда...

В течение года в разлуке с Вами, Товарищи, сколько перенесли мученья эти жалкия матери. Многие растались с детьми. А которые матери перебились и ждут с нетерпением ясли... Мы не однократно были обеспечения социалистов (в отд. Социального обеспечения). Мы там видели те лица, которые были при белых они нам от вечали супреком: будут открыты ясли неизвестно когда. Как будто они опять ждут своего Любарского...».

«Дорогие товарищи, пролетарские матери! — откликается Л.С. Сосновский. — **Вы были правы, надеясь на советскую власть, что она позаботится о детях...**

Уже отдано распоряжение осмотреть указанный вами дом на углу Клубной и Васенцовской для яслей.

Мы займем в районе Архиерейской и др. улиц самые хорошие буржуйские дома с садами, роскошной мебелью и цветами и превратим их в детские дома — дома радости и веселья.

Но, товарищи, нужна и ваша помощь. Попечительницы — все эти откормленные, восьмипудовые буржуйки в декольте до самого пояса — удрали со своими муженьками. Теперь нужны другие попечительницы — люди труда и нужды...

Что же касается тех советских работников, которые без внимания относятся к просьбам и нуждам трудящихся, сообщайте о них откровенно и правдиво в Губ. Рев. Комитет. Там будут разобраны все жалобы и приняты нужные меры».

12 августа публикуется еще один приказ Екатеринбургского губревкома, посвященный недостаткам советской работы: **«На первых же порах замечается, что советские работники иногда опаздывают на работу или даже не являются совсем. Замечается кое-где небрежность в работе, грубость и невнимательность к приходящим по делу гражданам, канцелярское бюрократическое отношение к по-**

сетителям. Со всеми этими проявлениями старого буржуазно-царистского строя Советская власть будет бороться и призывает всех граждан на помощь в деле оздоровления государственных организаций». Впервые заходит речь об общественном контроле за деятельностью органов народной власти — до сих пор большевики априори считали их выражающими интересы трудового народа. «**Неисполнение данного приказа,** — предупреждал председатель губревкома, — **повлечет за собой строгое взыскание вплоть до увольнения со службы и отправления на принудительные работы с опубликованием в печати фамилий как саботажников... В ближайшем будущем в Ек. губернии будут созданы органы гос. контроля, а также выборная рабочая инспекция для наблюдения за... работой органов Советской власти»**. Мы не имеем сведений, пал ли кто-нибудь из советских работников жертвой этого приказа, а вот одного екатеринбургского чекиста отправили на принудительные работы за отказ подчиниться распоряжению начальника.

Самоуправство вновь создаваемых органов власти порой вызывало возмущение даже у ортодоксальных партийцев. В сентябре 1919 года Екатеринбургский жилищный отдел выдал одной из красноармейских частей ордер на занятие квартиры, в которой располагалась редакция газеты «Уральский рабочий», не предупредив ее об этом и не предложив ей ничего взамен. Редакция в одночасье оказалась на улице. **«Над рабочей газетой было учинено неслыханное в Советской Республике насилие. И кто его сделал?** — кипел возмущением «Уральский рабочий» (публикация от 19 сентября). — **Не царские жандармы, не холопы Колчака и Деникина, — это сделали советские работники из жилищного отдела и те, кто является командирами занявшей редакцию воинской части»**.

Чтобы покончить с многовластием и самоуправством, нужна была крепкая, легитимная городская власть. 14 сентября 1919 года состоялись выборы в Екатеринбургский городской Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Участвовало в них всего около 20 тысяч человек. Были избраны 202 депутата, из них коммунистов — 151, сочувствующих — 32, беспартийных — 19. Изначально понятно было, что столь громоздкий орган не сможет осуществлять оперативное управление городским хозяйством — оно возложено было на исполнительный комитет. Уже 19 сентября П. Васильев, член новоизбранного Совета, поместил в «Уральском рабочем» заметку под красноречивым заголовком «Как поправить дело». Вывод автора был прост: **«Пока Ревком или Исполком вновь избранного Совета не будет требовать регулярной и систематической отчетности от своих органов, в том числе и от Гор. и Губпродкомов, — порядка в них не будет»**. Четкого разделения полномочий между партийными комитетами, Советами, их президиумами и исполкомами пока не существовало — его диктовала сама жизнь. Однако с самых первых дней чрезмерная «раздутость» Екатеринбургского городского Совета обрекала его на роль «свадебного генерала» при собственном президиуме, а чуть позже — исполкоме. Хотя, между прочим, одна из резолюций VIII съезда РКП(б), принятая еще в марте 1919 года, гласила: **«Необходимо бороться против тенденции передавать решение всех дел исключительно исполкомам. Советы должны работать не только как аппараты агитации и осведомления, но и как урегулированный де-**

...ДНЯ НОМЕРА 80 КОП.

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Орган Екатеринбургского ...бернского Организационного Бюро Российской Коммунистической Партии (большевиков) и Екатеринбургского ... Революционного Комитета

Выходит ежедневно, кроме дней послепраздничных.

48 (410)

Вторник 30 сентября 1919 г.

Телефон ред.

С Каинова фронта белогвардейцев обманутые солдаты бе... к нам тысячами.

На красный фронт устремляются сознательно тысячи сильных и смелых, добровольно сменявших молот на винтовку.

В „Неделю Красной Победы" рабочий Екатеринбург показ... что он умеет высоко держать знамя красного добровольчест... умеет честно платить „священный долг крови" красным ...лам, павшим в боях за освобождение Красного Урала!..

Накануне русской зимы.

Работа агентов Деникина.

О „всеобщем ограблении" и всеобщем расстрелянии.

День траура в Москве.

Грозное эхо Красного Питера

Пролетариат смыкает свои ряды.

Осень 1919 года… Газета большевиков «Уральский рабочий» пишет о том, что «на красный фронт устремляются сознательно тысячи сильных и смелых…»

ловой механизм. В Советы в городах следует привлекать не только представителей фабрично-заводского пролетариата, но и представителей всех трудящихся вообще. В этом смысле избирательное право в Советы должно постепенно расширяться, в зависимости от местных условий».

Вплоть до конца 1919 года, судя по протоколам заседаний и газетным публикациям той поры, Екатеринбургский Совет будет почти безропотно и уж, во всяком случае, безынициативно «принимать к сведению», а то и просто выслушивать, для проформы и для последующего осведомления избирателей, доклады представителей нарождающейся прослойки советско-партийных чиновников.

Так было и с вопросом, за решение которого городской Совет взялся еще на своем первом заседании в сентябре 1919 года — о переименовании улиц и площадей Екатеринбурга. Специально созданная комиссия подчеркивала: **«Необходимо переименовать все главные улицы города в честь вождей пролетарской революции и наиболее видных екатеринбургских товарищей, погибших на фронтах гражданской войны. Кроме того, решено переименовать некоторые площади и ряд улиц, носящих названия, напоминающие умирающий строй»**. Весь следующий месяц комиссия принимала предложения от горожан. А окончательно — и без всяких дискуссий! — вопрос был закрыт 7 ноября, на торжественном объединенном заседании Совета и представителей Красной Армии.

Символика власти обычно отражает ее суть. В тот день Новый городской театр был украшен алыми знаменами, а сцена, где восседал президиум Совета, декорирована под колонный зал. Зрительный же зал был ярко освещен — **«непривычно для екатеринбуржцев, не избалованных щедростью электрической станции»**, как невольно отметил очевидец.

Ближе к концу заседания слово для доклада было предоставлено Л.С. Сосновскому. Он и оповестил собравшихся о списке новых названий улиц и площадей. В газетном отчете о собрании даже не указано, было ли на этом полумитинге-полусобрании проведено хотя бы формальное голосование относительно этого доклада.

Приведем полный список измененных названий улиц.

До ноября 1919 года был Главный проспект — стала ул. Ленина (переименована в проспект 5 сентября 1962 года постановлением Свердловского горисполкома)
Покровский проспект — ул. Малышева
Отрясихинская — Радищева
Александровский проспект — Декабристов
Уктусская — Троцкого
Симеоновская — Тверитина
Гимназическая набережная — Рабочей Молодежи
Архиерейская — Детский городок
Театральная площадь — Парижской Коммуны
Площадь у Дома союзов (б. Окружной суд) — площадь Труда
Площадь у Кафедрального собора — Пл. 1905 года

Верх-Исетская площадь — Уральских Коммунаров
Ночлежная пл. — М. Горького
Монастырская — Народной Воли
Тимофеевская наб. — Наб. Труда
Фетисовская — 9 января
Ломаевская — Февральской Революции
Коробковская — Октябрьской Революции
Усольцевская — Матроса Хохрякова
Успенская — Леонида Вайнера
Дубровинская — Чернышевского
Госпитальная — Добролюбова
1-я Береговая — Щедрина
1-й Богоявленский пер. — Володарского
2-й Богоявленский пер. — Урицкого
Спасская — Стеньки Разина
Болотная — Большакова
Колобовская — Толмачева
Вознесенский проспект — К. Либкнехта
Офицерская — Пролетарская
2-я Береговая — ул. Рабочего Загвозкина
Верх-Вознесенская — Коммуны
Солдатская — Красноармейская
Арсеньевский пр. — Я. Свердлова
Коковинская — Я. Шейнкмана
Васенцовская — Свободы
Клубная — Первомайская
Харитоновская — Шевченко
Крестовоздвиженская — К. Маркса
Златоустовская — Р. Люксембург
Малаховская — Энгельса
Ночлежная — М. Горького
Большая Съезжая — А. Валека
Никольская — Белинского
Дровяная — Решетникова

«Вознесенская площадь, на которую выходят окна дома, в котором кончил свои дни царь Николай Кровавый, названа площадью Народной Мести», — сообщил Сосновский ликующему залу.

Открывалась новая страница истории города и страны. Пора было начинать хозяйствовать. В тот день, 7 ноября 1919 года, «Правда» и «Известия ВЦИК» опубликовали статью Ленина «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата». Речь шла об укреплении государственной пролетарской власти, борьбе с мелкобуржуазными проявлениями — мешочничеством и спекуляцией, об организации в общенациональном масштабе крупного производства.

И всего этого партия и Советы сумеют добиться, в том числе и на Урале. То, что оказалось не по силам многим поколениям гласных екатеринбургской думы — например, сооружение водопровода, пуск трамвая, — советская власть воплотит в жизнь в Екатеринбурге уже начиная с середины двадцатых годов прошлого века.

Но об успехах молодой пролетарской власти, ее развитии и перерождении, о кризисе местных самоуправлений в конце XX века, о разгоне демократического Екатеринбургского горсовета, созыве демократической городской думы — словом, о новой и новейшей истории екатеринбургского городского самоуправления следует рассказать отдельно.

комментарий ученого

Революционный кризис и власть в Екатеринбурге

Жестокие потрясения в России, первые раскаты которых прогромыхали в 1905 – 1907 годах, к началу 1917 года стали, по сути, неизбежными. Среди роковых обстоятельств, ставших тому причиной, — радикальные реформы П.А. Столыпина, правоохранительная политика царского правительства, тяготы и крупные неудачи в ходе первой мировой войны. Неблагоприятной ситуацией в стране воспользовались все ее разнородные оппозиционные и революционные разрушительные силы. К слову, к ним следует отнести и масонскую организацию, роль которой, как правило, замалчивается или едва обозначается. Между тем с 1912 года разветвленная организация «Великий Восток народов России» стала действовать более слаженно, последовательно добиваясь радикальной либерализации страны. Основными целями были — «обволакивать» правительственные структуры, содействовать политическим переменам. В масонские ложи удалось вовлечь многих политических и общественных деятелей — как либералов, так и умеренных социалистов, депутатов Государственной Думы, даже некоторых представителей дома Романовых, а также — генералитета. Все это потом сказалось на февральско-мартовских событиях 1917 года.

Многовековая российская монархия рухнула. Поддержанное исполкомом Петроградского Совета Временное правительство провозгласило курс на демократизацию страны — в западном варианте. В его Декларации значились и такие пункты: отмена всех сословных, вероисповедальных и национальных ограничений; немедленная подготовка к созыву на нача-

Торжественное заседание

Речь тов. Кузьмина.

После [illegible] слово предоставляется члену Реввоенсовета [illegible]-ской армии, т. Кузьмину, который говорит, что два года тому назад пролетарии, одетые в серые шинели, в бурном порыве взяли штурмом небо власти буржуазии; но на земле еще остались ее силы, а созданная палочной дисциплиной старая армия развалилась. И вот уже 20 с лишним месяцев, как на нас наседают со всех сторон враги, старающиеся не дать нам собраться с силами.

Тем не менее мы за эти 2 года создали могучую армию в 3 миллиона человек, армию, спаянную железной дисциплиной пролетарского сознания, чего не удалось сделать нашим врагам.

Речь т. Лукоянова.

От окружн. комиссариата уральского военного округа выступил т. Лукоянов.

— Сегодня,—говорит оратор,—пролетариат второй раз празднует свою победу, празднует день, когда рабочий класс взял власть в свои руки.

Но здесь, в Екатеринбурге, мы празднуем этот день в первый раз. В прошлом году мы праздновали иначе; в то время, когда пролетариат Советской России слышал праздничные [illegible]

лах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и Конституцию страны; замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления; выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Временное правительство поспешило изменить систему власти на местах. Губернаторы были смещены, назначены комиссары – губернские и уездные. Первоначально в их рядах преобладали кадеты и октябристы, а позднее – социалисты. Пермского губернатора Лозину-Лозинского сменил комиссар, земский деятель Е.Д. Калугин, позднее – социалист Б.А. Турчевич, с июня 1917 года комиссаром Екатеринбургского уезда стал меньшевик И.Ф. Толстоухов.

Во главу угла в деле демократизации, переустройства России ставились задачи созыва Всероссийского Учредительного собрания. Но предусматривались и меры реформирования местного самоуправления, включая городское.

Опубликованное 22 июля Положение о выборах, имевшее всеобщий характер, по части демократии перещеголяло соответствующие законодательные акты любой другой страны. Оно установило принципы бессословности, всеобщности избирательного процесса, снизило возрастной ценз до 20 лет, отменило ограничения по имущественному положению, полу, вероисповеданию. В том же духе были разработаны юридические нормы относительно городского самоуправления, переданные на места в конце апреля 1917 года. Одним словом, последовал полный отказ от традиций не только Городового положения 1870 года, но и контрреформенного положения 1892 года.

Между тем в Екатеринбурге, городе, занимающем срединное положение в промышленно развитом регионе, в основном после победы февральской революции обосновались почти все руководящие органы политических партий и других общественных образований края. Активизировались Пермский губернский комитет партии кадетов (председатель Л.А. Кроль, член ЦК партии, который одновременно был и мастером Екатеринбургской масонской ложи), доминировавший на Урале, Уральский областной комитет партии социалистов-революционеров. В Екатеринбурге размещались Уральское горное правление, Уральский военно-промышленный комитет (председатель П.В. Иванов), Бюро съездов горнопромышленников Урала (с начала марта его возглавил назначенный Временным правительством В.И. Европеус) и др. 15 апреля на 1-й Уральской (Свободной) областной конференции РСДРП был создан Уральский областной комитет под председательством Н.Н. Крестинского. Еще раньше, 23 марта, был возрожден Екатеринбургский городской комитет большевиков во главе с И.М. Малышевым. Лидером анархистских организаций, близких к большевикам, был П.И. Жебенев. 15 августа в Екатеринбурге создается областной совет профсоюзов. Эти и другие организации включились в борьбу со «старой» властью в Центре и на местах, в создание Советов. Во главе Уральского Совета рабочих и солдатских депутатов стоял (с июля 1917) В.И. Мухин (в августе его сменил Л.С. Сосновский), а Совета крестьянских депутатов (с июня) – С.К. Тарабукин (Тарин). Слияние их произошло уже при власти большевиков, в январе 1918 года. Первым председателем объединенного Совета был В.К. Андроников, в марте его сменил А.Г. Белобородов. 8 – 9 марта возник Екатеринбургский городской Совет солдатских депутатов во главе с большевиком прапорщиком П.М. Быковым. Совет рабочих депутатов официально оформился на первом заседании 19 марта, его председателем был

избран эсер В.Я. Павловский. 23 марта они слились в единый Совет, руководимый Быковым (на некоторое время заменялся Павловским).

Советы вели борьбу с городской властью — думой и управой, но городское самоуправление сохранялось и продолжало действовать. Дума и управа, горсовет и его исполком были самостоятельными органами власти, их противостояние отражало ситуацию двоевластия в стране определенней и ясней, нежели во многих других городах Урала и России в целом.

Екатеринбургская дума, в целом состоявшая из передовых, прогрессивно мыслящих гласных, горячо приветствовала революцию, включилась в демократизацию общества, системы власти. Но вместе с тем городская дума во главе с А.Е. Обуховым, стоящие за ней слои общества, как и Государственная Дума, пытались сдержать стихию, противостояли стремлению подменить торжество демократии разнузданностью люмпенских элементов, охотно вербовавшихся большевиками и анархистами. Думцы стремились не к ликвидации и замене городского самоуправления, а именно к его демократизации, при условии сохранения преемственности лучших управленческих традиций. Именно дума выдвинула и поддержала инициативу создания в городе комитета общественной безопасности, к первым шагам которого, кстати, был причастен многолетний гласный, активный кадет, юрист А.А. Ардашев, двоюродный брат В.И. Ленина. Позиции и комитета, и думы сразу же были поколеблены большевистским и эсеровским натиском слева, однако до апрельского кризиса в стране, антиправительственных демонстраций в столице и других городах между двумя властями Екатеринбурга достигаются компромиссные соглашения. В дальнейшем Советы все больше теснят думу и городскую управу, порой вторгаясь даже в хозяйственные дела. И неудивительно: вторая областная конференция РСДРП(б), состоявшаяся 14 — 16 июля 1917 года в Екатеринбурге, еще до VI съезда этой партии, приняла решение о подготовке к ***«новой революционной войне, неизбежной как вследствие внутреннего кризиса, так и... ввиду нарастания на Западе пролетарской революции».*** *Можно с определенными оговорками утверждать, что с лета и осени 1917 года в Екатеринбурге уже происходило фактическое установление единовластия Советов, подминающих городское самоуправление. Организованная областным Советом, вкупе с леворадикальными партиями и группами, политическая забастовка, особенно дружная в Екатеринбурге, где в ней участвовало 12 тысяч рабочих и служащих, в первую очередь потребовала перехода всей власти к Советам, а также скорейшего окончания войны и заключения демократического мира — без аннексий и контрибуций. Отказ Временного правительства во главе с А.Ф. Керенским от заключения сепаратного мира, которое бы непременно сбило накал политических страстей в России, был глубочайшей ошибкой и открыл дорогу к трагической развязке — большевистскому Октябрю. Однако дума Екатеринбурга, включившего тогда в свой состав Верх-Исетский завод и другие пригородные поселки, и в этих условиях еще действовала, уступая свои позиции Совету, активно сопротивляясь. Одновременно она немало сделала для решения насущных городских задач. Сбои в думской работе начались лишь после череды избирательных кампаний, сроки которых совпали с потрясениями российского масштаба.*

Неудачная первая попытка выборов гласных Екатеринбургской городской думы на основе демократических принципов, провозглашенных Временным правительством в первые же дни его существования, состоялась 30 июля 1917 года. Голосование обеспечило решающий перевес социалистам, дав большевикам лишь 18 мест, а эсерам — 44, однако результаты

выборов были опротестованы и аннулированы (как и еще в 43 городах страны). Повторные выборы, проводившиеся 5 ноября, уже при власти и сильном давлении большевиков, кардинально изменили соотношение сил (39 мест у ленинцев против 19 эсеровских). В основном именно из-за благоприятных для большевиков итогов голосования Екатеринбургская дума и не была в те же дни разогнана, как это случилось в некоторых городах.

Большевистские организации на Урале были сильны, в октябрьский период они насчитывали до 30 тысяч, а спустя несколько месяцев – уже более 35 тысяч членов. Причем в руководстве областной и некоторых местных организаций, в том числе Екатеринбургской, преобладали партийцы, настроенные крайне радикально и лично связанные с вождями.

Утром 26 октября 1917 года исполком городского Совета, собравшись совместно с представителями областного и Екатеринбургского окружного Советов, объявил себя единственной властью в городе, лишив полномочий уездного комиссара Временного правительства, а фактически – и думу с городской управой. Специфика деятельности упрочившегося большевистского горсовета заключалась в том, что он работал в соподчинении с Уральским областным Советом. Председателем исполкома городского Совета несколько раз избирался Л.С. Сосновский, сохранявший за собой пост и председателя облсовета. Затем на городском посту его меняет вернувшийся из Петрограда участник 2-го Всероссийского съезда Советов, избранный в президиум ВЦИК П.М. Быков. Над советскими органами власти в центре и на местах, где таковые уже возглавили большевики, стоял их высший партийный аппарат. Уральский обком РСДРП(б) (с марта – РКП(б)) до декабря 1917 года возглавлял Н.Н. Крестинский, с января 1918-го – И.М. Малышев, фактически не игравший лидирующей роли, а с апреля – Е.А. Преображенский. С января 1918 года доминирующее положение в обкоме занял его секретарь Ф.И. (Ш.И.) Голощекин, он же отвечал за работу советских органов. Екатеринбургскую городскую партийную организацию до января 1918 года возглавлял И.М. Малышев, председателем горсовета до апреля 1918 оставался П.М. Быков.

А что же городские дума и управа? После переизбрания думы 5 ноября 1917 года ленинцы заняли в ней господствующее положение. Специфическим стало формирование городской управы. Ее главой – городским головой – избрали не председателя думы П.Л. Войкова, а другого большевика – С.Е. Чуцкаева, имевшего большой опыт работы в дореволюционных местных органах власти Урала. Он на деле стал центральной фигурой в «остаточном» органе городского самоуправления Екатеринбурга, действуя, в общем, со знанием дела, но как коммунист, как исполнитель воли партийных органов. Часть гласных, прежде всего – кадеты, почти сразу же подверглись преследованиям, некоторые арестовывались. Деятельность думы оказалась крайне затруднена из-за организованной большевиками ломки всего и вся – национализации предприятий, захвата банков, контрибуций, учиненных вместо налогообложения и т.п. Но, не имея в достатке опытных управленцев в Совете, других городских органах, большевики все же использовали думу и управу по тем временам сравнительно долго – до конца февраля – начала марта 1918 года, когда городская дума была распущена исполкомом горсовета.

Председателем Совета после этого был избран, по партийному указанию, С.Е. Чуцкаев. Он проявлял некую расторопность, но порядка в городе становилось все меньше и меньше.

Да и как могло быть иначе, если он одновременно являлся и одним из заместителей председателя облЧК, и комиссаром народного просвещения области…

Южная часть Урала – Оренбуржье стало сразу же после октябрьского переворота одним из районов, где развернулась вооруженная борьба за сохранение законной демократической власти. Ее вели с переменным успехом в основном казаки Оренбургского казачьего войска во главе с атаманом, полковником, в дальнейшем — генерал-лейтенантом А.И. Дутовым. В 20-х числах мая 1918 года против советского правительства выступили части Чехословацкого отдельного корпуса, эвакуировавшегося из России по Транссибирской магистрали, задержанного на огромном ее протяжении и спровоцированного наркомвоенмором и председателем Высшего Военного Совета Л.Д. Троцким. Вслед за восстанием чехословаков на антибольшевистскую борьбу поднимаются тысячи крестьян, горожан, в том числе и рабочих.

В сентябре 1918 года в Уфе состоялось государственное совещание представителей различных местных правительств, общественных и военных организаций, в итоге создавшее Директорию — Временное Всероссийское правительство под председательством правого эсера, бывшего председателя исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов и Предпарламента Н.Д. Авксентьева. Его правительство, как и ранее Комуч (и он, и другие правительства, включая Уральское, подлежали уже ликвидации), считалось воспреемником разогнанного Учредительного собрания. Комуч, то есть депутаты Учредительного собрания, объявил себя Съездом (Съезд ВУС), призванным подготовить возобновление его работы после ожидавшейся победы над большевиками или даже раньше. С Екатеринбургом связана история и этого съезда учредиловцев, и трагический, бесповоротный конец единственного в истории России Всероссийского Учредительного собрания. Подготовка съезда началась в Самаре и Уфе. Фактически его открытие состоялось в Екатеринбурге, причем здесь собиралась разместиться поначалу и Директория, обосновавшаяся затем все же в Омске. В Екатеринбург члены Учредительного собрания и обслуживавший их персонал прибыли 18 октября. Сюда приехали и бывший председатель Комуча эсер В.К. Вольский, и председатель ВУС В.М. Чернов — лидер правых эсеров.

25 июля 1918 года Екатеринбург был занят чехословацкими, белыми и казачьими частями под общим командованием полковника (в дальнейшем — генерал-лейтенант) С.Н. Войцеховского. В городе создается система власти, в основе своей воспроизводящая «межреволюционную». В августе в Екатеринбурге было сформировано Временное областное правительство Урала под председательством биржевого и общественного деятеля, кадета, гласного городской думы П.В. Иванова, с заместителем и одновременно главноуправляющим финансами Л.А. Кролем, тоже городским думцем. Оно не претендовало на роль Всероссийского и занимало промежуточные позиции между Комучем и Сибирским правительством, все больше подпадая под влияние последнего, имевшего наиболее мощную армию (формировавшиеся в Екатеринбурге части входили в подчинение Омска). Уральское правительство, к осени 1918 года находившееся в стадии ликвидации, индифферентно отнеслось к съезду членов ВУС. 6 ноября состоялось его пленарное заседание. Работа проходила в обстановке острой идеологической борьбы. Когда 18 ноября в Омске в результате правительственного переворота к власти пришел военный и морской министр адмирал А.В. Колчак, провозглашенный Верховным правителем России, участники съезда, учитывая «поправение» режима, выступили с призывом к борьбе, в том числе и вооруженной, с ним. 20 ноября учредиловцы

были высланы из Екатеринбурга в Челябинск. Продолжить работу съезда не запрещалось (новым местом ее назывался Шадринск), но она была бы уже бессмысленной. Так закончилась эпопея с Учредительным Собранием: Ленин начал его разгон, Колчак — закончил.

Правительство Колчака довольно решительно добивалось возвращения буржуазно-демократических ценностей, а отнюдь не царских порядков (как долго было принято считать). Колчак уделял большое внимание делам в Екатеринбурге, куда приезжал семь раз, а весной 1919 года даже вознамерился перенести сюда Ставку. Помешали этому майские поражения его войск.

В декабре 1918 года Главным начальником Уральского края был назначен Колчаком инженер С.С. Постников, заместителем его по военной части — полковник (позднее — генерал-майор) С.А. Домонтович, одновременно являвшийся (после ухода на фронт со сформированной в Екатеринбурге 7-й дивизией горных стрелков генерала В.В. Голицына) уполномоченным по охране общественного порядка в освобожденных от красных уездах Пермской губернии. Длительное время весной 1919 года в Екатеринбурге находился генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, который по поручению Колчака руководил расследованием убийства Романовых. Помогая деятельности гражданских властей, генералы в то же время в итоге сильно ее ограничивали. На это, в частности, жаловался Колчаку Постников. Особая роль в управлении городскими делами принадлежала возрожденным думе и управе Екатеринбурга. Состав думы был не вполне легитимным, но город обрел хозяина. На состоявшемся 31 июля 1918 года первом заседании председателем думы избран П.А. Кронеберг, многократный гласный, видный общественный деятель, кадет. Городским головой стал Н.А. Лебединский, чьи деловые качества высоко оценивались современниками. Он наладил непосредственный контакт с Омском, добивался значительных правительственных субсидий. Екатеринбургским самоуправлением были налажены рациональное налогообложение, работа городских служб, обеспечение военного гарнизона. Приезжавшие в этот прифронтовой город люди, общественные деятели отмечали хорошую для военной поры обустроенность, достойный уровень борьбы с эпидемией тифа. Такие же оценки давал городу А.В. Колчак, который во время своих приездов непременно приглашал и выслушивал руководителей думы и управы.

В тесном контакте с думой, городскими и уральскими деятелями работал прибывший через линию фронта видный кадет, член антибольшевистского Национального Центра, бывший член Постоянного Совета общественных деятелей России А.С. Белевский (литературный псевдоним — Белоруссов). Он основал весьма авторитетную газету «Отечественные ведомости», создал в Екатеринбурге в феврале 1919 года Губернский блок политических партий и общественных группировок, в который входили и многие гласные городской думы. Белевский использовал опыт екатеринбургских думцев, разрабатывая, после отъезда в Омск, конституционные положения России. Например, для этой работы в Подготовительную комиссию был вовлечен им и П.А. Кронеберг.

С конца 1918 года была развернута подготовка выборов в новую думу. Было решено вернуться к имущественному цензу, пусть и к щадящему, возрастной ценз был определен в 21 год (на год выше, чем послефевральский). В начале июля 1919 года, когда все было готово к выборам, уже шло стремительное наступление Красной армии. В Екатеринбурге наблюдалась паника, часть населения спешно эвакуировалась. В ночь с 14 на 15 июля в город ворвались

части 28-й стрелковой дивизии В.М. Азина, а вслед за ними — 21-й Пермской стрелковой дивизии Г.И. Овчинникова. Данных о проведении выборов в думу нового состава нет.

С возвращением красных в Екатеринбурге, как и на всем Урале, устанавливается советская власть, абсолютно подконтрольная компартии, ее местным комитетам. При этом происходят радикальные административно-территориальные изменения. Создается Екатеринбургская губерния с сохранением Екатеринбургского же уезда. Незамедлительно образовавшимися революционными комитетами (председатель губернского — Л.С. Сосновский, Екатеринбургского городского, созданного чуть позднее — П.М. Быков) были подготовлены выборы Советов. Уездный и городской избраны в сентябре 1919-го, в их президиумах и исполкомах часто встречаются одни и те же деятели. Председателем Екатеринбургского городского Совета на первом его заседании 22 сентября был избран известный коммунист, бывший член уездной земской управы и депутат горсовета А.И. Парамонов, одновременно делегированный и в президиум Екатеринбургского уездно-городского Совета. Жизнь Екатеринбурга начинала строиться по советско-коммунистическим канонам, утратив многие ценности дооктябрьской России.

Так закончилась эпоха думского городского самоуправления, с его огромным опытом, собранным и собственной практической работой, и переосмыслением демократических достижений Запада. Наследие этой эпохи было на многие десятилетия напрочь вычеркнуто из интеллектуального обихода и только сейчас робко заявляет о себе.

Иван Плотников,
доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик АГН

Вместо послесловия

Никакие другие накопления не сравнятся по своей ценности с опытом. Обычный житейский опыт помогает человеку устроить личную судьбу. Опыт общественной жизни — общая ценность. Это самое верное профилактическое средство против глобальных потрясений, повторения опасных ошибок.

С самого начала перестройки в России не умолкают споры о роли местного самоуправления, его месте в системе институтов власти. Кто-то ратует за полное упразднение местной власти или полное ее подчинение государству. В противоположном лагере — сторонники безоговорочной независимости и самостоятельности местного самоуправления. Между этими полюсами — множество компромиссных мнений…

Книга, которую вы держите в руках, подписана в печать после исторического события — реформы местного самоуправления. Принят новый федеральный закон, который, вступив в силу, многое изменит в работе городской власти, в жизни Екатеринбурга. Каждая такая реформа оставляла особый след в истории. На предыдущих страницах вы найдете примеры и стремительного развития городского хозяйства в Екатеринбурге, и постепенного сворачивания общественной инициативы. Весьма поучительны и попытки широкой демократизации городской власти, обернувшиеся в конечном итоге политическим кризисом. Одним словом, с 1870 года, когда было утверждено первое Городовое положение, накоплен богатый и разносторонний опыт организации общественной жизни на местах. Перспективы современных реформ трудно оценить без учета этого опыта.

Нашим предшественникам — гласным «старой» Екатеринбургской городской думы довелось испытать многое. Однако ни исторические катаклизмы, ни местные неурядицы не смогли помешать той огромной работе, благодаря которой сегодняшний Екатеринбург остается одним из лучших городов России. Запас прочности был создан именно тогда, в XIX — начале XX века. Думцы прежних времен, случалось, вступали в конфликты с губернатором, их нередко — и за дело! — «продергивали» в прессе. Упущения в думской деятельности были, но стратегию городского развития дореволюционная дума крепко держала в своих руках. Здесь, в Екатеринбурге, в конце XIX века сошлись три железнодорожные магистрали, предопределившие долгую судьбу местной промышленности, торговли, культуры.

И нас, думцев третьего тысячелетия, частенько критикует пресса, и нам иной раз приходится спорить с областной властью. И нам нужно в череде рутинных забот не упускать из виду стратегические задачи городского развития. Дальние цели этого развития уже определены, но путь к ним труден и еще не пройден.

Овладение историческим опытом, усвоение уроков истории — одно из условий успешного достижения стратегических целей. Завтрашний день мы встретим достойно, если только с должным вниманием отнесемся к итогам дня вчерашнего.

Искренне надеюсь, что выход в свет этой книги останется в памяти горожан как одно из самых важных свершений современной Екатеринбургской городской Думы. История городской власти — это весомая часть истории родного города, который всем нам дорог и вчера, и сегодня, и завтра.

Яков СИЛИН,
председатель Екатеринбургской городской Думы третьего созыва

Приложение 1

Екатеринбург: число жителей

8 1745 году в Екатеринбурге было зарегистрировано 850 дворов, население города не превышало 4 тысяч человек. Почти столько же жителей насчитывалось и в 1723-м – начале 1724 года. 8 1781 году в Екатеринбурге проживало уже 7969 человек. Население города росло медленно.

1807 год – 10 023 человека
1820 год – 13 026 человек
1836 год – 14 973 человека
1850 год – 15 471 человек (с 8ерх-Исетским заводом – около 22 тысяч человек)
1857 год – 20 340 человек
1860 год – 20 048 человек
1861 год – 20 634 человека
1863 год – 21 800 человек
1867 год – 24 508 человек
1870 год – 25 133 человека
1873 год – 30 274 человека
1887 год – 37 309 человек
1890 год – 36 825 человек
1897 год – 43 200 человек
1900 год – 55 586 человек
1910 год – до 72 тысяч человек (с 8ерх-Исетским заводом – до 90 тысяч человек)
1913 год – 79 000 человек
1915 год – более 110 тысяч человек

(По данным Е.Г. Анимицы, использованы материалы А.И. Кузьмина, А.Г. Оруджиевой (Институт истории и археологии УрО РАН)

Приложение 2

Во главе городской власти

Бургомистры Екатеринбурга

1751 – 53 Иван Данилович Харчевников (1700 – 1753)
1753 – 60 Иван Дмитриевич Долгоруков (1717 – 1764)
1761 – 62 Иван Дмитриевич Дубровин (? – 1776)
1764 – 66 Дмитрий Федорович Дубровин (? – ?)
1766 – 71 Петр Зырянов (1733 – ?)
1771 – 84 Карп Коробков (1739 – ?)
1785 – 1787 Петр Дубровин (1756 – ?)

Городские головы Екатеринбурга

1788 – 90 Меркурий Степанович Рязанов (? – ?)
1790 – 93 Яков Иванович Калашников (1740 – ?)
1793 – 96 Егор Степанович Егоров (? – ?)
1796 – 99 Михаил Федорович Тарасов (1746 – ?)
1799 – 1802 Иван Родионович Казанцев (? – 1813)
1802 – 05 Семен Захарович Калашников (? – ?)
1805 – 11 Яков Филиппович Толстиков (? – ?)
1811 – 13 Иван Родионович Казанцев (? – 1813)
1813 – 14 Петр Иванович Федоровых (1762 – 1823)
1814 – 17 Яким Меркурьевич Рязанов (? – 1849)
1817 – 20 Лука Михайлович Тарасов (1771 – 1826)
1823 – 26 Лука Михайлович Тарасов (1771 – 1826)
1826 – 29 Петр Яковлевич Харитонов
1829 – 32 Семен Фокич Черепанов
1832 – 35 Аникий Терентьевич Рязанов
1835 – 38 Алексей 8асильевич Дрозжилов
1838 – 41 Иван Федорович Савельев
1841 – 44 Яким Меркурьевич Рязанов
1844 – 47 Максим Иванович Коробков
1847 – 50 Аникий Терентьевич Рязанов
1850 – 53 Гавриил Фомич Казанцев
1853 – 56 Иван Якимович Рязанов
1856 – 60 Гавриил Фомич Казанцев
1860 – 63 Михаил Егорович Клопов (1796 – 1871)
1863 – 66 Михаил Ананьевич Нуров (1830 – 1880)
1866 – 67 Зот Зотович Блохин (1823 – ?)
1867 – 69 Иван Аникиевич Рязанов (1831 – 1876)
1869 – 72 8асилий 8асильевич Кривцов (1815 – 1885)
1872 – 76 8ладимир Александрович Грамматчиков (1820 – 1906)
1876 – 80 Михаил Ананьевич Нуров (1830 – 1880)
1880 – 84 Василий 8асильевич Кривцов (1815 – 1885)
1884 – 94 Илья Иванович Симанов (1850 – ?)
1894 – 95 Александр Александрович Черкасов (1834 – 1895)
1895 – 98 Иван Семенович Бурдаков (? – 1906)
1898 – 1902 Гавриил Гавриилович Казанцев (1854 – 1902)
1902 – 08 Иван Константинович Анфиногенов
1908 – 17 Александр Евлампиевич Обухов (1864 – ?)
1917 – 1918 Сергей Егорович Чуцкаев (1876 – 1944)
1918 – 1919 Никита Алексеевич Лебединский

(По данным администрации Екатеринбурга)

Приложение 3

Почетные граждане Екатеринбурга

1878 – Евгений 8асильевич Богданович (1829 – 1914)
Генерал, организатор железнодорожного строительства, отмечен за заслуги перед Екатеринбургом в деле проектирования и строительства железных дорог.
1896 – Сергей Юльевич 8итте (1849 – 1915)
Министр финансов России, председатель Совета Министров отмечен за заслуги перед Екатеринбургом в деле железнодорожного строительства, развития образования и городского хозяйства.
1898 – Андрей Иванович Кожевников (1849 – 1911)
Управляющий Екатеринбургской конторой Государственного банка, отмечен за заслуги в деле благотворительности и активное участие в общественной жизни Екатеринбурга.
1901 – Александр Андреевич Миславский (1828 – 1914)
8рач – офтальмолог, отмечен за успешную долголетнюю профессиональную деятельность на благо горожан.
1903 – Михаил Иванович Хилков (1834 – 1909)
Министр путей сообщения России, отмечен за заслуги перед Екатеринбургом в деле железнодорожного строительства.
1911 – Петр Аркадьевич Столыпин (1862 – 1911)
Российский министр внутренних дел, председатель Совета Министров отмечен в благодарность за внимание к насущным интересам Екатеринбурга.
1914 – Сергей Иванович Тимашев (1858 – ?)
Министр торговли и промышленности России, отмечен за содействие в открытии первого уральского вуза.

1915 – Александр Александрович Бубликов (1875 – 1936)
Депутат Государственной Думы, инженер, отмечен за благотворительную помощь важным научным изысканиям.
1917 – Филипп Антонович Иванов (1871 – ?)
Член Госсовета, горный инженер, промышленник отмечен за содействие в открытии Уральского горного института.

1917 – Петр Петрович фон Веймарн (1879 – 1935)
Первый ректор Уральского горного института, отмечен за заслуги в области науки и образования, за свои труды по созданию института.

(Использованы материалы А.В. Берковича)

Приложение 4

Гласные Екатеринбургской городской думы (1870 – 1918)*

(*Отсутствуют данные о составе гласных, избранных в 1906 году, часть данных о составе гласных, избранных в 1914 году; написание имен дано по оригиналам, за исключением явных опечаток и ошибок)

Список гласных Екатеринбургской городской думы за пять четырехлетий, с 1872 по 1891 год
(составлен И.И. Симановым)

Авилов Платон Владимирович
Антропов Евгений Маркович
Анфиногенов Иван Константинович
Атаманов Владимир Яковлевич
Афонин Степан Иванович
Бабиков Николай Григорьевич
Бабинов Василий Иванович
Бакакин Осип Иванович
Бебенин Василий Филиппович
Беренов Павел Иванович
Беренов Михаил Иванович
Беренов Александр Иванович
Беренов Иван Михайлович
Бибиков Владимир Александрович
Бибиков Север Александрович
Бобров Дмитрий Петрович
Большаков Василий Аверкиевич
Бормотов Петр Федорович
Бородин Василий Матвеевич
Бородин Михаил Васильевич
Бородин Александр Васильевич
Бородин Тимофей Васильевич
Бородин Николай Федорович
Бострем Иван Августович
Бояршинов Иван Андреевич
Бояршинов Петр Андреевич
Брагин Михаил Павлович
Бревнов Николай Капитонович
Булаев Андрей Даниилович
Бурдаков Семен Михайлович
Бурдаков Александр Семенович
Бурцев Лазарь Яковлевич
Белиньков Иван Михайлович
Ваганов Василий Степанович
Вейерсберг Альфред Эдуардович
Воинственский Павел Дмитриевич
Волков Александр Алексеевич (купец)
Волков Александр Алексеевич (почетный гражданин)
Вологодский Павел Михайлович
Воробьев Михаил Андреевич
Ворожцов Михаил Афонасьевич
Ворожцов Николай Афонасьевич
Воронцов Иван Иванович
Всеволодов Владимир Вячеславович
Галчанинов Александр Яковлевич
Гирбасов Гавриил Федорович
Глухих Василий Алексеевич
Глухих Алексей Алексеевич
Грамматчиков Владимир Александрович
Грачев Никифор Алексеевич
Грачев Степан Иванович
Гребеньков Клавдий Якимович
Давыдов Петр Феофанович
Дмитриев Михаил Иванович
Дмитриев Василий Иванович
Дмитриев Алексей Андреевич
Дорнбуш Владимир Васильевич
Досманов Петр Павлович
Дрездов Александр Януарьевич
Дрозжилов Алексей Александрович
Дьяконов Николай Сергеевич
Евдокимов Иван Федорович
Ермолаев Иван Иванович
Загайнов Петр Ефимович
Закожурников Василий Федорович
Закожурников Сергей Яковлевич
Засухин Михаил Степанович
Зверев Дмитрий Филаретович
Зверев Захар Иванович
Зотов Афонасий Иванович
Знаменский Иоанн Денисович
Зубарев Филарет Сосипатрович
Зудов Егор Степанович
Иванов Михаил Иванович
Иванов Федор Павлович
Казанцев Алексей Никитич
Казанцев Гавриил Фомич
Казанцев Владимир Гавриилович
Казанцев Гавриил Гавриилович
Калашников Александр Иванович
Кикин Иван Кириллович
Кичигин Иван Евграфович
Клепинин Николай Андреевич
Клюквин Александр Сидорович
Клюшин Яков Ельпидифорович
Козицин Осип Козьмич
Колосов Иоанн Андреевич
Корляков Яков Васильевич
Коробейников Алексей Алексеевич
Коробейников Андрей Алексеевич
Коробейников Павел Алексеевич
Коровин Иван Васильевич
Кочнев Алексей Львович
Кремлев Аркадий Александрович
Кривцов Василий Васильевич
Крупин Евграф Яковлевич
Кулебякин Осип Козьмич
Курочкин Василий Иовлевич
Лагутяев Иван Николаевич
Ларичев Дмитрий Егорович
Ландезен Александр Эдуардович
Лебедев Александр Сильвестрович
Левицкий Игнатий Александрович
Лемке Гуго Карлович
Логинов Василий Иванович
Макаров Василий Тихонович
Макаров Иван Андреевич
Маклецкий Илья Захарович
Максимов Дмитрий Петрович
Малиновцев Флегонт Артемьевич
Мамин Дмитрий Наркисович
Михалевский Михаил Петрович

Мостовенко Василий Васильевич
Налетов Андрей Иванович
Носков Иван Яковлевич
Нуров Михаил Ананьевич
Обухов Матвей Тарасович
Оленев Алексей Саввинович
Осокин Козьма Григорьевич
Ошурков Павел Михайлович
Ошурков Евдоким Михайлович
Ошурков Михаил Михайлович
Ошурков Федор Евдокимович
Павлов Василий Павлович
Падучев Александр Иванович
Падучев Владимир Александрович
Панфилов Яков Иванович
Первушин Евгений Иванович
Петров Семен Алексеевич
Печурин Степан Федорович
Покровский Николай Кориилович
Пономарев Николай Александрович
Пономарев Иван Александрович
Пономарев Федор Павлович
Потапов Александр Григорьевич
Протасов Анатолий Петрович
Расов Иван Петрович
Расторгуев Яков Иванович
Реикуль Николай Амандович
Романов Иван Павлович
Рощинский Константин Ипполитович
Рябов Иерон Григорьевич
Рязанов Иваи Якимович
Рязанов Иваи Аникиевич
Свешников Степан Никифорович
Севастьянов Николай Иванович
Севастьянов Александр Иванович
Седомский Иван Филиппович
Серюкин Иваи Даниилович
Сигов Серапион Иванович
Симанов Иван Трофимович
Симанов Илья Иванович
Симонов Александр Максимович
Скачков Максим Михайлович
Советкин Митрофан Константинович
Соколов Степан Александрович
Соколов Александр Михайлович
Соловьев Федор Филиппович
Стахиев Яков Семенович
Стебаков Иван Сергеевич
Степанов Никифор Степанович
Суслов Егор Петрович
Сырейщиков Федор Тарасович
Тараканов Евстафий Дмитриевич
Тарасов Иван Савич
Тарасов Петр Иванович
Татауров Василий Никифорович
Телегин Ефим Арсеньевич
Телегин Олимпий Ефимович
Терехов Иван Акинфиевич
Тиме Герман Августович
Тимофеев Николай Иванович
Толстой Иван Андреевич
Третьяков Дмитрий Игнатьевич
Третьяков Петр Тимофеевич
Трубинов Дмитрий Николаевич
Туржанский Виктор Андреевич
Упоров Андрей Иваиович
Ушаков Алексей Петрович
Ушков Дмитрий Михайлович
Ушков Лев Михайлович
Фаддеев Иван Иванович
Федулов Степаи Михайлович
Фолькман Александр Генрихович
Фохт Александр Карлович
Фролов Павел Николаевич
Харитоиов Андрей Яковлевич
Хлопин Дмитрий Егорович
Холкин Павел Васильевич
Цервицкий Петр Петрович
Черемухин Арсений Михайлович
Черепанов Василий Петрович
Черновский Павел Васильевич
Чистяков Степан Федорович
Чубарков Афонасий Федорович
Чувильдин Василий Иванович
Чудинов Сергей Адриаиович
Шаньгин Александр Николаевич
Шапошников Ипполит Федорович
Шварте Адольф Августович
Широков Спиридон Петрович
Щербаков Григорий Гордеевич
Юдин Петр Петрович
Яковлев Василий Алексеевич
Яринский Иван Григорьевич
Ярин Александр Козьмич
Ярутин Геинадий Семенович

Состав Екатеринбургской городской думы, избранной на четырехлетие с 1894 года

1. Симанов Илья Иванович
2. Ермолаев Иван Иванович
3. Дмитриев Василий Иваиович
4. Подвинцев Гавриил Ермолаевич
5. Симонов Александр Максимович
6. Цервицкий Петр Петрович
7. Бибиков Север Александрович
8. Анфиногенов Иваи Константиивич
9. Степанов Никифор Степанович
10. Шварте Адольф Августович
11. Беренов Иван Михайлович
12. Бабиков Николай Григорьевич
13. Калашииков Александр Иванович
14. Панфилов Николай Яковлевич
15. Покровский Николай Корнилович
16. Ворожцов Михаил Афонасьевич
17. Ошурков Михаил Михайлович
18. Бурдаков Александр Семенович
19. Бурдаков Иван Семенович
20. Казанцев Алексей Никитич
21. Маклецкий Илья Захарович
22. Падучев Владимир Александрович
23. Агафуров Зейнетдин Хиссаметдинович
24. Телегин Олимпий Ефимович
25. Фолькман Адольф Александрович
26. Соколов Александр Михайлович
27. Михалевский Михаил Петрович
28. Лемке Гуго Карлович
29. Бакакин Иосиф Иванович
30. Ларичев Александр Дмитриевич
31. Ершов Егор Николаевич
32. Малиновцев Флегоит Артемьевич
33. Рязанов Николай Викторович
34. Ошурков Федор Евдокимович
35. Коробейников Павел Алексеевич
36. Фальковский Иосиф Львович
37. Макаров Иваи Андреевич
38. Бревнов Николай Капитонович
39. Волков Александр Алексеевич
40. Круковский Иваи Фомич
41. Мостовенко Василий Васильевич
42. Вагаиов Василий Степанович
43. Нейман Станислав Гермогенович
44. Грачев Степан Иванович
45. Белиньков Иваи Михайлович
46. Симоиов Николай Максимович
47. Казанцев Гавриил Гавриилович

Состав Екатеринбургской городской думы, избранной на четырехлетие с 1898 года

1. Анфиногенов Иван Константинович
2. Архипов Сергей Александрович
3. Бабиков Николай Григорьевич
4. Бакакин Осип Иванович
5. Беренов Иван Михайлович
6. Бибиков Север Александрович
7. Бурдаков Александр Семенович
8. Бурдаков Иван Семенович
9. Войтехов Федор Егорович
10. Воронцов Виктор Вячеславович
11. Ворожцов Михаил Афонасьевич
12. Грачев Степан Иванович
13. Дмитриев Василий Иванович
14. Ермолаев Иван Иванович
15. Ершов Егор Николаевич
16. Иванов Алексей Михайлович
17. Ижболдин Сергей Дмитриевич
18. Казанцев Гавриил Гавриилович
19. Коробейников Павел Алексеевич
20. Круковский Иваи Фомич
21. Ларичев Александр Дмитриевич
22. Лемке Гуго Карлович
23. Магницкий Николай Флегонтович
24. Макаров Иван Андреевич
25. Малиновцев Флегонт Артемьевич
26. Мелкозеров Николай Егорович
27. Онуфриев Василий Михайлович
28. Ошурков Иван Евдокимович
29. Ошурков Федор Евдокимович
30. Первушин Павел Степанович
31. Падучев Владимир Александрович
32. Панфилов Александр Яковлевич
33. Рязанов Николай Викторович
34. Симанов Илья Иванович
35. Симанов Александр Максимович
36. Симоиов Николай Максимович
37. Степанов Иван Степанович
38. Фолькман Адольф Александрович
39. Чистяков Илья Федорович
40. Шварте Адольф Августович

Состав Екатеринбургской городской думы, избранной на четырехлетие с 1902 года

1. Агафуров Зайиитдин Хиссаметдинович
2. Анфиногенов Иван Константинович
3. Архипов Сергей Александрович
4. Бабиков Николай Григорьевич
5. Бакакин Алексей Иванович
6. Бакакин Иосиф Иванович
7. Беренов Василий Алексеевич
8. Беренов Николай Михайлович
9. Бибиков Север Александрович
10. Бояршинов Петр Андреевич
11. Бревнов Николай Капитонович
12. Бурдаков Александр Семенович
13. Бурдаков Иван Семенович
14. Бурдаков Капитон Яковлевич
15. Белов Александр Константинович
16. Ветошев Иван Васильевич
17. Грачев Степан Иванович
18. Дмитриев Алексей Андреевич
19. Догадов Михаил Иванович
20. Ершов Егор Николаевич
21. Злоказов Василий Петрович
22. Злоказов Федор Алексеевич
23. Зубрицкий Николай Васильевич
24. Иванов Алексей Михайлович
25. Иваиов Павел Васильевич
26. Ижболдин Сергей Дмитриевич
27. Кожевников Александр Петрович
28. Кожевников Андрей Иванович
29. Козицин Сергей Иосифович
30. Коробейников Павел Алексеевич
31. Корольков Михаил Глебович
32. Круковский Иван Фомич
33. Ларичев Александр Дмитриевич
34. Логинов Степан Васильевич
35. Магницкий Николай Флегонтович
36. Макаров Иван Андреевич
37. Мелкозеров Николай Егорович
38. Михайлов Григорий Иванович
39. Ошурков Иван Евдокимович
40. Ошурков Федор Евдокимович
41. Падучев Владимир Александрович
42. Панфилов Александр Яковлевич
43. Симанов Илья Иванович
44. Симонов Александр Максимович
45. Симонов Иван Максимович
46. Степанов Иван Степанович
47. Фальковский Иосиф Львович
48. Шварте Адольф Августович
49. Щипанов Александр Николаевич

Состав Екатеринбургской городской думы, избранной на четырехлетие с 1910 года

1. Агафуров Зайнитдин Хиссаметдинович
2. Анфиногенов Иван Константиович
3. Ардашев Александр Александрович
4. Ардашев Дмитрий Александрович
5. Арнольдов Николай Александрович
6. Архипов Сергей Александрович
7. Бакакин Иосиф Иванович
8. Беренов Иван Михайлович
9. Беренов Николай Михайлович
10. Бибиков Север Александрович
11. Бурдаков Капитон Яковлевич
12. Беленьков Николай Иванович
13. Ваганов Константин Васильевич
14. Ветошев Иван Васильевич
15. Григорьев Андрей Афанасьевич
16. Гущин Михаил Никандрович
17. Давыдов Петр Феофанович
18. Замятин Андрей Николаевич
19. Заспанов Михаил Макарович
20. Злоказов Василий Петрович
21. Злоказов Владимир Петрович
22. Иванов Павел Васильевич
23. Козицин Сергей Иосифович
24. Камынин Андрон Ефремович
25. Камнадцкий Яков Яковлевич
26. Козлов Николай Иванович
27. Константинов Александр Михайлович
28. Красовский Николай Арсеньевич
29. Кронеберг Петр Алексеевич
30. Круковский Иван Фомич
31. Крыжановский Илья Николаевич
32. Линдер Андрей Васильевич
33. Липин Василий Иванович
34. Магницкий Николай Флегонтович
35. Макаров Иван Андреевич
36. Малиновцев Андрей Флегонтович
37. Марков Гавриил Александрович
38. Михайлов Григорий Иванович
39. Мосунов Иван Андреевич
40. Нагаев Михаил Смарагдович
41. Николаев Алексей Никитич
42. Обухов Александр Евлампиевич
43. Олесов Георгий Андреянович
44. Онуфриев Василий Михайлович
45. Ошурков Федор Евдокимович
46. Падучев Владимир Александрович

47. Первушин Павел Степанович
48. Симонов Александр Максимович
49. Смарагдов Сергей Яковлевич
50. Соколов Иван Степанович
51. Степанов Иван Степанович
52. Трубинов Алексей Иванович
53. Трутнев Михаил Иванович
54. Утяков Павел Михайлович
55. Фаддеев Александр Иванович
56. Фальковский Иосиф Львович
57. Чечеткин Павел Степанович
58. Шишкин Степан Спиридонович
59. Щипанов Константин Никандрович

Состав Екатеринбургской городской думы, избранной в 1914 году (данные неполные)

Фракция РСДРП(б):
1. Сосновский Лев Семенович
2. Крестинский Николай Николаевич
3. Суворов Александр Иванович
4. Загвозкин Роман Федорович
5. Горохов Василий Лаврентьевич
6. Авдеев Александр Дмитриевич
7. Вайнер Леонид Исакович
8. Ножкова Анна Григорьевна
9. Малышев Иван Михайлович
10. Перетягин Иван Николаевич
11. Голощекин Исай Исакович
12. Бартенев Ефим Алексеевич
13. Быков Павел Михайлович
14. Дунаев Петр Федорович
15. Войков Петр Лазаревич
16. Науменков Иван Мокеевич
17. Завьялова Клавдия Григорьевна
18. Янсон Мартин Эрнестович
19. Фокин Александр Александрович
20. Киселев Дмитрий Алексеевич
21. Воробьев Владимир Александрович
22. Бычкова Анна Николаевна
23. Зырянов Андрей Петрович
24. Калкштейн Индрин-Адольф Якович
25. Баранов Петр Яковлевич
26. Жилинский Александр Николаевич
27. Хамьянов Иван Егорович
28. Зырянов Иван Михайлович
29. Гончаренко Евгений Георгиевич
30. Юровский Яков Михайлович
31. Уфимцева Мария Николаевна
32. Мрачковская Ольга Николаевна
33. Антропов Алексей Васильевич
34. Малышева Наталья Анатольевна
35. Первушин Павел Адольфович
36. Журавлев Степан Ильич
37. Ярцев Иван Захарович
38. Сыропятов Павел Васильевич
39. Мясников Правел Абрамович
40. Краснов Петр Петрович
41. Чуцкаев Сергей Егорович

Фракция социалистов-революционеров (левых):
1. Кондуфор Спиридон Сильвестрович
2. Горин Николай Порфирьевич
3. Павловский Василий Яковлевич
4. Доброскпонский Николай Алексеевич
5. Старцев Николай Васильевич
6. Плеханов Петр Васильевич
7. Успенский Митрофан Владимирович
8. Гиацинтов Николай Павлович
9. Ушаков Дмитрий Андреевич
10. Лукьянов Николай Григорьевич
11. Галиев Аллаяр Бахрирадзаевич
12. Коробейников Николай Алексеевич
13. Мещерский Борис Сергеевич
14. Герасимов Анатолий Алексеевич
15. Синцов Василий Афанасьевич
16. Чупров Николай Михеевич
17. Лобанов Михаил Александрович
18. Беренова Елизавета Григорьевна
19. Уткин Василий Фролович

Состав Екатеринбургской городской думы, избранной в 1917 году

От Партии народной свободы:
1. Спасский Александр Михайлович
2. Кроль Лев Афанасьевич
3. Иванов Павел Васильевич
4. Беленьков Николай Иванович
5. Герц Константин Андреевич
6. Кванин Сергей Иванович
7. Чистосердов Николай Павлович
8. Лебедев Петр Иванович
9. Бегишев Николай Николаевич
11. Веселов Дмитрий Михайлович
12. Тюшев Василий Хрисанфович
13. Закожурникова Мария Леонидовна
14. Кронеберг Петр Алексеевич
15. Елшанкин Сисой Михайлович
15. Торгуд Борис Здвинович

От Партии социалистов-революционеров:
1. Тарабукин Степан Кузьмич
2. Кондуфор Спиридон Сильвестрович
3. Горин Николай Порфирьевич
4. Кощеев Аркадий Анатольевич
5. Павловский Николай Алексеевич
6. Доброскпонский Николай Алексеевич
7. Старцев Николай Васильевич
8. Плеханов Петр Васильевич
9. Келль Николай Георгиевич
10. Успенский Митрофан Владимирович
11. Гиацинтов Николай Павлович
12. Сигов Павел Сергеевич
13. Коровин Дмитрий Матвеевич
14. Лукьянов Николай Григорьевич
15. Патрушев Павел Евгеньевич
16. Герасимов Михаил Николаевич
17. Егоров Александр Александрович
18. Коробейников Николай Алексеевич
19. Мещерский Борис Сергеевич

От Екатеринбургской мусульманской группы:
1. Сулейманов Кашафатдин Низаматдинович

От Союза домовладельцев Екатеринбурга:
1. Белорусов Иван Иванович
2. Завьрин Иван Титович
3. Арнольдов Николай Алексеевич

От РСДРП (меньшевиков):
1. Чупраков Яков Никитич
2. Казанцев Иван Иванович

От Трудовой народно-социалистической партии:
1. Розов Алексей Михайлович

От РСДРП (большевиков):
1. Сосновский Лев Семенович
2. Крестинский Николай Николаевич
3. Суворов Александр Иванович
4. Загвозкин Роман Федорович
5. Горохов Василий Лаврентьевич
6. Авдеев Александр Дмитриевич
7. Вайнер Леонид Исакович
8. Ножкова Анна Григорьевна

9.Малышев Иван Михайлович
10.Перетягин Иван Николаевич
11.Голощекин Исай Исакович
12.Бартенев Ефим Алексеевич
13.Быков Павел Михайлович
14.Керцмаи Александр Вячеславович
15.Войков Петр Лазаревич
16.Науменко Иван Мокеевич
17.Завьялова Клавдия Григорьевна
18.Янсон Мартин Эрнестович
19.Фокин Александр Александрович
20.Киселев Дмитрий Алексеевич
21.Воробьев Владимир Александрович
22.Александров Василий Никонович
23.Левин Николай Никандрович
24.Андроников Владимир Николаевич
25.Архаигельский Измаил Алексеевич
26.Туголуков Владимир Иннокеитьевич
27.Хамьянов Иван Егорович
28.Зырянов Иван Михайлович
29.Гончаренко Евгений Георгиевич
30.Юровский Яков Михайлович
31.Уфимцева Мария Николаевна
32.Мрачковская Ольга Николаевна
33.Антропов Алексей Васильевич
34.Малышева Наталья Анатольевна
35.Первушин Павел Адольфович
36.Журавлев Степан Ильич
37.Самохвалов Парфентий Титович
38.Сыропятов Павел Васильевич
39.Мясников Павел Абрамович

От Христиаиской демократической оргаиизации:
1.Диев Павел Алексеевич
2.Вяткин Виктор Степанович

От Екатериибургской сиоиистской оргаиизации:
1.Конторович Исаак Абрамович

От Екатериибургской оргаиизации СДРП «Буида»
1.Кроль Хаим Мовша Лейбович

От Еврейской иародиой группы
1.Дукельский Лев Ильич

Состав Екатеринбургской городской думы, избранной в 1918 году

От Партии иародиой свободы:
1. Спасский Александр Михайлович
2. Кроль Лев Афанасьевич
3. Иванов Павел Васильевич
4. Кванин Сергей Иванович
5. Чистосердов Николай Павлович
6. Лебедев Петр Иванович
7. Бегишев Николай Николаевич
8. Веселов Дмитрий Михайлович
9. Тюшев Василий Хрисанфович
10. Закожурникова Мария Леонидовна
11. Кронеберг Петр Алексеевич
12. Торгуд Борис Эдвинович
13. Первушин Павел Степанович
14. Кузнецов Александр Евграфович
15. Казанцев Дмитрий Иванович
16. Ананьев Александр Петрович
17. Григорьев Федор Николаевич
18. Колесников Артемий Иванович
19. Ольшванг Алексей Владимирович
20. Васильев Николай Николаевич
21. Кронеберг Алексей Алексеевич
22. Агафуров Зайнитдин Хиссаметдинович
23. о. Чистосердов Павел Иванович
24. Соколов Михаил Петрович
25. Савииина Лидия Федоровна
26. Николаев Иван Александрович
27. Чериявский Григорий Антонович

От Партии социалистов-революциоиеров:
1. Тарабукин (Тарин) Степан Кузьмич
2. Кощеев Аркадий Анатольевич
3. Старцев Николай Васильевич
4. Плеханов Петр Васильевич
5. Келль Николай Георгиевич
6. Коровин Дмитрий Матвеевич
7. Лукьянов Николай Григорьевич
8. Егоров Александр Александрович
9. Федоров Виктор Яковлевич
10. Ушаков Дмитрий Андреевич
11. Анастасьев Владимир Михайлович
12. Галиев Аллаар Бахрирадзаевич
13. Ермуханов Абрам Исаакович
14. Герасимов Анатолий Алексеевич
15. Сиицев Василий Афаиасьевич
16. Чупров Николай Михеевич
17. Лобаиов Михаил Александрович
18. Чувашев Александр Петрович
19. Чернавина Варвара Александровна
20. Хлестов Трофим Семенович
21. Шнейдер Вера Дмитриевна
22. Чиж Владислав Францевич
23. Решетин Николай Иванович
24. Беренова Елизавета Григорьевна
25. Ярков Вячеслав Павлович
26. Ковшарин Андрей Семенович
27. Андреев Дмитрий Максимович
28. Уткин Василий Фролович
29. Бердышева Прасковья Андреевна
30. Михайлов Павел Иваиович
31. Гаменко Макарий Михайлович
32. Алимпиев Павел Алексеевич
33. Яковлев Тимофей Петрович
34. Сыпневский Владимир Людвигович
35. Караваев Василий Александрович

От Екатериибургской мусульмаиской группы:
1. Гумеров Фазылджан Гумерович
2. Абрашитов Ахмет Гали Ахмед Закирович

От Союза домовладельцев Екатериибурга:
1. Белорус(с)ов Иван Иванович
2. Завирин Иван Титович
3. Арнольдов Николай Александрович
4. Воронцов Николай Матвеевич
5. Ярцев Николай Андреевич

От РСДП (меиьшевиков):
1. Чупраков Яков Никитич
2. Казаицев Иван Иваиович
3. Старцев Василий Адрианович
4. Хренов Сергей Ильич

От Трудовой иародио-социалистической партии:
1. Розов Алексей Михайлович
2. Тихонов Иннокентий Иринархович

От Христиаиской демократической оргаиизации:
1. Диев Павел Александрович
2. Вяткии Виктор Степанович
3. Львов Евгений Никанорович
4. Симо(а)нов Илья Иванович

От Сиоиистской оргаиизации:
1. Конторович Исаак Абрамович
2. Барбель Эфроим Маркович

От Екатериибургской оргаиизации СДРП «Буида»:
1. Блат Кусиель Лазорович
2. Паин Симон Хаимович

От Еврейской иародиой группы:
1. Дукельский Лев Ильич
2. Расснер Давид Львович

Библиография

Литература

Анимица Е.Г., Дворядкииа Е.Б., Силин Я.П. Местное самоуправление. – Екатеринбург, 2002.
Анимица Е.Г., Тыртышный А.Т. Основы местного самоуправления. – М., 2000.
Апкаримова Е.Ю. Городское самоуправление Екатеринбурга во второй половине XIX века. – Известия УрГУ. – Екатеринбург, 1998.
Баженова Т.М. Реорганизация городского самоуправления на Урале от февраля к октябрю 1917. – 8опросы истории Урала, сб. 13. – Свердловск, 1975.
8елихов Л. Основы городского хозяйства. 8 2-х частях. – М.; Л., 1928.
Гладкова И. 25 екатеринбургских тайн. – Екатеринбург, 2003.
Гессен 8.М. Городское самоуправление. – Спб., 1912.
Горловский М.А. Из истории городского управления Екатеринбурга начала 70-х годов XIX века. – 8опросы истории (сб.). – Свердловск, 1958.
Екатериибург – вчера, сегодня, завтра. Материалы научно-практической конфереиции, посвященной 275-летию города. – Екатеринбург, 1998.
Екатеринбург. Штрихи к портрету. – Екатеринбург, 2002
Екатеринбург: от завода-крепости – к евразийской столице. Материалы 8сероссийской научно-практической коиференции 23 – 24 мая 2002 года. – Екатеринбург, 2002.
Захаров С.А. Это было недавно: Записки старого свердловчанина. – Свердловск, 1985.
Злоказов Л.Д., Семенов 8.Б. Старый Екатеринбург. Город глазами очевидцев. – Екатеринбург, 2000.
Институты самоуправления: Историко-правовое исследование. – М., 1995.
Корепанов С.А. 8 раннем Екатеринбурге (1723 – 1781гг.) 2-изд. – Екатеринбург, 2001.
Местное самоуправление в России. Отечественый исторический опыт: Сборник документов (1861-1917 гг.). – М., 1998.
Нардова 8.А. Городское самоуправлеиие в России в 60-х – начале 90-х годов XIX века. – Ленинград, 1984.
Нардова 8.А. Самодержавие и городские думы России в коице XIX – начале XX века. – СПб., 1994.
Сборник определений 1 Департамента Правительствующего Сената по городским и земским делам за 10 лет (1891 – 1900). – СПб., 1903.
Свидетельства истории. – ГАСО, Екатериибург, 2000. – Вып. 13: Как дума думала, а управа управляла.
Свидетельства истории. – ГАСО, Екатериибург, 2003. – 8ып. 17: Из старых газет.
Симанов И.И. Город Екатеринбург. – Екатеринбург, 1889.
Филимоиов А. Живой узел истории. Заметки о Екатеринбурге. – Екатеринбург, 2001.
Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Сборник статей. – Пермь, 1999.
Шкерин 8.А. Генерал Глинка: личность и эпоха. – Екатеринбург, 1998.
Шрейдер Г.И. Наше городское общественное управление: Этюды, очерки и заметки. Т.1. – Спб., 1902.

Периодические издания

8ечерний Екатеринбург, 1997. 28 ноября.
8ечерний Свердловск, 1986. 6 января.
Екатеринбургская неделя, 1879. № 18, 22 – 23; 1880. № 1, 4, 5, 13, 20, 24, 26, 29, 37, 40 – 41, 44, 46, 48; 1881. № 5, 23, 26; 1883. № 11 – 12, 22, 42; 1884. № 5, 8 – 9, 14, 16, 22, 38; 1885. № 14; 1886. № 12 – 13, 26, 35.
Екатеринбургская газета, 1906. № 32.
Зауральский край, 1914. № 142, 154, 163,165 – 166, 171, 173, 178, 182, 188,191, 197 – 198, 207, 209. 1915. № 1, 5, 10, 18, 29 – 30, 35, 38, 47 – 48. 1916. № 302, 1917. № 4 – 8, 10, 13, 72, 142 – 146, 148, 149, 153, 154, 157, 163 – 166, 168 – 170, 177 – 179, 184 – 187, 189, 192, 193, 202.
Известия Уральского областного и Екатеринбургского городского Советов рабочих и солдатских депутатов, 1918. № 19, 21, 26 – 30, 34, 37, 38, 42.
Уральская жизнь, 1917. № 1, 3 – 5, 7, 11, 21, 24, 29, 32, 33, 37, 40 – 42, 45, 49, 51 – 54, 58, 62 – 64, 74, 77, 81 – 83, 85, 86, 90 – 95, 97, 98, 101, 108, 111, 113, 117, 119 – 124.
Уральский край, 1906. № 81, 84, 98 –99, 106, 109, 116 – 118, 129, 133, 148, 153, 157, 168, 170, 193.
Уральская правда, 1917. № 12.
Уральский рабочий, 1918. № 88, 95, 103, 111, 113, 119, 123, 138, 140; 1919. № 4 – 10, 39.

Архивные материалы

Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 8, оп. 1, д. 1, 10, 22 – 23, 27, 34, 118, 244, 292, 299, 370, 377 – 378, 407, 549, 565, 1987, 1976, 1990, 1994 – 1997.
ГАСО. Ф. 62, оп. 1, д. 118.
ГАСО. Ф.106, оп. 1, д. 4, 39.
ГАСО. Ф. 136, оп. 1, д. 96.
ГАСО. Ф. 1956р, оп. 1, д. 1, 19, 24 – 26, 32, 33, 40.

Журналы протоколов заседаний Екатеринбургской городской Думы (фоиды Свердловской областной уииверсальной иаучной библиотеки им. В.Г. Белииского):

1876 год, тетрадь вторая; 1877 год, первое полугодие; 1879 год, первое полугодие; 1881 год, вторая половина; 1882 год, вторая, третья, четвертая четверти; 1883 год, вторая, третья четверти; 1884 год, первое, второе полугодия; 1885 год, первое полугодие; 1887 год, первое, второе полугодия; 1889 год, второе полугодие; 1890 год, первое, второе полугодия; 1891 год, первое, второе полугодия; 1892 год, первое, второе полугодия; 1893 год, первое полугодие; 1894 год; 1896 год, первое полугодие; 1897 год, первое, второе полугодия; 1898 год, второе полугодие; 1899 год, второе полугодие; 1902 год; 1904 год.

Андрей Иванович Грамолин
Эдуард Анатольевич Коридоров

Екатеринбург–Свердловск–Екатеринбург. История городской власти (1745–1919)
Документально-публицистические очерки

В книге использованы фотоматериалы из архивов городского Музея истории Екатеринбурга,
Музея Центра противопожарной пропаганды, частной коллекции С. В. Кошанского.
Фотографии видов города: В. Метенков.
Фотосъемка архивных документов: И. Зиганшин.

ООО «Средне-Уральское книжное издательство. Новое время». 620077 а/я 62.
Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 066595, выдана 19.05.1999.

Дизайн CHANNEL Z/ШТАТ!

Подписано в печать 14.07.03. Формат 60×84 1/8. Уч. изд. л. 22,0. Печать офсетная.
Бумага мелованная. Гарнитура Book Antigua.
Тираж 3000 экз. Заказ № 402.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных диапозитивов
на ГИПП «Уральский рабочий»
620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
http://www.uralprint.ru
e-mail: book@uralprint.ru

– ИСТОРИЯ ГОРОДСКОЙ ВЛАСТИ